

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Катцина Татьяна Анатольевна

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
(декабрь 1784 – январь 1920 г.)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
Гончаров Юрий Михайлович

Барнаул – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историографические, методологические и источниковедческие аспекты темы исследования	27
1.1. Общественное призрение в России и Восточной Сибири в освещении отечественной и зарубежной литературы	27
1.2. Теоретико-методологические основы и понятийный аппарат исследования проблемы становления и развития системы общественного призрения в Восточной Сибири	65
1.3. Источниковая база исследования	82
Глава 2. Становление системы общественного призрения в Восточной Сибири (последняя четверть XVIII – XIX в.)	99
2.1. Формирование органов и учреждений социальной помощи в последней четверти XVIII в. – 1860 г.	99
2.1.1. Иркутский и Енисейский приказы общественного призрения	99
2.1.2. Виды и специфика благотворительных заведений в Восточной Сибири (начало XIX в. – 1860 г.)	124
2.2. Развитие общественного призрения в Восточной Сибири в 1860-е – 1890-е гг.	142
2.2.1. Новые задачи, возможности и практики городских общественных управлений в сфере социальной помощи	143
2.2.2. Организация социальной помощи неимущим волостными и сельскими обществами	174
2.2.3. Приходские попечительства при православных церквях Восточной Сибири: выбор приоритетов и мобилизация средств	191
2.2.4. Частные благотворительные общества в Восточной Сибири: ресурсы и вклад в профилактику бедности и обнищания	208
Глава 3. Развитие общественного призрения и опыт решения острых социальных проблем населения Восточной Сибири в условиях социальных катаклизмов начала XX в.	232
3.1. Организация социальной помощи семьям нижних воинских чинов в годы Русско-Японской (1904–1905) и в имперский период Первой мировой (июль 1914– февраль 1917 г.) войн	232
3.2. Социальная помощь беженцам и выселенцам в имперский период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.)	276
3.3. Тенденции развития форм и практик социальной помощи в Восточной Сибири (февраль 1917 – январь 1920 гг.)	309

3.3.1. Модификация системы помощи в период деятельности Временного правительства (февраль – октябрь 1917 г.) и Совета народных комиссаров (ноябрь 1917 г. – апрель 1918 г.)	309
3.3.2. Социальные ориентиры Временного Сибирского правительства (июнь – ноябрь 1918 г.) и Российского правительства Верховного Правителя адмирала Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 г.)	327
Заключение	342
Список сокращений	353
Список источников и литературы	354
Приложение 1. Таблица – Сведения о благотворительных заведениях, на территории Восточной Сибири в XIX в.	429
Приложение 2. Денежные пожертвования Н. К. Переплетчикова в пользу г. Красноярска (1892 г.)	459
Приложение 3. Сведения об общем благотворительном капитале Красноярской городской думы (1879 г.)	461
Приложение 4. Объявление Якутской городской управы о причислении капиталов к общему городскому благотворительному капиталу (1893 г.)	464
Приложение 5. Таблица – Сведения о приходах Енисейской епархии, в которых функционировали церковно-приходские попечительства, попечительские советы, попечительства о семьях лиц, призванных на войну	467
Приложение 6. Сведения о церковно-монастырских богадельнях в Восточной Сибири (1870–1914 гг.)	494
Приложение 7. Постановление Совета Министров об утверждении Положения о Сибирском военно-благотворительном Комитете им. Верховного правителя адмирала Колчака (1919 г.)	496

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и научная значимость темы исследования обусловлены важностью социальной помощи как практической формы реализации государственной политики, направленной на профилактику негативных последствий социальных рисков для человека, решение общественных проблем. Являясь одной из форм социального содействия, помощь проявляется через благотворительную, попечительскую, волонтерскую и другие виды деятельности, служит выражением нравственности, активного отношения к окружающему миру, добровольного гуманистического почину людей. Эти вопросы органично переплетены с проблемой социального благополучия населения как главного национального богатства страны, а также источника социальной нестабильности при исключении из целевых интересов государства и общества.

Помощь, как социальное явление, существует не зависимо от временных, территориальных, этнических, религиозных, классовых ограничений, но ее содержание и формы варьируют в процессе повседневной деятельности, общественных и политических перемен, различаются в условиях разных формаций и общественного строя. Так, государственная идеология и общественная практика формирующейся в России в XVIII– начале XX в. системы социальной помощи нуждающимся определялись как «общественное призрение», в советский период развития государства – «социальное обеспечение». В современном мире социальная помощь отождествляется с социальной работой, тесно увязывается с понятием социальной защиты населения, которая, в свою очередь, служит одним из общепризнанных критериев и показателей уровня «социальности» государства. Между тем вопрос о соответствии складывающихся в России реалий конституционным положениям о социальном государстве¹ один из сложных и широко

¹ Конституция Российской Федерации. – М., 2011. – С. 6. – Ст. 7.

обсуждаемых¹. Его острота связана с проблемами общественного благосостояния, недостаточными или ошибочными действиями органов власти, государственных и муниципальных учреждений, общественных организаций и других субъектов социальной политики, имеющимися в обществе рисками бедности² для определенных социально-демографических групп населения. При равных рамочных условиях социальных гарантий федерального уровня качество жизни населения в разных регионах и городах существенно отличается. Сложившаяся межрегиональная дифференциация характеризуется тем, что размеры прожиточного минимума и пособий достаточно сильно разнятся даже в территориальных единицах, близких по уровню среднедушевых доходов³, а все большее движение России в сторону селективной модели социальной помощи, в рамках которой круг предусмотренных законом пособий и услуг ограничен и предоставляется на основе оценки нуждаемости, не позволяет эффективно решать проблему бедности, «а лишь консервирует ее»⁴. В этом отношении заслуживает внимания связь феномена бедности с социальными формами отчуждения человека от человека (от общества), от предпосылок и результатов труда, со значительным ограничением потребления основных жизненных благ, с формированием таких условий,

¹ Иваненко В. А., Иваненко В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. – СПб., 2003; Охотский Е. В., Бочурская В. А. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // Труд и социальные отношения. – 2012. – № 5 (95); Права человека и правовое социальное государство в России: монография / Н. А. Воронина, А. С. Запесоцкий, В. А. Карташкин; отв. ред. Е. А. Лукашева. – М., 2013; Экономическая наука и социальное государство: сб. материалов Круглого стола в рамках программы III Московского экономического форума (Москва, 26 марта 2015 г.) / отв. ред. О. А. Александрова, ред.-сост. Ю. С. Ненахова. – М., 2016.

² Согласно данным официальной статистики, доля россиян с денежными доходами ниже прожиточного минимума составила 12,6 % от общей численности населения страны (См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019. Стат. сб. – М., 2019. – С. 138. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212>). Еще 10 % населения находятся на границе бедности, 62,6 % всех бедных домохозяйств составляют семьи с детьми; риск бедности при рождении первого ребенка возрастает до 30 %, второго – 50 %, третьего – 70 % (См.: Александрова О. А., Ярашева А. В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // Народонаселение. – 2018. – Т. 21. – № 1 (январь–февраль). – С. 4).

³ Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность / под ред. В. Назарова и А. Пошарац. – М., 2017. – С. 69.

⁴ Александрова О. А., Ярашева А. В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности ... – С. 16–17.

при которых бедность превращается в фактор дестабилизации жизни общества и «кормит» социальную работу, не снижая ее актуальность.

Существенные изменения, происходящие в экономической, политической и общественной жизни современной России актуализируют обоснование направлений развития сферы социальных услуг и мер социальной поддержки населения, и в тоже время вызывают потребность в их глубоком историческом осмыслении.

Ретроспективное изучение становления и развития системы общественного призрения в Восточной Сибири в широких хронологических границах (декабрь 1784 – январь 1920 г.) дает возможность не только обозначить географическую распространенность и региональную специфику, но и выделить общее и особенное в формах и практиках, создаваемых в разные исторические эпохи (правление династии Романовых и переходный, послереволюционный, период) для решения однородных задач, оценить способность системы помощи адекватно реагировать на обострившиеся социальные проблемы, получить ответ на многие вопросы, связанные с анализом того, как формировались механизмы солидарности, взаимодействия и поддержки в мирное время, в периоды войн, интервенции, какие виды помощи получили наибольшее распространение. Без знания этих исторических реалий вряд ли можно правильно понять и адекватно оценить многие явления российской истории конца XVIII – начала XX в.

Актуальность темы исследования не исчерпывается отмеченными аспектами. Выявление динамики и результатов взаимоотношений всех участников процесса помощи с точки зрения как противостояния, так и взаимодействия может способствовать раскрытию ряда дискуссионных вопросов в историографии, а именно: возможностей и пути развития социальной помощи как средства поддержания общественного мира; роли акторов (действующих субъектов) помощи; отношений между гражданским обществом и государством. Сведения о том, каким образом социальная помощь обеспечивалась управленческими, организационными, материальными, финансовыми и психологическими средствами, учет опыта соотношения в ней в разное время государственного, общественного и ча-

стного компонентов могут быть не только интересны, но и практически полезны для формирования новых механизмов межсекторного социального взаимодействия, прогнозирования его последствий, понимания сущности многих организационно-правовых, кадровых и финансовых проблем, которые испытывают современные органы и учреждения системы социальной защиты населения.

Историография проблемы общественного призрения в России и Восточной Сибири характеризуется наличием теоретико-методологических и значительным числом конкретно-исследовательских трудов ученых, разнообразием предмета научных изысканий. Работы различаются по территориальному и/или хронологическому охвату, глубине изучения, степени концептуализации, методологическим подходам. Однако многие вопросы, связанные с функционированием национальной системы социальной помощи конца XVIII – начала XX в. в Сибири, недостаточно разработаны и отражены в исторической литературе, имеются лакуны и оценочные расхождения с теми сюжетами, которые лежат в основе нашего исследования. Степень разработанности проблемы представлена в первом параграфе первой главы диссертации.

Территориальные рамки исследования охватывают Восточную Сибирь, границы которой определены с учетом сформировавшихся в 1820–1880-е гг. административных и исторических представлений о ней. Они включают Иркутскую и Енисейскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области, в современных границах которых расположены соответственно Иркутская область, Красноярский и Забайкальский края, Республика Саха (Якутия).

В исследуемый период (декабрь 1784 – январь 1920 г.) центральная власть проводила в Сибири частые административно-территориальные изменения. Это создало дополнительные сложности в изучении, проведении различных подсчетов, учете и сопоставлении динамики системы социальной помощи в пространстве административных образований внутри региона.

Выделение восточной части Сибири обозначилось еще в 1736 г., когда огромная Сибирская губерния была разделена на две не зависящие друг от друга провинции (в 1764 г. преобразованы в губернии) – Тобольскую и Иркутскую.

В 1782 г. ликвидирована образованная еще при Петре I Енисейская провинция. Енисейский, Туруханский и новый Ачинский уезды оказались в подчинении Тобольской губернии, а территорию Красноярского уезда разделили между Колывано-Воскресенской и Иркутской губерниями. Но в 1797 г. Ачинский уезд присоединили к Красноярскому и вместе с ним включили в Тобольскую губернию, а в 1804 г. – в Томскую губернию.

В конце 1796 г. в новом административном делении Иркутская губерния включала Иркутскую, Нерчинскую, Охотскую, Якутскую области и часть упраздненной Колыванской губернии, а в 1803 г. была разделена на Иркутский, Нижнеудинский, Верхнеудинский, Киренский, Нерчинский, Якутский уезды. Для эффективного управления обширнейшим северо-востоком Сибири в составе Иркутской губернии были образованы Камчатское (1803 г.) и Якутское (1805 г.) особые областные управления, возглавляемые военными губернаторами. Как и губернии, они делились на округа, волости и инородческие управы, но имели упрощенный порядок управления и сокращенный административный аппарат.

Разделение Сибири в административно-территориальном отношении на западную и восточную части произошло в 1822 г. Необходимость такого рассечения ранее единого историко-географического и административно-политического пространства обосновывалась колоссальными размерами края и невозможностью эффективно управлять ими из центра¹. Были учреждены два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, тогда как на большей части европейской России высшим управленческим звеном в то время являлись губернии. Генерал-губернаторства, в свою очередь, подразделялись на губернии (в том числе области, приморские и пограничные управления), округа и волости (инородческие управы), которые были образованы с учетом экономико-географических и военно-политических условий, численности и национального состава населения.

¹ Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой половине XX в. // Власть и общество в Сибири в XX в.: сб. науч. статей / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2010. – С. 6.

В Восточно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске вошли Иркутская и вновь образованная Енисейская губернии, а также Якутская область, Троицкосавское пограничное управление, Камчатское и Охотское приморские управления. Якутская область стала самостоятельной по отношению к Иркутской губернии в 1851 г. В том же году из Верхнеудинского и Нерчинского уездов последней образовали Забайкальскую область, территория которой окончательно сформировалась в 1863 г., когда к ней присоединилось Кяхтинское градоначальство, включающее Троицкосавск, Кяхту и Усть-Кяхту. В 1884 г. Забайкальскую область вошла в состав нового Приамурского генерал-губернаторства, а в марте 1906 г. – Иркутского генерал-губернаторства (преобразовано из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства в июне 1887 г., упразднено в марте 1917 г.)¹.

В третьей четверти XIX в. в административном отношении Иркутская губерния включала Балаганский, Иркутский, Нижнеудинский, Верхоленский, Киренский округа, кроме того охватывала прииски Олекминско-Витимского района, приписанные к Ленскому горному округу. Енисейская губерния территориально разделялась на пять округов (Красноярский, Канский, Енисейский, Ачинский, Минусинский) и две отдельные территориальные единицы (Усинский пограничный округ, имевший особое административное устройство, и Туруханский край, выделенный из Енисейского округа), Якутская область – пять округов (Верхоянский, Вилюйский, Олекминский, Колымский, Якутский), Забайкальская – восемь (Акшинский, Баргузинский, Верхнеудинский, Нерчинский, Нерчинско-Заводский, Селенгинский, Троицкосавский, Читинский). Города Иркутск Иркутской губернии, Красноярск – Енисейской, Якутск – Якутской области, Чита – Забайкальской являлись административными центрами.

¹ Латкин Н. Якутск // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. Т. 41А (82). – СПб., 1904. – С. 629; Свирюкова В. Г. Якутская область // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. С–Я. – Новосибирск, 2009. – С. 605; Дамешек Л. М. Иркутская губерния // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. А–И. – Новосибирск, 2009. – С. 647; Раев Д. В., Ильиных В. А. Забайкальская область // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. А–И. – С. 564; Паско М. Ю., Раев Д. В. Енисейская губерния // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. А–И. – С. 531; ИРКИПЕДИЯRU. Энциклопедия и новости Приангарья [Электронный ресурс]. – URL: http://irkipedia.ru/content/irkutskoe_general_gubernatorstvo.

В 1898 г. округа в Иркутской и Енисейской губерниях в прежнем составе были переименованы в уезды, то же произошло в 1901 г. в Забайкальской области. Округа (уезды) делились на полицейские участки, с русским населением – на волости и сельские общества, а так называемые инородческие местности – на улусы с наслегами (селеньями) и роды. Структура и состав учреждений низового звена местного государственного управления в Сибири унифицировались с аналогичными органами в европейской части России.

Общепризнанными особенностями территориально-административных образований Восточной Сибири являются: географическая отдаленность от экономических и культурных центров страны; большие масштабы территории; суровые природно-климатические условия; низкая плотность и многонациональный состав населения; неравномерный, «очаговый» характер заселения; социально-территориальная изолированность населенных пунктов друг от друга, в силу чего особое значение здесь имеют транспортные магистрали и связь, а на развитие инфраструктуры требуются большие материальные затраты. Однако рассматривать Восточную Сибирь как единое целое в социально-экономическом отношении можно лишь условно, поскольку для ее губерний и областей характерны различия по уровню освоенности территории, природно-климатическим, социальным, демографическим, экономическим и этническим признакам.

Так, в Якутской области отсутствовал институт крестьянских начальников, сохранялась окружная система управления, из всех местностей Сибири ее отличает самый суровый климат. Более привлекательными для жителей являются природно-климатические условия Минусинского и частично Ачинского округов (уездов) Енисейской губернии. Наибольшая плотность населения наблюдалась в центральных и южных частях губерний и областей, наименьшая – в северных. В начале XX в. по заселенности выделялись Красноярский уезд (5,3 человека на 1 кв. версту) Енисейской губернии и Балаганский (4,1 человека на 1 кв.

версту)¹ Иркутской. Обширные по территории, расположенные в тундровой и(или) таежной зонах северные округа Туруханский, занимающий 72 % площади Енисейской губернии, Киренский – 56,4 % Иркутской, Баргузинский – 26,5 % Забайкальской области, Верхоянский – 27 % Якутской, были чрезвычайно слабо заселены и освоены, плотность населения колебалась в этих районах от 0,001 до 0,2 человека на 1 кв. версту². Важным фактором, влиявшим на заселенность территории, была близость к транспортным коммуникациям, проходившим вдоль больших проезжих дорог и рек. Например, в зоне Московского тракта, который до проведения железной дороги (1897 г.) служил главной организующей осью в распределении населения, было сосредоточено 32,6 % жителей Канского, Красноярского и Ачинского округов Енисейской губернии³. Наиболее заселенной являлась Забайкальская область – 1,39 человека на 1 кв. версту, все остальные (Якутская область, Иркутская и Енисейская губернии) – ниже 0,84⁴.

В Восточной Сибири, на долю которой приходилось всего 6 %⁵ общей длины железнодорожной магистрали страны, относительно развитую сеть имела лишь Забайкальская область (25 верст на 1 тыс. кв. верст пространства области), в губерниях ее протяженность была ничтожно мала (в Енисейской – 0,3, Иркутской – 1,1 версты на 1 тыс. кв. верст территории), а в Якутской области совсем отсутствовала⁶.

Свыше половины (53,9 %) населения региона составляли русские, доля которых снижалась к востоку (от 86,7 в Енисейской губернии до 73,1 – в Иркутской и 65,9 % – в Забайкальской области) и на севере (11,1 % в Якутской области)⁷. Особенность национального состава Иркутской губернии – коренное, главным образом бурятское население, составляло примерно треть⁸. Достаточно вы-

¹ Ежегодник России. 1904 г. (Год первый). – СПб., 1905. – С. 75–76.

² Подсчитано по: Ежегодник России. 1904 г. (Год первый) ... – С. 41–44, 75–76.

³ Фёдорова В. И. Енисейская губерния 1861–1917 гг.: Экономика. Общество. Культура: монография. – Красноярск, 2016. – С. 151.

⁴ Подсчитано по: Ежегодник России. 1904 г. (Год первый) ... – С. 84.

⁵ Подсчитано по: Там же. – С. 340–341.

⁶ Там же. – С. 337, 340.

⁷ Там же. – С. 92.

⁸ Дамешек Л. М. Иркутская губерния // Историческая энциклопедия Сибири ... – С. 647.

соким (28,2)¹ был процент бурят и тунгус в Забайкальской области, якутов (82,8 %) – в Якутской области².

В Забайкальской области наиболее сложным по составу был Читинский округ, где имелись казачьи станицы, крестьянские волости, инородные степные думы, которые перемешались и раскинулись на большом пространстве, что усложняло административный надзор за их деятельностью. Заведование казачьим населением в полицейском, общеадминистративном и хозяйственном отношениях возлагалось на Войсковое правление. Оно пользовалось правами уездных исправников по полицейской части, по хозяйственной части его ведению подлежали те функции, которые входили в круг обязанностей казенных палат и управления государственным имуществом.

Хронологические рамки исследования охватывают период с декабря 1784 по январь 1920 г. Они продиктованы стремлением исследовать полный «жизненный цикл» системы общественного призрения в истории Восточной Сибири. Нижняя временная граница обусловлена распространением на Сибирь губернской реформы 1775 г., в процессе которой создавались первые структуры социального характера. В декабре 1784 г. был образован Иркутский приказ общественного призрения – первый на территории Восточной Сибири административный орган управления учреждениями социальной сферы. Верхняя временная граница обусловлена тем, что обозначившийся процесс перехода к системе государственного социального обеспечения, декларированный Советом народных комиссаров 26 апреля 1918 г., прервался в Сибири установлением режима антибольшевистских сил, претендовавших на статус единственного законного органа управления государством. И Временное Сибирское правительство (июнь – ноябрь 1918 г.), и Российское правительство Верховного правителя адмирала Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.) опирались на демократические основы социального законодательства Временного Всероссийского правительства, при-

¹ Раев Д. В., Ильиных В. А. Забайкальская область // Историческая энциклопедия Сибири ... – С. 564.

² Статистика Российской империи. XXVII. Волости и населенные места 1893 г. Вып. 9. Якутская область. – СПб., 1894. – С. 13; Ежегодник России. 1904 г. (Год первый) ... – С. 92.

держивались идейно-мировоззренческих принципов государственного призрения, планомерности проводимых социальных реформ. Кардинальные перемены в организации социальной помощи на территории Сибири начались после завершения масштабного военного противостояния и окончательного установления советской власти.

Методологические основы и источниковая база исследования представлены в первой главе диссертации.

Объектом исследования является заданная исторической реальностью модель национальной системы социальной помощи нуждающимся – общественное призрение.

Предмет исследования – деятельность институционально-организационных структур общественного призрения в Восточной Сибири в процессе исторического развития в конце XVIII – начале XX в.

Под развитием системы общественного призрения понимается процесс количественных и качественных изменений в ней, усложнение социальных связей и отношений, обусловленных практикой социального взаимодействия получателя и носителя помощи, ведущие к преобразованию, видоизменению, приобретению новых функций или свойств.

Цель данной работы состоит в том, чтобы комплексно и всесторонне изучить функционирование национальной системы общественного призрения в специфически конкретных условиях Восточной Сибири (декабрь 1784 г. – январь 1920 г.).

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- 1) раскрыть общую структуру системы общественного призрения в Восточной Сибири;
- 2) в пределах временных рамок исследования установить основные этапы развития системы общественного призрения в специфически конкретных сибирских условиях;
- 3) выявить региональные особенности и общие закономерности развития системы общественного призрения через анализ организационной (в структур-

ном и нормативном отношениях), ресурсной и деятельностной сторон основных субъектов помощи: приказов общественного призрения, органов городского и крестьянского управлений, приходских попечительств при православных церквях, частных благотворительных обществ;

4) определить характер взаимодействия государственных, местных административных и общественных институтов в процессе выработки и реализации форм и практик социальной помощи и поддержки нуждающихся;

5) выявить тенденции развития форм и практик социальной помощи нуждающимся.

Из задач данного исследования мы сознательно исключили сами по себе интересные, но сугубо специфические вопросы, связанные с попечительской деятельностью сословных корпораций (купеческих, мещанских и ремесленных обществ, попечительств о бедных духовного звания), органов управления коренными народами Сибири (степных дум, инородных управ, родовых управлений), войсковых и войсковых хозяйственных правлений Забайкальской области по общественному призрению казаков и их семейств, полагая, что они должны стать предметом специального изучения.

Необходимо отметить, что в ряде случаев рассмотрение выходит за пределы Восточной Сибири (это делается для сравнения) или ограничивается меньшей территорией. Анализ конкретно-исторического материала на малых пространствах позволяет составить представление о том, как проходил процесс становления и развития организованных форм и практик социальной помощи в жизни не только крупнейшего периферийного региона, но и страны в целом. Общественное призрение в Забайкальской области рассматривается преимущественно в период пребывания области в составе Восточно-Сибирского (Иркутского) генерал-губернаторства.

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

- впервые в историографии на примере административных единиц Восточной Сибири и в пределах большого временного отрезка (декабрь 1784 – январь 1920 г.) проведено комплексное исследование и дан обобщающий анализ про-

блемы становления и развития системы общественного призрения, позволивший получить целостное представление об изучаемом объекте, раскрыть его региональную специфику;

- в границах значительного хронологического периода (декабрь 1784 – январь 1920 г.) установлены этапы (декабрь 1784–1860 гг.; 1861 г. – февраль 1917 г.; март 1917 – январь 1920 г.) развития системы общественного призрения в Восточной Сибири, способствующие более глубокому пониманию ее (системы) динамики;

- раскрыты ресурсы и оценена деятельность важнейших элементов системы общественного призрения (приказов общественного призрения, органов городского и крестьянского управлений, приходских попечительств при православных церквях, частных благотворительных обществ) в Восточной Сибири;

– сформировано целостное представление о развитии форм и мер социальной поддержки лиц, в том числе пострадавших или подлежащих угрозе резкого ухудшения жизненной ситуации в связи с войной;

- приведен ряд количественных (число благотворительных организаций и заведений, объем их ресурсов) и качественных (средства и формы оказания помощи, процедуры отбора получателей помощи, структура финансирования, механизмы привлечения денежных средств и пр.) характеристик, большинство из которых на материалах Восточной Сибири прежде не изучались;

- показано правотворчество по вопросам общественного призрения и его правоприменение в специфически конкретных сибирских условиях;

- работа развивает исследование социальной помощи на различных системных уровнях (национальном, региональном, муниципальном и локальном) с помощью баз данных, основанных на компиляции слабоструктурированных источников, в силу чего каждая база данных представляет собой уже новый, агрегированный источник, строение которого не связано со структурой исходных документов, и его ценность как интегрального источника заключается в подчинении содержания конкретной исследовательской задаче;

- в систематизированном виде в научный оборот введено значительное число новых исторических документов и фактов общероссийского и регионального уровней.

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем:

- оно дополняет, уточняет и развивает научные представления о системе общественного призрения как сложном комплексе разнородных по составу и происхождению организационных структур, многообразных форм и практик, социальных связей, и специфики их проявлений;

- способствует ликвидации территориальных и проблемных диспропорций в изучении заявленной темы, создает дополнительные возможности для сравнительно-исторических исследований и может быть использовано в качестве основы для дальнейших научных разработок проблем, связанных с историей социальной помощи;

- в нем уточнено и дополнено понятие термина «общественное призрение»;

- раскрыт опыт гражданской солидарности, учет которого позволит осмыслить механизмы социального партнерства в чрезвычайных условиях войн и начала XX в.;

- оно вносит вклад в дискуссию вокруг возможностей и перспектив развития социальной политики как средства поддержания социальной безопасности и защищенности личности;

- результаты и выводы исследования дополняют общероссийскую и сибирскую историографию, способствуют углублению конкретно-исторического изучения темы.

Практическая значимость диссертационной работы обусловлена тем, что содержащиеся в работе положения, выводы и фактические материалы могут быть полезными для преподавания ряда учебных дисциплин (истории отечества, основ социального государства и гражданского общества, истории социальной работы), при разработке авторского спецкурса, подготовки информационных и справочных материалов исторического характера для гражданских ассоциаций,

региональных и муниципальных органов системы социальной защиты населения. Сформированные электронные базы данных обладают возможностью динамического наполнения, быстротой, простотой и эффективностью работы с исторической информацией, агрегированной из разных источников, позволяют осуществлять утилитарную роль популяризации научных исторических сведений, расширять и углублять исследования по региональной истории, классифицировать изучаемые объекты (благотворительные общества и заведения) и проводить их количественно-качественную оценку.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Общественное призрение применительно к концу XVIII – началу XX в. определено как сложное, динамическое взаимодействие закрытой и открытой форм помощи, конкретных социальных отношений, возникающих на основе деятельности, связанной с потребностью государства и общества оказывать помощь нуждающимся подданным в целях «разумного обеспечения» и предупреждения нищеты, руководствуясь не только гуманными, но и чисто полицейскими соображениями. В организационно-структурном плане общественное призрение представляет собой систему созданных и действующих организаций (учреждений, органов церкви, государства, сословного, городского и крестьянского самоуправления, частных благотворительных обществ) с их внутренними подразделениями и ресурсами помощи (под ними понимают материальные и финансовые средства, способности и энергию людей).

2. Установлено, что в исследуемый период (декабрь 1784 – январь 1920 г.) в Восточной Сибири на уровне губерний и областей, местного управления функционировала и развивалась не лишенная недостатков, приближенная к запросам времени система государственно-общественной помощи, направленная на наиболее бедную часть подданных. Асинхронно в нее встраивались местные административно-бюрократические структуры, общественно-добровольные (сословные, национальные, конфессиональные и др.) ассоциации, органы самоуправления, благотворительные заведения различных типов и форм собственности, а также отделения действовавших «на особых основаниях» комитетов и ве-

домств членов Дома Романовых. В итоге сложилась децентрализованная система помощи, представляющая собой сложный комплекс разнородных по происхождению и составу социально ориентированных структур, действующих на определенном уровне организованности и упорядоченности, имеющих различное подчинение и разные источники финансирования.

3. Обосновано, что оформление системы общественного призрения в губерниях и областях Восточной Сибири непосредственно связано с интеграцией сибирской окраины в единое имперское пространство. Создание социально ориентированных структур почти всегда осуществлялось в рамках и в процессе реформирования всей системы управления, было обусловлено результатами административно-территориальных преобразований, распространением реформ, апробированных в центре страны, в силу чего несколько отставало по времени от аналогичных российских процессов, в целом имело затяжной характер. Губернская реформа 1775 г. открыла возможности для организации системы социальной помощи населению, но гораздо бóльшим потенциалом для Сибири в этом плане обладала городская реформа 1870 г.

4. В развитии системы общественного призрения в специфически конкретных условиях Восточной Сибири (декабрь 1784 – январь 1920 г.) выделены три основных периода: 1) декабрь 1784–1860 г.; 2) 1861 – февраль 1917 г.; 3) март 1917 – январь 1920 г. В основу этого деления положен принцип организационно-и содержательно-деятельностных изменений в формах и практиках социальной помощи в контексте важнейших социально-политических процессов в истории Восточной Сибири и России.

5. Обосновано, что в период быстрых социальных изменений, когда поддержание соответствующего темпа развития становится важной политической задачей, общество, государство и отдельные целевые группы развивают специальные институты, имеющие целью ослабить последствия социальных рисков для населения, резко усилившейся социальной дифференциации. На всех этапах социальных преобразований прослеживается стремление государства возложить

задачу оказания помощи нуждающимся на само население как в организационном, так и финансовом отношении.

6. Основными передовыми принципами организации приказов общественного призрения, органов городского и крестьянского управлений, приходских попечительств при православных церквях, частных благотворительных обществ являлись относительная самостоятельность, выборность, коллегиальность принятия решений. Значимую роль в организации большинства этих структур в Восточной Сибири играл административный ресурс в силу того, что они оформлялись под воздействием особого порядка губернского и областного, а также организации низового (окружного, волостного и сельского) уровней сибирского управления.

7. Установлено, что предназначенные на вспомоществование финансовые ресурсы (капиталы) приказов общественного призрения, органов городского и крестьянского управлений, приходских попечительств при православных церквях, частных благотворительных обществ имели разную структуру, формировались за счет источников различного происхождения, главным из которых были благотворительные пожертвования частных лиц (часто по завещаниям) и обществ. Специальные благотворительные капиталы помогали органам и учреждениям системы общественного призрения реагировать на насущные социальные проблемы, но дополнительные меры поддержки принимались в незначительных размерах из-за скудных финансовых возможностей, нехватки людских ресурсов и достаточной школы общественной жизни. Острыми являлись проблемы формирования бюджетов, координации поступлений из различных источников, финансовой устойчивости и привлечения денежных средств.

8. Тенденции становления и развития системы социальной помощи в Восточной Сибири как составной части Российской империи, Российской республики, РСФСР и Российского государства определялись теми же интересами населения, что и страны в целом. Комплекс разноплановых и нередко противоречивых факторов (социально-экономических, культурно-образовательных, политических), многие из которых определяли реакцию субъектов помощи на текущие

и чрезвычайные социальные проблемы, являлись одновременно как местными, так и общероссийскими по своему характеру. Но под влиянием местных условий эти факторы играли различную формо- и структурообразующую роль, по-разному воздействовали на позиции субъектов помощи, принятие ими решений и реализацию мероприятий по смягчению или преодолению основных социальных проблем.

8. Подтверждено, что для Восточной Сибири, имеющей значительную протяженность, существенные региональные и поселенческие различия, пространственный аспект обуславливает возможности консолидации общественных сил, подчеркивает тесную историческую взаимосвязь гражданского общества с урбанизацией, специфику развития социальной инфраструктуры, а также доступность ее объектов и других общих ресурсов. Поддержка населения успешнее проходила в более развитых в экономическом отношении районах, крупных селах, близких к железнодорожным трактам городам. Отсутствие земства, колоссальные размеры территорий церковных приходов и волостей в Сибири, удаленность центров определили слабые возможности на селе для консолидации общественных сил и воздействия представителей разных социальных групп на общественные процессы через церковно-приходские попечительства, органы крестьянского самоуправления. Заведения, необходимые для социальной жизни граждан (богадельни, приюты и т. п.) учреждали независимые носители благотворительной помощи, но в этих случаях нередко ожидалась финансовая поддержка со стороны органов общественного управления. Причиной обращения общественного сектора к той или иной социальной проблеме чаще всего являлся соответствующий «пробел» в государственной или муниципальной системе социальной помощи. Основным контингентом сельских богаделен составляли ссыльнопоселенцы.

Достоверность полученных научных результатов исследования обеспечивается опорой на комплекс выверенных методологических принципов и теоретических представлений разных уровней научного познания, соответствием методов исследования его задачам и логике, репрезентативной базой источни-

ков, обобщением конкретного материала по истории общественного призрения с учетом наиболее актуальных доступных научных трудов представителей ряда гуманитарных и общественных наук.

Апробация результатов исследования. Содержащийся в диссертации фактический материал, отдельные положения и выводы изложены в серии научных и научно-методических публикаций, многие из которых легли в ее основу. Общий перечень работ по теме диссертации включает 61 наименование, в том числе две монографии¹, три учебных пособия², сборник документов³ (отмечен Дипломом Сибирского регионального конкурса на лучшую вузовскую книгу «Университетская книга – 2010» в номинации «Лучшее издание по истории и культуре Сибири»), 19 статей⁴ в журналах, входящих в рекомендованный Выс-

¹ Катцина Т. А., Павлова И. П., Мезит Л. Э. и др. Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX века: монография. – Красноярск, 2016. – С. 6–9, 98–112, 134–161, 191–192, 194–195, 229–270; Катцина Т. А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): монография. – Красноярск, 2018.

² Социальное попечение в Сибири (XIX – начало XX в.) в документах и материалах: учеб. пособие / отв. ред. и сост. Т. А. Катцина; сост. О. М. Долидович, В. Г. Седельников. – М., 2012; Смена модели и практик социальной помощи в Приенисейской Сибири (1904–1921 гг.): хрестоматия для студентов вузов / сост.: Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит. – Красноярск, 2017; Организация социальной помощи в Енисейской губернии в условиях социальных катаклизмов. Документы и материалы (1914–1921 гг.): хрестоматия для студентов вузов / сост. Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит, К. А. Тишкина, Н. В. Пашина; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2019.

³ Благотворительность и социальное попечение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): сб. документов / Т. А. Катцина (отв. ред. и сост.), Е. А. Иванова, Т. И. Мирошникова; Краснояр. гос. торгово-эконом. ин-т. – Красноярск, 2009.

⁴ Катцина Т. А. Общественная благотворительность в Енисейской губернии в третьей четверти XIX – начале XX в. // Ученые записки Московского гос. социал. ун-та. – 2003. – № 6; Ее же. Современные исследования истории благотворительности в России: трактовки, подходы, результаты и перспективы // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2004. – № 6; Катцина Т. А., Асочаков А. С. Управление и финансовые основы деятельности приказов общественного призрения Восточной Сибири (конец XVIII – начало XIX в.) // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. – 2004. – Вып. 6; Катцина Т. А. Социальное попечение в первой четверти XX века (на материалах Енисейской губернии) // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. – № 2; Ее же. К истории исследования российской благотворительности // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2006. – № 3; Ее же. Государственно-общественные институты социального попечения в Восточной Сибири (XIX – начало XX в.) // Ученые записки Российского гос. социал. ун-та. – 2009. – № 3; Ее же. Уголовная ссылка и проблемы нищеты в сибирском обществе XIX – начала XX в. // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2010. – № 3; Ее же. The Study of Public Assistance Boards in Domestic Historiography // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – № 4 (7); Ее же. Финансовые основы частных благотворительных обществ Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юри-

шей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, 12 статей в журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования Scopus и(или) Web of Science, из них восемь¹ статей в отечественных изданиях и четыре¹ – в зарубежных.

дические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7 (13). – Ч. 2; Долидович О. М., Катцина Т. А. Становление системы социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в Советской России (12 ноября 1917–11 марта 1918) // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9. – № 2; Катцина Т. А. Городские участковые попечительства о бедных в Восточной Сибири: организационно-правовой аспект (конец XIX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (21). – Ч. 2; Ее же. «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // Вестн. Краснояр. гос. педагогич. ун-та им. В. П. Астафьева. – 2013. – № 4 (26); Катцина Т. А., Помазан В. А. Опыт разработки базы данных «Организации помощи жертвам войн начала XX века» // Перспективы науки. – 2013. – № 11 (50); Катцина Т. А. Эльберфельдская система как образец реализации социальной политики на коммунальном уровне во второй половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9 (59). – Ч. 1; Ее же. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2 (32); Ее же. Государственная политика и опыт местных властей Восточной Сибири в организации помощи солдатским семьям (август 1914 – октябрь 1917) // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 6; Бакшт Д. А., Катцина Т. А. «Власть атрофирована, и мы находимся на краю бездны». О состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П. П. Заварзина. 1916 г. // Исторический архив. – 2017. – № 1; Павлова И. П., Катцина Т. А. Право на помощь: разработка законодательства о социальной помощи в период деятельности Временного правительства (март – октябрь 1917 г.) // История государства и права. – 2017. – № 8; Дементьев А. П., Катцина Т. А. Социальная политика комитетов общественной безопасности и советов в Енисейской губернии (март – май 1917 г.) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 10 [Электронный ресурс]. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24175.

¹ Катцина Т. А. Сибиряки в добровольных организациях, вызванных потребностями Первой мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2014. – № 31 (1); Ее же. Организация социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны (1904–1905) // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 37 (3); Ее же. “An Attractive Idea of Parochial Boards of Trustees ...” (based on the documents from Eastern Siberian dioceses dated 1914–1917) // Bylye Gody. Russian Historical Journal. – 2016. – № 42 (4); Ее же. Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Сибири (конец XIX – начало XX века): реализация социальных ожиданий // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2017. – № 44 (2); Катцина Т. А., Мезит Л. Э. Общественные кампании как способ решения социальных проблем в послереволюционные годы на территории Енисейской губернии // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2018. – № 51; Павлова И. П., Катцина Т. А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март – октябрь 1917 г.) //

В публикациях с соавторами (статьях, сборниках документов и разделах монографии) использованы результаты изысканий, полученные при финансовой поддержке научных фондов, грантополучателем которых стал автор данной диссертации, а именно: Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Управления науки и образования администрации Красноярского края в 2004 г. (проект № 04-01-66005а/Т «Социальное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): в документах и материалах»); РГНФ и Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в 2013–2014 гг. (проект № 13-111-24002 «Социальное попечение в Восточной Сибири в условиях войн начала XX в.» и в 2016–2017 гг. (проект № 16-11-24002 «Революционная Россия: смена модели и практик социальной помощи в первой четверти XX в. (на материалах Восточной Сибири»)).

Созданы и зарегистрированы в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам следующие историко-ориентированные базы данных.

База данных (1) «Реестр благотворительных заведений Восточной Сибири (1822–1870 гг.)»² предназначена для сбора, хранения и обработки информации о

Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2018. – № 428; Катцина Т. А. Мезит Л. Э. Меры социальной помощи населению Енисейской губернии антибольшевистскими правительствами (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Известия Уральск. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. – 2018. – Т. 20. – № 4(181); Катцина Т. А., Пашина Н. В., Мезит Л. Э., Потапова Е. В. Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской империи) // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2019. – № 53 (3).

¹ Katsina T. A. Das Elberfelder System in Ostsibirien. Idee und Realität um die Jahrhundertwende // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 2013. – Band 61. – Heft 3; Ee же. The «Vast process of social construction...» in Siberia during World War I (1914–1918) // *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*. – 2014. – Sp. Is. Russian studies. From the early middle ages to the present day; Katsina T. A., Mezit L. E. Between the Front Line and the rear: The position of the Jewish Evacuees of the First World War in Eastern Siberia in the Russian Empire // *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. – 2019. – 23 (1); Katsina T. A., Mezit L. E. The Development of Government and Public Assistance for Disabled Veterans in 1914–1921 (Evidence from Yenisseyskaya Province in Russia) // *Terra Sebus*. – 2019. – Vol. 11.

² Катцина Т. А. Реестр благотворительных заведений Восточной Сибири (1822–1870 гг.). Свидетельство о регистрации базы данных RU 2017621434 от 07.12.2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authored=340113.

благотворительных заведений (богадельнях, приютах, ночлежных домах и т. п.) Енисейской и Иркутской губерний, Якутской и Забайкальской областей до принятия «Городового положения» 1870 г. Основана на материалах малодоступных и слабоструктурированных источников, позволяет получить количественные и качественные характеристики заведений, обеспечивает систематизацию данных о местонахождении, годе основания, ведомственной подчиненности, учредителях, средствах, штатном и фактическом числе мест, содержит сведения о контингенте и видах социальных услуг благотворительных заведений разных видов.

База данных (2) «Реестр благотворительных организаций Енисейской и Иркутской губерний Российской империи»¹ рассчитана для сбора, хранения и обработки исторической информации о благотворительных организациях, действующих в области социальной защиты населения Енисейской и Иркутской губерний XIX – начала XX в. Позволяет проводить количественный и качественный анализ организаций, расширяет возможности изучения региональных и локальных аспектов гражданского общества позднеимперской России. Поле базы данных включает наименование, местонахождение, радиус и период действия, список учредителей и численный состав организации, виды и направления деятельности, источники финансирования.

С докладами по теме диссертации² автор принял участие в международных, российских и региональных научных конференциях, форумах и семинарах, про-

¹ Катцина Т. А. Реестр благотворительных организаций Енисейской и Иркутской губерний российской империи. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2017621432 от 07.12.2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39373501>.

² Катцина Т. А. Благотворительные общества Енисейской губернии: состав, структура, практическая деятельность и ее мотивы (вторая половина XIX – начало XX в.) // Благотворительность в России 2003/2004. Исторические и социально-экономические исследования / Б. В. Ананьич, С.А. Басов, В.М. Воронина и др. (сост. и науч. ред.). – СПб., 2004. – С. 92–104; Ее же. Благотворительность в православных приходах Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX в. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004/2005 / Б. В. Ананьич, С. А. Басов, В. М. Воронина и др. (сост. и науч. ред.). – СПб., 2005. – С. 152–160; Ее же. От общественного призрения к социальному обеспечению // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. участников междунар. семинара (Саратов, 18–19 марта 2005 г.) / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов, 2005. – С. 89–102; Ее же. Предпосылки и тенденции формирования системы социального обеспечения в России (1917–1921 гг.) // 1917 год в российской и мировой истории: материалы междунар. конф. (Красноярск, 14–15 ноября 2007 г.)

/отв. ред. В. В. Гришаев. – Красноярск, 2007. – С. 366–372; Ее же. Социальная помощь беженцам Восточной Сибири в период Первой мировой войны // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность: IV Междунар. научно-практич. конф.: сб. статей (Пенза, апрель 2008 г.) / под общей ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. – Пенза, 2008. – С. 114–117; Ее же. Организационно-экономические основы социальной политики имперской России (на материалах Енисейской губернии) // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года: Материалы. Иркутск, 22 апреля 2008 г. / А. И. Смирнов (гл. ред.); ред. кол.; Иркутск. – 2008. – С. 283–289; Ее же. Деятельность органов городского самоуправления Сибири в области социального попечения (1870–1917 гг.) // Гражданское общество в России. История и современность: материалы междунар. научно-практич. конф. (Санкт-Петербург, 8–9 октября 2009 г.): в 2 т. Т. 1. / науч. ред. д.и.н., проф. Т. И. Сидненко. – СПб., 2009. – С. 217–225; Ее же. Неимущие Сибири в XIX в. Пятое Байкальские междунар. социально-гуманитарные чтения: в 4 т. Т. 1: материалы (Иркутск, 1 марта – 1 июня 2011 г.) / А. И. Смирнов (гл. ред.), Ю. А. Зуляев (науч. ред.). – Иркутск, 2011. – С. 197–202; Ее же. Положение и социальная помощь выселенцам Первой мировой войны (на примере Восточной Сибири) // Вестник военно-исторических исследований: междунар. сб. научных трудов / под ред. С. В. Белоусова. – Пенза, 2012. – № 4. – С. 142–146; Ее же. Под девизом: «Вся Сибирь идет!» (Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий) // Сб. тезисов: Сибирский исторический форум «Сибирь в войнах начала XX века» (Красноярск, 3–6 декабря 2013 г.) / ред. В. Г. Дацышен. – Красноярск, 2013. – С. 140–142; Ее же. Государственная политика и опыт иркутского городского самоуправления в области попечения о бедных (конец XIX – начало XX в.) // Традиции местного самоуправления в России: к 150-летию земской реформы и земских выборов: сб. материалов Всерос. науч. конф. (Пушкин, 30 мая 2014 г.) / под общ. ред. В. Н. Скворцова, В. П. Журавлева; отв. ред. В. А. Веремченко. – СПб., 2014. – С. 104–109; Ее же. Опыт организации помощи семьям воинов в годы Первой мировой войны (на примере приходских попечительных советов Восточной Сибири) // Социальное служение Русской Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы междунар. научно-практич. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 июня 2015 г.). – СПб., 2015. – С. 73–76; Ее же. Церковно-приходские попечительства Восточной Сибири: роль и место в системе социального попечения // Социокультурное освоение Сибири: материалы Сибирского историч. форума (Красноярск, 2–5 декабря 2014 г.) / ред. кол. проекта: С. А. Пономаренко, А. М. Клешко, А. Б. Казинин, Л. Э. Мезит, О. Р. Сордия, Е. А. Иванова. – Красноярск, 2015. – С. 220–223; Ее же. Становление приходских православных попечительств в Восточной Сибири (1864–1914 гг.) // Человек в российской повседневности: история и современность. сб. материалов VIII междунар. науч. конф. (Пенза, 25–26 марта 2015 г.) / под науч. ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. – Пенза, 2015. – С. 38–42; Ее же. Становление системы социального обеспечения в Восточной Сибири в 1917–1921 гг. // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв.: материалы междунар. науч. конф. (Саратов, 26–27 мая 2016 г.) / ред. Е. Б. Дудникова, Н. В. Шалаева, Е. И. Демидова; отв. ред. В. Я. Романченко. – Саратов, 2016. – С. 195–199; Ее же. Источники изучения социальной поддержки населения Восточной Сибири в условиях войн и революций начала XX века // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы III Всерос. науч. конф. (Самара, 8–9 декабря 2016 г.). Вып. 3 / под ред. Е. Ю. Семеновой; ред. кол.: А. Б. Бирюкова, А. В. Богачев, С. Ю. Митрофанова. – Самара, 2016. – С. 29–33; Ее же. Возможности и перспективы применения методов информатики при изучении истории социальной помощи жертвам войн начала XX века // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: Россия в Первой мировой войне. Вып. 5. – М., 2016. – С. 65–72; Ее же. Благотворительные инициативы Русской православной церкви в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: доклады и выступления участников V Междунар. научно-практич. конф. (Москва, 26–28 ноября 2015 г.) / ред. совет С. С. Степанов, А. Р. Ханукаева, Г. Д. Шкундин. – М., 2016. – С. 368–374; Ее же. Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914–1921): ре-

водившихся Центром социальной политики и гендерных исследований (г. Саратов), Международным благотворительным фондом имени Д. С. Лихачева (г. Санкт-Петербург), Ассоциацией историков Первой мировой войны (г. Москва), ведущими государственными вузами страны городов Москвы, Санкт-Петербурга, Пушкина, Пензы, Саратова, Самары, Барнаула, Новосибирска, Красноярска, Иркутска.

Ряд наработок по теме диссертации использован в 2003–2013 гг. при чтении курса «История социальной работы» в филиале Российского государственного социального университета в г. Красноярске, с 2013 г. по настоящее время применяется при чтении курса «Основы социального государства и гражданского общества» в Сибирском федеральном университете (г. Красноярск).

Рукопись диссертации обсуждена на кафедре отечественной истории Алтайского государственного университета.

Структура диссертации построена по проблемно-хронологическому принципу в соответствии с логикой цели и задач исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, каждая из которых имеет внутреннее деление на самостоятельные параграфы, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, 7 приложений.

гиональный аспект // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири. Материалы Сибирского историч. форума (Красноярск, 25–26 октября 2017 г.). – Красноярск, 2017. – С. 111–116; Ее же. Изучение благотворительных организаций в истории Сибири начала XX в. // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения (Иркутск, 1 марта – 30 июня 2016 г.): в 2 т. Т. 1: материалы / А. В. Аргучинцев (гл. ред.), Ю. А. Зуляр (науч. ред.). – Иркутск, 2017. – С. 256–261; Катцина Т. А., Мезит Л. Э. Социальная политика Временного Сибирского правительства: идеи и опыт реализации (июнь – ноябрь 1918 г.) // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира: сб. материалов Всерос. научно-практич. конф. (Новосибирск, 8–9 ноября 2018 г.) / отв. ред. Д. А. Цыплаков. – Новосибирск, 2019. – С. 190–194; Катцина Т. А. Опыт разработки базы данных по истории частных благотворительных обществ дореволюционной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сб. науч. ст. Всерос. науч. конф. (Барнаул, 11–12 октября 2019 г.) / под ред. В. А. Скубневского, Д. С. Боброва. – СПб., 2019. – С. 187–194; Катцина, Т. А. Выселение русских подданных еврейского происхождения из прифронтовых районов в Восточную Сибирь в годы Первой мировой войны (1914 – сентябрь 1917 г.) // Этнические меньшинства в истории России: материалы Второй междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 05–06 ноября 2021 г.) / отв. ред. В. Н. Шайдуров. – СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2021. – С. 77–83.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Общественное признание в России и Восточной Сибири в освещении отечественной и зарубежной литературы

Исследование истории социальной помощи населению России и ее регионов XVIII – начала XX вв. не представляется возможным без изучения, критического осмысления и творческого использования научного наследия, созданного предшествующими поколениями и современниками. В научных изысканиях выделяются три этапа, соответствующие изменениям, происходившим в самой исторической науке в плане методологии, тематики исследований, источниковой базы: 1) XIX в. – 1910-е гг., 2) 1920–1980-е гг., 3) 1990-е гг. – настоящее время. Их соединяют переходные этапы, охватывающие послереволюционные годы и годы перестройки.

Первый этап (XIX в. – 1910-е гг.) характеризуется значительным объемом разноплановых исследований, однако на долю историков, изучающих становление и развитие системы социальной помощи, приходится лишь небольшая его часть. В конце XVIII – первой четверти XIX в. университеты, как и Академия наук, еще не стали ведущими центрами исторических исследований. Академическая историческая наука не смогла удовлетворить и практическую потребность в исторических знаниях, остро ощущавшуюся в связи с конкретными правительственными мероприятиями в области внутренней и внешней политики теми ведомствами, на которые было возложено их осуществление. Ведомственная потребность в знании прошлого реализовывалась через организацию целой системы так называемых отраслевых историографов, которыми, как правило, становились высококвалифицированные в соответствующей области специалисты, получившие благоприятные возможности доступа к архивным материалам,

обеспечивавшиеся всевозможными пособиями¹. Их исследования заключают в себе обширный фактический материал.

К работам такого плана можно отнести многотомное сочинение «О общественном призрении в России»², опубликованное в 1818–1831 гг. Три его части изданы при Министерстве полиции, а заключительная (четвертая) – при Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, которыми руководил в то время А. Д. Стог. Книга включает значительное число извлечений из законодательных документов (договоры князя Олега и Игоря о выкупе пленных, указы о мерах пресечения бродяжничества, о приказах общественного призрения и т. п.), раскрывает становление и развитие государственного подхода к проблемам оказания помощи нуждающимся. Дополнили и обогатили это исследование статьи служащих министерства внутренних дел Г. И. Фролова³ и Я. В. Ханыкова⁴. Кроме исторического обзора мер правительства по устройству общественного призрения в России, ими осмыслена природа возникновения и воспроизводства отношений социальной помощи в истории человечества с точки зрения взаимодействия биологических (врожденных) и социальных стимулов как результат усилий общества по созданию ее норм и правил (Я. В. Ханыков), а так же влияния действующих в сфере общественного сознания таких социальных институтов, как семья, религия, государство (Г. И. Фролов⁵).

В дореформенное время накопление знаний по истории социальной помощи в России развивалось крайне медленно. Как отмечает А. Р. Соколов, от обще-

¹ Козлов В. П. Статус истории в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Всемирная история и Восток: Сб. статей; В. П. Алексеев, Г. М. Бонгард-Левин, А. С. Ипатова и др. (ред. кол.). – М., 1989. – С. 212, 214–215.

² О общественном призрении в России: [в 4 ч.]. – СПб., 1818–1831.

³ Фролов Г. И. Развитие и устройство общественного призрения в Империи // Журнал Министерства внутренних дел. – 1844. – Кн. 5. – С. 407–447; Его же. Частные благотворительные заведения и общества в Империи // Журнал Министерства внутренних дел. – 1845. – Кн. 10. – С. 3–42.

⁴ Ханыков Я. В. Исторический очерк правительственных мер по части общественного призрения в России // Журнал Министерства внутренних дел. – 1851. – Кн. 10. – С. 60–109; Кн. 11. – С. 211–266.

⁵ Фролов Г. И. Развитие и устройство общественного призрения в Империи ...

го числа всей дореволюционной литературы на эту тему, доля опубликованной в первой половине XIX в. составила менее 0,5 %¹.

Объектом повышенного изучения социальная помощь стала в пореформенное время, чему в немалой степени способствовали преобразования всех сторон государственной и общественной жизни страны. Ускоренное реформами 1860–1870-х гг. экономическое развитие, рост предпринимательства способствовали накоплению капиталов, одной из сфер приложения которых стала благотворительность. В то же время развитие капиталистических отношений сопровождалось трансформацией социальной структуры общества, образа жизни значительной части населения. Появление широкого слоя наемных работников, не обладавших достаточными ресурсами для преодоления воздействий социальных рисков, сделало риск бедности самым актуальным. Исследователи получили не только новый материал для осмысления, но и неизвестные ранее возможности для выражения (публикация статистических сведений, знакомство русских читателей с переводными сочинениями социальной тематики разной направленности, обсуждение социальных проблем на съездах деятелей по общественному и частному призрению и т. п.).

Свидетельством особого благоволения со стороны Дома Романовых и одновременно демонстрацией его внимания к проблемам филантропии и «благонанмеренным» сочинениям являлось поощрение появления в печати на русском языке «возможно большого числа сочинений по вопросам о призрении бедных и вообще о благотворительности»². Так, 30 ноября 1896 г. были учреждены «Правила о премии Августейшего имени ее величества государыни императрицы Александры Федоровны» за лучшие сочинения, предметом которых являлась разработка вопросов благотворительности и призрения бедных с теоретической или практической точки зрения, особенности в применении к России, «изучение

¹ Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2006. – С. 9–10.

² Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. – Т. 1. – Ч. II. Благотворительность государственная. – СПб., 1901. – С. 213.

истории и статистики этого дела, исследование русского и иностранного законодательства по данной отрасли и т. п.»¹. Премии присуждались комитетом попечительства о домах трудолюбия и работных домах из специального фонда, образованного из средств (20 тыс. руб.) императрицы, разделялись на большую (1 500 руб.) или две малые (по 750 руб. каждая), и 500 руб. на поощрение переводов².

Во второй половине XIX – начале XX в. существенные сдвиги произошли и в формировании контингента исследователей, которые уже не просто в силу служебной надобности интересовались прошлым и настоящим социальной помощи, а стремились использовать ее опыт и уроки в самых различных сферах общественной жизни, внести свой посильный вклад в преобразование действительности. В изучении проблем благотворительности и налаживании отечественной системы социальной помощи приняли участие профессора Московского (историк В. И. Герье, юристы В. Ф. Дерюжинский), Варшавского (юрист В. А. Гаген), Киевского (историк В. П. Павлов) университетов, действительный тайный советник, сенатор П. И. Георгиевский, криминологи А. А. Левенстим, Д. А. Дриль, юрист, судья, государственный и общественный деятель А. Ф. Кони, общественный деятель, публицист, экономист Е. Д. Максимов, земский статистик, экономист Е. И. Красноперов, государственный и военный деятель, член Государственного Совета и совета Императорского Человеколюбивого общества Н. В. Исаков, церковный писатель-историк, обер-секретарь Святейшего правительствующего синода, приват-доцент Санкт-Петербургского государственного университета С. Г. Рункевич, российские революционеры, советские политические и государственные деятели В. И. Ленин (Ульянов), А. М. Коллонтай и многие др.

Необходимо сказать и о том, что за XIX – начало XX в. в русской социальной науке так и не сложился в полной мере единообразный понятийно-

¹ Правила о премии Августейшего имени ее величества государыни императрицы Александры Федоровны // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1897. – № 38. – С. 978 (3-я паг.).

² Там же.

терминологический аппарат, который представляется значимым в исследованиях вопросов истории социальной помощи. Существовала путаница в употреблении понятий «благотворительность» и «общественное призрение», хотя их терминологические особенности зафиксировали крупнейшие русские универсальные издания¹. Благотворительностью называли избирательную форму помощи (милостыню), не терпящую формализации и вмешательства государства, поскольку это глубоко личный акт, представляющий проявление нравственной зрелости человека (частная благотворительность). В то же время термин применяли для обозначения помощи государства (государственная благотворительность) и области общественной активности (общественная благотворительность), которая имела не только материальную цену, но и личное участие. В зависимости от того, кто главный инициатор (субъект) помощи, различали государственное, церковное, общественное и частное призрение. В. Н. Лешков, например, трактовал общественное призрение как «акт справедливости», реализуемый в «тройной форме, – в частной и семейной, в общественной или общинной, и в государственной»². У В. А. Гагена читаем, что призрением бедных называется «помощь из чужих рук». «Если призрение оказывается частными лицами из частных средств, то оно называется частной благотворительностью. Если принятие пожертвований для бедных, заведование ими и раздача их беднякам сосредоточиваются в руках церкви, то тогда налицо церковное призрение. Иной характер носит публичное или законное призрение. Под ним разумеется такая положительная деятельность публичных корпораций (государства, провинций, округов, уездов, общин) на пользу нуждающихся, которая вменена законом этим корпорациям в публичную обязанность и для обеспечения осуществления которой законом предусмотрены материальные средства, собираемые иногда путем специальных на-

¹ Боровой А. [А]. Благотворительность // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о». – М., [1911]. – Т. 6. – С. 7; Боровой А. [А]. Призрение общественное // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о». – М., 1916. – С. 443; Благотворительность // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. – СПб., 1901. – С. 294–295; Герье В. [И]. Призрение общественное // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1898. – Т. XXV (49). – С. 165–177.

² Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. / соч. В. [Н.] Лешкова. – М., 1858. – С. 554–555 (3-я паг.).

логов»¹. Он, однако же, признавал, что термин «общественное призрение» не имеет определенных и точных границ благодаря соседству с не менее выдающейся формой индивидуальной и коллективной деятельности, которая получила название «социальной политики», «попечения о благосостоянии»².

Демонстрацией терминологической оппозиции понятий «благотворительность» и «общественное призрение», которая обозначилась на рубеже XIX–XX вв., служит наименование некоторых публикаций³. Примечательно и то, что издававшийся с февраля 1912 г. журнал «Общественная и частная благотворительность в России» (печатный орган Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению) в 1913 г. сменил название на «Призрение и благотворительность в России».

Попытку связать воедино понятийный аппарат предпринял В. И. Герье. Он рассматривал общественное призрение в качестве «культурной формы благотворительности», под которой понимал, прежде всего, организованную форму помощи в отличие от милостыни (примитивной формы помощи)⁴. Фактически же он объединил два разных понятия, характеризующих виды помощи, различные по организации, мотивам и конечной цели.

Особый пласт литературы формируют работы, где необходимость социальной помощи представлена в контексте концепции общественной безопасности и дискуссии о соотношении государственно-обязательной и частно-добровольческой деятельности. Сторонники обязательности государственного участия в развитии социальной сферы видели в нем предсказуемый и результативный способ преодоления имевшихся проблем, выдвигали аргументы полицейского, экономического, юридического и морального характера.

¹ Гаген В. А. Право бедного на призрение. Т. 1: История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. – СПб., 1907. – С. 1–2.

² Там же. – С. 3.

³ Об общественном призрении и благотворительности в Польских губерниях / [бар. О. Буксгевден]. – [М.], 1894; Призрение бедных и благотворительность / [соч.] П. И. Георгиевского. – СПб., 1894.

⁴ Герье В.[И]. Призрение общественное // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона ... – С. 165.

Например, представитель юридического позитивизма, автор одной из первых в России работ по обоснованию медицинской полиции¹ Н. Ф. Рождественский большое значение придавал условиям жизни как фактору, необходимому для нормального и здорового существования человека, снижения уровня бедности в обществе. Общественное призрение рассматривал как дополнение к частной благотворительности, продиктованной «нравственностью и религией». По его мнению, правительственная помощь необходима лишь в двух случаях: во-первых, «когда дороговизна жизненных припасов угнетает целый народ, с изъятием только богатейших»; во-вторых, когда люди в состоянии бедности угрожают общественному порядку².

Главная идея Н. В. Исакова заключалась в том, что общественное призрение должно представлять собой законодательно оформленную помощь, которая через соответствующие (административные) органы обязана предоставляться членам общества во всех случаях «ненормального положения: болезни, увечья, старости, бедности и нищеты», осуществляться «по долгу, не из чувства только человеколюбия, но из расчета экономических государственных выгод», направляться, исполняться и контролироваться особыми лицами, наделенными всеми преимуществами гражданской государственной службы³. Речь, таким образом, шла не только об установлении границ между государственным и частным, но и о профессиональном подходе к решению социальных задач.

Вопрос о юридической природе права бедного на призрение получил разработку в рамках созданной (в 1863 и 1892–1897 гг.) и возглавляемой К. К. Гротом комиссии по пересмотру законодательства об общественном призрении, а также в ходе дискуссий о правовом государстве и обязательной (облигаторной) помощи нуждающимся. Размышления на эту тему находим в работах Е. Д. Мак-

¹ Рассуждение о мерах правительства к сохранению жизни и здоровья народа, сочиненное Николаем Рождественским для получения степени доктора законовения. – СПб., 1836.

² Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам: соч. адъюнкта по каф. законов гос. благоустройства и благочиния в С.-Петербур. ун-те, д-ра прав. Н. [Ф.] Рождественского. – СПб., 1840. – С. 109, 129 (2-я паг.).

³ Из бумаг Н. В. Исакова. [Вып. 3]. По вопросу об отношении государства к общественному призрению. – М., 1894. – С. 6.

симова¹, В. А. Гагена² В. И. Герье³. В представленном Первому Всероссийскому съезду деятелей по общественному и частному призрению (1910 г.) докладе Н. К. Ди-Сеньи, созвучном тезисам Е. Д. Максимова, высказана мысль об обязанности государственного управления призрывать бедных. В таком случае нуждающийся получал возможность требовать исполнения лежащей на публичной корпорации обязанности его призрения, общеустановленным судебным порядком взыскать имущественные убытки с органов и учреждений, не осуществивших по отношению к нему законодательно регламентированной помощи в размерах «минимальной и безусловной необходимости»⁴.

С точки зрения В. А. Герье государство не обязано юридически отвечать за бедность, которая в бóльшей мере вызвана не стихийными причинами, а наступила по вине самого нуждающегося вследствие непредусмотрительности (ранний брак при отсутствии стабильного заработка), легкомыслия и лени при исполнении должности, расточительности, пьянства, и т. п.⁵ Однако он признавал, что в данном случае возникала обязанность государства нравственного свойства и мотивы для него приходить на помощь нуждающимся – помимо соображений административных и юридических – могли быть сведены к естественному чувству солидарности. В целом он делал ставку на индивидуальные правопритязания, базирующиеся на результатах собственного труда.

Сферой научного анализа стали важные для понимания проблематики социальной политики вопросы формирования на основе бедных низшего класса

¹ Максимов Е. Д. Законодательные вопросы попечения о нуждающихся. – СПб., 1907.

² Гаген В. А. Право бедного на призрение. Т. 1: История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. ...

³ Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки ... – С. 71.

⁴ Ди-Сеньи Н. К. К вопросу о пересмотре действующего законодательства об общественном призрении: Доклад, представленный I Всероссийскому съезду деятелей по общественному и частному призрению в Санкт-Петербурге, в марте текущего года // Трудовая помощь. – 1910. – № 7. – С. 121.

⁵ Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки / составлена для высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру законов о призрении бедных членом комиссии В. И. Герье. – [СПб.], 1897. – С. 71.

как особого объекта помощи. Тщательному изучению¹ был подвергнут комплекс причин (естественных, нравственных, экономических, общественных и др.), обуславливающих превращение бедняка в нищего, вопросы состава бедных, их динамики и перспектив. Имелись расхождения в оценке решающих факторов превращения бедняка в нищего. А. А. Левенстим, например, причины нищенства как «болезни физической и социальной»² (особенно это касалось лиц пожилого возраста и инвалидов) связал с ненадлежащей работой органов и учреждений системы общественного призрения, недостатком их числа. Д. А. Дриль сосредоточил внимание на самой природе хозяйственного строя, который в силу социально-технических предпосылок производства обрекал рабочих на вынужденную безработицу и бедственное положение³. Поскольку бедность в данном случае являлась следствием общего социального неустройства, она требовала обязательной государственной поддержки.

Выделяются работы, где концепция социальной проблемы бедности тесно связана с обсуждением того, какие профилактические или компенсаторные меры должны входить в сферу компетенции государства, а что может быть предпринято на уровне гражданского общества.

Как писал видный общественный деятель и публицист 1860-х гг. И. Г. Прыжов, «никакое зло, а тем более нищенство, не искоренишь без полного участия народа в государственной жизни...». По его мнению, развитие «народ-

¹ Левенстим А. А. Нищенство в современной России (Несколько слов о его причинах и развитии) // Вестник Права. – СПб., 1899. – № 5 (Май). – С. 120–137; Максимов Е. Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним. – СПб., 1901; О нищенстве в России и о способах борьбы с этим явлением: Доклад И. В. Мещанинова // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–10 марта 1910 г. – СПб., 1910. – С. 405–429; Нищенство и борьба с ним: Материалы для подготовительной комиссии для разработки вопроса по реорганизации борьбы с нищенством в Санкт-Петербурге, образованной Санкт-Петербургской городской Думой 28 января 1911 г. / [К. И. Ануфриев]. – СПб., 1913.

² Профессиональное нищенство, его причины и формы: бытовые очерки А. [А.] Левенстима. – СПб., 1900. – С. 3.

³ Дриль Д. А. Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними // Трудовая помощь. – 1898. – № 9. – С. 228–261.

ной благотворительности (а в ней-то и сила) должно идти рядом с развитием народного благосостояния, опирающегося на мирские учреждения»¹.

Епископ Енисейский и Красноярский Никодим полагал, что милостыня – единственно правильная форма помощи. Государство, отмечал Никодим, содействуя системе общественного призрения, «остановило множество рук, которые давая милостыню, думали, что совершают подвиг и милосердие, а теперь могут думать, что копейкой питают язву, растлевающую общество»².

Наилучшим фактором благосостояния и прогресса, по мнению Е. И. Красноперова, является так называемая экономическая благотворительность. В этой категории благотворительность не сводится к схемам, гарантирующим социальную помощь только наиболее нуждающимся группам общества, а направлена на улучшение общественных условий вообще. Ее объектом должно стать многомиллионное крестьянство и рабочие, бедные образованием и материальными средствами, а «факторами» (главными субъектами помощи) – культурные и состоятельные классы. Благотворительностью же в строго научном смысле, считал Красноперов, «может называться только та деятельность, единичная или коллективная, которая совершается трудом и пожертвованиями добровольными, а не на средства, составляемые принудительно путем налогов, как в учреждениях государственных и земских»³. К сожалению, автор совершенно не уделил внимания вопросам об определении благосостояния, проблем и потребностей населения.

При подходе к оценке эффективности частной (милостыня) и общественной благотворительности, В. П. Павлов применил следующую схему «наиболее действительных» средств решения социальных проблем: а) со стороны правительства – государственные, гражданские и финансовые реформы; б) со стороны частных лиц – организацию обществ взаимного вспомоществования, артелей и т. п.; в) со стороны правительства и общества (действующих в отдельности или

¹ Прыжов И. Г. История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. – М., 1997. – С. 160.

² Русский нищий. Сочинение епископа Енисейского и Красноярского Никодима. – СПб., 1864. – С. 4.

³ Красноперов Е. И. Благотворительность как один из факторов экономического благосостояния и прогресса. – Пермь, 1892. – С. 1.

в совокупности) – распространение просвещения, религиозно-нравственное воспитание, ремесленное обучение, предоставление работы, хорошего заработка и выгодного сбыта, страхование, сберегательные кассы, призрение беспомощных (детей, увечных и престарелых) и, наконец, переселение с мест чрезмерно населенных на малозаселенные¹. Предложенное Павловым взаимодействие организаций, отличающихся, помимо прочего, доминирующей формой собственности, сегодня интерпретируется как межсекторное социальное партнерство².

Чтобы предотвратить конкуренцию благотворительных обществ в отдельных областях социальной практики, С. К. Гогель³ предлагал созвать особый Союз объединения, Л. В. Красовский⁴ – распределить обязанности попечения между однородными территориальными единицами (он считал это необходимым условием правильной организации общественного призрения), К. Лайтес⁵ – провести коренную реформу городского самоуправления, организовать его на демократических началах.

Взгляд на перспективу развития новых форм общественной жизни и гражданского участия в ней высказывали и другие авторы⁶. Они считали необходимым, наряду с деятельностью филантропических обществ дать широкое развитие учреждениям, актуальным как для нетрудоспособного (кассы вдов и сирот), так и для экономически активного (сберегательные кассы, товарищества взаим-

¹ Сравнительная статистика в России / сост. П. [В.] Павлов. – СПб., 1871. – С. 51.

² Понятие «межсекторное социальное партнерство» ввел в 2000 г. В. Н. Якимец для обозначения конструктивного взаимодействия организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор), «выгодного» населению территории и каждой из сторон и обеспечивающего синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов при решении социальных проблем. См.: Якимец В. Н. Теория и практика межсекторного социального партнерства в России // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2005 / 2006. – СПб., 2007. – С. 384.

³ Гогель С. К. Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Трудовая помощь. – 1909. – № 3. – С. 275–285.

⁴ Красовский Л. В. Местопризрение по действующему русскому законодательству // Трудовая помощь. – 1909. – № 9. – С. 358–385.

⁵ Лайтекс К. Формы указания труда в России // Трудовая помощь– 1910. – № 8. – С. 235–254.

⁶ Исторический очерк законодательных мер по общественному призрению / [Маргулис М. Г.]. – [Одесса], [1894]. – С. 33; Мюнстерберг Э. Призрение бедных. Руководство к практической деятельности в области попечения о бедных. – СПб., 1900. – С. 50–51; Его же. Мюнстерберг, Э. Задачи и организация призрения бедных / пер. с рукописи А. И. Бруадо / Э. Мюнстерберг // Трудовая помощь. – 1899. – № 9. – С. 354–373; – № 10. – С. 425–443.

ной помощи и др.) населения. Таким образом, речь шла о реализации функции личной самозащиты каждого участника страхового сообщества, о предотвращении бедности экономически активного населения. Это имело концептуальное отличие от властной (государственной) социальной помощи, которая была увязана с состоянием материальной необеспеченности, ориентирована уже на бедных, испытавших воздействие данного риска.

В социальном страховании В. И. Ленин (Ульянов)¹ видел наилучшую форму социальной защиты рабочего класса, а государство – единственным субъектом такой помощи. Эти вопросы были сформулированы им на VI (Пражской) Всероссийской конференции Российской социал-демократической рабочей партии (1912 г.) и вошли в историю под названием «Ленинская страховая рабочая программа».

Необходимости государственного страхования материнства, создания бесплатных государственных детских садов и яслей уделила внимание А. М. Коллонтай². Придерживаясь концепции пролетарского феминизма, она считала, что решение женского вопроса лежит в области обеспечения экономических возможностей для работающих женщин, а не только в предоставлении им политических прав, чего добивались «буржуазные» феминистки³. Таким образом, забота о новом поколении должна была стать функцией государства, которое предоставляло бы женщине возможность участвовать в производительном труде.

Интенсивная практика благотворительности и связанная с ней в 1890-е гг. попытка реформировать правовое обеспечение сферы филантропии усилили сравнительный анализ⁴ систем помощи бедным в законодательстве и практике

¹ Ленин В. И. Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих // Полное собр. соч.: в 55 т. Т. 21. Декабрь 1911 – июль 1912; 5-е изд. – М., 1968. – С. 146–149.

² Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. – СПб., 1909; Ее же. Общество и материнство: Первое государственное страхование материнства. – Пг., 1916.

³ Долидович О. М., Катцина Т. А. Становление системы социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в советской России (12 ноября 1917 года – 11 марта 1918 года) // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9. – № 2. – С. 267.

⁴ Залесский В. Ф. Системы призрения бедных в законодательстве и практике главнейших западноевропейских государств. – Казань, 1912.

ведущих стран Западной Европы. Опираясь на зарубежный опыт, П. И. Георгиевский разработал вертикальную модель социальной помощи для России, а с учетом «Эльберфельдской системы» – проект организации городских попечительств для бедных¹. Новая проблематика нашла отражение в десятках журнальных статей², отдельных главах учебников полицейского права³, трудах деятелей по общественному и частному призрению⁴.

Необходимо отметить, что в 1880-е гг. в Российской империи шло активное накопление знаний по истории, теории и практики организации трудовой помощи⁵. Трудовая помощь охватывала широкий круг профилактических и реабилитационных мероприятий: предоставление работы или заработка через посредничество контор труда, организацию общественных работ, устройство домов трудолюбия; формирование трудовых и жизненных навыков неимущих лиц малолетнего возраста в условиях трудового приюта и промыслового обучения; нейтрализацию неблагоприятной ситуации у лиц, временно ставших неспособными к труду, и т. п.

Определенное место в историографии занял вопрос о приказах общественного призрения. Не занимаясь специально его изучением, Н. В. Варадинов⁶

¹ Призрение бедных и благотворительность: [Соч.] П. И. Георгиевского, орд. проф. имп. СПб. ун-та. – СПб., 1894.

² Окольский А. С. Эльберфельдская система призрения бедных // Варшавские университетские известия. – 1896. – № 4. – С. 1–16; № 5. – С. 17–38; Ди-Сеньи Н. Эльберфельдская система призрения бедных // Призрение и благотворительность в России. – 1914. – № 3–4. – С. 210–226; Герье В. И. Опыт городского попечения о бедных // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. – 1896. – Вып. 10. – С. 566–585; Вонлярлярский В. Городские попечительства о бедных в Москве // Русская мысль. – 1896. – Кн. VI. – С. 80–91; Дагаев Н. Городские попечительства о бедных в Томске // Трудовая помощь. – 1914. – № 6. – С. 37–57.

³ Учебник науки полицейского права / Т. И. Тарасов. – Вып. 1. – М., 1891; Белявский Н. Н. Полицейское право: Курс лекций. – Юрьев, [1904]; Полицейское право: пособ. для студентов / Дерюжинский В. Ф.; 4-е изд. – Пг., 1917.

⁴ Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. – М., 1897; Гогель С. К. Городские попечительства о бедных в провинциальных городах России // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта. – СПб., 1910. – С. 293–304.

⁵ Верт О. Общественные работы как трудовая помощь нуждающимся // Трудовая помощь. – 1898. – № 3. – С. 218–239; Герье В. Что такое дома трудолюбия // Трудовая помощь. – 1897. – № 1. – С. 1–43; Кони А. Ф. Задачи трудовой помощи. – СПб., 1892.

⁶ История Министерства внутренних дел: [Ч. 1–3] / [соч.] д-ра прав и философии Н. Варадинова. – СПб., 1858–1863.

представил краткий обзор этих структур со времени подчинения Министерству внутренних дел (1802 г.) до конца 1850-х гг. Наряду с опубликованными официальными документами он широко использовал материалы ведомственных архивов, заявляя, что точность и полнота составили цель их разработки¹. Однако отдельные факты, например, открытие в 1823 г. Енисейского приказа общественного призрения, все же были упущены. Критически оценить деятельность приказов общественного призрения предпринял К. А. Мушинский². Он дал им, равно как и больничным советам, негативную оценку, но анализ относительно отрицательных черт не провел. На рубеже XIX–XX вв. появились интересные работы, где приказы общественного призрения изучались специально или попутно, но уже с точки зрения факторов их развития и оценки результативности. Отмечалось, что причины неуспешной деятельности этих учреждений были обусловлены широким спектром возлагавшихся на них задач, низкой квалификацией кадров и/или их недостатком³, бюрократизмом, мелочной регламентацией дел и формализмом в работе⁴. Происходило смещение акцентов с благотворительных мероприятий на кредитные⁵, что сказалось на социальных результатах. Кроме этого, главная масса населения находилась вне забот этих учреждений⁶.

Генезис и развитие церковной благотворительности изучали В. М. Бензин⁷, Н. А. Никольский⁸ и другие авторы. Особое значение они придавали приходской

¹ История Министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. История распоряжений по расколу / [соч.] д-ра прав и философии Н. Варадинова. – СПб., 1863. – С. I (2-я паг.).

² Устройство общественного призрения в России [статья написана из дел и документов второго отделения хозяйственного Департамента, начальником отделения К. Мушинским]. – СПб., 1862.

³ Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. – М., 1897.

⁴ Максимов Е. Д. Очерк земской деятельности в области общественного призрения. – СПб., 1895; Его же. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем // Трудовая помощь. – 1901. – № 9. – С. 532–555; № 10. – С. 728–767.

⁵ Максимов Е. Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем // Трудовая помощь. – 1901. – № 9. – С. 537; Kattsina T. A. The Study of Public Assistance Boards in Domestic Historiography ... – P. 1010.

⁶ Максимов Е. Д. Очерк земской деятельности в области общественного призрения... – С. 5 (2-я паг.).

⁷ Бензин В. М. Церковно-приходская благотворительность на Руси. – СПб., 1907.

⁸ Никольский Н. А. Об общественной благотворительности и ее органах – приходских попечительствах. – [М.], 1876.

благотворительности. При определенных условиях и надлежащей организации, считал Никольский, приход способен «послужить основной почвой для прочного развития общественной жизни»¹. А. А. Папков², П. Иванов³ пытались показать историческую связь приходского призрения с современными им формами светской помощи: натуральной и денежной, устройством приютов, богаделен, фиксируя, таким образом, внимание на их преемственности. Причины слабого участия приходских попечительств при православных церквях в филантропических акциях исследователи видели в расхождении взглядов среди прихожан по вопросу о распределении ресурсов для духовенства⁴, зависимости от личных качеств духовенства⁵, недостатках законодательства⁶.

Вопросы организации социальной помощи в Сибири специально и систематически не изучались. Начало их научному осмыслению в пореформенное время положено в трудах местных статистических комитетов, на базе которых были организованы выпуски ежегодных «Памятных книжек» и «Статистических обзоров» губерний и областей Восточной Сибири.

Общие сведения о благотворительных учреждениях Томской губернии конца XIX в. дает очерк С. Соболева⁷, подготовленный «для служебного пользования». В сборнике очерков, отредактированных иркутским городским головой В. П. Сукачевым, раскрывается роль купеческой благотворительности в поддержании высокого культурного уровня Иркутска⁸. Примечательны публикации по

¹ Никольский Н. А. Об общественной благотворительности и ее органах – приходских попечительствах... – С. 47.

² Упадок православного прихода (XVIII–XIX): Историческая справка [А. А. Папков]. – М., 1899.

³ Иванов П. Попечение о бедных как право древнерусской церкви // Трудовая помощь. – 1911. – № 4. – С. 337–356.

⁴ Максимов Е. Особые благотворительные ведомства и учреждения. – СПб., 1903.

⁵ Крупкин А. К вопросу о приходской благотворительности // Трудовая помощь. – 1911. – № 8. – С. 274–283.

⁶ Андерсон В. Несколько цифр из деятельности церковно-приходских попечительств // Трудовая помощь. – 1908. – № 5. – С. 31–36.

⁷ Благотворительные учреждения Томской губернии: очерк. Составлен по распоряжению Томского губернатора чиновником особых поручений Томского общего губернского управления [С.] Соболевым. – Томск, 1895.

⁸ Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Очерк, отредактированный и изданный иркутским городским головой В. П. Сукачевым. – М., 1891.

истории благотворительных капиталов Томска, Иркутска, Красноярска (А. М. Серебренников)¹, организации общественного призрения в Томске (И. В. Дагаев)² и Иркутске (П. Н. Колотилов)³, подготовленные главным образом представителями городского общественного управления. Работы носят фактологический характер; в них указаны проблемы, достижения или недостатки органов городского общественного управления в сфере социальной помощи. На основе изучения организации общественного призрения в административном центре Восточной Сибири Н. Добронравов пришел к выводу, что причины недостаточного развития филантропических инициатив кроются как в самой организации Иркутского местного самоуправления, так и в искреннем нежелании домовладельческих купеческих дум делать что-нибудь в интересах необеспеченной части городского населения⁴. Широкое подкрепление в современных нам исследованиях, получил тезис известного областника Н. М. Ядринцева о благотворительности, выполняемой обществом «не добровольно, а по предложению начальства»⁵.

Как видим, исследователи представляли значимость социальной помощи не только как способа регулятора общественных отношений, но и как деятельности социальных служб, что во многом предопределило направления исследований. Наиболее плодотворно были изучены государственные органы социальной помощи – приказы общественного призрения. В целом наследие досоветской историографии по вопросам социальной помощи широко охватывает многие аспекты изучаемого явления, характеризуется разработкой большинства подходов

¹ Серебренников А. М. Материалы для истории сибирских городов. Благотворительные капиталы Томска, Иркутска и Красноярска // Сибирский наблюдатель. – 1905. – № 3. – С. 26–32.

² Дагаев Н. Городские попечительства о бедных в Томске // Трудовая помощь. – 1914. – № 6. – С. 37–57.

³ Колотилов П. Н. Благотворительность в Иркутске // Трудовая помощь. – 1913. – № 6. – С. 29–35.

⁴ Добронравов Н. Общественное призрение и благотворительность в Иркутске // Трудовая помощь. – 1911. – № 3. – С. 255.

⁵ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. – СПб. 1882. – С. 393.

и концепций, на которые опираются или же полемизируют с ними последующие исследователи.

На втором этапе (1920-е – 1980-е гг.) разработка вопросов социальной помощи в историческом аспекте почти не проводилась, что дало основание некоторым современным нам авторам¹ не выделять этот период в качестве самостоятельного.

После октябрьской фазы революции 1917 г. определение социальных проблем и целевых групп подверглось радикальным переменам, произошло резкое сокращение общего числа прежде действовавших благотворительных организаций. Государство становилось главным субъектом помощи. Важно было подчеркнуть новаторский и прогрессивный характер новой системы помощи – социального обеспечения. Работы такой направленности² появились уже в первые годы советской власти. Подводя итог страховым реформам Временного правительства, советская литература начала 1920-х гг. писала о том, что широкие массы рабочих (все транспортные рабочие, торгово-промышленные служащие, сельскохозяйственные рабочие и все занятые по найму в мелкой промышленности) остались вне поля реформы Временного соглашательски- «социалистического» правительства; «формы полицейского надзора были сохранены, лишь с некоторыми изменениями состава органов надзора. Новых видов страхования (кроме лечебной помощи) введено не было»³. Но были и противоположные оценки: «во всякое другое время это была бы крупная и смелая реформа, ... но октябрьский

¹ Павлова И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. – СПб., 2004; Соколов, А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2006; Грицаева, А. Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) (опыт помощи пострадавшим от военных действий): автореф. дисс.... канд. ист. наук: 07.00.02.– М., 2008.

² Винокуров А. Н. Социальное обеспечение трудящихся: исторический очерк. – М., 1919; Его же. Социальное обеспечение (от капитализма к коммунизму). – М., [1919]; Гельфер А. А. Пролетарская революция и социальное обеспечение трудящихся (Закон 31 октября 1918 г.). – Пг., 1919; Ксенофонтов И.К. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР. – М., 1925.

³ Социальное обеспечение за пять лет (30 апреля 1918 г. – 30 апреля 1923 г.); Изд-во НКСО. – М., 1923. – С. 8.

переворот отнял у этой реформы почву под ногами и свел к минимуму ее историческое значение»¹.

Благотворительность и общественное призрение в силу своей особой роли изначально попали под такую схему исследования, которое отталкивалось не от задач исторической реконструкции, нацеленной на формирование полной и объективной картины прошлого, а от политико-идеологической оценки событий 1917–1930-х гг. Благотворительность стала трактоваться как осознанный общественный интерес, где помощь является лицемерной со стороны представителей господствующих классов эксплуататорского общества, выступает в качестве манипулирования угнетенными классами². С 1930-х до середины 1980-х гг. для официальной научной литературы существовал фактический запрет на освещение вопросов благотворительности и социальных аномалий, идеологически неприемлемых в условиях монополии в гуманитарной науке марксистско-ленинской доктрины, – отмечает Г. Н. Ульянова³. Поэтому процесс помощи как культурно-историческое явление не выделялся в определенную область знания и разработка проблемы, начатая в досоветский период, не получила продолжения.

Основоположник целого направления в исторической науке Н. П. Ерощкин, занимавшийся историей государственных учреждений в России, рассмотрел деятельность приказов общественного призрения в рамках историко-юридического изучения ключевых вопросов развития государственных учреждений дореволюционной России. Он охарактеризовал их как величественный фасад царской благотворительности, демагогически рекламируемый как «помощь народу», который прикрывал «подлинные объекты этой благотворительности – экономическую поддержку помещиков-дворян и субсидирование крепо-

¹ Вигдорчик Н. А. Теория и практика социального страхования. Вып. третий. Страхование на случай болезни в России. – Пг., 1922. – С. 129.

² Большая советская энциклопедия: в 65 т. Т. 6. – М., 1927. – Стлб. 466; Большая советская энциклопедия: в 51 т. Т. 5. – М., 1950. – С. 278.

³ Ульянова Г. Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. – М., 2011. – С. 397.

стнического самодержавия»¹. По мнению академика Н. М. Дружинина, приказы общественного призрения представляли собой учреждения, на которых отразилось «влияние идей просвещения»².

По сложившейся историографической традиции общественное движение в России конца XIX – начала XX в. рассматривалось в границах двух течений: революционно-демократического и либерально-буржуазного (оппозиционного). При таком подходе, отмечал сибирский историк Н. В. Блинов, почти никогда не брали во внимание деятельность культурно-просветительских организаций, массы социально-активных сил общества, занятых в сфере производства духовной жизни, религии, благотворительности и т. д.³. Исключением можно считать работы А. Д. Степанского⁴. На общероссийском материале (специфика Сибири не отмечалась) он исследовал и классифицировал общественные организации Российской империи, объединив в одну группу организации призрения, здравоохранения, образования по признаку решения социальных проблем. При анализе уровня развития и результатов деятельности общественных организаций Степанский исходил из того, что народные массы не имели возможности самостоятельно отстаивать свои социальные интересы, так как самодержавие, в стремлении усилить свою власть, не оставило места для неправительственной общественной деятельности⁵. Но отмеченная им многочисленность добровольных обществ, их повсеместное присутствие в целом ряде сфер российской действительности свидетельствуют о том, что самоорганизующиеся и самодеятельные объединения имели возможность самостоятельно выражать и реализовывать свои многообразные интересы.

¹ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). – М., 1981. – С. 180.

² Дружинин Н. М. Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1964. – С. 432.

³ Блинов Н. В. К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. – Вып. 2. – Томск, 1992. – С. 5.

⁴ Степанский А. Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX веков : дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. – М., 1982; Его же. Общественные организации России на рубеже XIX–XX веков: пособие по спецкурсу. – М., 1982; Его же. История общественных организаций дореволюционной России : учеб. пособие – М., 1979.

⁵ Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России ... – С. 37–39.

Обозначенная в конце 1980-х гг. А. Н. Бохановым¹ проблема феномена отечественной благотворительности как особого социального явления определила направление для дальнейшего изучения истории благотворительности русского купечества. М. М. Громыко² и В. П. Бойко³ одни из первых исследовали социально-психологические особенности сибирского купечества, которые нашли отражение в поведенческих стандартах, нравах и обычаях, Это подводит к пониманию социальных ориентиров местной политики, в которой купечество играло немаловажную роль.

В целом отечественная историография этого периода характеризуется изучением внутренней политики самодержавного государства под определенным углом зрения, в рамках существовавших понятий и представлений о том, что эта политика отражала интересы господствующих классов, в силу чего создание сколько-нибудь эффективной системы социальной помощи не входило в задачи государства. Общественная и частная благотворительность в связи с этим не рассматривалась как альтернатива такой деятельности и поэтому практически не изучалась.

Сложившуюся в советской историографии ситуацию «затишья» вокруг проблемы благотворительности компенсировал взгляд «со стороны» американских историков, в чьих трудах социальная история самодержавной России обретала новый облик, отличавшийся от того, что могла предложить советская историография под идеологическим прессом и партийным контролем. Так, в 1968 г. была издана монография Б. Мэдисон (B. Madison), посвященная формированию системы социального обеспечения в Советском Союзе. Первая часть работы⁴ базируется на произведениях досоветских авторов, представляет собой краткий очерк главных особенностей развития русской благотворительности.

¹ Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. – М., 1989.

² Громыко М. М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII века // История СССР. – 1971. – № 3.

³ Бойко В. П. Социально-психологические особенности сибирской буржуазии второй половины XIX века (по мемуарным источникам) // Вопросы истории дореволюционной Сибири. – Томск, 1983.

⁴ Madison B. Q. Social Welfare in Soviet Union. – Stanford: Stanford University Press, 1968. – pp. 9–23.

Весьма важно исследование американского историка Р. Роббинса (R. Robbins)¹, посвященное реакции имперского правительства России на голод 1891–1892 гг. В нем рассматриваются действия всех уровней государственного аппарата по преодолению кризиса. Характеризуя работу и особенности взаимодействия центральных, губернских, местных органов власти и созданного для борьбы с кризисом Особого комитета для помощи нуждающимся под председательством цесаревича, Роббинс указал на слабые связи между ними и искажение министерских решений на местах. Его аргументы относительно того, что кампания по борьбе с голодом представляла собой широкий комплекс мероприятий (от распределения продовольствия и помощи крестьянским хозяйствам семенным зерном до программы общественных работ и снижения железнодорожных тарифов), опровергают устоявшуюся в западной историографии точку зрения о несостоятельности российского государственного аппарата справиться со сложной ситуацией и препятствиях в этом вопросе общественности. Исследование Роббинса показало, что в сложных ситуациях неповоротливый и громоздкий государственный аппарат самодержавной России демонстрировал высокую степень эффективности, осознавал необходимость и плодотворность сотрудничества власти с обществом.

Сравнение рабочих домов в России и Англии провел Дж. Бредли (J. Bradley)². Он полагает, что этот институт был создан как метод наказания за бродяжничество и попрошайничество и основывался на репрессивных мерах; преобразование работных домов в учреждения трудовой помощи происходило постепенно. Американская историография, которая формировалась сначала под сильным влиянием русских историков-эмигрантов, а затем во взаимодействии с советскими историками (в годы так называемой хрущевской оттепели, в рамках научных обменов зарубежные историки получили возможность работать в советских архивах) не только обратила внимание на опыт решения проблемы без-

¹ Robbins R. G. Jr. *Famine in Russia, 1891–1892. The imperial government responds to a crisis.* – New York, 1975.

² Bradley J. *The Moscow Workhouse and Urban Welfare Reform in Russia* // *Russian Review.* – 1982. – № 4 (41). – pp. 427–444.

работицы средствами благотворительности, но и наметила пути изучения социально ориентированной деятельности органов местного самоуправления (A. Lindenmayer)¹ в имперской России. В 1980-е гг. в американской историографии приобрел большой вес вывод о том, что уже к концу правления Екатерины II в России был готов проект гражданского общества; оно равномерно развивалось в первой половине XIX в., а «великие реформы» значительно стимулировали его рост².

Третий этап (1990 г. – настоящее время) знаменуется общественным и научным интересом к проблемам социального призрения. После распада СССР (декабрь 1991 г.), смены общественно-экономического строя государство оказалось в жестких рамках переходного периода, в условиях высокой инфляции. Потребовались новые инструменты для решения появившихся несвойственных прежней плановой экономике социальных рисков, что стало причиной профессионализации социальной работы, создания специализированных институтов и организаций, отвечающих за осуществление новой системы помощи – социальной защиты населения.

Историческая наука на данном этапе значительно расширила тематику исследований, сосредоточив внимание на вопросах: благотворительность Русской православной церкви (Д. А. Пашенцев³); генезис и эволюция социального призрения в России (Н. В. Чернецов⁴); история образования в области социальной работы в России (В. В. Тевлина⁵); взаимодействие и взаимовлияние государств Запада и России в развитии социальной политики в период масштабной модер-

¹ Lindenmeyr A. Russian Experiment in Voluntarism : The Municipal Guardianships of the Poor, 1894–1914 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1982. – Band 30. – Heft 3. – P. 449–451.

² Большакова О. В. Власть и политика в России XIX – начала XX века : американская историография. – М., 2008. – С. 239–240.

³ Пашенцев, Д. А. Благотворительная деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1995.

⁴ Чернецов Н. В. Генезис и эволюция социального призрения в России (X–XIX вв.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1996.

⁵ Тевлина В. В. Образование в области социальной работы в России: история, тенденции, опыт. – Архангельск, 2002.

низации второй половины XIX – начала XX в. (В. В. Тевлина¹); история управления социальными процессами (Ю. Н. Малека²); теория и практика благотворительной деятельности (Г. Н. Ульянова³, группа авторов: С. И. Кубицкий, Л. Ф. Бабкина, А. В. Власова⁴); организационно-правовые основы социального попечения (С. А. Педан и Н. А. Виноградов⁵, И. П. Павлова⁶); благотворительность как фактор социальной стабилизации (Н. А. Гаврилина⁷), как механизм взаимодействия власти и общества (А. В. Соколов⁸), благотворительность семьи Романовых (А. Р. Соколов, И. В. Зимин)⁹ и ряд других тем. Их изучение приобрело новый смысл – оценить достигнутый опыт социальной работы с позиций социально-политической нейтральности и новых объяснительных теорий разных уровней обобщения.

Удовлетворению потребности в более глубоком осмыслении истоков и традиций российской благотворительности во многом способствовала программа «Энергичные деньги», которую реализовывало Санкт-Петербургское отделение Института «Открытое общество» в союзе с Центром развития некоммерческих организаций. В результате сотрудничества была открыта Интернет-библиотека «Исследования российской благотворительности и третьего сектора», а в 2001 г. сделан первый выпуск ежегодного научного сборника «Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования». С 2003 по

¹ Тевлина В. В. Российская империя и Запад: интеграция социальной политики. – Архангельск, 2008.

² Малека Ю. Н. Социальная деятельность Российского государства: исторический аспект управления процессами (XVIII–начало XX в.): монография. – М., 2003.

³ Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX в. – М., 2005.

⁴ Кубицкий С. И., Бабкина Л. Ф., Власова А. В. Благотворительность: теория, история, современность. – Челябинск, 2005.

⁵ Педан С. А., Виноградов Н. А. Государственное и общественное призрение в России: историко-правовое исследование. – СПб., 2008.

⁶ Павлова И. П. Организационные и правовые основы социального попечения в России на рубеже XIX–XX вв.. – СПб., 2003.

⁷ Гаврилина Н. А. Благотворительность в России как фактор социальной стабилизации в условиях рыночных трансформаций в XVII–XIX вв. – Тула, 2014.

⁸ Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). – СПб., 2006.

⁹ Соколов А. Р., Зимин И. В. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – М.; СПб., 2015.

2006 г. сборник издавали при поддержке Международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачева «Благотворительность в России как социальный институт: история и развитие» с дополнительным разделом социально-экономических исследований.

Тем не менее, приоритет в изучении российской благотворительности принадлежит зарубежным историкам Д. Ранселу (D. Ransel), Дж. Бредли (J. Bradley), А. Лиденмайер (A. Lidenmayer). Г. Н. Ульянова¹, в 1990-е гг. исследовавшая комплекс американской новейшей литературы по этому вопросу, отмечает, что ее авторам удалось избежать политических пристрастий, построить свои работы на тщательнейшем изучении многочисленных источников, углубить понимание сложных социальных и политических изменений, которыми сопровождалось формирование публичной сферы в Российской империи.

С середины 1990-х гг. российские историки акцентировали внимание на вопросах периодизации истории социальной помощи, тесно связанных с оценкой изменения организационно-правовых и экономических основ помощи, ее видов и форм, личных устремлений благотворителей и др. Ученые используют соответствующие построения дореволюционных авторов и собственный опыт, предлагают периодизации, где каждый этап характеризуется соответствующей парадигмой (моделью) социальной помощи². Однако среди авторов³ еще не сформир-

¹ Ульянова Г. Н. Новейшая американская историография российской благотворительности // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 108–118; Ее же. Рецензия на книгу А. Лиденмайер «Бедность не порок. Благотворительность, общество и государство в имперской России» // Вопросы истории. – 1998. – № 2. – С. 167–170.

² Щапов Я. Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994. – С. 84–88; Исторический опыт социальной работы в России. – М., 1994. С. 4–5; Фирсов М. В. Методологические проблемы историографии социальной работы // Российский журнал социальной работы. – 1996. – № 1. – С. 40–44; Соколов А. Р. Российская благотворительность в XVIII–XIX в. К вопросу о периодизации и понятийном аппарате // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 147–158; Быкасова Л. В. Благотворительность в Западной Сибири конца XVIII – начала XX в. как историко-культурный феномен : автореф. дисс. ... канд. культурологии: 24.00.03. – Кемерово, 2006. – С. 9.

³ Сорвина А. С. Инновационные идеи истории социальной работы в России и их использование в современных условиях // Проблемы социальной работы в России. – М., 1995. – С. 60–67; Бадя Л. В. Системный подход к чтению курса «История социальной работы в России» // Системный подход в социальной работе: методологический семинар. – М., 1997. – С. 132–134; Свердлов А. Л. К истории общественного призрения в России // Социс. – 1997. – № 9. – С. 89–

ровалось единое мнение о начальной точке отсчета отечественной практики помощи. Ввиду отсутствия концептуальных схем в основе одних периодизаций лежат представления о задачах благотворительности, других – об ее управленческих структурах, взаимоотношении государственного, общественного, частного секторов. Так, анализируя историю благотворительности в России, Я. Н. Шапов выделил этап с середины XIX в. до 1919 г., когда, как он полагал, наиболее действенным оказалось сочетание государственных форм благотворительности с общественными и частными¹. Этот же период «со времени российских реформ до 1917 г.» отдельно выделил М. В. Фирсов, подчеркнув, что отличие от предыдущего этапа состояло в том, что преобладать стало не государственное, а общественное и частное призрение². Определение даты окончания этапа мы считаем более верным у Я. Н. Шапова.

Феномен помощи рассматривается с точки зрения христианской концепции милосердия³, как сфера духовных побуждений человека,⁴ как деятельность физических и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки,⁵ как специфическая поддержка, осуществляемая «без надежды на соответствующее воздаяние тех, кому она оказывается»⁶. Встреча-

90; Соколов А. Р. Российская благотворительность в русском общественном сознании: дореволюционная историография благотворительной деятельности и благотворительных учреждений. – СПб., 2005. – С. 63–72.

¹ Шапов Я. Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994. – С. 84–88.

² Фирсов, М. В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02; Моск. социальный ун-т. – М., 1997. – С. 36–36.

³ Исторический опыт социальной работы в России / под общ. ред. Л. В. Бадя. – М., 1994; Климова С. В. Христианский смысл милосердия // Благотворительность и милосердие: сб. науч. трудов / под ред. В. Н. Ярской. – Саратов, 1997. – С. 80–89; Власов П. Н. Благотворительность и милосердие в России – М., 2001.

⁴ Ярская В. Н. Благотворительность и милосердие как социокультурные общечеловеческие ценности // Благотворительность и милосердие: сб. науч. трудов / под ред. В. Н. Ярской. – Саратов, 1997. – С. 40.

⁵ Российская энциклопедия социальной работы. – М., 2016. – С. 96.

⁶ Лаврененко Л. Я. Социокультурная природа благотворительности и формы ее реализации (история становления и развития). – М., 2000. – С. 8.

ются полярные точки зрения, согласно одной из которых благотворительная деятельность представляет собой фундамент, на котором построены многочисленные структурные образования, такие как власть, статус, престиж¹.

Одной из центральных для исследователей является проблема понятийного аппарата отечественной помощи². Авторы, следуя дореволюционной понятийной традиции, фиксируют многообразие форм и методов социальной помощи. Попытку унифицировать терминологический аппарат предприняла И. П. Павлова через концепцию социального попечения как важного направления в общественной деятельности, объединившего все виды организованной помощи неимущим в конце XIX – начале XX в.³

С середины 1990-х гг. в изучении благотворительности наметилась тенденция к локализации проводимых исследований, ограничению их тематических и региональных рамок.

При разработке широкого круга вопросов истории купеческого сословия Сибири (А. И. Щукин, В. А. Скубневский, А. В. Старцев и Ю. М. Гончаров, И. О. Туман-Никифорова, Е. В. Комлева, В. П. Бойко)⁴, проблемы благотворительности (П. Н. Мешалкин, Г. А. Бочанова, Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин,

¹ Лаврененко Л. Я. Социокультурная природа благотворительности и формы ее реализации (история становления и развития) ... – С. 8.

² Фирсов М. В. Методологические проблемы историографии социальной работы. – М., 1996; Его же. Введение в теоретические основы социальной работы (историко-понятийный аспект). – М.; Воронеж, 1997; Соколов А. Р. Российская благотворительность в XVIII–XIX вв. К вопросу о периодизации и понятийном аппарате ... – С. 147–158; Ромм М. В. Понятийный аппарат отечественного призрения: генезис, специфика, традиция // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов, 2005. – С. 229–234; Соболева Н. А. Общественное призрение и благотворительность: из истории понятий // Вестн. Томск. гос. ун-та. Гум. науки. История. – 2008. – Вып. 2 (58). – С. 420–426; Галиулина С. Д., Кобякова Т. И., Сунцова Н. Л., Герасимова Д. И. Теоретико-методологические основы формирования социальной защиты в Российской империи // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2018. – № 54. – С. 110–114.

³ Павлова И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук ...

⁴ Щукин И. А. История купечества Восточной Сибири в XIX веке: формирование и социальное положение : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – М., 2000; Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул, 2001; Туман-Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.). – Красноярск, 2003; Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX в.). – М., 2006; Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. – Томск, 2009.

Н. Д. Нагайцева, Т. А. Катцина, А. В. Старцев)¹, общественной инициативы (Е. В. Севастьянова, В. В. Бибилова)², городской среды (В. П. Шахеров, Н. И. Гаврилова)³ достигнуты значительные успехи в изучении мотивации благотворительной деятельности, тенденций ее развития, сфер вложения жертвуемых капиталов, форм участия разных социальных групп населения в общественной и филантропической деятельности, решении социальных проблем в Сибири XIX – начала XX в.

Ценностно-мотивационную структуру благотворительной деятельности в Западной Сибири XIX – начала XX в. обстоятельно проанализировала Л. В. Быкасова⁴. Она обозначила период с конца XVIII в. до реформ 1860–1870-х гг. как государственной регламентированной благотворительности⁵, что отличается от распространенной трактовки этого периода как «государственного призрения»⁶.

¹ Мешалкин П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX в. – Красноярск, 1995; Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Новосибирск, 2000; Нагайцева Н. Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX веке : Исторический аспект: дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Улан-Удэ, 2002; Катцина Т. А. Общественное призрение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Красноярск, 2002; Старцев А. В. Благотворительность и меценатство предпринимателей Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2002.– СПб., 2003. – С. 85–97.

² Севастьянова Е. В. Общественная инициатива и культурная жизнь Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. – Иркутск, 1995; Бибилова В. В. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования Енисейской губернии в XIX – начале XX века. – Красноярск, 2004.

³ Шахеров В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в.: монография. – Иркутск, 2013; Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века : монография. – Иркутск, 2014.

⁴ Быкасова Л. В. Ценностно-мотивационная структура благотворительной деятельности в Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2007. – № 298. – С. 91–95; Ее же. Благотворительность в Западной Сибири конца XVIII – начала XX вв. как историко-культурный феномен : автореф. дисс. ... канд. культурологии ...

⁵ Быкасова Л. В.. Благотворительность в Западной Сибири конца XVIII – начала XX вв. как историко-культурный феномен : автореф. дисс. ... канд. культурологии ... – С. 9.

⁶ Фирсов М. В. История социальной работы: учеб. пособие по направлению подготовки «Социальная работа». – М., 2016. – С. 20.

Е. В. Дуплий¹ на примере 23 центральных и западных губерний европейской части России провела исследование по истории становления и развития приказов общественного призрения в 1775–1864 гг. Она рассмотрела формирование правового статуса этих учреждений, разработала периодизацию истории их развития. Но выводы, полученные на материалах с другими особенностями исторического развития нельзя механически перенести на Сибирь. Поэтому отдельные положения Дуплий нуждаются в уточнении и дальнейшей разработке. Это касается специфики состава правления приказов общественного призрения, структуры их капиталов. Не может быть принята верхняя хронологическая граница (1864 г.), так как в Сибири эти учреждения продолжали самостоятельно функционировать до начала XX в.

Применительно к Сибири приказы общественного призрения стали изучаться в начале 2000-х гг. Автором настоящей диссертации рассмотрены финансовые ресурсы и направления деятельности Енисейского приказа общественного призрения². Сеть заведений, подведомственных Иркутскому приказу общественного призрения, выявили историки, раскрывающие государственное призрение и благотворительные практики в социальной жизни Забайкалья XIX–XX вв.³ В докторской диссертации С. Ч. Мантуровой⁴ обозначены региональные особенности государственного управления социальным призрением в Забайкалье, дана оценка Забайкальского областного управления, органов городского самоуправления, Степных дум в социальной помощи и поддержке населения. В силу того, что автор не ставил перед собой задачу детального анализа этих структур и их ресурсов, тема остается открытой для исследователей.

¹ Дуплий Е. В. Становление и развитие приказов общественного призрения в России (1775–1864 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2004.

² Катцина Т. А. Из опыта деятельности приказа общественного призрения на территории Енисейской губернии (1823–1895 гг.). – Красноярск, 2001.

³ Нагайцева Н. Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX веке: Исторический аспект: дисс. ... канд. ист. наук...; Мантурова С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в Забайкалье: историко-культурные практики во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 24.00.01. – Улан-Удэ, 2005.

⁴ Мантурова С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в Забайкалье: историко-культурные практики во второй половине XIX – начале XX в....

Увидели свет публикации¹, посвященные различным аспектам социального служения Русской православной церкви, которые ранее в исторической науке практически не освещались. В исследовании С. В. Римского² детально раскрываются особенности положения приходского духовенства, взаимоотношений церковнослужителей с прихожанами. В обстоятельной статье А. Л. Беглова³ представлена эволюция приходских попечительств в контексте церковных реформ второй половины XIX в. Оба автора привлекли фактический материал по Сибири. Свою лепту в изучение региональных особенностей церкви в Восточной Сибири внесли иркутские историки А. В. Дулов и А. Л. Санников, представив основные вопросы церковного устройства и направления деятельности Русской православной церкви в XVII – начале XX в.⁴ На материалах Енисейской губернии общая характеристика благотворительных практик церковных институтов (приходских попечительств, монастырей) дается автором настоящей диссертации⁵, А. А. Терсковой⁶, на материалах Якутского края – И. И. Юргановой¹.

¹ Власова А. В. История церковной благотворительности на Урале: 1861–1917 гг. – Челябинск, 2009; Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX в. – Нижневартовск, 2008; Социальное служение Русской православной церкви: вопросы истории, теории, практики / С. Г. Зубанова, И. И. Степанов, Н. Д. Патюлина и др.; отв. ред. А. А. Дорская. – М., 2013.

² Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). – М., 1999.

³ Беглов А. Л. Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг: итоги 30-летней деятельности // Российская история. – 2014. – № 6. – С. 104–127.

⁴ Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков: в 2 ч. Ч. 1–2. – Иркутск, 2006.

⁵ Катцина Т. А. Благотворительность в православных приходах Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX в. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004/2005. – СПб., 2005. – С. 152–160; Ее же. Церковно-приходские попечительства Восточной Сибири: роль и место в системе социального попечения // Социокультурное освоение Сибири: Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. – Красноярск, 2015. – С. 220–223; Ее же. Становление приходских православных попечительств в Восточной Сибири (1864–1914 гг.) // Человек в российской повседневности: история и современность: сб. VIII Междунар. науч. конф. / под науч. ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской (Пенза, 25–26 марта 2015 г.). – Пенза, 2015. – С. 38–42.

⁶ Терскова А. А. Русская Православная Церковь и ее деятельность в Енисейской губернии : 1861 г. – февраль 1917 г. : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Красноярск, 2012; Ее же. Общественная и просветительская деятельность священнослужителей в приходах во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Енисейской губернии // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2010. – № 4–2 (68). – С. 215–219; Ее же. Общественная деятельность приходского ду-

Возникновение и функционирование Эльберфельдской системы как новой парадигмы решения проблемы бедности в раннюю индустриальную эпоху в рамках городских сообществ в Германии, и как прототип участковых попечительств о бедных в России, привлекает внимание историков². Система участковых попечительств рассматривается³ как важный этап формирования социальной помощи. В конце XIX столетия в городах Германии система трансформировалась и получила в развитом виде название «Страсбургская система», где оплачиваемая работа по организации социальной помощи сочеталась с добровольческой бесплатной работой с нуждающимися⁴. По оценке Т. Смита (T. Smith), Эльберфельдская система представляла «научный подход» к благотворительности, «предлагавший процедуру тщательного отбора и опиравшийся на энергичных добровольцев и элиту, которая располагала свободным временем»⁵. Схожую точку зрения применительно к европейской практике благотворительности высказала И. П. Павлова, отметив, что в «России этот вариант помощи имел спе-

ховенства во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Енисейской епархии) // Эпоха науки. – 2015. – № 4. – С. 609–614.

¹ Юрганова И. И. Опыт гражданских инициатив в Якутии: храмостроительство и социальная деятельность православных приходов // Гражданское общество в эпоху глобализации: сб. мат-лов Всерос. научн.-практ. конф. – СПб., 2016. – С. 93–98; Ее же. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII – начало XX в.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2017.

² Berger G. Die ehrenamtliche Tätigkeit in der Sozialarbeit – Motive, Tendenzen, Probleme – dargestellt am Beispiel des Elberfelder Systems. – Frankfurt/M., 1979; Frohman L. Poor Relief and Welfare in Germany from the Reformation to World War I. – New York, 2008. – P. 87–98; Hennock E. P. The Origin of Welfare State in England and Germany, 1850–1914: Social Policies Compared. New York, 2007. –P. 23–38.

³ Boeckh J., Huster E-U., Benz B. Sozialpolitik in Deutschland. Eine systematische Einführung. – Wiesbaden GmbH, 2004. – P. 49–50; Sachße C., Florian T. Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. Bd. 1. Vom Spätmittelalter bis zum 1. Weltkrieg. Auflage: 2. – Stuttgart, 1998; Bd. 2. Fürsorge und Wohlfahrtspflege 1871 bis 1929. – Stuttgart, 1988; Павлова И. П. Эльберфельдская система социальной помощи неимущим: от добровольчества к профессионализму // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 14. – № 3. – С. 363–376.

⁴ Amthor R. C. Die Geschichte der Berufsausbildung in der Sozialen Arbeit: auf der Suche nach Professionalisierung und Identität. – Weinheim, 2003. – P. 202; Павлова И. П. Эльберфельдская система социальной помощи неимущим: от добровольчества к профессионализму // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 14. – № 3. – С. 363–376.

⁵ Смит Т. Благотворительность и помощь в Европе: современный период // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004/2005. – СПб., 2005. – С. 183.

цифику, связанную с неразвитостью деятельности земств и городов в социальной области»¹.

Городские попечительства о бедных изучены российскими историками на материалах европейской части Российской империи в двух основных аспектах: 1) новой, предупредительной меры решения проблемы бедности²; 2) социальной политики городских общественных самоуправлений конца XIX – начала XX в.³ Важная сторона деятельности сибирских муниципалитетов по профилактике бедности осталась за рамками научного интереса исследователей городского общественного управления в Сибири второй половины XIX – начала XX в.⁴, институтов гражданского общества⁵.

Внимание историков к теме благотворительности тесно связано с возрастающим интересом к развитию гражданского общества в имперской России. Социальные приоритеты современной исторической науки вызывают интерес к

¹ Павлова И. П. Организационные и правовые основы социального попечения ... – С. 115.

² Рождественская Н. Ю. Нищенство и благотворительность в Костромской и Ярославской губерниях в конце XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Ярославль, 2004; Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века...; Бадя Л. В. Отечественный опыт преодоления бедности методами трудовой помощи (XVIII – начало XX века). – М., 2008; Юргина И. Н. Учреждения социальной помощи в Тверской губернии второй половины XIX – начала XX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Тверь, 2010; – Якубсон Е. В. Городские попечительства о бедных в столице и провинции на рубеже XIX–XX вв. // Вестн. Моск. гос. област. ун-та. Сер. История и политические науки. – 2010. – № 4–5. – С. 54–57.

³ Попов Н. М. Социальная политика городских самоуправлений Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Тамбов, 2006; Романов А. А. Деятельность органов городского самоуправления по развитию социально-экономической инфраструктуры Москвы в последней трети XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2010; Лазарева С. И. Организация городских попечительств – новый этап в развитии городского общественного призрения на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Россия и АПР. – 2010. – № 1. – С. 5–13.

⁴ Лони́на, С. Л. Становление и развитие городского самоуправления в Восточной Сибири в 1870–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Красноярск, 2002; Кускашев Д. В. Исторический опыт деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии в социально-хозяйственной сфере: 1870–1914 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Абакан, 2003; Местное самоуправление в истории России XIX – начала XX веков: сб. материалов регион. науч. конф. «Проблемы самоуправления в истории Сибири XIX – начала XX вв.». – Новосибирск, 2004; История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Новосибирск, 2006.

⁵ Ермакова, Е. Е. Зарождение и становление институтов гражданского общества в Енисейской губернии. 1880–1916 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 2005.

общественным организациям «как институциональной сердцевине гражданского общества», связаны с изучением генезиса, способов и средств создания общественных объединений в России, пониманием и восприятием их обществом и властью, требуют анализа форм, видов и характера общественной деятельности, изучения реальных возможностей и эффективности общественных объединений. Деятельность многочисленных общественных организаций с позиции удовлетворения социальных потребностей и достижения интересов общества изучена пока недостаточно, прежде всего, в силу своей обширности и многоплановости. Между тем вопрос о присутствии институтов гражданского общества в политической системе дореволюционной России и уровне их зрелости принадлежит в исторической науке к числу наиболее дискуссионных. Зарубежные и российские историки находят именно неполитические общества моделью самоорганизации, в рамках которой развивалась культура общественного действия и достигалось общественное согласие.

Современные исследования противоречат устоявшимся представлениям о «несостоявшемся гражданском обществе» в позднеимперской России, демонстрируют, в том числе на сибирском историческом материале¹, разветвленную сеть общественных объединений и их вклад в решение социальных проблем населения.

Традиционное противопоставление государства и общества представляется сегодня малопродуктивным. Добровольные ассоциации рассматриваются как значимый канал взаимодействия государства и общества, средство решения социальных проблем², как форма, в рамках которой в годы Первой мировой войны

¹ Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). – Бийск, 2002; Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в. : монография. – Иркутск, 2014; Орехова Н. А., Кофман Я. М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX в.). – Красноярск, 2009; Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX века / И. П. Павлова, Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит и др. – Красноярск, 2016.

² Миронов Б. Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XI. – № 1; Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество: пер. с англ. – М., 2012.

в значительной степени регулировались вопросы социальной безопасности и достигалось общественное согласие¹. Но, отмечает Л. А. Булгакова, усиление оппозиционных общественных организаций (Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам) представляло большую опасность для существующего режима, однако замены им фактически не было. «Будучи оплотом либеральной оппозиции, общественные организации приблизили смертный час монархии»².

В современном сибиреведении получает разработку вопрос, связанный с деятельностью филантропических организаций национальных меньшинств в начале XX в. Он нашел свое отражение не только в статьях и монографических исследованиях³, но и в так называемых хрониках⁴, которые как специальный исторический источник раскрывают богатство проявлений общественной активности.

Исследование опыта создания и эволюции системы социальной защиты населения ведется в контексте истории социальной помощи адресатам в универсалистской и селективной формах⁵. В работах германских историков показано,

¹ Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). – М., 2014; Полуаршинов А. В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 – февраль 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Омск, 2005; Тишкина К. А. Деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и гражданской войн: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2018.

² Булгакова Л. А. Предисловие // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. – СПб., 2008. – С. 12.

³ Бобкова Г. И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.): монография. – Иркутск, 2009; Орехова Н. А., Коман Я. М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX вв.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. – Вып. 5 (27). – Красноярск, 2009; Шайдуров В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири. XIX – начала XX в. – СПб., 2013; Шайдуров В. Н., Кузнецова А. П., Образцов А. В. Повседневная жизнь евреев Юга России в начальный период Первой мировой войны на страницах региональной печати // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): сб. материалов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 марта 2017 г.). – СПб., 2017. – С. 336–339.

⁴ Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919 // Л. А. Кутимова, И. В. Нам, Н. И. Наумова, В. А. Сафонов; под ред. Э. И. Черняка. – Томск, 1999.

⁵ Павлова И. П. Организационные и правовые основы социального попечения в России на рубеже XIX–XX вв. ...; Тевлина В. В. Реформирование социальной деятельности в России

что в индустриальных обществах на рубеже XIX–XX вв. происходил революционный переход от покровительственной поддержки к превентивной социальной политике, государственной помощи «бедным» слоям населения, страхованию¹.

Возрос научный интерес к социальным аспектам жизни людей и мерам их поддержки в годы войн начала XX в.². Эта проблема нашла отражение в работах сибирских историков³. Результатирующим этих изысканий стало заключение о

в XIX – начале XX века. – Архангельск, 2005; Доренко К. С. История возникновения социальной политики в современных государствах // Право и управление. XXI в. – 2011. – № 3; Григорьева И. А. Сто лет трансформации социальной политики в России // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15. – № 4.

¹ Hennock E. P. *The Origin of the Welfare State in England and Germany, 1850–1914: Social Policies Compared.* – New York, 2007; Sachße C., Florian T. *Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland, Bd.2. Fürsorge und Wohlfahrtspflege 1871 bis 1929.* – Stuttgart, 1988.

² Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: Помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конф. памяти В. С. Дякина, 24–25 мая 1999 г. – СПб., Кишенев, 2001; Ее же. Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники. – СПб., 2009; Ее же Положение солдатских семейств в 1917 году (По материалам правительственной корреспонденции) // Новейшая история Отечества XX–XXI век. Вып. 2. – Саратов, 2007; Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века : монография. – Тамбов, 2004; Его же. Повседневная жизнь детей и подростков в годы Первой мировой войны : монография. – Тамбов, 2017; Нагорная О. С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М., 2010; Жванко Л. М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). – Харків, 2012; Синова И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. – СПб., 2014; Жиромская В. Б., Арловец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки. – М. – СПб., 2018.

³ Павлова И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. – Красноярск, 2003; Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. – Кемерово, 2003; Еремин И. А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). – Барнаул, 2010; Комарова Т. С. Тем, кто в забвенье брошен судьбой: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. – Красноярск, 2007; Ее же. «На сопках Маньчжурии...» (Енисейская губерния в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.). – Красноярск, 2013; Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. – Новосибирск, 2015; Павлов И. П., Катцина Т. А., Мезит Л. Э. и др. Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX в.: монография. – Красноярск, 2016; Воробьева Э. А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.: монография. – Новосибирск, 2020; Севостьянова Е. В. Мобилизация в повседневной жизни населения Забайкальской области в период «китайских осложнений» (1900–1901 гг.) // Социодинамика. – 2021. – № 4; Ее же. Благотворительность и призрение в городах Забайкальской области в период Первой мировой войны: взаимодействие власти и общества // Политика и общество. – 2020. – № 3; Ее же. Благотворительность и призрение в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области в период Первой мировой войны: специфика локальной практики // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: материалы Междунар.

недостатке ресурсов и противоречивом характере проводимых социальных мероприятий в тылу, о том, что по сравнению с мирным временем благотворительность военных лет получила широкий размах, частично компенсировала образовавшиеся бреши социально-экономических отношений, была направлена на сглаживание порожденных войной острых социально-экономических противоречий.

Совсем недавно началось изучение проблемы беженства. В публикациях последних лет беженство рассматривается не только как миграционная проблема, но и как сложное явление, имеющее свою структуру и количественные параметры¹, этническое измерение², проблемы интеграции с принимающим сообществом³. Внимание исследователей привлекают вопросы поддержки социального благополучия беженцев, которые рассматриваются через призму специфических форм помощи, всевозможных гуманитарных инициатив и организационных структур⁴. Разработка отдельных вопросов вынужденной миграции населения в годы Первой мировой войны осуществляется и в региональном (в данном случае

научно-практич. конф. (Чита, 16 мая 2019 г.). – Чита, 2019. – С. 103–106; Ее же Комиссии Елизаветинского благотворительного комитета в сельских поселениях Забайкалья в годы Первой мировой войны // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы Междунар. научно-практич. конф., посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол (Чита, 18 сентября 2019 г.). – Чита, 2019. – С. 185–188.

¹ Gatrell P. *A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I*. Bloomington & Indianapolis, 1999; Курцев А. Н. Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. – 2008. – № 3(13).

² Златина М. А. Организация помощи еврейским беженцам в Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны по материалам прессы (июль – октябрь 1914 года) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 118; Нам И. В. Польские беженцы Первой мировой войны // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири : сб. науч. тр. – Омск, 2015.

³ Жванко Л. М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 pp.). – Харків, 2012; Катцина Т. А. «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. – 2013. – № 4 (26).

⁴ Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). – М., 2014; Белова И. Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – № 12.

сибирском) измерении¹. Богатую палитру реалий российского беженства 1914–1922 гг. представили уральские историки Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев, С. А. Пьянков², уделившие также большое внимание отечественной и зарубежной историографиям по феномену беженства.

Примечательны исследования³, где обозначены противоречия и взаимосвязи между государственной идеологией, нормативным контекстом, экономикой, ключевыми событиями внешней политики и повседневными социальными практиками простых людей, решаются такие ключевые вопросы, как: кем определялись социальные проблемы; как трансформировались формы помощи; как они конструировались государством и общественностью; где концентрировались ресурсы социальной политики.

Разноречивые оценки получила социальная политика Временного правительства. Если В. Б. Бобровников полагает, что оно фактически развалило прежнюю систему общественного призрения, складывающуюся в России веками, не успев создать новую, а потому данный период демократического правления не принес каких-либо ощутимых результатов в социальной защите населения⁴, то другие историки склонны подчеркивать новаторский характер Временного правительства. К таким выводам пришли И. П. Павлова и Т. А. Катцина⁵. Они отмечают, что Временное правительство имело в качестве программной перспективы систему государственного обеспечения инвалидов, детей и других категорий нуждающихся. Намечившиеся либерально-демократические преобразования

¹ Щетинина А. С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4–2 (56); Ростов Н. Д., Горелов Ю. П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. – 2015. – № 4 (17).

² Суржикова Н.В. Михалев Н. А., Пьянков С. А. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.): монография. – Екатеринбург – Челябинск, 2021.

³ Советская социальная политика 1920–1930 гг.: идеология и повседневность / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова. – М., 2007; Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов, 2005.

⁴ Бобровников В. Г. Социальные преобразования Временного правительства (март – октябрь 1917) // PRIMO ASPECTU. Известия ВолгГТУ. – 2014. – Т. 16. – № 5 (132). – С. 70.

⁵ Павлова И. П., Катцина Т. А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март – октябрь 1917 г.) ... – С. 134–140.

прошли стадию разработки и начальной реорганизации, а идеи и практика деятельности Временного правительства помогли уже Совету народных комиссаров создать новый тип социальной помощи – систему социального обеспечения¹. Г. Н. Ульянова констатирует, что «Министерству государственного призрения за короткий срок удалось свести воедино и выстроить вполне цельную систему помощи нуждающимся. Такой результат был во многом обеспечен опытом, накопленным российской благотворительностью в дореволюционный период»².

В исследовании М. М. Сухорукова³ через призму историко-управленческого аспекта рассмотрена модель социальной деятельности России в переходный период (февраль 1917–1921 гг.). Историки отмечают, что дефицит ресурсов, потребовавшийся для почти непрерывной войны в 1917–1920 гг., предопределил комплекс дискриминационных и патерналистских мер, составивших основу социальной политики Октября⁴.

С 2001 г. ведется разработка исторических исследований в области гендера и социальной работы в рамках международного сравнительного исследовательского проекта «История социальной работы в Восточной Европе в 1900–1960-е гг.», основанного профессорами С. Геринг (S. Hering) и Б. Ваалдик (B. Vaaldik). Россия была включена в объект изучения как единственная страна, осуществившая после 1917 г. переход к принципам социального обеспечения,

¹ Павлова И. П., Катцина Т.А. Право на помощь: разработка законодательства о социальной помощи в период деятельности Временного правительства (март – октябрь 1917 г.) ... – С. 57.

² Ульянова Г. Н. Призрение, благотворительность и социальное обеспечение в 1917 – 1918 гг. в политике Временного правительства и Совнаркома // Великая российская революция, 1917: Сто лет изучения: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 09–11 октября 2017 г.); Институт Российской истории РАН (Москва) – М., 2017. – С. 492.

³ Сухоруков М. М. Системно-функциональный подход к моделированию социальной деятельности в России: историко-управленческий аспект (1917–1995 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00. 02. – М., 1996; Его же. Модели социальной деятельности России в переходный период (февраль 1917–1921 гг.) // Социальная работа в России: прошлое и настоящее: сб. ст. и материалов / под ред. Л. В. Бадя. – М., 1998.

⁴ Федоров А.Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920 годах (на материалах Центрального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 8. – № 1; Катцина Т. А. Социальное попечение в первой четверти XX века (на материалах Енисейской губернии) ...

в которой определение социальных проблем и целевых групп подверглось радикальным переменам, а нерешенные социальные проблемы стали «невидимыми»¹.

Сравнительно недавно началось изучение социальной политики антибольшевистских правительств в Сибири. В работах советских историков оно, как правило, сводилось к анализу рабочего законодательства либо рассматривалось через состояние здравоохранения, системы образования и проч. Несколько изменился вектор исследований в XXI в. Ряд авторов обратили внимание на политику антибольшевистских правительств Сибири в области государственного призрения². В. В. Минаев, С. С. Ипполитов прослеживают взаимосвязь между экономической политикой и мероприятиями в демографической области, проводимыми антибольшевистскими властями в Сибири и на Дальнем Востоке³. Нужно полагать, что успешность реализации социально ориентированных мероприятий любой власти зависит не только от продуманности параметров, но и от последовательного их проведения в конкретных условиях, от скоординированных действий всех субъектов социальной политики и имеющихся у них ресурсов (человеческих, материальных, финансовых).

Широкий аспект социальной истории антибольшевистских правительств Урала, Сибири и Дальнего Востока исследовал В. М. Рынков. Он проанализировал совокупность конкретных решений, связанных с регулированием прав собственности, социально-трудовой сферы, социальной помощи малоимущим слоям

¹ Шульге Д. «История социальной работы в Восточной Европе в 1900–1960-е годы». Обзор международного сравнительного исследовательского проекта / пер. с англ. Н. А. Бексаевой; под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой // *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст.* / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов, 2005. – С. 28–45.

² Луков Е. В. Политика антибольшевистских правительств Сибири в области государственного призрения // *Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И. М. Разгона.* – Томск, 2006; Катцина Т. А., Мезит Л. Э. Меры социальной помощи населению Енисейской губернии антибольшевистскими правительствами (июнь 1918 г. – декабрь 1919 г.) ...

³ Ипполитов С. С., Минаев В. В. «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты // *Новый исторический вестник.* – 2013. – № 3(37); Их же. Демографические проблемы Сибири и Дальнего Востока России в условиях экономического кризиса в годы гражданской войны // *Экономический журнал.* – 2015. – № 2 (38).

населения, опираясь на нормативно-правовую базу их осуществления¹. Его докторская диссертация², посвященная социальной политике антибольшевистских правительств на востоке России (июнь 1918 – октябрь 1922 г.), всесторонне и комплексно освещает эту тему, основана на колоссальной источниковой базе, тщательном историографическом анализе.

Историографический анализ литературы по проблеме становления и развития системы общественного признания показал, что мнения о сущности этого структурно сложного явления и многогранного процесса варьируют в процессе повседневной деятельности, общественных и политических перемен, господствующего мировоззрения, классовых интересов, сложившихся обычаев, потребностей социальных групп. Общественно-политическая обстановка ставила перед исследователями разные вопросы, что привело к неравномерности изучения и неравнозначности достигнутых результатов.

1.2. Теоретико-методологические основы и понятийный аппарат исследования проблемы становления развития системы общественного признания в Восточной Сибири

Основой работы послужила современная версия модернизационной парадигмы. Сама концепция имеет различное наполнение в научных исследованиях³, а потому точное определение модернизации вызывает споры. Большинство авторов определяют ее как процесс трансформации традиционного общества в ин-

¹ Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). – Новосибирск, 2008.

² Рынков, В. М. Социальная политика антибольшевистских правительств на Востоке России (июнь 1918 – октябрь 1922 г.): дисс. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2021.

³Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: в 2 кн. – М., 2004; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М., 2006; Нефедов С. А. Концепция демографических циклов: монография. – Екатеринбург, 2007; Гринин Л. Е. Модернизация и модернизационные ловушки в процессе развития // Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI в. / под ред. Л. Е. Гринина. – М., 2019. – С. 51–86; Сперанский А. В., Сперанский П. А. Модернизационная парадигма в изучении истории России: проблемы и дискуссии // История и современное мировоззрение. – 2019. – № 3.

дустриальное, который включает в себя целый ряд необходимых составляющих –урбанизацию, индустриализацию, секуляризацию, развитие современной рациональной науки и образования, формирование демократических политических институтов и гражданского общества, дифференциацию социальной структуры и растущий уровень «общественной вовлеченности», участие населения (прямое и опосредованное) в общественных делах, которые в совокупности дают широкую картину общего поступательного движения. Важным фактором социальных изменений признается структурно-функциональная дифференциация, предполагающая выделение различных форм помощи из рамок традиционных семейных, родственных связей и зависимостей.

Теоретическое ядро современной версии модернизации, отмечает И. В. Побережников¹, включает следующие наиболее важные положения: отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей; признание возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, имеющих местную социокультурную окраску) и конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода, придание ей статуса дополнительного развития; акцентирование внимания на циклическую природу процесса модернизации, роль социальных акторов (коллективов и индивидов), «всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства»².

Системные объяснения региональных особенностей развития модели и практик социальной помощи изучаемого периода истории, большая часть которого относится к «имперской модернизации», возможны с помощью «про-

¹ Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. – Вып. 4: Евразийское пограничье. – Екатеринбург, 2001. – С. 243–245.

² Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. – Вып. 4: Евразийское пограничье. ... – С. 244.

странственно-ориентированного» и «акторного» подходов, получивших обоснование в российской научной литературе¹ в рамках теории модернизации.

Пространственно-ориентированный (регион-ориентированный) *подход* требует, чтобы упор был сделан на анализ пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородности ее процессов, вариативности «поведения» территориальных единиц². Отсюда вариативность модернизации определяется не только временем начала самого процесса трансформации традиционного общества в индустриальное, но и временем присоединения территории, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, природно-климатическими условиями, ресурсным обеспечением, ролью государства и рынка как механизмов развития³. Для Восточной Сибири, имеющей значительную протяженность, существенные региональные и поселенческие различия, пространственный аспект обуславливает возможности консолидации общественных сил, подчеркивает тесную историческую взаимосвязь гражданского общества с урбанизацией, специфику развития социальной инфраструктуры, а также доступность ее объектов и других общих ресурсов.

Возможности интерпретации общероссийских и региональных процессов теории модернизации и созданной в ее рамках многоуровневой методологии подтверждены исследователями при изучении истории Сибири XIX – начала XX в. Например, в контексте разработки вопросов социальной истории городских и купеческих семейств Западной Сибири (Ю. М. Гончаров⁴), гильдейского

¹ Побережников И. А. Фронтальная модернизация на Востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4 (61); Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, О. Н. Богатырева и др.; отв. ред. И. А. Побережников. – Екатеринбург, 2016.

² Профессиональные группы и общества как акторы российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.) / С. Я. Бугаева, Л. А. Дашкевич, Е. Ю. Казакова-Апкаримова и др.; отв. ред. И. В. Побережников. – Екатеринбург, 2016. – С. 4–5.

³ Побережников И. А. Фронтальная модернизация на Востоке Российской империи: региональные вариации... – С. 77.

⁴ Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). – М., 1999; Его же. Модернизационные процессы в сибирской городской семье во второй половине XIX – начале

купечества Енисейской губернии (И. О. Туман-Никифорова¹), развития системы общего образования в Восточной Сибири (И. Н. Мамкина²), управления учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (А. В. Блинов³) и др. Рассматривая особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному, В. П. Зиновьев отмечает, что региональными особенностями модернизации было: отставание по времени от аналогичных российских процессов; бóльшая зависимость от экономической политики государства; зависимость темпов и масштабов модернизации от капитала центра страны, а также «решающая роль транспорта; сырьевая направленность развития индустрии, значительно бóльшая роль двигателей электрических и внутреннего сгорания в механизации производства, нежели в европейском варианте»⁴. Очевидно, что при этом происходило заимствование многих уже готовых технологий не только в производстве, но и в социальной сфере.

Так называемый *акторный подход* переносит акцент на изучение действующих в обществе движущих сил, способных выступить социальными (предприниматели, интеллигенция и др.) и институционально-организационными (гражданские и административно-бюрократические структуры, общественно-добровольные ассоциации, органы самоуправления и т. п.) акторами модернизации. При такой трактовке проблемы модернизации с социальной точки зрения не отрицается роль государства как главного инициатора трансформаций, наиболее сильной общественной структуры, занимающей доминирующую позицию. Но

XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сб. материалов конференции [22–23 сентября 2003 г.] / под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. – Новосибирск, 2003 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/modern/012.html>.

¹ Туман-Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX в.): монография. – Красноярск, 2003.

² Мамкина И. Н. Развитие системы общего образования Восточной Сибири в условиях модернизации во второй половине XIX – начале XX в.: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2017.

³ Блинов А. В. Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX в.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Барнаул, 2019.

⁴ Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сб. материалов конф. [Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г.] / под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. – Новосибирск, 2003 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/modern/020.html>.

в то же время признается заметное влияние разнообразных социальных сил в инициировании прогрессивных сдвигов в структурах жизнедеятельности. В данном ракурсе (общественной мобилизации в целом) опыт социальной помощи может быть проанализирован через инициативу социальных групп «снизу», через интересы и потребности, социальные установки, мотивы и ценностные ориентации, через эволюционное развитие акторных структур, выработку «технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразований в реальные современные возможности»¹, рассматриваться как результат многочисленных деятельностей, практик, стратегий, конфликтов, альянсов и т. д. И здесь имеются в виду не только те или иные социальные группы, сформировавшиеся в рамках местных сообществ, но и структуры управления, автономный и комплексный характер деятельности которых в значительной степени определяется региональной спецификой.

Акторный подход позволяет расширить теоретический арсенал изучения системы социальной помощи актуальным для современного социума концептом *«гражданское общество»*. Основой изучения элементов российского гражданского общества может послужить выделенная Н. А. Проскурниковой его идеальная модель, которая состоит из четырех основных элементов (подсистем): 1) «гражданские права» (право понимается как статус, институционализированный в политическом строе, как набор кодифицированных законом прав: на гражданские свободы, на определенную социальную поддержку, на защиту от любой дискриминации), 2) «гражданские институты» (различные общественные организации, являющиеся отражением уровня и масштабов самоорганизации общества и его социальной активности), 3) «гражданские практики» (выступления или действия, нацеленные на государство или реализуемые через частные корпорации, локальные общности во имя перемен в публичной практике и в созна-

¹ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение ... – С. 6.

нии людей) и 4) «гражданские ценности» (важнейшие компоненты человеческой культуры наряду с нормами и идеалами)¹.

Модернизационная парадигма и связанный с ней социальный подход к изучению исторических процессов может быть дополнен положениями формирующейся с середины 1990-х гг. *концепции о парадигмах (моделях) социальной помощи*, представленными в историко-философском² и социально-экономическом³ аспектах. Общая ключевая концептуальная идея состоит в понимании парадигмы как системы (модели) помощи и взаимопомощи, существующей в стране в тот или иной исторический период в соответствии с особенностями национально-культурного, социально-политического развития и социальной политики государства. Каждая парадигма характеризуется соответствующей доктриной (например, общественно-государственного призрения в XIX – начале XX в., социального обеспечения в 1920-е – 1990 г., социальной работы в настоящее время), организационными формами, объектом и субъектами помощи в их культурно-исторической индивидуальности⁴. В основе изменения модели социальной помощи, а следовательно, и периодизации истории социальной работы, главным образом лежит трансформация общественных отношений как результат изменения общественного способа производства. Войны и конфликты (региональные, этнические, социально-экономические), пандемии, массовый голод, разрушение геополитического или социально-культурного пространства, ускоряют изменения форм и практик социальной помощи, смену парадигмы.

¹ Проскурникова Н. А. Проблема формирования гражданского общества в России в конце XIX – начале XX в. в социально-политическом и социокультурном контексте // Электронная библиотека Гражданское общество в России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Proskur_problems.pdf.

² Фирсов М. В. Методологические проблемы историографии социальной работы // Российский журнал социальной работы. – 1996. – № 1; Его же. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – М., 1997; Социальная политика: парадигмы и приоритеты: монография / В. М. Капицын, А. А. Акмалова, Г. И. Рузавин и др.; В. И. Жуков (ред.). – М., 2000; Студёнова Е. Г. Социальная помощь: монография. – М., 2018.

³ Шарин В. И. Система социальной помощи и организационно-экономические механизмы ее реализации: дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.05; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федер. – М., 2003.

⁴ Студёнова Е. Г. Социальная помощь: монография ... – С. 44–45.

В силу этого любой этап изменения системы помощи обусловлен модификацией ее идеологии, понятийного языка, нормативно-правовых и экономических основ, видов и форм помощи, усилением или ослаблением роли субъекта помощи, перераспределением групп получателей и их потребностей.

Особенности изучаемого объекта, его сложность и вариативное многообразие диктуют применение комплексного подхода (имеем в виду, что комплекс – это совокупность предметов или явлений, составляющих одно целое). По отношению к объекту (предмету) исследования *комплексный подход* выступает как частный случай системного подхода, в рамках которого общественное призрение (социальная помощь) рассматривается как сложное системно-организованное целое и в плане множества исторически последовательных и взаимосвязанных этапов, видов, форм, и в аспекте иерархии структурных уровней и подсистем, противоречий, взаимодействия причин и условий исторического развития. Применительно к субъекту исследования (исследователю) – как комплекс научных подходов и методов, необходимых для всесторонней (системной) разработки проблемы.

В результате комплексного подхода познавательная деятельность осуществляется в тесном взаимодействии базовых отраслей современного научного знания, т. е. носит *междисциплинарный характер*, строится, прежде всего, на основе синтеза исторических, правовых, социологических, психологических знаний, связанных: а) с потребностью реконструкции целостного восприятия правотворческого и правоприменительного опыта социальной помощи, опосредованной специальными институционально-организационными структурами; б) с анализом общественной дискуссии, рецепции решений, вклада в деятельность в отношении помощи тем, кто испытывает затруднения в социальном функционировании, т. е. людям с социальными проблемами.

Применение междисциплинарного подхода в практике исторического поиска отражает потребность в обновлении и обогащении проблематики и методов исследования, представляется необходимым условием для эффективного решения исследовательских задач.

Ключом к объяснению рассматриваемой проблемы послужили классические идеи происхождения и сущности социальных институтов и социального порядка, сформулированные Э. Дюркгеймом¹, концепции социальной стратификации и социальной мобильности П. А. Сорокина², теория социального действия М. Вебера³, диалектико-материалистический подход к анализу общества К. Маркса, Ф. Энгельса⁴ и их последователей.

Для изучаемой проблематики имеет ценность представленная П. А. Сорокиным в самом широком философско-социальном плане схема изучения воздействия революций⁵ и войн⁶ на социальную организацию и общественную жизнь, включающая анализ численного и качественного состава населения, политико-правовой, экономической и духовной сторон жизни страны, психологии и идеологии масс.

При построении баз данных (имеем в виду, что база данных – это интегрированная совокупность зарегистрированной информации, предназначенная для многофункционального использования и модификации многими пользователями с обязательными процедурами ввода, просмотра и редактирования, выполнения запросов и выдачи отчетов, которые реализуются с помощью программного обеспечения⁷) по истории благотворительных обществ и заведений Восточной

¹ Дюркгейм Э. О. разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, примеч. В. В. Сапова. – М., 1996.

² Сорокин П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой; под общ. ред. В. В. Сапова. – М., 2005; Его же. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. С. А. Сидоренко, А. Ю. Согомонов. – М., 1992. – С. 295–424.

³ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки принимающей социологии: в 4 т. – М., 2016–2019.

⁴ Маркс, К. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. – М., 1979. – С. 4–76; Энгельс, Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. – М., 1979. – С. 539–548.

⁵ Сорокин П. А. Социология революции / предисл. И. Ф. Курас, И. И. Лукинов, Т. И. Деревянки. – М., 2015.

⁶ Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / вст. ст., сост., комм., подготовка к печати В. В. Сапова и В. С. Сычевой. – М., 2003. – С. 540–581.

⁷ Тяжелникова В. С. В поисках технологии исторического знания // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г. А. Бордюгова. – М., 2011. – С. 80.

Сибири XIX – начала XX в. был применен *реляционный подход* к организации информации. Используемые данные структурированы в простые таблицы, где каждая строка соответствует отдельной записи (набору связанных значений, относящихся к одному объекту), а каждый столбец представляет собой поле базы данных (название объекта, дата открытия, местонахождение, денежные и материальные ресурсы, меры социальной поддержки и т. п.). Хранить, организовывать и использовать информацию электронных таблиц позволила универсальная программа *Microsoft Excel*, а поддерживать базы данных в рабочем состоянии, архивировать информацию и создавать резервные копии, модифицировать в соответствии с вновь возникшими потребностями или изменившимися условиями – система управления базами данных *MySQL*. Массив данных каждой таблицы систематизирован в алфавитном порядке с возможностью фильтрации по губерниям и областям Восточной Сибири, объекту или субъекту социальной помощи. Объединение технологии *MySQL* с популярным скриптовым языком *PHP* (Hypertext Preprocessor), широко применяемым для разработки веб-приложений и интерфейсов, дало возможность интегрировать созданные базы данных (реестры) в сетевой ресурс, работающий в тестовом режиме пока идет ввод информации и выверка ранее внесенных сведений. Запрашиваемая информация формируется из таблицы автоматически и выводится на экран монитора в текстовом режиме. Добавлять, изменять, удалять и извлекать данные позволяет режим «Администратор»: после ввода логина и пароля появляется возможность внести в таблицу новые данные, корректировать имеющиеся¹.

Создание баз данных (реестров) зависело не только от целей и задач исследования, финансовых возможностей и потенциала выбранного программного обеспечения, но и особенностей источникового материала, характеризующегося неравномерностью отложившихся сведений, слабой формализацией. Искомая информация была агрегирована из массива разноплановых документов делопро-

¹ Катцина Т. А. Изучение благотворительных организаций в истории Сибири начала XX в. // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения: в 2 т. Т. 1: Материалы (Иркутск, 1 марта – 30 июня 2016 г.) / А. В. Аргучинцев (гл. ред.), Ю. А. Зуляр (науч. ред.). – Иркутск, 2017. – С. 257–259.

изводственной документации, справочно-статистических материалов, периодической печати с разной полнотой характеристик того или иного объекта по изучаемым параметрам. По этой причине в базах данных имеются пробелы. Пустоты заполняются постепенно, по мере обнаружения новых источников. Имея дело с разнообразными по составу и содержанию, но не жестко структурированными по форме данными, информацию, зафиксированную в источнике, мы использовали не полностью, а частично, т. е. в память компьютера вводили свободный текст источников разных видов. Одним из наиболее заметных аналогов организации историко-исследовательской информации в связи с большим ее объемом и нестандартности является база данных купеческих семей Западной Сибири периода капитализма, разработанная Ю. М. Гончаровым и Д. В. Колдаковым¹ в Алтайском государственном университете (Барнаул).

В ходе исследования и при трактовке его результатов мы опирались на *принципы общенаучного и частного уровней*, которые соответственно приняла и выработала историческая наука в процессе своего развития:

- системности (ориентирует исследователя на раскрытие целостности объектов через изучение их внутренних связей);
- объективности (призывает опираться на факты в их истинном содержании, рассматривать каждое явление в его разнообразии и противоречивости, в совокупности как положительных, так и негативных проявлений);
- развития (требует, чтобы при формировании научного знания наиболее полно и всесторонне отражались в нем объективные процессы становления и развития изучаемого объекта, процессы его различных количественных изменений и переходов из одного качественного состояния в другое);
- социального подхода (подразумевает, чтобы современные и исторические процессы рассматривались в контексте социальных интересов, традиций и психологии определенных классов, сословий, слоев и групп, интересы классовые

¹ Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в.: по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири. – 2-е изд. – М.; Барнаул, 2003.

и узкогрупповые оценивались с точки зрения соотношения общечеловеческих интересов, учитывался субъективный аспект в практической деятельности правительств, партий, личностей);

- альтернативности (допускает возможность многовариантного исторического развития, позволяет на основе анализа объективных реалий и возможностей определить уровень вероятности осуществления того или иного события, явления, процесса, что позволяет по-новому оценить путь исторического развития общества, увидеть неиспользованные возможности процесса, извлечь урок на будущее);

- дополнительности (комплетарности), который констатирует сложность организации (структурной, функциональной и проч.) любых объектов реальности и, как следствие, – потребность в их многоплановом описании.

В методологическом отношении диссертационное исследование опирается на комплекс общенаучных и специальных методов исследования.

Универсальный по своей сути *диалектический метод*, сосредоточивает внимание на процессе, на характере движения и развития, а также специфике их проявления в различных сферах бытия (обществе, сознании, познании), реализуется через соблюдение требований конкретности исследования, всесторонности рассмотрения явлений общественной жизни, объективности оценок всей совокупности представленных обстоятельств в их противоречивости, взаимосвязи и динамике. В силу этого социальная помощь изучается как постоянно функционирующее, развивающееся, приспособляющееся к изменяющимся условиям явление, как диалектически противоречивый циклический процесс, в котором все его элементы – социальные учреждения, получатели и поставщики помощи – влияют друг на друга и на весь процесс в целом в контексте социальных ожиданий, обусловленных общественными отношениями и практическими условиями их взаимодействия (право на помощь и обязательность соответствующих структур предоставить реально необходимые услуги и меры социальной поддержки; социальная защита интересов конкретного человека и удовлетворение потребностей социума; забота и контроль в плане распределения помощи).

Наряду с диалектическим методом, группу общенаучных методов теоретического познания составили анализ, синтез и аналогия. Они дали возможность, во-первых, выяснить, из каких дискретных, относительно самостоятельных структурных единиц, состояний, связей, зависимостей, взаимодействий, изменений складывается система и процесс социальной помощи, позволяющие объяснить или предсказывать поведение изучаемого объекта в тех или иных зафиксированных условиях (*метод анализа*); во-вторых, определить взаимосвязи и объединить различные элементы социальной помощи (теоретическую основу, субъекты, сеть социальных учреждений, разнообразные инструменты финансирования) в единое целое, сформулировать не только то, что подлежит изучению, но и то, каким образом возможно и целесообразно это сделать при помощи новых теорий, понятий (*метод синтеза*). *Аналогия* применяется для выяснения сходства каких-либо событий и исторических процессов, т. е. выступает в виде исторических параллелей, на основе которых имеется возможность глубже разобраться в существе изучаемых событий, понять и правильно оценить их отдельные стороны, вскрыть тенденции развития, предвидеть будущие события. Учитывается, что исторические параллели условны, поскольку в развитии событий значительная роль принадлежит субъективному фактору – сознательным, организованным действиям людей, в результате чего протекание событий может существенно отличаться от аналогичных движений. Поэтому задача осознания мотивов, целей, намерений людей, совершавших те или другие действия (например, пожертвования или их принятие), выяснение индивидуальности, неповторимости событий и отдельных поступков не снимается.

Для изложения исторических фактов важным, хотя и недостаточным, послужил *нарративный (описательно-повествовательный) метод*, познавательные возможности которого заключаются в том, что сам по себе рассказ о событиях (нарратив), высказанный в определенной последовательности, дает возможность дальнейшей интерпретации событий исходя из определенных причинно-следственных связей, установленных фактов, условий, в которых факт имел место, связи изучаемого события с другими установленными фактами и т. д.

Исторический (историко-генетический) метод ориентирует на рассмотрение того или иного события, явления, процесса с точки зрения его возникновения, укрепления, а также качественных переходов из одних состояний в другие, нацеливает оценивать факты, явления, события, личности в соответствии с конкретно-историческими обстоятельствами, в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Он позволил при анализе трансформации институтов, форм и практик социальной помощи установить не только причинно-следственные связи в процессе исторического изменения изучаемых явлений, но и проследить их временную преемственность, взаимосвязь или особенности. Одним из результатов применения этого метода стало условное деление исторического процесса развития системы общественного призрения в Восточной Сибири (декабрь 1784 – январь 1920 г.) на определенные хронологические этапы, каждому из которых с присущи свои особенности.

Периодизация важна при исследовании фактического материала на достаточно длительном временном интервале, так как выполняет задачи структурирования данных и позволяет глубже понять ход исторического процесса. Периодизация как разновидность структурно-диахронного анализа требует сопоставления состояния общества или происходящих в нем процессов и явлений в начале и в конце периода (этапа), открывает возможность установить главное направление развития системы социальной помощи, присущие ей особенности и тенденции, степень и форму их выраженности.

Значимое место в работе отведено использованию такой разновидности всеобщего исторического метода, как сравнительно-исторический. В научном познании он имеет большую доказательность, чем аналогия. *Сравнительно-исторический метод* позволяет по сходству и различию вскрыть сущность, количественные и качественные характеристики изучаемого явления в целом или в каких-то признаках, сопоставлять исторические объекты в пространстве и времени, используя разные виды сравнений (диахронные, синхронные, вариативные, индивидуализирующие). С его помощью можно показать количественное и качественное превосходство одного из сравниваемых явлений по отношению к

другому, имеющему с ним генетическую связь, а на основе этого сделать вывод о поступательном характере развития. Поэтому исключительное значение имеет сравнение видов и форм социальной помощи с учетом взаимосвязанности, взаимообусловленности, их возникновения и развития в контексте породивших их конкретных обстоятельств. Применение данного метода для анализа деятельности однотипных элементов системы социальной помощи (благотворительных заведений, институционально-организационных структур) связано, главным образом, с выяснением причин их различных уровней, имеющихся ресурсов, специализации, условий работы, количественных данных.

Рассмотрение социальной помощи как сложной системы социальных отношений и институтов, различные уровни которой функционируют на базе общей инвариантной структуры, обуславливает применение *структурно-функционального метода*, основанного на выявлении устойчивых связей внутри системы, обеспечивающих сохранение ее основных свойств. Изучение строения системы социальной помощи как совокупности взаимосвязанных элементов предполагает: во-первых, вычленение элементов, которые входят в систему; во-вторых, анализ характера отношений между элементами (горизонтальные, иерархические); в-третьих, исследование взаимодействия системы с внешней средой, т. е. внешних по отношению к системе объектов и процессов, которые напрямую или опосредованно оказывают воздействие на ее формирование, функционирование и развитие.

Кроме перечисленных способов, в работе нашел применение *хронологически-проблемный метод* (он позволил соблюсти историческую преемственность в описании изучаемых событий и явлений, так как нацеливает на расчленение широкой темы на целый ряд относительно узких проблем исторического развития, из которых каждая рассматривается в строгой хронологической последовательности относящихся к ней фактов) и *метод формально-юридического* (формально-логического) *анализа* исследуемого нормативного материала (позволяет уяснить суть и значимость закона или иного нормативного акта, исходя из его собственного содержания).

Для анализа совокупности цифровых сведений, характеризующих состояние массовых явлений и процессов изучаемого объекта и их сравнения, использован ряд приемов *метода статистики*: регистрация тех или иных фактов, признаков, относящихся к каждой изучаемой единице (количество частных благотворительных обществ и заведений, численный и/или социальный состав благотворителей, источники и объем пожертвований и т. п.); обработка собранных первичных данных, включающая их группировку, обобщение и оформление в таблицах, диаграммах; расчет обобщающих показателей и т. п.

Понятийный аппарат. Необходимым условием научной трактовки проблемы становления и развития системы социальной помощи является однозначное употребление ключевых понятий. Большинство терминов настоящей диссертации имеет общепринятую, широко используемую в гуманитарных и общественных науках интерпретацию. Однако потребовалось переосмыслить и адаптировать к особенностям изучаемой тематики основные и некоторые вспомогательные понятия, выявить их соотношение и связь с центральной для исследования категорией – «социальная помощь».

Необходимо отметить, что досоветская общеупотребимая лексика зафиксировала следующий круг понятий, который применялся для обозначения многообразных форм социальной помощи: «попечение», «призрение», «милостыня», «благотворительность», «общественное призрение», ряд из них до сих пор является предметом дискуссий. Так, в современной практике исторического поиска понятия «общественное призрение» и «благотворительность» употребляются как синонимичные, либо перекрещивающиеся, либо в контексте «попечение»; «благотворительность» используется как всеобщее понятие, по отношению к которому «общественное призрение» рассматривается как более узкое¹.

¹ Катцина Т. А. Современные исследования истории благотворительности в России: трактовки, подходы, результаты и перспективы // Вестник Красноярск. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2004. – № 6. – С. 135–139; Ромм М. В. Понятийный аппарат отечественного призрения: генезис, специфика, традиция // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов, 2005. – С. 229–234.

Для обозначения форм, видов и участников процесса социальной помощи используем нижеследующий понятийный аппарат.

Благотворительность в узком значении – это избирательная помощь из чувства сострадания и(или) религиозно-нравственной потребности (в этом случае благотворительность не терпит формализации и вмешательства государства, так как представляет собой глубоко личный акт, проявление нравственной зрелости человека) без заботы о дальнейшей судьбе получателя (объекта) помощи. В широком смысле – добровольная, безвозмездная деятельность граждан, их союзов, организаций (юридических лиц), направленная на распределение имеющихся у них ресурсов в целях решения социальных проблем, усовершенствования условий общественной жизни, а также содействия нуждающимся людям с учетом их подлинного (реального) положения, т. е. сосредоточенная на тех, кто действительно нуждается, а не делает из своего положения промысел. Забота о благе нуждающихся определяется альтруизмом, человеколюбием, гражданской солидарностью, чувством социальной справедливости и т. п.

Милостыня – стихийная (неорганизованная) форма помощи, представляющая собой передачу денег и(или) иных материальных средств тому, «кто протягивает руку». Степень нужды определяется субъективными ощущениями, возникшими у человека при встрече с тем, кто просит подаяние.

Попечение – это оказание заботы, покровительства, охрана чего-нибудь или чьих-нибудь интересов.

Призрение (от «призреть», т. е. приглядеть, отнестись к кому-либо с сочувствием, вниманием, предоставить приют и(или) пропитание) – форма помощи, направленная на удовлетворение элементарных жилищных и продовольственных потребностей нуждающегося.

Общественное призрение – законодательно регламентированная совокупность мер социальной поддержки и видов социальной помощи, осуществляемых государственными, государственно-общественными, сословными, административными органами и их учреждениями с целью ослабления негативных последствий наступивших социальных рисков (бедности, старости, сиротства и т. п.) у

человека. Как форма помощи характеризуется обязательным характером, предусматривает дифференциацию нуждающихся с целью удовлетворения их минимальных жизненных потребностей в специализированных заведениях (богадельнях, сиротских приютах, домах призрения и пр.) и применения арсенала средств «трудовой помощи» реабилитационного характера.

Социальная помощь определена как форма организационно-правовых мер и практическая деятельность (государственная, общественная, частная) в целях содействия нуждающимся, направленных на обеспечение минимально достаточных условий для поддержания жизни, ослабления негативных последствий наступивших социальных рисков.

Нуждающийся, призреваемый – человек или условная социальная группа, состоящая из лиц, которые в силу объективных или субъективных причин не могут удовлетворить свои жизненные потребности самостоятельно, испытывают затруднения в социальном функционировании, т. е. имеют социальные проблемы.

Субъект (актор) помощи – физическое лицо (жертвователь, благотворитель), организация или социальная группа, обладающие определенными ресурсами для решения проблем объекта (получателя) помощи.

Многообразные *виды социальной помощи* условно разделены по следующим основаниям:

а) по форме осуществления – денежные или натуральные (одежда, обувь, топливо, продукты питания, медикаменты и пр.);

б) по виду услуги – правовые, социально-бытовые, трудовые, социально-педагогические и т. п.;

в) по форме организации – неорганизованные (милостыня) и организованные, т. е. опосредованные специальными институтами;

г) по временному признаку – постоянные (бессрочные), временные (оказываемые на определенный срок), единовременные (разовые).

1.3 Источниковая база исследования

Источниковая база диссертации представлена разнообразными по характеру документами и материалами письменного происхождения как малоизвестными опубликованными, так и архивными, большей частью впервые вводимыми в научный оборот. Их изучение во взаимосвязи и совокупности разновидностей способствует увеличению возможности получить информацию с большей степенью достоверности и объективности, скомпоновать доказательный материал, иллюстрирующий процесс формирования и развития системы помощи в исследуемый период.

Комплекс используемых источников согласно их видовой классификации (под видом понимается исторически сложившаяся группа источников, которые имеют устойчивые признаки формы и содержания, возникшие и закрепившиеся в силу общности их социальных функций¹), зависимости от происхождения, внутренней структуры, содержания и назначения представлен следующими группами:

- 1) законодательные акты;
- 2) делопроизводственная документация;
- 3) справочно-статистические материалы организаций и учреждений разного профиля;
- 4) периодическая печать;
- 5) источники личного происхождения;
- 6) летописи и хроники.

Следует отметить условность данной, как и любой другой классификации, а также отсутствие бесспорной видовой классификации в современном теоретическом источниковедении.

Кратко охарактеризуем использованные источники.

¹ Георгиева Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2016. – № 1. – С. 14.

Первую группу источников составили утвержденные верховной властью тексты законодательных актов (манифесты, положения, уставы, мнения Государственного совета) разных лет, которые непосредственно закрепляли систему отношений социальной помощи, определяли и регулировали порядок деятельности, цели (функции) и структуру органов государственной власти, приказов общественного призрения («Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г.), городского общественного самоуправления (Городовые положения 1870, 1892 гг.), церковно-приходских попечительств («Положение о приходских попечительствах при православных церквях» 1864 г.) и других, организованных на формально-правовой основе учреждений, причастных к сфере социальной помощи в имперский период истории России.

Все разновидности перечисленных законодательных актов содержит «*Полное собрание законов Российской империи*». В хронологическом порядке, по номерам утвержденного каждого акта царем, в нем соединены законы с 1649 г. до 12 декабря 1825 г. (первое собрание), с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. (второе собрание), с 1 марта 1881 г. до конца 1913 г. (третье собрание). Большинство помещенных в них актов действовало до октябрьской фазы революции 1917 г., а на территориях, подконтрольных «белым» правительствам, – до окончания Гражданской войны. Например, «Закон о призрении нижних воинских чинов и их семейств» 1912 г. применялся при назначении мер социальной поддержки населению Сибири фактически до января 1920 г.

Использовался и «*Свод законов Российской империи*», соединивший по тематическому признаку действовавшие законодательные акты Российской империи, переиздававшееся полностью или частично вплоть до октября 1917 г. Широкое применение в данной работе нашли «Уставы о общественном призрении» (в редакции 1857, 1892 и 1915 г.), выделенные в XIII том Свода.

Некоторые законы, инструкции и правительственные распоряжения выходили отдельными оттисками (например, «Узаконения, касающиеся деятельности Алексеевского Главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией» 1908 г.) или сборниками (например, «Законы и распоряжения о бе-

женцах» 1916 г.). К ним примыкают хранящиеся в местных архивах инструкции и распоряжения, присланные центральными органами власти. Нормативные акты местных административных и структурных подразделений центральных государственных органов, а также негосударственных учреждений и организаций отнесены нами к делопроизводственной документации.

Определенный интерес представляют неофициальные издания действовавшего законодательства Российской империи, которые стали появляться в конце XIX – начале XX в. под редакцией и с примечаниями профессиональных юристов: «Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями» (составитель М. И. Мыш, 1897); «Пенсии и пособия солдатам, вдовам и сиротам нижних воинских чинов: сборник законоположений, инструкций и правительственных распоряжений, последовавших по 20 апреля 1915 г. о призрении нижних воинских чинов и их семейств, с законодательными мотивами, постатейными разъяснениями и приложениями» (составитель Н. Рудин, 1915) и др. Преимуществом таких публикаций была их относительно широкая доступность общественности, актуальность ввиду включения только действовавших норм, а иногда научных положений и судебной практики, касающейся издаваемого нормативного акта.

К данной группе источников примыкают официальные тексты законодательных и нормативных актов Временного правительства (Сборники указов и постановлений Временного правительства, опубликованные в 1917 и 1918 гг.), декреты советской власти, постановления, указы и законы, издаваемые в Сибири «белыми» правительствами.

Перечисленные источники зафиксировали те формально-юридические нормы, которые непосредственно определяли характер и направления правительственного курса в сфере социальной помощи, и, в целом, они дают представление о механизмах ее организации и реализации, административного контроля.

Во вторую группу источников объединена делопроизводственная документация (организационная, распорядительная, текущая, отчетно-

информационная), связанная своим происхождением с деятельностью различных органов и учреждений социальной помощи на разных системных уровнях. Для нее характерны разнотипность, раздробленность, фрагментарность, пробелы в хронологии. Для выяснения значимости информации и достоверности сведений, сообщаемых документом, его сопоставляли с другими видами источников, касающихся одного и того же вопроса, излагающих факт или группу фактов с различных точек зрения либо подтверждающих показания друг друга.

В научный оборот вводились архивные источники, чаще всего не обеспеченные компактным хранением, разрозненные и находящиеся в разных хранилищах и фондах. Наибольший массив делопроизводственной документации извлечен из депонированных в центральных (государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив, Российский государственный военно-исторический архив), региональных (государственный архив Красноярского края, государственный архив Иркутской области, национальный архив Республика Саха (Якутия), государственный архив Читинской области) и муниципальных (городов Ачинска и Енисейска) архивах фондов государственных органов власти и управления, губернских, волостных и городских инстанций, частных благотворительных обществ, благотворительных заведений, духовных консисторий. Использование каждого фонда было неравнозначным и зависело прежде всего от его непосредственной близости к выбранной теме, информативной насыщенности, степени сохранности. Невосполнимый урон архивам нанесли пожары 1869 г. в Енисейске, 1879 г. в Иркутске и 1881 г. в Красноярске. Так, оказалась утрачена значительная часть документов Иркутского и Енисейского приказов общественного призрения дореформенной эпохи. Многие архивы городских учреждений подверглись расхищению в 1920 г. Неизвестна судьба ф. 857 «Красноярский уездный комитет помощи беженцам» государственного архива Красноярского края.

Для изучения частных благотворительных обществ и заведений привлечены их уставы, процедура согласования и утверждения которых состояла в юрисдикции Министерства внутренних дел. С принятием в 1897 г. «нормальных»

(примерных) уставов Обществ пособия бедным и других благотворительных обществ тождественные им уставы утверждались губернаторами. Утвержденные уставы, как правило, издавали отдельными, малотиражными брошюрами. Они заключали в себе информацию далеко не равнозначную по объему и ценности. Если сведения о наименовании общества, дате его учреждения, источниках финансирования, о целях и задачах деятельности, организационном устройстве, системе отчетности, участии в управлении и его ограничении полные, то о составе учредителей, их имущественном, социальном положении этого сказать нельзя, часто сведения такого характера вообще отсутствуют. Из контекста официально утвержденных уставов и зачастую по спущенным свыше типовым образцам, выявить действительный, подлинный характер деятельности рассматриваемого объекта тоже нельзя. Поэтому привлечена другая разновидность источников: служебные (переписка и документы внутреннего делопроизводства) и личные (просительные документы и акты). «Перекрестное» использование разноплановых источников позволило избежать ошибок при определении даты фактического открытия общества или заведения, а также установить временной разрыв с датой юридического утверждения устава.

Для лучшего понимания работы органов и учреждений системы социальной помощи использовались все разновидности служебной переписки: отношения (между равными в соподчиненности учреждениями и должностными лицами), указы, предписания (исходящие от высших учреждений и должностных лиц к низшим), рапорты (исходящие от низших учреждений и должностных лиц к высшим).

К анализу привлечены объявления в прессе, гектографированные или лично написанные губернаторами, главами городов, епархиальными архиереями, организаторами благотворительных обществ и заведений обращения, адресованные конкретному лицу, узкой или широкой группе лиц, и переписка по вопросам, связанным с социальными проблемами и способами их решения. Эти источники важны не только для понимания неформальных отношений в служебной иерархии и использования личных связей в служебных целях, но и для осмысле-

ния механизмов привлечения потенциальных благотворителей к социально значимой деятельности, объяснения нравственных стимулов, моральных обязательств и т. п.

В структуре внутренней документации приказов общественного призрения, органов городского и крестьянского самоуправления, частных благотворительных обществ значительное место принадлежит протоколам заседаний, общественным приговорам, разного рода докладными записками, в которых можно встретить информацию о предпринимаемых шагах и выполнении определенных действий, направленных на оказание помощи и поддержку нуждающимся. Протоколы составлялись в единственном экземпляре и, как правило, не выходили за пределы коллегиального органа, что делает их редким историческим источником. Кроме этого, задействованы журналы губернских правлений, заседаний городских дум, где излагается рассмотрение локальных социальных проблем и принятые по ним решения.

Особую разновидность делопроизводственной документации составляют отчетно-информационные материалы. Их привлечение особенно важно для воссоздания динамики изменений системы социальной помощи за достаточно длительный промежуток времени. Содержащиеся в отчетах статистические и другие фактические данные имеют сводный, обобщающий характер. В некоторых случаях отсутствие в архивах материалов итогового свойства объясняется тем, что они были изданы, а их архивные оригиналы уничтожены как ненужные. Опубликованные отчеты по своим особенностям как исторические источники отличаются от неопубликованных (архивных) тем, что при их составлении так или иначе учитывалось то впечатление, которое они могли произвести на общественное мнение, на что они иногда и были специально рассчитаны. В материалах, предназначенных для обнародования, широкого распространения, часто проявляется стремление приукрасить ситуацию, сделать упор на успехи и достижения, уменьшить или убрать «негатив».

Довольно широкое применение в нашей работе нашли изданные типографским способом Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода по

ведомству православного исповедания, отчеты частных благотворительных обществ. Нужно заметить, что в практике частных благотворительных обществ и заведений были распространены две формы отчетности (общая и финансовая), а также их обязательная публикация в прессе, в связи с чем эту отчетность можно назвать публичной. Годовые, юбилейные или ежемесячные отчеты размещали на страницах губернских или областных газет в неофициальной части или печатали отдельными брошюрами, тиражом, возможно сопоставимым с числом почетных и действительных членов общества, являвшихся на ежегодное общее собрание. Данная практика была одним из способов государственного контроля над благотворительной деятельностью, и в то же время представляла собой форму обнародования информации о деятельности общественной организации. Однако издаваемые небольшими тиражами и распространяемые преимущественно в пределах своей губернии или области, отчеты становились библиографической редкостью почти с самого своего выхода в свет.

Сведения финансовой отчетности использовались нами при анализе денежных и материальных ресурсов той или иной благотворительной организации или заведения либо сравнения финансового состояния отдельных обществ и заведений между собой. Здесь важно, например, какая структура (виды) капиталов имела у организации, каковы были источники их пополнения и объем привлеченных средств (эти сведения публиковались в разделе «приход»). По графе «расход» можно отследить то, как использовались средства (кому и в каком размере оказана денежная помощь, сколько израсходовано на содержание персонала и контингента благотворительного заведения, какую часть составили непредвиденные затраты и т. п.), насколько сбалансированным было соотношение доходов и расходов.

Отчеты уездных, волостных, церковно-приходских попечительств изредка встречаются в официальных изданиях, как правило, на последних страницах газет, в виде краткого обзора поступивших пожертвований и произведенных по ним расходов, отдельными брошюрами они не печатались.

Основной массив использованных в работе опубликованных отчетов и уставов благотворительных обществ и заведений, извлечен из хранилищ современных библиотек: Российской государственной библиотеки (г. Москва); государственной публичной исторической библиотеки России (г. Москва); государственной универсальной библиотеки Красноярского края (г. Красноярск); Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), г. Якутск; Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского (г. Иркутск); библиотеки Красноярского краевого краеведческого музея (г. Красноярск) и др.

К третьей группе источников отнесены *справочно-статистические материалы* организаций и учреждений разного профиля. Сведения фактического характера по разному кругу изучаемых вопросов извлечены из центральных и местных публикаций типа «Статистическое обозрение Сибири, составленное статским советником [М. Н.] Баккаревичем на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и достоверных источников» (1810), «Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником [Ю. А.] Гагемейстером» (1854), «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» (1904), «Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах)» (1925) и др.

Использованные в работе *Обзоры* (в изданиях 1879–1897 гг. – подзаголовок «Приложение ко всеподданнейшему отчету») и *Статистические обзоры губерний (областей)* помогли воссоздать некоторые количественные характеристики капиталов приказов общественного призрения, расходов городов на социальную сферу, динамику сельских богаделен. Эти источники издавались местными статистическими комитетами с 1870 по 1916 г. в виде обособленной части к ежегодному докладу губернатора. В отличие от докладов обзоры были открыты для публики, выпускались типографским способом. Для исследователей значение этих документов определяется, прежде всего, тем, что в них из года в год помещался сходный набор формализованных данных (хотя формуляр неоднократно

менялся), хорошо сопоставимых между собой в масштабе всей губернии или области, кроме того, позволяющих провести пространственно-временное сравнение. Текстовый обзор благотворительных заведений публиковался в разделе «Народное здравие и общественное призрение» и различался содержательной подачей материалов на уровне губерний и областей Восточной Сибири. Наиболее насыщенными по интересующему нас кругу вопросов являются обзоры Енисейской губернии и Якутской области. Информативность обзоров Иркутской губернии снижает повторение сходного текста на протяжении ряда лет. В обзорах Забайкальской области часто отсутствуют ведомости о доходах и расходах городов на социальные нужды, в связи с чем сложно сопоставить цифровые данные в срезе разных лет и сравнении с другими территориально-административными единицами. Следует отметить, что вопрос о городских расходах на общественное призрение вообще мало поддается цифровому подсчету и сравнению, так как лишь с 1898 г. в отчетах городских касс о денежных оборотах стали дифференцировать народное здравие, образование и призрение.

Другим широко известным справочным изданием дореволюционной России были «Памятные книжки...» отдельных губерний и областей (в Восточной Сибири их печатание началось в 1861 г. с Иркутской губернии), подготовленные местными статистическими комитетами. Эти объемные издания позволяют получить определенную информацию о состоянии социальной помощи на одной из территорий. Издания являлись периодическими, имели неоднородную структуру, даже те, которые выпущены в одной территориально-административной единице в разные годы. В наиболее полном виде состав памятных книжек включил три крупных раздела: адрес-календарь, справочный, статистический. Так, адрес-календарь личного состава служащих государственных и общественных учреждений, действующих на уровне губернии (области) и входящих в их состав округов (уездов), содержит поименный, с указанием звания и занимаемой должности, перечень служащих богаделен, детских приютов, приказов общественного призрения, Ведомства учреждений императрицы Марии, действующих на основании штатов этих учреждений, регламентированных соответствующими нормативно-

правовыми актами. Как правило, это однородные и достоверные, подлежащие статистической обработке и анализу данные, при сопоставлении которых можно проследить изменения личного состава названных учреждений. Сведения по истории или текущему состоянию общественного призрения, как правило, размещали в справочном или статистическом отделах памятных книжек. Несмотря на эпизодический и фрагментарный характер публикаций по обозначенным вопросам, они все же дали в наше распоряжение интересные факты по истории благотворительных заведений губерний и областей.

В целом справочно-статистические источники способствовали систематизации сведений о развитии благотворительных обществ и заведений. Но следует отметить, что в официальные списки благотворительных учреждений, составленных соответствующими министерствами и ведомствами, часто включались общества взаимопомощи, что приводило к путанице в статистических данных, относящихся к разным видам этих объединений. Общества взаимопомощи, целью которых была правовая защита своих членов, попечение об улучшении условий их труда, забота о повышении профессионального и культурно-образовательного уровня, имели представители творческой интеллигенции (ученые, писатели, артисты, художники), учителя и учащиеся разных уровней образования, торговые и промышленные служащие (приказчики, бухгалтера и т.п.) и другие представители одного или близких занятий. В отличие от обществ пособия бедным, они оказывали материальную поддержку только своим членам, объединенным по профессиональному признаку.

Источником, раскрывающим количественные показатели благотворительных заведений губерний и областей Восточной Сибири, послужила книга «Благотворительность в России», основанная на данных, собранных статистическим отделом Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии из вопросных листов, разосланных в 1903 г. во все благотворительные учреждения Российской империи. К слову, предшествующий этому изданию многотомный «Сборник сведений по общественной благотвори-

тельности», опубликованный под эгидой Императорского человеколюбивого общества в 1880–1884 гг., каких-либо сведений о Сибири не содержит.

Реализация исследовательских задач осуществлена и посредством обращения к изданию «Краткое описание приходов Енисейской епархии» (1916) Енисейского церковно-историко-археологического общества. Несмотря на ограниченность клировыми ведомостями в качестве источника, материалы книги дают представление о численном, религиозном, социальном составе населения приходов, числе церковно-приходских попечительств, приходских попечительных советов (как новой формы организации социальной работы в годы Первой мировой войны). Издание не имеет аналогов по другим губерниям и областям Сибири.

Следующую группу представляет сложный по составу и многообразный по форме источник – *периодическая печать* (общая и специализированная), полезная многоплановостью информации.

Использовались различные по содержанию и охвату отдельных аспектов изучаемой темы материалы журналов «Вестник Европы» (русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1917 г. в Санкт-Петербурге), «Сибирский наблюдатель» (издавался в Томске с 1901 по 1905 г.), «Вестник благотворительности» (официальный орган Ведомства учреждений императрицы Марии, выходил в Санкт-Петербурге с 1897 по 1902 г.) и др.

Особого внимания заслуживает журнал «Призрение и благотворительность в России». Он издавался Всероссийским союзом учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению с 1913 по апрель 1917 г. В содержание общей части и тематических рубрик этого издания были включены справочные сведения о законах и правительственных распоряжениях, обзоры деятельности Императорского человеколюбивого общества, материалы о земском и городском общественном призрении, отчеты и хроника столичных Попечительств о бедных, вопросы призрения детей, нищих и т. п. Кроме этого, в журнале обсуждались злободневные юридические, финансовые и организационные

вопросы, печатались отдельные доклады участников Первого (март 1909 г.) и Второго (май 1914 г.) всероссийских съездов по общественному и частному призрению.

Не менее интересен официальный орган Попечительства о домах трудолюбия и работных домах – журнал «Трудовая помощь» (1897–1918), география материалов которого охватывала не только Россию, но и зарубежье. Так же как и журнал «Призрение и благотворительность в России», он печатался в Санкт-Петербурге, с такой же периодичностью – десять номеров в год, ежемесячно кроме июля и августа. Журнал освещал специальные формы трудовой помощи (дома трудолюбия, общественные работы, посреднические конторы по приисканию работ и т. п.), вопросы призрения нетрудоспособных, публиковал обзоры законодательных мер, административных распоряжений и мероприятий органов центрального и местного управлений в системе помощи, очерки истории церковно-приходской благотворительности, отдельных благотворительных организаций и т. п. С началом Первой мировой войны журнал сконцентрировал внимание на вопросах организации помощи пострадавшим от военных действий, а после февраля 1917 г. – на проблемах реорганизации системы общественного призрения, дискуссиях о социальной политике. Тематика статей свидетельствует как о пристрастиях авторов, видных общественных деятелей в области российской и зарубежной социальной помощи, так и об интересах читателей журнала.

Полезными оказались материалы ведущих повременных изданий в регионе второй половины XIX – начала XX в. Прежде всего, это публикации официального характера: «Енисейские губернские ведомости», «Известия Иркутской городской думы» (1886–1913 гг., затем «Вестник Иркутского городского общественного управления»), «Енисейские епархиальные ведомости» и аналогичные им издания по другим губерниям и областям Восточной Сибири.

Материалы, так или иначе связанные с вопросами социальной помощи, заимствованы из официальной (правительственные распоряжения, постановления местных властей) и неофициальной (хроники и сообщения о благотворительных акциях, открытии благотворительных обществ и заведений, их отчеты и т. п.)

частей губернских ведомостей. Газета дает возможность составить представление о способах привлечения пожертвований (лотереи-аллегри, благотворительные балы-базары, кружечные сборы, беспроигрышные лотереи, благотворительные концерты и т. п.), объемах собранных средств, группах получателей помощи, знакомит с именами благотворителей и т. п. В годы войн начала XX в. издание достаточно широко освещало проблемы, порожденные войной, и попытки их решения. На страницах газеты часто можно встретить (особенно на начальном этапе Первой мировой войны) адресованные конкретным кредитным товариществам, сельским и волостным сходам благодарности членов императорской семьи за патриотические пожертвования, проявленные верноподданнические чувства, помощь населению, пострадавшему от военных действий, и т. п.

Существенно расширяют возможности исследования специализированные издания городских самоуправлений, призванные ознакомить читателей с положением и ходом городских общественных дел, раскрыть многие вопросы организации муниципальной жизни. В этих источниках отражены распоряжения правительства, делопроизводственные материалы (протоколы заседаний дум и управ), сметы городских доходов и расходов, объявления, публицистические статьи о текущих проблемах городской жизни конца XIX – начала XX в.

Искомая информация по конфессиональным аспектам социальной помощи (отчеты церковно-приходских попечительств, списки жертвователей, заметки священнослужителей по вопросам благотворительности, активизации приходской жизни и т. п.) в большей мере почерпнута из таких изданий, как «Епархиальные ведомости», «Прибавление к церковным ведомостям». Они являлись официальными источниками информации для православных, дискуссионными площадками обсуждения проблем церковной жизни и ее преобразований.

Некоторый фактический материал по экономическому, социальному и политическому состоянию изучаемого региона извлечен из частных общественно-политических газет либеральной направленности: «Восточное обозрение» (Иркутск, 1888–1906), «Сибирская жизнь» (Томск, 1897–1917), «Енисей» (Красноярск, 1894–1904) и др. В статьях из газет неправительственного происхождения

можно наблюдать критику власти, реакцию различных слоев населения на основные мероприятия государства и его властных структур, более четко представить круг социальных проблем, беспокоивших общество. Учитывая интересы и настроения читательской аудитории, газеты чутко отзывались на злободневные проблемы и вопросы, рассматривали недостатки общественной жизни, писали о качественных усугублениях жизненных ситуаций населения, значимости организационных форм помощи и т. д.

Использовались издания периода Первой мировой («Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии» – печатный орган Красноярского отдела Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны) и Гражданской («Новая Сибирь», «Енисейский вестник» и др.) войн.

Работа с периодической печатью позволила не только получить конкретные факты, но и лучше понять дух эпохи, условия жизни населения, в которых протекали изучаемые процессы. Из публикаций можно проследить то, какое место заняла благотворительность в сознании современников, какими способами мобилизовались ресурсы, среди каких слоев населения приветствовались благотворительные инициативы, какие категории нуждающихся получали наибольшую поддержку и, наконец, как воспринимали формы и практику социальной помощи разные слои населения и разные части государственного аппарата.

Пятая группа объединяет несколько разновидностей *источников личного происхождения*. Например, близкие к разряду *мемуаров* «Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 г., город Енисейск» М. П. Миндаровского, депонированные в рукописном фонде Енисейского краеведческого архива им. А. И. Кытманова. Автор записок занимал должности в системе Енисейского городского самоуправления с 1891 г. до установления советской власти и изложил наблюдаемые им явления повседневной жизни или определенные события через призму своего личного представления. Это ценный и в то же время сложный источник по характеру восприятия и отражения действительности его автором, позволяет

получить ценную информацию, которую не фиксируют официальные документы.

Блок *эпистолярных источников* включает письма, прошения и жалобы населения в различные инстанции по вопросам назначения и выплаты пособий, устройства в благотворительные заведения, отложившиеся в архивных фондах, и близкие к ним по характеру письма в местные газеты и журналы. Эти материалы дают возможность ознакомиться с определенными событиями через призму субъективных впечатлений и ощущений автора, поскольку передают комплекс его чувств, мыслей, действий и настроений, могут обеспечить понимание того, какими способами пользовались нуждающиеся для того, чтобы получить помощь. Для властных структур такие источники служили своеобразным показателем общественного настроения, инструментом определения спектра злободневных социальных проблем.

Шестую группу источников составили *летописи и хроники*, представляющие собой плод большого и кропотливого труда их авторов: «Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова)» (1911); «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893» А. И. Кытманова, переизданная в 2016 г.; «Летопись Якутского края, составленная по официальным данным В. Л. Приклонским» (1896) «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг.», составленный И. В. Щегловым (1883), и др. Они позволили рассмотреть в хронологической последовательности события сибирской провинции как первостепенного значения, так и по мелким, частным поводам.

В целом охарактеризованные источники неоднородны по своему происхождению, содержанию и значимости для темы исследования, но их информационный потенциал, сочетание и взаимопроверка позволяют отразить изучаемый объект в многообразии его структурных элементов и взаимосвязей и определявшие их факторы во времени.

Обобщим вышеизложенное.

В отечественной историографии первые попытки изучения истории общественного призрения, оценки масштабов и характера складывающейся системы социальной помощи в России и Восточной Сибири (декабрь 1784 – январь 1920 г.) появились в 1810-е гг. В XIX – начале XX в. разработано большинство подходов и концепций, на которых базируются современные исследования по истории институционально-организованных форм социальной помощи. Они представлены в десятках монографических работ, крупных статьях, разноплановых изданиях, подготовленных не столько трудами историков, которых немного, сколько исследованиями представителей других наук: правоведов, статистиками, экономистами, политиками, общественными деятелями, государственными служащими. Проблемы социальной помощи рассматривались ими через призму анализа существующего законодательства и практик его реализации, структурной характеристики состояния системы помощи либо динамической характеристики политики, отражающей ее желаемый результат в дискуссиях и принимаемых решениях. История социальной помощи в Сибири и ее регионах не становилась объектом специального изучения, хотя были единичные работы, авторы которых пытались дать обзор благотворительных практик на примере административных центров (Томска, Иркутска, Красноярска).

В 1920-е гг. социальная помощь имперского периода истории России воспринималась негативно и ее изучение представлялось лишенным социальной и научной актуальности. В связи с чем с 1930-х гг. образовался значительный тематический пробел, специальных работ по истории общественного призрения и благотворительности в России и ее регионах не появилось. Лишь некоторые зарубежные историки исследовали отдельные стороны проблемы, но их труды обходили вниманием ее региональные аспекты.

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. научные исследования данной проблематики были возобновлены, продолжены традиции досоветской историографии, сохранилась актуальность тем, но расширился круг рассматриваемых вопросов. В настоящее время исследования ведутся во многих академических научных учреждениях и на соответствующих кафедрах высших учебных заведений, в архивах и

музеях и включают такие виды работ, как издание источников, исследования о них, монографические и коллективные труды, историографические работы, подводящие итог коллективных усилий историков, источниковедов, археографов и других специалистов. Существуют территориальные диспропорции в изучении темы. Она активно разрабатывается на материалах Западной Сибири и Забайкалья, как правило, в хронологических границах 1860-е гг. – начало XX в. Ни в общероссийской, ни в региональной историографии комплексных исследований, посвященных осмыслению моделей и практик социальной помощи нуждающимся в хронологических границах декабрь 1784 – январь 1920 г., нами не обнаружено. До сих пор нет целостного структурно-функционального представления региональной модели системы общественного призрения. Многие конкретные вопросы остаются недостаточно проясненными (например организация помощи выселенцам и другим категориям жертв Первой мировой войны; этапы развития и количественные характеристики частных благотворительных обществ и заведений для нуждающихся в Сибири; инструменты организации и финансирования помощи нуждающимся со стороны приказов общественного призрения, органов городского и крестьянского самоуправления, церковно-приходских попечительств; зависимость между результативностью и наличием исходных ресурсов у организаторов помощи), а оценки (роли того или иного субъекта помощи, результата их деятельности) разноречивыми. Тема остается открытой для специальных исследований как на общероссийском, так и на региональном уровнях, для чего имеются историографические, методологические и информационные предпосылки.

ГЛАВА 2. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (последняя четверть XVIII – XIX в.)

2.1. Формирование органов и учреждений социальной помощи в последней четверти XVIII в. – 1860 г.

Перед нами стоит задача конкретизировать и углубить представления о региональных особенностях системы социальной помощи населению на начальном этапе ее становления (декабрь 1784 г. – 1860 г.), в частности определить роль приказов общественного призрения, источники и формы их финансирования, особенности организационно-управленческой структуры. Анализ опыта деятельности Иркутского и Енисейского приказов общественного призрения дает возможность обозначить их место и роль в системе социальных институтов до-реформенной России, поможет понять функционирование современных территориальных учреждений социальной защиты, выступающих связующим звеном между населением и государственными структурами. При рассмотрении истории заведений социальной помощи бедным появляется возможность проанализировать их ресурсную базу, четче представить динамику развития, выявить факторы эффективности или ограниченности деятельности.

2.1.1. Иркутский и Енисейский приказы общественного призрения

Приказы общественного призрения как учреждения были созданы в результате общей реформы губернского правления 1775 г., курс которой задавал

Манифест Екатерины II¹ от 7 ноября 1775 г., предшествовавший обнародованию «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи».

Вместо ранее существовавшего деления территории России на губернии, провинции и уезды вводилось двухчленное деление на губернии и уезды, в основе которого лежал принцип численности податного населения: в губернии должно было жить 300–400 тыс. душ мужского пола, а в уездах – 20–30 тыс. душ. Ко времени издания акта о реформе местных учреждений число губерний равнялось 23, из них, вместе с приобретенными за время 1775–1796 гг. территориями, образовано 50². Государственные преобразования охватили и Сибирь. В 1782 г. в составе Сибирской губернии учреждалось Тобольское наместничество, состоящее из двух областей (Тобольской и Томской) и 16 уездов; в 1783 г. Иркутская губерния была преобразована в Иркутское наместничество из четырех областей (Иркутской, Нерчинской, Охотской и Якутской) и 17 уездов³.

В соответствии с законом в 1775–1785 гг. были проведены губернские преобразования, свидетельствовавшие об усилении унификационных и интеграционных процессов в системе государственного управления. Для органов управления в губерниях устанавливались следующие начала: разделение власти, коллегиальность, участие в суде и управлении представителей сословий. В современной литературе высказано мнение, что под разделением власти законодатель во второй половине XVIII в. понимал не разделение на законодательную, исполнительную и судебную ветви, а то, что три функции деятельности государства в губерниях (финансы, полиция и суд) должны быть разведены, административные органы разделены на полицейские и финансовые⁴.

¹ Благочестивейшая самодержавнейшая великая государыня императрицы Екатерины Вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи. – [М.], [1775].

² Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). – СПб., 1910. – С. 311.

³ Там же. – С. 311; Воропанов В. А. Организация имперской системы правосудия в Тобольском наместничестве (1782–1796 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. – 2009. – № 1(19). – С. 30.

⁴ Толочко А. П., Коновалов И. А. Местное управление Российской империи по «Учреждениям для управления губерний» 1775 г. // Вестн. Омского ун-та. Сер. Исторические науки. – 2018. – № 4 (20). – С. 94.

Областную администрацию возглавил наместник или генерал-губернатор, управлявший несколькими губерниями, во главе которых стояли губернаторы. Исполнительным органом губернатора являлось губернское правление. Именно губернская администрация налаживала работу учреждений и должностных лиц, контролировала правила соблюдения делопроизводства, следила за его скоростью, осуществляла организационное вмешательство в работу учреждений, способствовала вскрытию проблем во время ревизий.

В структуре местного управления создавались судебное и административные учреждения двух типов – казенная палата (ведала промышленностью и финансами) и приказ общественного призрения (для организации социальной помощи населению).

Открытие комплекса присутственных мест, отмечает В. А. Воропанов, унаследовавших функции столичных коллегий, губернаторов и воевод, праздновалось как общенародное событие во всех губернских и уездных центрах страны. Правительство стремилось заинтересовать широкие массы населения в проведении судебно-административной реформы, вызвать доверие подданных к органам государственной власти¹. В губернском городе Иркутске открытие присутственных мест «к неограниченному обрадованию всех граждан» состоялось 30 декабря 1783 г. (приказа общественного призрения – 27 декабря 1784 г.², а по другим данным, в марте 1797 г.³). Особый стол к празднованию был подготовлен для сельских выборщиков – русских крестьян и «иноверческих старшин»⁴.

Согласно энциклопедическим данным, заимствованным из статистики Министерства внутренних дел, в Сибири первым открылся Тобольский приказ

¹ Воропанов В. А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). – Челябинск, 2008. – С. 122–124.

² Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). С предисловием, добавлением и примечаниями И. И. Серебренникова. – Иркутск, 1911. – С. 113.

³ Мантурова С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в Забайкалье: историко-культурные практики во второй половине XIX – начале XX в.: дисс. ... д-ра ист. наук: 24.00.01. – Улан-Удэ, 2005. – С. 122.

⁴ Воропанов В. А. Организация имперской системы правосудия в Тобольском наместничестве (1782–1796 гг.) ... – С. 30.

общественного призрения губернии (1781 г.), затем Иркутский (1784 г.), Томский (1804 г.) и Енисейский (1822 г.)¹. Автор фундаментальной научной работы «Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.)» А. Р. Соколов обращает внимание на то, что официальную дату открытия Приказа общественного призрения не всегда следует считать датой начала его работы². Приказы общественного призрения создавались не одновременно с новыми губерниями, а с некоторой задержкой. Из материалов государственного архива Красноярского края следует, что открытие Енисейского приказа общественного призрения состоялось 15 мая 1823 г.,³ т. е. через год после образования Енисейской губернии.

Круг деятельности приказов общественного призрения был обозначен в отдельной, достаточно объемной двадцать пятой главе «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Так, согласно статье 380, Приказу общественного призрения поручалось устройство, попечение и надзор следующих заведений: народных школ; сиротских домов; госпиталей или больниц для неизлечимых больных; богаделен для убогих, увечных и престарелых; особого дома для неизлечимых больных, не имеющих пропитания; дома для сумасшедших; работных домов; смирительных домов⁴.

Из этого перечня видно, что приказы общественного призрения должны были курировать учреждения не только социальной сферы (здравоохранения, начального образования, общественной благотворительности), но и пенитенциарные (рабочие и смирительные дома). Однако им не подчинялись училища или учреждения, которые обладали привилегиями или жалованными грамотами, со-

¹ Бр А. Приказы общественного призрения // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. – Т. 25 (49). – СПб., 1898. – С. 196.

² Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX вв.) – СПб., 2006. – С. 207.

³ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

⁴ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. № 14392. 7 ноября 1775 г. // ПСЗ РИ с 1649 г.: в 45 т. Т. XX (20). 1775–1780. – СПб., 1830. – С. 271.

стояли на основании особых императорских распоряжений в ведении светских или духовных правлений (статья 381)¹.

В 1782 г. дела по народному образованию были изъяты из ведения Приказов общественного призрения в пользу созданной Комиссии об учреждении народных училищ, главным итогом деятельности которой стал «Устав народным училищам в Российской империи», утвержденный Екатериной II 5 августа 1786 г. Он заложил основы государственной общеобразовательной школы России. Однако передача существующих учебных заведений не была одномоментной, учреждения могли еще долго оставаться на балансе прежних ведомств. Это видно из указа, который получил в 1784 г. генерал-поручик И. В. Якоби при назначении на должность Иркутским и Колыванским губернатором, наместником Сибири. Правительствующим Сенатом указывалось на содержание школ ведомства приказа общественного призрения взимать в таможах Иркутской губернии сверх установленной пошлины с ценности товаров с каждого рубля по 2 коп. с входящих товаров, по 1 коп. с выходящих товаров, как в Колыванской и Тобольской губерниях². Иными словами, Иркутскому приказу общественного призрения было разрешено использовать новые, не предусмотренные Учреждением для управления губерний источники финансирования.

Ряд статей (384–391) «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» касался регламентации подведомственных приказу общественного призрения заведений. Например, изложены мысли об учреждении особых больниц и отдельных приютов для неизлечимых больных (ст. 385–389), о запрете учителям применять к детям телесное наказание (ст. 384), довольно гуманные и передовые для своего времени идеи о воспитании, об общественной благотворительности и т. д.³

¹ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. № 14392. 7 ноября 1775 г. ... – С. 271.

² Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) ... – С. 112–113.

³ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. № 14392. 7 ноября 1775 г. ... – С. 272–275.

В соответствии с законом состав правления совершенно нового для Российской империи учреждения формировался из шести заседателей, выборных по два от каждого из трех сословных судов второй инстанции (верхнего земского суда, губернского магистрата и верхней расправы). В современной литературе отмечается¹, что хотя сами судьи были выборными, специальное избрание для членства в приказе общественного призрения законодательно не было предусмотрено, судей просто кооптировали в его состав собственным решением суда без проведения дополнительных выборов.

Председателем в заседаниях приказа общественного призрения назначался гражданский губернатор. Участие уездных предводителей дворянства и городских голов (выборные руководители купеческой корпорации) в заседаниях приказа общественного призрения являлось факультативным. Они приглашались в том случае, когда могли дать какие-либо нужные сведения². Таким образом, состав участников процесса управления приказом общественного призрения был представлен служащими других учреждений, что придавало ему случайный характер. Можно предположить, что от лиц, имеющих прямые обязанности по своим основным должностям, вряд ли стоило ожидать усердного отношения к дополнительному занятию по общественной благотворительности.

Приказы общественного призрения не были учреждениями, действующими постоянно. Их коллегиальные заседания проводились один раз в год в период от Рождества до страстной недели Великого поста, т. е. с 8 января до конца марта – начала апреля³. И нужно заметить, что такое положение ставило работу учреждения в прямую зависимость от начальника губернии, так как по смыслу закона он ведал делами приказа общественного призрения в промежутке между сессиями. Екатерина II, поручая управление учреждениями социальной сферы

¹ Дуплий Е. В. Приказы общественного призрения в России: правовые, организационные и финансово-экономические основы деятельности (1775–1864 гг.): комплексное исследование института первых региональных структур социальной помощи и поддержки: в 2 ч. Ч. 1. – М., 2005. – С. 29.

² Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. № 14392. 7 ноября 1775 г. ... – С. 271.

³ Там же.

особым должностным лицам по назначению самого Приказа общественного призрения, очевидно, преследовала цель, чтобы общесословные благотворительные и учебные заведения были подчинены надзору учреждения, в котором участвовали бы представители всех сословий. «С другой стороны, только придавая Приказу [общественного призрения] роль органа надзора, а не непосредственной организации, можно объяснить себе, почему Екатерина остановилась на периодическом характере его заседаний и не дала ему специального состава»¹.

Курс на вертикализацию управления, взятый Павлом I, способствовал усилению полномочий губернской администрации в отношении органов местного самоуправления. Губернским правлениям было предоставлено полномочие замещать вакантные места, открывающиеся до выборов дворянства, по своему усмотрению. В губерниях, где было недостаточное количество дворянства, губернаторы получили право замещать выборные должности «живущими там не у дел чиновниками»².

В результате преобразований императора Павла I на смену трехзвенной вертикали власти «Сенат – наместник – губернатор» пришла система «Сенат – губернатор». С этого времени все нити управления концентрировались в руках губернатора, ставшего главным должностным лицом в местном управлении. Верховная власть, всячески поддерживая авторитет и статус губернатора, провозглашает его «хозяином всей врученной в смотрение его губернии, и он наблюдает, чтоб все и каждый по званию своему исполнял с возможным радением свою должность, примечал и выведывал, все ли начальники в канцеляриях и прочих правлениях в исполнении своих должностей исправны»³.

В царствование императора Павла I (1796–1801 гг.) был усилен бюрократический аппарат приказов общественного призрения. Так, должности заседателей от дворянства, купечества и поселян упразднили, а управление приказами

¹ Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.) ... – С. 233.

² Куанчалева Л. Ш. Губернская реформа в России на рубеже XVIII–XIX вв. // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 1 (21). – С. 215.

³ Там же. – С. 216.

общественного призрения было вверено губернаторам с пособием только губернским предводителям дворянства. Для сохранения казенного интереса Сенатским указом «О свидетельстве денежной казны Приказов общественного призрения» от 21 июля 1798 г. предписано было всем губернаторам ежемесячную проверку сумм Приказов общественного призрения производить при участии губернских прокуроров¹.

Император Александр I восстановил утвержденный Екатериной II порядок присутствия (заседаний) приказов общественного призрения из одних только представителей сословий общества под председательством губернатора.

В 1818 г. ввели в заседания приказов общественного призрения инспекторов врачебных управ с тем, чтобы они принимали участие лишь в делах по устройству гражданских госпиталей и в медицинском отношении², а в 1833 г. – главные надзиратели богоугодных заведений. Тем самым впервые к делам благотворительности и общественного призрения были привлечены специалисты (профессионалы).

С 1822 г. в присутствие приказов общественного призрения, располагавших значительными доходами и большим числом учреждений, назначался по утверждению министра внутренних дел так называемый неперменный член. Его должность приравнивалась в классах по табелю о рангах к советникам губернских правлений. Годом раньше разрешалось учредить при приказах общественного призрения канцелярии, но из-за неудобств, связанных с установлением для всех учреждений однообразных штатов, составление их для каждого приказа, равно как и введение штатов в действие, поручалось Министерству внутренних дел³.

Первоначально приказы общественного призрения подчинялись императору через правительствующий Сенат, а в 1802 г. с образованием министерств пе-

¹ О свидетельстве денежной казны приказов общественного призрения. № 18593. 21 июля 1778 г. // ПСЗ РИ с 1649 г.: в 45 т. Т. XXV (25). 1775–1780. – СПб., 1830. – С. 308.

² Там же.

³ Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России; издание Светлейшей княгини О. Ф. Имеретинской под ред. П. И. Лыкошина: т. 1. Ч. II: Благотворительность государственная. – СПб., 1901. – С. 184–188.

решили в ведение Министерства внутренних дел, в составе которого был создан особый «Комитет для приведения в устройство заведений приказов общественного призрения». С 1809 г. Комитет стал осуществлять проверку ежегодных отчетов приказов общественного призрения, проводить ревизии, рассылать в губернии необходимые формы и образцы деловой переписки и т. п., а в 1811 г. провел первую ревизию части дел¹. В 1811 г. Приказы общественного призрения были переподчинены Министерству полиции, а в 1819 г. в результате слияния двух названных министерств – Министерству внутренних дел. В 1823 г. был ликвидирован Комитет с передачей функции второму отделению хозяйственного Департамента Министерства внутренних дел.

Интересным для этой эпохи представляется предписание управляющего в 1820 г. Министерством внутренних дел графа В. П. Кочубея. Он приказал предоставлять по установленной им форме подробные сведения, которые позволили бы судить об истинном положении дел приказов общественного призрения и осветили вопрос со всех сторон и точек зрения. Отчеты следовало сопровождать объяснениями, какие успехи сделаны в распространении заведений «приобретением зданий покупкой, постройкой их вновь, пожертвованием зданий от частных лиц, умножением числа призреваемых, какие из заведений уничтожены или уменьшены и по каким причинам, какие сделаны успехи в приобретении способов к содержанию благотворительных заведений (умножение капиталов, умножение доходов единовременно новыми для того источниками, сокращение расходов, хозяйственные распоряжения и заведения), какие получил приказ вновь правила, законы или распоряжения или указы»².

Однако, несмотря на попытки упорядочить работу приказов общественного призрения в течение всего первого десятилетия XIX в., составлять ясные

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 4 т. Т. 2. Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел. Министерство юстиции. Министерство финансов. Министерство торговли и промышленности. Государственный контроль / отв. сост. Д. И. Раскин. – СПб., 2001. – С. 30; Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). – СПб., 2004. – С. 235–236.

² Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России ... – С. 187–188.

и подробные отчеты об их деятельности чиновники этих заведений так и не научились¹.

С 1822 г. приказы общественного призрения в Сибири (всего их было четыре – Тобольский, Томский, Енисейский и Иркутский) действовали по особому Учреждению сибирских приказов общественного призрения. Каждый из них распространял свою деятельность только на одноименную губернию (но с 1851 г. по делам общественного призрения в Забайкальской области действовал Иркутский приказ), состоял при местном губернском правлении, но не в подчинении ему. Ключевой фигурой являлся председатель губернского правления, наделенный по приказу общественного призрения всеми правами и обязанностями, как в иных губерниях губернаторы. Состав комплектовался из инспектора врачебной управы, особого заседателя, городского головы губернского города (рис. 2. 1).

В Иркутском приказе общественного призрения имелся сверх того непременный член (с 1837 г.). Он имел полномочия проводить проверку приходно-расходных книг, контролировать делопроизводство, составлять финансовые отчеты, управлять канцелярией приказа, назначать и увольнять служащих подведомственных приказу общественного призрения учреждений².

¹ Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) ... – С. 236.

² СЗ РИ издания 1857 г. Т. XIII. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Тетрадь 2. Уставы об общественном призрении. – [СПб.], 1857. – С. 154. (Ст. 891–894).

Рис. 2.1 – Организационно-управленческая структура Енисейского приказа общественного призрения в первой трети XIX в.¹

Примечательно, что иркутский городской голова освобождался от ежедневного пребывания в приказе и, подобно медицинскому чиновнику, присутствовал только в тех случаях, когда в этом была необходимость. Но это правило не распространялось на прочие сибирские приказы общественного призрения из-за того, что в них не была введена должность неперменного члена. Согласно утвержденному в 1874 г. министром внутренних дел штатному расписанию (так

¹ Составлен по: ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 57. Л. 1; Д. 150. Л. 44 об.; Д. 228. Л. 32–32 об.; СЗ РИ издания 1857 г. Т. XIII. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Тетрадь 2. Уставы об общественном призрении... – С. 154. (Ст. 892).

фиксировалось различие в правах и обязанностях по службе, в чинах и привилегиях), годовое жалование служащим Иркутского приказа общественного призрения устанавливалось следующее: непременный член – 1 500 руб.; заседатель – 900 руб.; секретарь – 750 руб.; бухгалтер – 750 руб.; столоначальников – 3 640 руб.; журналист, он же архивариус – 440 руб. Всего на содержание аппарата служащих было определено 8 260 руб., включая расходы на писцов, канцелярские и хозяйственные потребности (2 000 руб.)¹.

Общее присутствие приказа общественного призрения подбирало и утверждало канцелярский аппарат, обеспечивало финансовую базу, определяло систему мер и мобилизацию ресурсов, должно было гарантировать целенаправленное использование благотворительных средств, частных, общественных и казенных вкладов (приказы общественного призрения выполняли еще и банковские функции). Перед ним вставали непростые проблемы контроля деятельности подведомственных заведений, хотя сами чиновники часто не обладали необходимой квалификацией и опытом.

Чрезмерно бюрократизированные приказы общественного призрения, отмечает Г. Н. Ульянова, снискали печальную славу из-за царящей там атмосферы хищений, особенно при заготовке продовольствия и одежды для призреваемых². Но нужно сказать, что, по крайней мере, на начальном этапе своей деятельности Енисейский приказ общественного призрения составил приятное исключение. Его работу возглавил «честный, энергичный и способный чиновник И. И. Галкин, которому всяческую поддержку оказывал первый енисейский губернатор А. П. Степанов»³.

А. П. Степанов-чиновник, отмечает Г. Ф. Быконя, отличался честностью и гуманностью. Так, он предложил Красноярской городской думе внести 1 450 руб. из ее запасного капитала в счет податей, взимаемых с городской бед-

¹ ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

² Ульянова Г. Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX в. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2. – М., 2000. – С. 171.

³ Город у Красного яра: Документы и материалы по истории Красноярска первой половины XIX в. / сост. и автор комментариев Г. Ф. Быконя. – Красноярск, 1986. – С. 78.

ноты. Впоследствии этот поступок был инкриминирован ему как нарушение законности и послужил формальным поводом для смещения с губернаторского поста и отдачи под суд. Часть денег была возмещена горожанами, но на Степанова начислили оставшиеся 1 107 руб. с правом, если он пожелает, взыскать эти деньги с неплательщиков. Он отказался, объявив себя неплатежеспособным. Долг был взыскан через суд за счет калужского поместья губернатора. Общественно-политические взгляды Степанова характеризуют и его контакты с декабристами, с которыми он не только поддерживал знакомство, но и покровительствовал, оказывал помощь. В 1831 г. Степанов был отстранен от должности и навсегда уехал из Сибири¹.

Лестную характеристику дает С. Ч. Мантурова А. Д. Шелехову (из дворян, владел 456 душами, окончил Петербургский университет, являлся однокурсником известного экономиста В. А. Милютина), возглавлявшего Иркутское губернское правление и приказ общественного призрения в 1860–1864 гг. Она пишет, что А. Д. Шелехов прекрасно совмещал две должности, обращая на себя внимание современников знанием дела, скромностью, бережливостью, вежливостью и добросовестностью².

При начале своей деятельности, каждый приказ общественного призрения получал единовременно из казны 15 тыс. руб. в виде основного фонда и должен был заботиться об его увеличении. Для этого ему разрешалось производить некоторые финансовые операции, а именно отдавать деньги под залог имений под проценты, принимать денежные вклады и благотворительные пожертвования от населения, кроме того, устраивать аптеку и пользоваться ее доходами³.

Совмещение функций кредитного учреждения с системой общественного и частного призрения, выгодное с точки зрения минимизации казенных расходов,

¹ Город у Красного яра: Документы и материалы по истории Красноярска первой половины XIX в. / сост. и автор комментариев Г. Ф. Быконя. ... – С. 78–81.

² Мантурова С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в Забайкалье: историко-культурные практики во второй половине XIX – начале XX в.: дисс. ... д-ра ист. наук: 24.00.01. ... – С. 125.

³ Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины Вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи. ... – С. 154–155.

выглядит весьма противоречивым. С одной стороны, прибыль необходима для организации услуг лицам, не способным оплатить их вообще, повышает самостоятельность приказов общественного призрения, служит наряду с другими критериями мерой успеха, а с другой – заключает в себе финансовые риски, возможные злоупотребления должностных лиц при распоряжении дешевыми кредитами, попытку направить деятельность на максимизацию прибыли, а не на реализацию миссии.

Гражданский губернатор А. П. Степанов на страницах своей книги «Енисейская губерния» рассуждает: «Что такое приказы общественного призрения? Монетные ли дворы? Банки ли? Собrania ли Мануфактур? Попечение отеческое, попечение общества над бедными, несчастными братьями, есть единственная обязанность сих заведений. Не собрание капиталов, но приют и покров – прямая цель»¹. В обращении к красноярцам по случаю открытия Енисейского приказа общественного призрения 15 мая 1823 г. губернатор разъяснял, что это учреждение «печется о просвещении умов и сердец; принимает сирот оставленных; доставляет излечение больным; успокаивает престарелых; дает приют увечным и, наконец, исправляет слабости людей»². Обращая внимание на специфику целей приказа общественного призрения, Степанов подчеркнул важность альтруистических, нравственных, этических мотивов благотворителей.

По его инициативе и под нажимом в пользу Енисейского приказа общественного призрения уже в июне 1823 г. поступило 555 руб. от красноярских купцов, мещан и крестьян, 48 руб. – от еврейского общества³. При открытии Приказа общественного призрения подписка по городам и селам еще дала 1 000 руб., однако «Кежемская волость по бедности отказалась от подписки, Богучанская

¹ Степанов А. П. Енисейская губерния: в 2 ч. Ч. 2. – СПб., 1835. – С. 24.

² ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 63. Л. 3.

³ Подсчитано по: ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 63. Л. 7 об., 8 об., 9, 10.

дала 8 р[уб]. 30 к[оп]. К 24 июня следующего [1824] года исправник от Богучанского отделения сдал 113 р[уб]. 60 к[оп].»¹.

Сенатор И. Н. Толстой, проводя в сентябре 1843 г. ревизию административных учреждений Восточной Сибири, отметил, что купечество, извлекая из недр ее богатство, тратит его «на шумные удовольствия, но не на пользу своим ближним и не на процветание города, в котором они приобрели себе покой, тепло и довольствие»². По его предложению в Енисейском приказе общественного призрения открыли особый счет под названием «Капитал, пожертвованный золотопромышленниками на устройство богоугодных заведений Енисейской губернии», на который уже к февралю 1845 г. поступило более 65 тыс. руб.³

Следует отметить, что в 1857 г. генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири разрешено было принимать по вверенному каждому из них краю пожертвования на общественные потребности от лиц, «не опороченных судом и не оглашенных в дурном поведении»⁴, что, разумеется, предполагало соответствующее удостоверение полицейских чинов. Очевидно, для стимулирования благотворителей и повышения их статуса о пожертвованиях на сумму свыше 10 тыс. руб. серебром, генерал-губернаторам следовало сообщать Министерству внутренних дел немедленно, о пожертвованиях менее 10 тыс. руб., – передавать общие сведения через каждые полгода. Сообщения о крупных пожертвованиях Министерство доводило до «Высочайшего сведения» через Сибирский Комитет.

Из денежных сумм, поступивших в приказы общественного призрения, формировался их основной капитал. В зависимости от источника происхождения он делился на шесть основных видов (разрядов):

- 1) собственный;
- 2) благотворительный;

¹ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 / вступ. ст. Л. П. Бердникова [Таежная старина Александра Кытманова]. – Красноярск, 2016. – С. 203.

² Енисей. – 1899. – 27 марта. – С. 3.

³ Енисей. – 1899. – 27 марта. – С. 3.

⁴ СЗ РИ издания 1857 г. Т. XIII. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Тетрадь 2. Уставы об общественном призрении ... – С. 156. (Ст. 905).

- 3) апелляционный;
- 4) судебный;
- 5) частные, общественные и казенные вклады;
- 6) пересылочный.

Капитал первого разряда, собственный, состоял из казенного пособия (15 тыс. руб.) и пожертвований, не имеющих специального назначения. Эти средства размещались в Государственном заемном банке до востребования под 5 % на каждые 100 руб. в год. Прибыль зачислялась в пользу приказа общественного призрения и предназначалась на устройство и содержание социальных учреждений, на выплату жалования и содержания служащим канцелярии приказа и социальных учреждений¹.

Капитал второго разряда (благотворительный) отличался определенным назначением. Например, в Енисейском приказе общественного призрения это были пожертвования местных золотопромышленников на строительство больниц², кружечные сборы, введенные в городах при соборных и значительных приходских церквях на содержание нищих и убогих вне заведений приказа общественного призрения, пожертвование (3 тыс. руб.) от инородцев Енисейской губернии на лечение сифилиса в Ачинском и Минусинском уездах³ и др.

В Иркутский приказ общественного призрения поступили пожертвования (данные приводим выборочно):

- от потомственного почетного гражданина Е. А. Кузнецова банковскими билетами 230 тыс. руб. для устройства в Иркутске какого-либо благотворительного заведения (1849 г.);

- от действительного статского советника И. И. Базанова билетами казначейства на сумму 1,5 тыс. руб. для выдачи процентов в жалование священнику Иркутской больничной церкви (1876 г.);

¹ Те или иные виды расходов определялись предварительными сметами, которые ежегодно утверждал Министр внутренних дел.

² ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

³ Статистический обзор Енисейской губернии за 1901 г. – Красноярск, 1902. – С. 48; Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 г. – Красноярск, 1907. – С. 267.

- от крестьянского общества на устройство при Иркутском Базановском воспитательном доме школы повивальных бабок – 1 133 руб. 99 коп. (1880 г.);

- от действительного статского советника И. И. Базанова, коллежского советника Я. А. Немчинова и его сына, почетного гражданина А. Я. Немчинова, 150 тыс. руб. на устройство и содержание при Иркутской больнице отделения для душевнобольных (1882 г.);

- от инородца Сунтарского улуса Вилюйского округа Якутской области Г. Н. Попова – билетами Государственного заемного банка – 200 руб. на улучшение пищи в Иркутской городской больнице (1889 г.)¹.

По мере поступления денежные средства причисляли к капиталу первого разряда и на тех же условиях вносили в Государственный заемный банк.

Капитал третьего разряда (апелляционный) складывался из сумм, вносимых частными лицами в судебные органы при несогласии с решениями по тяжбам. Судебные и присутственные места обязаны были отсылать эти суммы в приказ общественного призрения, который помещал их в банк, где они и находились до окончательного разрешения дел в высших судебных инстанциях. При возвращении апелляционных сумм проценты прибыли поступали в пользу приказа общественного призрения, в его собственность переходила вся сумма, если апелляция признавалась неправильной.

Из судебных вкладов формировался капитал четвертого разряда. По спорным делам, заемным обязательствам и т. п. частные лица вносили в соответствующие правительственные учреждения денежный залог, который отсылался приказу общественного призрения, где находился до решения дел или явки владельцев, которым возвращался по первому требованию. При хранении суммы свыше шести месяцев на нее начислялись проценты. Из 5 % прибыли 3 % удерживалось в пользу приказа общественного призрения. Из судебного капитала выдавались ссуды под разные залоги на срок до трех лет².

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 74. Л. 1; Ф. 33. Оп. 1. Д. 161. Л. 11 об., 15 об., 19 об., 21 об., 33 об.

² Приказам общественного призрения Восточной Сибири разрешалось предоставлять ссуды под залог каменных домов без предварительного разрешения Министерства внутренних дел.

Так, под залог каменного дома в г. Красноярске получил ссуду 7 тыс. руб. председатель Енисейской казенной палаты коллежский советник И. И. Коновалов; без залога по особому распоряжению министра внутренних дел, бессрочную ссуду (4,5 тыс. руб.) выдали Енисейскому губернскому правлению; золотопромышленники получали авансы под залог предоставляемого золота¹.

Самую большую группу по размеру капитала составляли частные, общественные и казенные вклады (пятого разряда), обеспечиваемые 5%-й годовой прибылью, из которой 1 % удерживался в пользу приказа общественного призрения, 4 % начислялись вкладчику.

Капитал шестого разряда составляли незначительные почтовые суммы, образовавшиеся из переписки, которую вел приказ общественного призрения.

Структура капиталов Иркутского и Енисейского приказов общественного призрения по состоянию на 1857 г. представлена в табл. 2.1.

Таблица 2.1 – Капиталы Иркутского и Енисейского приказов общественного призрения по состоянию на 1857 г., руб.²

Приказ общественного призрения	Вид капитала (разряд)						Всего
	Собственный (первый разряд)	Благотворительный (второй разряд)	Апелляционный (третий разряд)	Судебный (четвертый разряд)	Частные, общественные и казенные вклады (пятый разряд)	Пересылочный (шестой разряд)	
Енисейский	50 030	95 445	1 850	99 784	741 841	3 041	991 928
Иркутский	122 579	96 215	2 469	117 772	1 224 184	1 899	1 565 116

¹ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 9. Л. 79, 107.

² Составлено по: Катцина Т. А. Из опыта деятельности приказа общественного призрения на территории Енисейской губернии (1823–1895 гг.). – Красноярск, 2001. – Рукоп. деп. в ИНИОН РАН 18. 12. 2001. – № 56881. – С. 18.

Таблица демонстрирует в структуре капиталов приказов общественного призрения самый высокий процент частных, общественных и казенных вкладов: 78,2 % (Иркутский приказ), 74,7 % (Енисейский приказ). Им значительно уступали капиталы первого и второго разрядов, посредством которых удовлетворялись потребности нуждающихся. Совокупная доля собственного и благотворительного капиталов в Иркутском и Енисейском приказах общественного призрения соответственно составила 13,9 и 14,7 %. Относительно высокий показатель имел судебный капитал, служивший главным источником выдаваемых ссуд под разные залоги: 7,5 % (Иркутский приказ), 10 % (Енисейский приказ). На долю апелляционного и пересылочного капиталов приходилось не более 0,4 %.

Также в Иркутском и Енисейском приказах общественного призрения находился особый капитал под названием «Заемный капитал ссыльнопоселенцев Восточной Сибири» (утвержден 27 августа 1825 г. Сибирским комитетом). Он формировался отдельно в каждой губернии, предназначался для помощи ссыльным, как неспособным к работе, так и пострадавшим от особенных несчастных случаев (пожара, разорительного наводнения, падежа скота и т. п.), а равно и в случае неурожая. При наступлении указанных рисков ссыльнопоселенцы могли претендовать на ссуду сроком от 6 до 12 месяцев, но при условии поручительства всего мирского общества¹, к которому были приписаны.

Заслуживает внимания и вопрос о том, каким образом расходовался капитал первого и второго разрядов, предназначенный для вспомоществования нуждающимся. Так, на проценты от кружечного сбора Енисейский приказ общественного призрения в 1893 г. обеспечил лекарствами на сумму 142 руб. бедных больных вне лечебных заведений².

Получить представление о так называемых механизмах работы приказов общественного призрения с благотворительными пожертвованиями можно из Положения о стипендии имени А. И. Молотилина при Красноярском сиропитательном доме Т. И. Щеголевой, текст которого был подготовлен дирекцией при-

¹ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 99. Л. 177–177 об., 223.

² ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 122. Л. 7 об.

юта и утвержден 23 августа 1893 г. министром внутренних дел В. К. Плеве. По этому документу стипендия учреждалась на проценты с капитала (3 860 руб.) согласно завещанию иркутского мещанина А. И. Молотилина, на следующих основаниях: «1) Стипендиальный капитал, выделенный из указанной суммы, в размере 3 600 руб., оставаясь всегда неприкосновенным, находится в ведении Сиропитательного дома Щеголевой. 2) Проценты с капитала обращаются на уплату за содержание и обучение в сказанном доме одной стипендиатки им. Александра Молотилина – бедной девочки, не имеющей отца или матери, от трех до 15 лет, христианского вероисповедания, без различия сословий. 3) Право избрания стипендиатки принадлежит Енисейскому приказу общественного призрения. 4) Незамещение стипендий не допускается. В случае же, если стипендия не будет замещена по неимению других стипендиаток или по другим каким-либо причинам, то за время незамещения стипендии проценты с упомянутого капитала (3 860 руб.) обращаются в Приказе в особый капитал для открытия при Сиропитательном доме другой стипендии имени Молотилина на таких же основаниях, как и учреждаемая стипендия. 5) Ввиду предложенного открытия второй стипендии имени Молотилина остающиеся от реализации имущества Молотилина и обращения 3 600 руб. в стипендиальный капитал 260 руб. обращаются в суммах Приказа особым капиталом и помещаются для приращения процентами впредь, пока будет возможно открыть, с надлежащего разрешения, вторую стипендию имени Молотилина. 6) На стипендиатку, по окончании ею воспитания и обучения в сиропитательном доме, вознаграждение за это никаких обязательств не налагается»¹.

Согласно расходной ведомости за 1884 г., Иркутский приказ общественного призрения тратил средства из капитала первого разряда следующим образом:

а) на содержание служащих приказа – 8 260 руб.;

б) безвозвратные расходы: на содержание в Иркутской гимназии воспитанника Икингина – 330 руб.; на содержание в Казанской фельдшерской школе пяти учеников – 750 руб.; на содержание в Иркутском сиропитательном доме

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3510. Л. 60–61.

Елизаветы Медведниковой сироты Ольги Наквасиной – 60 руб.; на снабжение безденежных больных бедного состояния лекарствами за счет приказа – 123 руб.; на содержание больных, выходцев из Восточной Сибири, находящихся в больницах г. Охотска, – 100 руб.; на содержание больных, не принадлежащих к приказу, но пользовавшихся его средствами – 332 руб.; за наем помещений для приказа в доме мещанина Туголукова – 600 руб.; за содержание и лечение в Нерчинской больнице солдатских дочерей Анны и Аграфены Дубининских, не причисленных ни к какому обществу, – 304 руб.; на разные непредвиденные расходы – 500 руб.;

в) на содержание заведений приказа: гражданских больниц: Иркутской (200 кроватей) – 72 132 руб.; Нижнеудинской (20 кроватей) – 6 729 руб.; Киренской (20 кроватей) – 4 171 руб.; Якутской (40 кроватей) – 12 408 руб.; Туркинской (20 кроватей) – 4 378 руб.; больницы на Туркинских минеральных водах с ваннами на 20 кроватей – 1 183 руб.;

- воспитательных домов: Иркутского – 14 945 руб. ; Якутского – 67 руб.;
- родильных отделений: Иркутского – 226 руб.; Якутского – 256 руб.;
- богадельни в г. Иркутске на 40 человек – 4 622 руб.;
- дома для умалишенных в Якутской больнице – 595 руб.;
- жалование священнику домово́й церкви Иркутской больницы – 525 руб.;
- жалование лекарю Сущинскому, врачу Иркутской больницы – 276 руб.;
- на пособие бедным, живущим вне приказа общественного призрения, – 600 руб.¹.

Приказы общественного призрения могли увеличивать свои капиталы за счет банковских операций, частных пожертвований, а кроме того, разных установленных в их пользу сборов, а именно: 1) 5 % с каждого рубля за продажу и хранение игральны́х карт (по поручению опекуны́х советов воспитательных домов); 2) за содержание и лечение больных в подведомственных заведениях; 3) от продажи вещей, изъяты́х у арестантов, а также не годных к употреблению больничны́х принадлежностей; 4) пени и штрафов, взыскиваемых с купцов и

¹ГАИО. Ф. 24. Оп.1. Д. 638. Л. 13–20.

мещан по приговорам за противозаконные поступки; 5) сумм, вычтенных у служащих приказа общественного призрения за повышение чинов; 6) сумм, вычтенных из жалования смотрителей заведений приказа общественного призрения за перерасход по смете¹.

Капиталы приказов общественного призрения частично размещались в Государственном заемном банке, в который отсылались для увеличения все свободные суммы; частично числились за учреждениями, получавшими ссуду без залогов, на основании правительственных распоряжений; частично были розданы заемщикам под разные залого; небольшой частью находились в наличности.

Темпы наращивания капиталов Енисейским приказом общественного призрения следующие: от «стартовых» 15 тыс. руб. в 1823 г. до 140 тыс. руб. в 1832 г., почти 992 тыс. руб. – в 1857 г.² Однако использовать эти суммы эффективно он не смог, что подтверждается следующими данными: в 1855 г. из почти 500 тыс. руб. частных сбережений было выдано в ссуды всего 8 455 руб.³ По этой причине гражданский губернатор неоднократно обращался к Министру внутренних дел с просьбой прекратить прием частных вкладов. Впервые об этом он просил еще в 1844 г., но генерал-губернатор Восточной Сибири настоял на сохранении подобной операции. Однако в середине 1850-х гг. отношение главного управляющего Восточной Сибири к ходатайствам енисейского губернатора диаметрально изменилось. В этот раз генерал-губернатор просил прекратить прием вкладов во всех восточносибирских приказах. Чтобы устранить эти трудности, министру внутренних дел пришлось добиться разрешения на выдачу Енисейскому приказу общественного призрения ссуд золотопромышленникам.

Н. В. Чернецов, рассмотрев характер заведений и финансы приказов общественного призрения, пришел к выводу, что Екатерина II положила начало стройной организации, которая специально была приспособлена для помощи

¹ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 130. Л. 10 об.; Д. 161. Л. 5 об.

² Катцина Т. А. Из опыта деятельности приказа общественного призрения на территории Енисейской губернии (1823–1895 гг.) ... – С. 20.

³ Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) ... – С. 257.

нуждающимся и по возможности избавляла правительство от крупных расходов на их содержание. Однако, обладая обширными полномочиями в использовании средств на операции преимущественно коммерческие, приказы утрачивали благотворительный характер и обращали свои финансы на дела, имевшие весьма слабое отношение к призрению. Чернецов полагает, что если бы приказы обладали небольшими кредитами, например, на развитие промыслов среди нуждающегося населения, тогда кредитные операции имели бы более близкое соприкосновение с помощью бедным¹. Возможно, он переоценил кредитные возможности приказов общественного призрения в силу того, что не точно учел отсутствие широкой сети частных банков, неразвитость коммерческого кредита в России, причины которых крылись в малочисленности отечественной буржуазии, недостатке свободных капиталов, слабости потребительского рынка и др.

Несколько позже, в 2004 г., В. В. Морозан проанализировал ссудные операции приказов общественного призрения и доказал, что эта их деятельность в конце XVIII – начале XIX в. была еще слабой и только налаживающейся. В отличие от общеимперских банков приказы общественного призрения испытывали «куда большие трудности с эффективным приложением своих и посторонних капиталов», на активные операции оказывали сильное влияние местные социальные и экономические факторы. По признанию самого автора, ему не удалось «составить какое-либо представление о социальном составе вкладчиков губернских банков». Подробно освещая деятельность российских банков во второй половине XVIII – первой половине XIX в., Морозан пришел к заключению, что в условиях крепостной России потребителями банковских средств могли быть в основном государство и помещики. Дворянский «перекос» в кредитной политике российского правительства Морозан расценил как желание властей «приспособить государственно-кредитные учреждения к социально-экономическим реальностям страны»².

¹ Чернецов Н. В. Генезис и эволюция социального призрения в России (X–XIX вв.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1996. – С. 110, 117.

² Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) ... – С. 244, 252, 373, 375.

В 1850-е гг. даже небольшие изменения в правилах деятельности приказов общественного призрения стали вводиться с учетом возможных перемен в банковском деле. В ожидании слияния кредитных учреждений руководство Министерства внутренних дел постоянно согласовывало свои шаги с Министерством финансов и Ведомством императрицы Марии Федоровны. Давнишние намерения правительственных кругов превратить приказы общественного призрения в разветвленную сеть земских банков придавали этим заведениям особое значение. Для разработки проекта устройства таких банков весной 1859 г. была создана специальная комиссия. Однако ее деятельность не привела к организации на базе приказов новых кредитных учреждений. Напротив, приказы, как и другие банковские заведения страны, были ликвидированы, а их дела подлежали передаче Государственному банку.

В 1857 г. произошло снижение банковского процента на один, это было вызвано наметившимся преобразованием кредитной части приказов общественного призрения и их последующей ликвидацией. Министерство внутренних дел распорядилось поместить капиталы первого и второго разрядов в облигации Главного общества российских железных дорог, чтобы сформировать своеобразный неприкосновенный фонд. В 1858 г. в резерв было переведено 50 тыс. руб. собственного и 80 тыс. руб. благотворительного капиталов Енисейского приказа общественного призрения¹.

С середины июня 1860 г. прекратился прием частных вкладов в приказы общественного призрения, а все принятые ранее были переданы в конце 1864 г. вновь учрежденному губернскому отделению Государственного банка. Сюда же был переведен из Енисейского приказа общественного призрения запасной капитал ссыльнопоселенцев Восточной Сибири (21 511 руб.) и запасной капитал кредитных билетов Государственного банка (185 030 руб.), предназначенный для выдачи авансов золотопромышленникам в залог золота. Дела по ссудам передавались в Енисейскую казенную палату².

¹ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 122. Л. 5 об.

² ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 88. Л. 566 об.

В распоряжении приказов общественного призрения остались собственные, благотворительные, судебные и пересылочные капиталы. Начисление процентных платежей и возврат капиталов по вкладам, получение платежей по займам и ссудам, выданным приказами общественного призрения, стал осуществлять Государственный банк. Он занялся и получением платежей по займам и ссудам, выданным ранее. Следствием этих мероприятий стала потеря значительной части прибыли в финансовой деятельности приказов общественного призрения, что отразилось на общем показателе состояния их капиталов. Проиллюстрируем данное положение на примере Енисейского приказа общественного призрения (рис. 2.2).

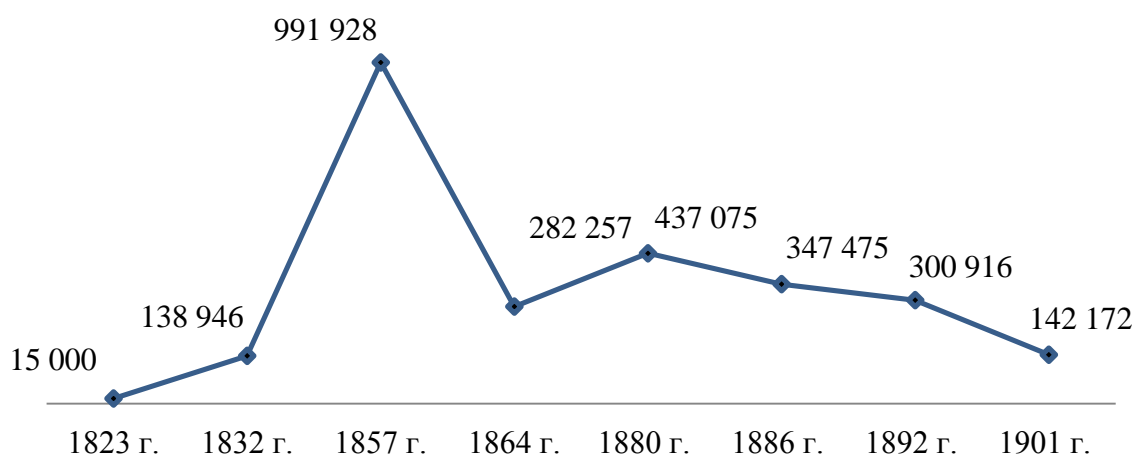

Рис. 2.2 – Динамика капиталов Енисейского приказа общественного призрения (1823–1901 гг.), руб.¹

В результате разграничения капиталов приказов общественного призрения их кредитная часть была сконцентрирована в Министерстве финансов, которое

¹ Составлен по: ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 9. Л. 141; Степанов А. П. Енисейская губерния ... – С. 130; Обзор Енисейской губернии за 1880 г. – Красноярск, 1881. – С. 30; Обзор Енисейской губернии за 1885 г. – Красноярск, 1886. – С. 41; Обзор Енисейской губернии за 1891 г. – Красноярск, 1892. – С. 51; Статистический обзор Енисейской губернии за 1901 г. – Красноярск, 1902. – С. 48.

с 1869 г. стало распределять их по губерниям в качестве денежных источников для попечения бедных.

2.1.2. Виды и специфика благотворительных заведений в Восточной Сибири (начало XIX в. – 1860 г.)

Как показали материалы предыдущего параграфа, Иркутский и Енисейский приказы общественного призрения располагали определенными ресурсами для устройства и содержания комплекса предначертанных им заведений (образования, здравоохранения, призрения, пенитенциарных). Сводные данные Министерства внутренних дел иллюстрируют динамику числа заведений приказов общественного призрения в первой половине XIX в. (табл. 2.2).

Табл. 2.2 – Динамика числа заведений Иркутского и Енисейского приказов общественного призрения и их контингента в первой половине XIX в.¹

Год	Приказ общественного призрения			
	Енисейский		Иркутский	
	число		число	
	заведений	призреваемых	заведений	призреваемых
1816	–	–	12	2 480
1826	4	374	15	2 410
1836	5	558	22	2 961
1839	8	710	14	2 668
1840	7	544	14	2 417
1841	7	639	14	1 953
1842	7	704	14	1 923

¹ Составлена по: Фролов Г. И. Развитие и устройство общественного призрения в империи // Журнал Министерства внутренних дел. – 1844. – Кн. 5. – С. 444–445.

Иркутский приказ, пишет Н. Д. Нагайцева, в 1823 г. «ведаящий всеми медицинскими и благотворительными учреждениями Восточной Сибири», насчитывал 15 богаделен, 14 больниц, три воспитательных и два рабочих дома; число его заведений с 34 в 1823 г. снизилось до 14 в 1840 г.¹ Суммарные данные (34), которые приводит Нагайцева, выглядят завышенными.

Говоря о факторах, прямо или косвенно воздействующих на состояние и развитие системы социальной помощи, стоит обратить внимание не только на уровень экономического развития территории, но и на умение привлекать благотворительные взносы. Распространившаяся уже в начале XIX в. практика награждения отдельных учредителей богоугодных заведений орденами и подарками стала поводом местного начальства доносить о маловажных пожертвованиях и запрашивать вознаграждений часто по одним только намерениям учредить заведение². О том, что руководители губерний и областей излишне усердствовали, рапортуя о благотворительных пожертвованиях, свидетельствует письмо (его обнаружил А. Р. Соколов) сибирского генерал-губернатора министру полиции от 30 января 1811 г. о «благотворительном поступке иркутского купца Мясникова, оказанном якутам». Из письма, пишет Соколов, совершенно ясно, что «благотворительного поступка» попросту не было, ибо Петр Мясников не пожертвовал застрявшим в Охотске якутам 3 500 руб., а лишь дал займы. Тем не менее сибирскому губернатору было дано поручение передать П. Мясникову благодарность через иркутского губернатора³.

Ряд законов начала XIX в. был направлен на укрепление финансово-организационных основ благотворительных заведений. Высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «О обязанности учредителя богоугодного заведения делать при учреждении оною положение, которым бы таковое на бу-

¹ Нагайцева, Н. Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX в.: Исторический аспект: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2002. – С. 20.

² Об учреждении госпиталей и других богоугодных заведений. № 24362. 30 сентября 1810 г. // ПСЗ РИ с 1649 г.: в 45 т. Т. XXXI (31). 1810–1811. – СПб., 1830. – С. 367.

³ Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.) ... – С. 238.

дущие времена в содержании своем было бы обеспечено» (1 марта 1810 г.)¹ положил начало новому порядку вещей. С этих пор благотворители, устраивая какие-либо богоугодные заведения, училища, приюты, больницы и т. д., всегда отчисляли известный капитал, проценты с которого шли на содержание учреждения, или же просто ежегодно выдавали известную сумму на расходы, а после смерти завещали специальные средства.

Объявленный гражданским губернаторам министром внутренних дел именной указ от 30 сентября 1810 г. «Об учреждении госпиталей и других богоугодных заведений» определил, что «истинное пожертвование, заслуживающее особенного уважения и признательности правительства» принадлежит только такому роду заведений, которые созданы «для пользы недостаточных людей всякого состояния, обеспечатся навсегда в содержании их известным определенным капиталом, отдадутся в надзор и управление местного начальства или, состоя под управлением самого учредителя, обязаны будут отчетом Приказу общественного призрения»².

Согласно Положению о пожертвованиях на устройство заведений для немущих (1817 г.) губернаторам следовало разбираться, «достаточны ли пожертвования на устройство и содержание предположенного заведения, или нет»³. В первом случае они обязаны были в установленном порядке приступать к исполнению воли жертвователей. Во втором случае им предлагали обратить пожертвования в общую массу сумм, оказавшихся недостаточными для устройства и содержания заведений. После получения от жертвователей согласия на свое предложение губернаторы отсылали все суммы в Совет Императорского человеколюбивого общества (общество образовано в 1802 г.), который аккумулировал различные пожертвования, а затем распределял их на строительство новых

¹ Об обязанности учредителя богоугодного заведения делать при учреждении оно положение, которым бы таковое на будущие времена в содержании своем было обеспечено. № 24142. 1 марта 1810 г. // ПСЗРИ с 1649 г. в 45 т. Т. XXXI (31). 1810–1811 ... С. 79–80.

² Об учреждении госпиталей и других богоугодных заведений. № 24362. 30 сентября 1810 г. // ПСЗРИ с 1649 г.: в 45 т. Т. XXXI (31). 1810–1811 ... – С. 367.

³ Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России ... – С. 187.

богоугодных заведений, где существовала потребность, или на укрепление существующих.

Для постройки зданий под богоугодные заведения не было установлено никаких правил, и все заведения устраивались согласно личному усмотрению присутствия приказа общественного призрения. Сознавая, что заведения приказов должны строиться по мере надобности и что способы в каждом данном случае могут быть различные, министр внутренних дел граф В. П. Кочубей разделил их на четыре разряда, предоставив выбор на усмотрение местного начальства.

По первому разряду: больница должна иметь 120 кроватей, дом неизлечимых больных – 20, дом умалишенных – 60, богадельня – 200, сиротский дом – 20, рабочий дом – 100, смирительный дом – 40. По второму разряду: больница должна иметь 80 кроватей, дом неизлечимых больных – 15, богадельня – 150, сиротский дом – 20, рабочий дом – 50, смирительный дом – 40. По третьему разряду: больница должна заключать 40, дом неизлечимых – 10, дом умалишенных – 20, богадельня – 100, сиротский дом – 15, рабочий дом – 25, смирительный дом – 20. По четвертому разряду: больница должна содержать 30 кроватей, дом неизлечимых больных – 5, дом умалишенных – 10, богадельня – 25, сиротский дом – 10, рабочий дом – 25, смирительный дом – 15 кроватей¹. Это разделение заведений на четыре разряда министр снабдил наставлением, в котором объяснялись мельчайшие подробности постройки здания, внутреннего его расположения и принадлежностей; были означены даже мера кроватей, тюфяков и ширина промежутка между кроватью и стеною. Планы, фасады, а также объяснительные инструкции об устройстве прочих богоугодных заведений были разосланы Министерством внутренних дел при циркуляре начальникам губерний.

Дошедшая до нас малая часть документов не позволяет точно датировать время учреждения многих подведомственных приказам общественного призрения заведений, равно как дать им подробную характеристику. Известно, что к середине XIX в. в ведении Иркутского приказа общественного призрения нахо-

¹ Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России ... – С. 190.

дились следующие заведения: воспитательный дом, работный (ремесленный) дом, восемь больниц¹. География больниц – города Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск, Нижнеудинск, Киренск, Нерчинск, Якутск. Особая больница Туркинские минеральные воды была расположена в деревне Горяченка, находящейся в 150 верстах от Баргузина, 410 – от Иркутска, 650 – от Читы. Иркутская городская больница имела отделение для умалишенных и богадельню, в которой одновременно содержались неизлечимо больные². Время открытия большинства этих заведений пришлось на первую четверть XIX в.

Заслуживает внимания тот факт, что красноярские купцы и мещане, постановив в 1823 г. передать в ведение Енисейского приказа общественного призрения обветшалое здание городской больницы, просили принять помещение в существующем виде и отремонтировать его из средств приказа общественного призрения. Их же «от требования на сей предмет денег освободить», так как данная повинность влекла бы для них «в денежных поборах излишнее и весьма чувствительное отягощение»³.

В 1826 г. красноярский купец И. Н. Яковлев-Фабричный пожертвовал под больницу каменный дом с двумя деревянными пристройками, а в 1829 г. уже на средства купца С. Я. Кузнецова выстроили одноэтажный каменный дом для неизлечимо больных, где помогали «облегчить страдания». Заведение было малокомплектным, в него принимали только неимущих. В том же году открылся дом для умалишенных в каменном одноэтажном здании, выстроенном купцом И. К. Кузнецовым. Бесплатно содержались неимущие и лица, совершившие преступление в невменяемом состоянии, остальные категории оплачивали свое содержание по тарифам больниц Енисейского приказа общественного призрения.⁴

Енисейский губернатор А. П. Степанов описывал заведения приказа общественного призрения как небольшие, но чрезвычайно удобные и опрятные.

¹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2350. Л. 2–23; Оп. 9. Д. 1. Л. 60, 60 об.; Ф. 33. Оп. 1. Д. 43. Л. 24–25 об.; Д. 44. Л. 8об.–37 об.; Материалы к истории г. Иркутска // Памятная книжка Иркутской губернии на 1903 г. – Иркутск, 1903. – С. 252.

² ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 1. Л. 62.

³ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 67. Л. 10; Ф. 595. Оп. 1. Д. 5496. Л. 120, 145–146.

⁴ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 7. Л. 34; РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 227. Л. 3, 6.

«Больница каменная на 40 и более кроватей (выстроена иждивением купца Яковлева-Фабричного), дом умалишенных (выстроен иждивением купца Кузнецова), дом неисцелимо больных (Ст[епаном] Яков[левичем] Кузнецовым. Нельзя не быть признательным к истинно патриотическому усердию сего честного и благонамеренного гражданина города Красноярска), анатомический театр, бани, службы; все это на месте просторном, обнесено общей оградой, разделено во внутренности палисадниками и украшено обсадками деревьев; все заключает в себе не изобилие, не блеск, но пользу и приятность для глаз. Красноярск обязан сим деятельному и благородному председателю губернского правления (статскому советнику И. И. Галкину), который в 10 лет умел возвести капитал Приказа до 100 тыс. руб. Существование аптеки принадлежит также Приказу»¹.

Порядок оказания больничных услуг и способов оплаты был определен Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи (1775 г.), а позже Уставами врачебным и об общественном призрении. Бесплатное лечение оказывалось по письменному свидетельству полицейского чиновника о звании, имущественном и семейном положении следующим категориям: 1) канцелярским чиновникам и нижним служащим, присылаемым от присутственных мест, где не было штатных лекарей; 2) отставным служащим казенных ведомств; 3) государственным крестьянам и вышедшим из крепостной зависимости; 4) мещанам, не имеющим недвижимой собственности; 5) местным купцам и мещанам, имеющим недвижимость, если денежные сборы с их собственности поступали в пользу приказа общественного призрения; 6) лицам, имеющим незначительное жалование или собственные промыслы, доведенным до бедности или обремененным большой семьей². Платное лечение распространялось на неимущих больных, принадлежащих разным ведомствам, городским и сельским обществам, неимущих разных сословий, воинских чинов и служителей казенных ве-

¹ Степанов А. П. Енисейская губерния ... – С. 179.

² СЗ РИ издания 1857 г. Т. XIII. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Тетрадь 2. Уставы об общественном призрении ... – С. 103–106. (Ст. 580–588).

домств, ссыльнопоселенцев бедного состояния разных волостей, подсудимых и пересылочных арестантов, политических преступников, ссыльных¹.

К началу 1830-х гг. в ведении Енисейского приказа общественного призрения находились, кроме красноярской, больницы Енисейска, Ачинска и Минусинска², а к 1865 г. – Канска. В отчетах енисейских губернаторов второй половины XIX в. неоднократно отмечалось, что здания окружных больниц крайне стары, ветхи и тесны, построены по коридорной системе и не отвечают новым требованиям здравоохранения³. В худшем состоянии была Канская городская больница. До 1891 г. ее мужское отделение размещалось в приспособленном манеже местной пожарной команды, а женское отделение – в каменном доме, арендованном у чиновницы Феофиловой⁴.

Еще хуже было положение дома умалишенных при Красноярской городской больнице. При комплекте на 14 штатных мест в нем содержалось 40 человек в 1880 г., 108 – в 1891, 183 – в 1901⁵; материально-бытовые условия не удовлетворяли даже самым скромным требованиям, отсутствовал необходимый персонал (врач-психиатр), а сами больные, по свидетельству врача М. Л. Хейсина, напоминали «больше скотов, чем людей»⁶.

В целом по России содержание и лечение психически больных людей обстояло не лучше. Окружная лечебница для душевнобольных, пятая по счету в Российской империи, была открыта в г. Томске только в 1908 г. Из ее комплекта (1 050 мест) 100 мест предназначалось для лиц, помещаемых судебными и тюремными ведомствами, столько же мест отводилось для лиц, содержащихся на частные средства, а остальные 850 мест распределялись между областями и гу-

¹ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 99. Л. 7 об.

² Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г., составленные статским советником И. Пестовым. – М., 1883. – С. 37, 57, 96, 121, 144.

³ Обзор Енисейской губернии за 1871 г. – Красноярск, 1872. – С. 40; Обзор Енисейской губернии за 1880 г. ... – С. 71; Обзор Енисейской губернии за 1891 г. ... – С. 34.

⁴ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 230. Л. 166.

⁵ Обзор Енисейской губернии за 1880 г. ... – С. 71; Обзор Енисейской губернии за 1891 г. ... – С. 49; Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г. – Красноярск, 1904. – С. 175.

⁶ Енисей. – 1900. – 10 октября. – С. 2–3.

берниями Сибири пропорционально количеству жителей каждой из них¹, т. е. на долю Енисейской губернии приходилось 75 мест².

Необходимость строительства новых зданий для больниц неоднократно обсуждалась в губернских администрациях и Министерстве внутренних дел. Следует отметить, что Сенатский указ от 20 августа 1824 г. «О дозволении генерал-губернаторов самим разрешать Приказы общественного призрения на употребление в год для исправления зданий до 5 000 руб.»³ ограничил ежегодную сумму на ремонт зданий и помещений в столичных приказах общественного призрения до 2 тыс. руб. и до 500 руб. в прочих губерниях. Свыше установленной суммы губернаторы уже не могли действовать без ведома и согласия министра.

Составление смет на разные строения не было правильно организовано, вследствие чего происходила постоянная путаница и задержки в исполнении проектов. Так, в 1864 г. проект на строительство в г. Красноярске больницы был отклонен в Министерстве внутренних дел как не соответствующий требованиям и не обеспечивающийся собственными средствами Енисейского приказа общественного призрения⁴. Часть капитала, который был пожертвован золотопромышленниками для устройства больницы, израсходовали на содержание других благотворительных учреждений, так как приказ общественного призрения испытывал недостаток собственных средств. Здесь следует отметить, что первоначально в ведении Енисейского приказа общественного призрения находились только благотворительные заведения губернского города. Уездные больницы подчинялись городским думам, каждая из которых тратила на поддержку боль-

¹ Топорков Н. Томская окружная лечебница для душевнобольных // Памятная книжка Томской губернии за 1912 г. – Томск, 1912. – С. 134.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 25. Д. 40. Л. 21 об.

³ О дозволении генерал-губернаторам самим разрешать Приказам общественного призрения на употребление в год для исправления зданий до 5 000 рублей. № 30031. 20 августа 1824 г. // ПСЗРИ с 1649 г.: в 45 т. – Т. XXXIX (39). 1824. – СПб., 1830. – С. 489.

⁴ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 9. Л. 112 об.

ниц ежегодно 500 руб.¹, а Енисейский приказ общественного призрения оказывал им денежные пособия в тех случаях, когда города испытывали их дефицит.

К заслугам Енисейского приказа общественного призрения можно отнести участие в подготовке младшего медицинского персонала. С 1872 г. он ежегодно выделял 600 руб. на содержание двух воспитанников в Казанской фельдшерской школе. По окончании обучения молодые люди распределялись в больницы Енисейского приказа общественного призрения и обязаны были прослужить в его ведомстве десять лет, включая год стажировки. На это время они освобождались от воинской повинности, а по завершении срока службы могли переменить место работы².

В 1874 г. при Красноярской городской больнице было открыто повивальное училище на шесть человек с родовспомогательным отделением на шесть рожениц разных сословий и приютом для такого же количества детей³. Под непосредственным наблюдением старшего врача и старшего смотрителя больницы в училище готовили фельдшеров для гражданских, общественных и частных больниц. Принимали в него девочек крестьянского сословия в возрасте от 12 до 16 лет, умеющих читать и писать. Их направляли сельские общества Енисейской губернии по квоте: два человека от Красноярского округа, по одному человеку от всех остальных. За обучение учениц сельские общества оплачивали ежегодно по 100 руб. за каждую. Образование могли получать и вольноприходящие ученицы, самостоятельно оплатившие обучение⁴.

Четырехлетний курс обучения делился на два класса, где изучали закон божий, латынь, российскую грамматику, чтение и чистописание, преподавали основы анатомии и фармакологии, ухода за больными; на уроках арифметики акцент смещался на усвоение аптекарских мер и весов. Девочек учили делать перевязки, прививки оспы, лечить зубы, выписывать рецепты под диктовку вра-

¹ Там же. Д. 7. Л. 2 об.

² СЗ РИ издания 1857 г. Т. XIII. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Тетрадь 2. Уставы об общественном призрении ... – С. 121. (Ст. 662–667) .

³ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 33. Л. 82.

⁴ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 99. Л. 10 об.

ча, составлять лекарства. Значительное время отводилось больничной практике. Пройдя полный курс обучения, воспитанницы сдавали экзамены членами врачебной управы в присутствии чиновников Енисейского приказа общественного призрения, в зависимости от успехов получали аттестаты и звание младших или старших фельдшеров, после чего обязаны были отработать при больнице в течение одного года¹.

С 1867 г. Енисейский приказ общественного призрения ежегодно оплачивал воспитание трех детей-подкидышей и трех детей-сирот. На каждого из них выделялось по три рубля ежемесячно, а годовые расходы на их призрение составляли 360 руб. Дополнительно дети обеспечивались бесплатными лекарствами².

Одним из типов благотворительных учреждений, состоящих в ведении Енисейского приказа общественного призрения, были богадельни: гражданская, а также для инвалидов и отставных чиновников. Обе располагались в г. Красноярске. Кроме увечных и престарелых бедняков, в богадельни приказов общественного призрения предписывалось помещать: бродяг и преступников, ссылаемых в Сибирь (если по старости и болезням они не могли туда следовать); увечных отставных нижних чинов; арестованных за прошение милостыни; исключаемых за проступки из духовного ведомства и т. п. Можно предположить, что при таком контингенте и отсутствии надлежащей администрации богадельни находились в неудовлетворительном состоянии. За проступки предусматривалось наказание в виде отработок в пользу богадельни либо перевода виновных на хлеб и воду (по состоянию здоровья). Позволялось заниматься такими видами занятий, которые не доставляли бы беспокойства для окружающих, поэтому поощрялись вязание, шитье, изготовление детских игрушек из бумаги и дерева, столярные, токарные работы и т. п.³

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1067. Л. 81.

² ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 167. Л. 8–9.

³ СЗ РИ издания 1857 г. Т. XIII. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Тетрадь 2. Уставы об общественном призрении ... – С. 279–281. (Ст. 2–33).

В гражданской богадельне (на 22 места), старейшей в Красноярске, обслуживались чиновники, мещане, крестьяне, лица воинского звания, ссыльнопоселенцы¹. Платное содержание составляло около 41 коп. в сутки (примерно 123 руб. в месяц) и не включало медицинское обслуживание (60–93 коп. в сутки)².

В сентябре 1871 г. под покровительством Александровского комитета о раненых открыта богадельня на 20 мест для инвалидов и отставных чиновников³, большей частью пустовавшая. Условия содержания в ней были такие же, как и в гражданской богадельне.

Работные, или ремесленные, дома являлись еще одним типом учреждений, которые находились в ведении Иркутского и Енисейского приказов общественного призрения. Характер работ определялся по усмотрению приказа общественного призрения и в соответствии с местными надобностями.⁴

Красноярский работный дом представлял собой заведение, состоящее из шести больших домов с просторными усадьбами. Разделялся на семь отделений: плотников и столяров; каменщиков, кузнецов и слесарей; медников и серебряников; кожевников и шорников; маляров; чернорабочих. В ремесленном доме изготавливали не только мебель, но и легкие четырехколесные двухместные открытые экипажи на рессорах (дрожки)⁵.

Иркутский ремесленный дом был устроен в 1799 г. в одном из городских предместий для ссыльных, из которых многие были знакомы с различными ремеслами, но не имели средств к первоначальному обзаведению. В ремесленном доме у них появилась возможность заняться работами столярными, малярными, кузнечными, шорными, обойными, каретными, мебельными, чеканными (изготавливали ризы для образцов, лампады, церковные блюда, подсвечники), медными (изготавливали не только почтовые колокольчики, котлы, самовары, но и

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 122. Л. 45.

² Катцина Т. А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.) ... – С. 32.

³ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 167. Л. 12.

⁴ СЗ РИ издания 1857 г. Т. XIII. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Тетрадь 2. Уставы об общественном призрении ... – С. 126. (Ст. 690).

⁵ Степанов А. П. Енисейская губерния ... – С. 63.

пушки для купеческих судов), токарными, портняжными, слесарными, золотых и серебрянных дел.

В 1831 г. было разрешено каторжан отправлять в Иркутский ремесленный дом и состоящую при нем суконную фабрику, хотя эти учреждения предназначались только для ссыльных из разряда ремесленников. Мотивировалось это тем, что количество каторжан, которых поступало до 1 400 человек в год (в среднем за 10 лет) оказывалось совершенно не обеспечено работой на сибирских заводах и фабриках¹.

В 1835 г. в Иркутском ремесленном доме насчитывалось 226 человек мастеровых, 20 чернорабочих и до 60 пропитанных, т. е. ссыльнокаторжных, состоящих за старостью лет на вольном пропитании². Первые, в зависимости от рода своих занятий, разделены на артели «со взаимной друг за друга ответственностью». «Большая часть их имеет собственные дома в так называемых ремесленных слободках, ведет жизнь добропорядочную и деятельную и зарабатывает до 200 руб. ежегодно. Мастеровые, более других искусные и трудолюбивые, получают гораздо более, хотя и не имеют права повышать цены по своему желанию, ибо от правительства назначена весьма умеренная такса. Материалов употреблено в 1835 г. на 16 000 руб.; изделий выработано слишком на 26 000 руб.; приказу общественного призрения платилось тогда в виде оброка до 2 700 руб. ассигнациями»³.

Во второй половине 1830-х гг. в Иркутском ремесленном доме наблюдалось значительное сокращение контингента. Так, в 1852 г. находилось в нем не более 56 мужчин и 44 женщин; но по упразднению в том же году суконной фабрики ведомства приказа общественного призрения 230 рабочих, состоящих при

¹ Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. – СПб., 1900. – С. 28.

² Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником [Ю. А.] Гагемейстером: в 3 ч. Ч. 2. – СПб., 1854. – С. 178.

³ Там же. – С. 178–179.

ней, были переведены в ремесленный дом. Примечательно, что чистый доход ремесленного дома в 1851 г. составил 234 руб., в 1852 г. – 86 коп.¹

Для заведования работами и суммами каждого ремесленного дома учреждалась контора. Из заработка ссыльнопоселенцев вычиталось 2 % в экономическую сумму; остальное назначалось на содержание конторы и другие расходы, а за покрытием их – в артельную сумму работников. На первоначальное обзаведение ремесленного дома отпускалась сумма из казны безвозвратно, а на содержание работников на первое время – с возвратом. Срок пребывания в ремесленном доме составлял шесть лет². Из контингента ремесленных домов составлялись и содержались на счет казны рабочие отделения для устройства поселений; здесь срок пребывания составлял пять лет³. В 1853 г., постановлением Сибирского комитета работные дома были закрыты как не приносящие пользы. Помещения Красноярского работного дома передали под размещение пересылочных арестантов, а Иркутского – первоначально под размещение 300 казаков Забайкальского казачьего войска, а в 1871 г. – под размещение арестантов⁴.

Что касается воспитания и образования детей, вверенных попечению приказов общественного призрения, то нужно заметить, что эти учреждения мало обращали внимания именно на данный вопрос, «а заботились, главным образом, если не исключительно, о прокормлении детей и о сбыте их по достижении совершеннолетнего возраста»⁵. Образовавшиеся лакуны отчасти заполняли местные отделения различных попечительных обществ

В 1830-е гг. в Восточной Сибири создавались губернские (в Красноярске и Иркутске) и областные (в Якутске) Комитеты Попечительного общества о тюрьмах (основано в 1819 г.), их дамские отделения (в Иркутске). Они находились

¹ Там же.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири: 1032 – 1882 гг. – Сургут, 1993. – С. 264; Приклонский В. Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным данным. – Красноярск, 1896. – С. 116.

³ Приклонский В. Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным данным ... – С. 116.

⁴ ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 307, 309 об., 597.

⁵ Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России ... – С. 191.

под юрисдикцией Министерства юстиции и направляли усилия на улучшение мест заключения, а в пореформенное время инициировали устройство приютов для детей арестантов, земледельческих колоний и ремесленных приютов, где несовершеннолетние, вступившие в конфликт с законом, содержались изолированно от взрослых, а тюремный режим заменялся воспитательным.

Шел процесс образования губернских (в Красноярске, Иркутске) и областных (в Якутске) попечительств детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии. В Забайкальской области было открыто два отделения этого ведомства – Кяхтинское городское и областное в Чите. В ведении попечительств находились первые по времени образования детские учреждения губерний и областей Восточной Сибири: Сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой (1838) и Александринский детский приют (1852) в Иркутске, Владимирский детский приют (1848) в Красноярске, Николаевский детский приют Троицкосавске (1853), детские приюты в Чите (1859) и Якутске (1860), позже получившие название Мариинских (прил. 3).

Ведомство учреждений императрицы Марии (ВУИМ, название употреблялось с 1854 г.) представляло собой центральное государственное образование в Российской империи, осуществлявшее управление благотворительными, женскими и некоторыми специальными учебными заведениями, финансировавшимися из казны, а также за счет пожертвований и доходов от продажи игральных карт. В конце XIX в. к этому прибавились сборы от публичных зрелищ. Оно ведет свое начало с 12 ноября 1796 г., когда Павел I именным указом передал Воспитательное общество благородных девиц в Смольном под эгиду своей супруги Марии Федоровны; 2 мая 1797 г. Мария Федоровна приняла под покровительство Московский и Санкт-Петербургский воспитательные дома. В разные годы ведомство носило названия: Канцелярия императрицы Марии Федоровны (1797–1828), Четвертое отделение Собственной ее Императорского Величества канцелярии (1828–1880), Собственная ее Императорского Величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии (1880–1917), находилось под попечительством императриц Марии Федоровны (супруги императора Павла I; ее имя нашло

отражение в названии ведомства), Александры Федоровны (супруги императора Николая I), Марии Александровны (супруги императора Александра II) и Марии Федоровны (супруги императора Александра III), возглавлялось статс-секретарем (1828–1860), главноуправляющим (1860–1917)¹.

Общие основания работы детских приютов, действовавших под покровительством ее Величества, организационно-финансовые, воспитательные вопросы изложены в разработанном В. Ф. Одоевским и Д. Н. Блудовым Положении о детских приютах, утвержденном 27 декабря 1839 г. Так, общий и высший надзор за детскими приютами ВУИМ возлагался на Комитет Главного попечительства детских приютов. В его первый состав были назначены: председателем граф Г. А. Строганов, членами – действительный тайный советник князь С. М. Голицын, действительные тайные советники Г. И. Вилламов и Д. Н. Блудов, тайный советник Н. М. Лонгинов, генерал-адъютант граф А. Г. Строганов и в должности шталмейстера И. Д. Чертков. Князь В. Ф. Одоевский был поставлен управлять делами Комитета².

Принимая во внимание значительное пространство России, частное наблюдение за приютами поручили в столицах особым советам, в губерниях губернским, в уездах уездным попечительствам детских приютов. Губернские (областные) попечительства действовали под председательством губернаторов, состояли из почетных (епархиальный архиерей, лица, значительными пожертвованиями или полезными трудами содействующие устройству и улучшению детских приютов губернии) и действительных (вице-губернатор, председатель палаты государственных имуществ, городской голова, попечители и директора детских приютов административного центра губернии) членов. Лица, желающие взять на себя должность попечителя, директора или почетного старшины либо иным образом содействовать благотворительной цели детского приюта, сообща-

¹ Ульянова Г. Н. Ведомство учреждений Марии // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1903488; Антонов В. В. Ведомство учреждений императрицы Марии (ВУИМ) // Энциклопедия Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – URL: <http://encspb.ru/object/2804009224>.

² Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889 гг.): К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских 27 декабря 1839 г. – СПб., 1889. – С. 3.

ли о своем желании местному совету или попечительству и по их представлению утверждались Комитетом Главного попечительства детских приютов.

Что касается внутреннего управления отдельным приютом, то его распределили между тремя должностными лицами. Каждое из них имело свой круг полномочий соответственно различным потребностям заведения, а именно: общий надзор и заботу о благосостоянии приюта поручали попечителю; директору, преимущественно выбираемому из врачей, было вверено наблюдение за здоровьем и питанием детей, а также за денежной отчетностью заведения; на почетного старшину (из купечества) возлагали не только улучшение содержания приюта, но и разъяснение «простому народу» цели таких заведений и способов устройства в них детей. Под их наблюдением непосредственный присмотр за детьми выполняла смотрительница. Выбор на эту должность представительниц женского пола был мотивирован тем, что они наиболее соответствуют малолетнему возрасту воспитанников приюта. Поскольку смотрительница приюта непосредственно контактировала с детьми, к ее личности предъявляли высокие моральные требования. Как правило, ее избирали из числа лиц, получивших какое-либо образование в заведениях, состоящих под покровительством императрицы Марии, допускали к работе после трехмесячной стажировки в качестве помощницы смотрительницы в одном из приютов¹. Смотрительницы по распоряжению совета или попечительства и с утверждения Комитета Главного попечительства детских приютов могли быть представлены к Мариинскому знаку отличия беспорочной службы².

¹ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 437. Л. 9–11 об.

² Мариинский знак отличия беспорочной службы был установлен императором Николаем I в 1828 г. в память императрицы Марии Федоровны. Награда жаловалась лицам женского пола за долговременную усердную службу в учреждениях императрицы Марии, а также в других благотворительных и воспитательных заведениях, состоящих в непосредственном ведении императора и членов Императорского Дома. Знак отличия имел две степени. Золотой крест первой степени (носился с Владимирской лентой на левом плече), покрытый голубой эмалью и с золотыми буквами «М» на каждом конце, имел в середине золотой веночек из дубовых и виноградных листьев, и в нем золотыми римскими цифрами проставлялись годы службы (не менее 25 лет), за которые дана награда. Знак второй степени имел вид золотой медали с голубой финифтью, на которой сверху под короной буква «М», по кругу такой же золотой веночек из ду-

Управление приютами на уровне губерний и областей было типовым. Представим его организационную схему на примере Владимирского детского приюта в Красноярске (рис. 2.3).

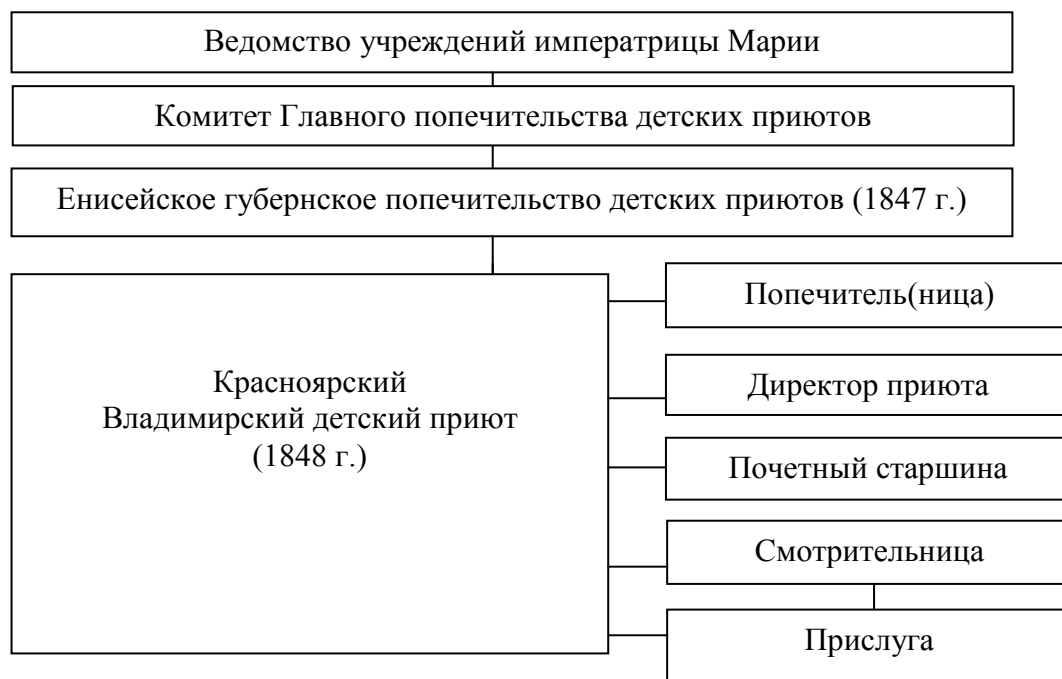

Рис. 2.3 – Организационная схема управления детскими приютами ВУИМ (на примере Красноярского Владимирского детского приюта)

По замыслу составителей Положения, приюты ВУИМ должны были бедным родителям облегчить способ к честному труду, а детям их обеспечить такое образование, которое вывело бы их из того состояния, к которому они приписаны по своему званию, и служило бы некоторого рода подготовкой к обыкновенной школе. Для достижения этих целей Комитет Главного попечительства детских приютов полагал следующее: 1) обратить особое внимание на религиозно-нравственное образование детей, допуская учебное образование лишь в той мере, которая необходима для развития самой нравственности; 2) дать приютам та-

бовых и виноградных листьев, а в центре римская цифра, означающая годы службы (от 15 до 20 лет).

кое устройство, при котором дети не отвыкали бы от родительского дома, сохраняли родственные связи; 3) удалить из приютов всякое излишество, т. е. все то, чего опекаемые дети бедных родителей не нашли бы в родительском доме; 4) с ранних лет приучать детей к труду, послушанию, опрятности, согласовывая все их действия, занятия и игры с их возрастом; 5) допустить в приюты приход детей от трех до 10 лет, т. е. в те годы, когда малолетство детей препятствует свободному дневному труду их родителей¹.

В 1846 г. в детских приютах был разрешен ночлег, а в 1847 г. – постоянное проживание детей («сиротские отделения»). Эти заведения фактически выполняли функции воспитательного дома, яслей и школы. В связи с задачей временной замены ребенку семьи организаторам приюта рекомендовалось устроить в заведении не роскошь, а заботу, которая «должна прослеживаться во всем: в нравственном образовании, в отношении здоровья, пищи, занятий, движении – во всем, что может угадать сердце заботливой матери»².

Заслуживают внимания правила организации внутренней жизни приюта:

- 1) приют должен располагаться в светлом помещении, на нижнем этаже, чтобы дети как можно реже ходили по темным и опасным лестницам;
- 2) помещение всегда должно быть чистым, регулярно проветриваться и дезинфицироваться;
- 3) рядом с приютом обязательно должен быть небольшой сад или чистый двор, где дети могли бы свободно бегать на свежем воздухе;
- 4) при приюте должен быть лазарет и обслуживающий врач; проводится регулярный осмотр детей;
- 5) с первого ноября по первое апреля дети должны получать какое-нибудь витаминизированное питье (отвар шалфея, листьев смородины, калиновых побегов);
- 6) проходящие дети осматриваются на предмет опрятности. Если ребенок попал под дождь, ему меняют одежду, обувь и дают горячий напиток;
- 7) приют открывается в 7 часов утра, а занятия в нем начинаются в 9 часов;
- 8) за полчаса до за-

¹ Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889 гг.): К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских 27 декабря 1839 г. ... – С. 4.

² Положение о детских приютах 27 декабря 1839 г. Ведомства учреждений императрицы Марии: Дополненное по 1 сентября 1884 г. новыми узаконениями и измененным сводом всех вышедших со времени открытия приютов (1840 г.) нигде еще не печатавшихся разъяснений, циркуляров и проч. / сост. П. Горбунов. – СПб., 1884. – С. 118.

нятий дети занимаются рукоделием; 9) учебные занятия, с десятиминутным перерывом, продолжаются до 12:00, затем следует обед, а после него возобновляются учебные занятия и занятия рукоделием зимой с 13:30 до 15:30, а летом с 14:00 до 17:00; 10) пение является обязательным предметом, так как влияет на «смягчение нрава сердца, располагает к тихим привычкам»¹.

Деятельность приютов ВУИМ в Восточной Сибири была обусловлена исключительно общественной благотворительностью² (прил. 1).

Итак, запущенный еще Петровскими реформами процесс модернизации вызвал появление новой, светской, концепции отношений социальной помощи – централизованной, иерархичной, сословной, получившей свое организационное оформление в период правления Екатерины II. В конце XVIII в. в Восточной Сибири начала формироваться институциональная основа для оказания социальной помощи нуждавшимся подданным. Это выразилось в создании приказов общественного призрения, которые в течение длительного времени оставались единственными государственными органами, чья деятельность была непосредственно связана с реализацией социальной функции, которая включала содействие здравоохранению, народному образованию, призрению,

2.2. Развитие общественного призрения в Восточной Сибири в 1860-е – 1890-е гг.

В эпоху «великих реформ» (1860–1870-х гг.) управление делами общественного призрения (социальной помощи) было вверено (вместо прежних приказов общественного призрения) земским (1864 г.) и городским (1870 г.) учреждениям, частным благотворительным обществам. Оно осуществлялось под глав-

¹ Положение о детских приютах 27 декабря 1839 г. Ведомства учреждений императрицы Марии: Дополненное по 1 сентября 1884 г. новыми узаконениями и измененным сводом всех вышедших со времени открытия приютов (1840 г.) нигде еще не печатавшихся разъяснений, циркуляров и проч... – С. 130.

² Детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии (1839–1889 гг.): К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских 27 декабря 1839 г. ... – С. 22.

ным наблюдением Министерства внутренних дел и ближайшим надзором губернского начальства. Социальные функции были возложены на волостные и сельские общества (1861 г.). Таким образом, местным сообществам представилась возможность самостоятельно решать свои проблемы и проверять качество генерируемых публичных услуг, но под контролем государства и в рамках его стратегии.

Работа в рамках местного самоуправления выступала одной из сфер легальной общественной деятельности, возможностью самореализации в условиях достаточно ограниченной общественной жизни. Представляется важным проанализировать организацию городского общественного призрения (системы помощи) через состав участников, компетентность, целостность, содержание, финансирование, эффективность. Также поставлена задача рассмотреть решение проблемы крайней формы бедности (нищенства) сельскими и волостными обществами.

2.2.1. Новые задачи, возможности и практики городских общественных управлений в сфере социальной помощи

Специфика Сибири проявилась в особенностях организации управления краем, отсутствии земских учреждений, в силу чего приказы общественного призрения не были упразднены и продолжали функционировать до преобразования губернского правления в 1895 г. Однако и после переподчинения губернским органам они фактически сохранились и занимались преимущественно больницами, повивальными школами.

В Восточной Сибири в наиболее полном объеме из реформ 1860–1870-х гг. была распространена городская, исходным пунктом которой стало понятие городского общества, которое само ведает свои интересы и нужды, цели и сферы деятельности, отличные от государства. «Соответственно этому, – пишет Б. Н. Миронов, – закон провел размежевание государственных и общественных

функций, передав податные и полицейские вопросы коронной администрации, судебную функцию – всесословным судебным органам, а вопросы городского хозяйства (транспорт, водоснабжение, связь, канализация и т. п.), общественного призрения, здравоохранения, культуры и образования – городским думам»¹.

По Городовому положению 1870 г. сословно-представительные органы управления городом заменялись всесословными, основанными на буржуазном имущественном цензе. Цензовые горожане выбирали на четыре года гласных (депутатов) в городскую думу, которая формировала из своего состава подотчетный ей исполнительный орган – городскую управу. Соединение в одном лице функций городского головы и председателя думы рассматривалось и рассматривается как признак отступления от буржуазных принципов. Сибирский историк Л. К. Лен оправдывает такое совмещение тем, что в провинциальных городах «остро стояла проблема выбора городского головы, был большой дефицит профессиональных “муниципалов”, при котором найти еще и человека, способного быть председателем думы, было практически невозможно»; концентрация власти в руках городского головы позволяла быстрее реагировать на острейшие потребности городского развития в силу того, что он был осведомлен о них лучше других².

Здесь уместно обратить внимание минимум на два момента. Во-первых, единовластие городского головы крайне затрудняло контроль городской думы над управой, что приводило к различным злоупотреблениям. Во-вторых, ключевые фигуры, привлеченные к муниципальному руководству, характеризовались не всегда лучшими личностными качествами и профессиональной компетентностью, тогда как они играли в городском самоуправлении важную, а в ряде случаев и предопределяющую роль.

Например, итогом восьмилетнего (1875–1882 гг.) исполнения обязанностей красноярского городского головы П. М. Прейном стал долг города в 24 тыс. руб.

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. – СПб., 2003. – С. 500.

² Лен К. В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29): История. Социология. – С. 11–12.

«...все ценные земли были распроданы, а полученные деньги израсходованы. И возможности увеличить доходы никакой. Положение отчаянное»¹, – писала в 1883 г. оппозиционная газета «Восточное обозрение». В то же время о новом избраннике на должность городского головы сообщалось: «Ив. Ив. Т[окарев] действительно человек не книжный и простой, но человек, который ни сам прикарманить денег не станет, ни другим не позволит, а также и действовать при страстно не будет». Однако не успел городской голова занять пост, а его товарищ уже «заботится о том, чтобы для построек банка и женской гимназии шел его некачественный кирпич»².

Поскольку муниципальное управление является сложным групповым взаимодействием, то важно общее представление о направлениях развития города, понимание основного смысла и назначения общественного самоуправления, исключаящее доминирование личных и корпоративных интересов. Корреспондент той же газеты высказывал недоумение по поводу того, что канское общество настроилось против новоизбранного городского головы Н. С. Тимофеева из-за его энергичных действий по строгой ревизии банковских счетов и отчетности обанкротившегося городского банка. Городская дума своим постановлением приостановила опись имущества виновников растрат, так как «пожелала удовольствоваться» 7 тыс. руб., которые внес директор банка Г. И. Иорданский при растрате в 50 тыс. руб.³

В коллективном исследовании по истории Красноярска В. И. Федорова отмечает, что «отцы города», выбиравшиеся в основном из купечества, сплоченные, по выражению одного из современников, «общим аршинным интересом», весьма инертно относились к выполнению своих общественных обязанностей, рассматривая выборные должности как дополнительный источник наживы. «Скандальная их известность, склонность к финансовым авантюрам, неспособность к широким общественным начинаниям имели своим результатом неиз-

¹ Восточное обозрение. – 1883. – 16 июня. – С. 7.

² Там же. – С. 7.

³ Восточное обозрение. – 1883. – 23 июня. – С. 6.

бежное расстройство городского бюджета и внутреннего порядка»¹, что находит подтверждение в работах по этой тематике других авторов².

Однако в составе городских дум и управ встречались люди активного гражданского темперамента и передовых общественных позиций, заинтересованные в прогрессивных преобразованиях городской жизни. Например, С. В. Востротин – в Енисейске, Н. А. Шепетковский, А. И. Матвеев, Вл. Крутовский – в Красноярске, И. И. Базанов, В. И. Вагин – в Иркутске.³ По отзывам красноярцев, гуманность Н. К. Переплетчикова как человека «была особенным явлением наряду с его службой городу»⁴. «Сочувствуя всяким полезным начинаниям», он делал многочисленные пожертвования в пользу г. Красноярска (прил. 2), за время служения городу (1887–1890 гг.) увеличил его доходы на 6 %⁵.

Но были и другие примеры. М. П. Миндаровский, много лет занимавший должности в системе городского самоуправления г. Енисейска писал: «вообще старожилы наши, обладающие крупными капиталами, не очень щедры бывали при жизни, и только видя, что жизнь оставляет их, рисковали одарить чем-нибудь родной город» Так, очень расчетливый купец А. М. Бородкин даже перед лицом смерти точно высчитал, что будет стоить накормить обедом в столовой для бедных нищих в указанные им поминальные дни о его душе, и эту сумму в рублях и копейках завещал местному обществу пособия бедным⁶.

¹ Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). – Красноярск, 1990. – С. 197–198.

² Туман-Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX веков) ... – С. 100–112; Гаврилова Н. И. Владимир Михайлович Посохин: социальный портрет сибирского предпринимателя начала XX в. // Историко-экономические исследования. – 2010. – Т. 11. – № 1. – С. 69; Katsina T. A. Das Elberfelder System in Ostsibirien. Idee und Realität um die Jahrhundertwende ... – PP. 392–404.

³ Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века) ... – С. 197–198; Шиловский М. В. «...Я буду держаться интересов народа» // Сибирская заимка. История Сибири в науч. публикациях. – URL: <http://zaimka.ru/shilovsky-krutovskij>; Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011: биограф. справочник. – Иркутск, 2011. – URL: <http://www.pribaikal.ru/more/article/15202.html>; Катцина Т. А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе XIX – начала XX в. ... – С. 13.

⁴ Красноярск: от прошлого к будущему. Очерки истории города. – Красноярск, 2013. – С. 236.

⁵ ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

⁶ Красноярский краеведческий музей им. А. И. Кытманова. Оф. 7085. Д. 172. Миндаровский М. П. Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 г. Город Енисейск. – Рукописный подлинник [декабрь 1924]. – С. 238.

По Городской реформе 1870 г. выборы в городскую думу проводились по системе, основанной на делении избирателей по трем разрядам,¹ численно неравным, но с суммарным равенством налоговых платежей, когда каждый из разрядов получал право избирать в думу одинаковое число гласных. Это приводило к поглощению третьеразрядного экономически слабого большинства имущественно сильным меньшинством первых двух разрядов. Отчасти этот недостаток избирательной системы минимизировался особенностями сибирской урбанизации. «Врачи, учителя, государственные служащие, инженеры и иные образованные горожане были, как правило, неплохо обеспеченными людьми, имеющими собственное жилье, уплачивающими с него в городской бюджет оценочный сбор. Вполне понятно, что они входили в состав избирателей, – пишет Л. К. Лен².

Современник реформ экономист и публицист Г. И. Шрейдер отмечал, что именно «страдательная роль» мелкого третьеразрядного обывателя вынуждала его относиться наиболее чутко ко всему творящемуся в области городского общественного управления, «заставила его с особенной настойчивостью стремиться к усилению влияния его представительства на ход и направление городских дел. Например, «не за страх, а за совесть» работали в Иркутской городской думе мещане П. П. Гундерин, С. И. Вотинцев,³ в Красноярской городской думе врач Вл. М. Крутовский⁴ и др.

По Городовому положению 1870 г. электорат в Красноярске составил чуть более 5 % от всего населения, в Ачинске – 7,8 %, в Канске – 7,3 %, в Минусин-

¹ Высочайше утвержденное Городовое положение. № 48498. ¹⁶/₂₂ июня 1870 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XLV. Отд. первое. 1870. – СПб., 1874. – С. 825–828; Нардова В. А. Органы городского самоуправления в системе самодержавного аппарата власти в конце XIX – начале XX в. // Реформы или революция? Россия 1860–1917. – СПб., 1992. – С. 56.

² Лен К. В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции ... – С. 11.

³ Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в.: дисс. ... – С. 122.

⁴ Шиловский М. В. «...Я буду держаться интересов народа» ...

ске – 11,8 %¹, в Иркутске – 7 %, в Балаганске – 9 %, в Илимске – 16,8 % , в Киренске – 15,7 %, в Нижнеудинске – 8,8 %², в Чите – 9 %³.

После городской контрреформы 1892 г. состав представительства стал еще более ограниченным. Во многих сибирских городах список избирателей сократился в 5–10 раз⁴, существенно сузился круг лиц, включенных в эту сферу общественной жизни. В малых городах (Киренске, Балаганске, Илимске, Верхоленске, Канске, Ачинске, Минусинске) вводилось так называемое упрощенное самоуправление с собранием уполномоченных взамен городской думы и с городским старостой вместо городского головы; в Нижнеудинске и Туруханске функции управы возлагались единолично на городского голову⁵.

По подсчетам Н. И. Гавриловой в Иркутской губернии «введенный реформой 1870 г. имущественный ценз оказался непреодолимым в административном центре в среднем для 93 % населения; в малых городах – для 88,5 %; в связи с реформой 1892 г. – соответственно для 97 и 97,2 % населения»⁶.

Мизерное число лиц, на которых формально распространялось избирательное право, а также низкий процент принимавших участие в выборах («при обычном абсентеизме избирателей») породили трудности в формировании орга-

¹ Красноярье: пять веков истории: учебное пособие по краеведению / Н. И. Дроздов (рук.) и др.: в 3 ч. Ч. 1. Край с древнейших времен до 1916 г. – Красноярск, 2005. – С. 178.

² Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в.: дисс. ... – С. 117.

³ Трускавецкая В. А. Городское хозяйство губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2005. – С. 17.

⁴ История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. ... – С. 65.

⁵ Гаврилова Н. И. Реализация реформ городского самоуправления в последней трети XIX в. в малых городах Иркутской губернии: интерпретация законодательных инициатив и повседневных практик горожан // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. – 2013. – № 2. (5) – С. 43; Лони́на С. Л. Формирование системы соотношения властей на территории Восточной Сибири в пореформенный период (1860–1917 гг.): монография. – Красноярск, 2014. – С. 65–66.

⁶ Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в.: дисс. ... – С. 129.

нов общественного управления, которые не были преодолены в сибирских городах¹ на протяжении всего периода действия закона.

Кроме ограничения избирательных прав, реформирование системы городского самоуправления по Городовому положению 1892 г. проводилось по линии расширения контрольно-надзорных функций государственных органов за деятельностью городских дум и управ. Надзор за городскими самоуправлениями оставался в ведении губернских (областных) по городским делам присутствий, которые стал возглавлять губернатор. До административной реформы 1895 г. в Сибири власть губернаторов уравнивалась органами бюрократической коллегияльности – губернскими советами, так как продолжало действовать «Учреждение для управления сибирских губерний» 1822 г. Тенденция к усилению губернаторской власти способствовала преобразованию губернских советов в губернские (областные) управления под председательством губернаторов. В результате административных преобразований Иркутский и Енисейский приказы общественного призрения прекратили самостоятельное функционирование, были переподчинены врачебному отделению губернского управления, которое и стало осуществлять надзор за прежде подведомственными им учреждениями.

Реформой 1892 г. усиливалось административное значение городских учреждений: городские головы и члены управ объявлялись состоящими на государственной службе, их могли привлечь к дисциплинарной ответственности и снять с должности, что во многом ставило их личное благополучие в зависимость от служебных успехов, которые оценивались не избирателями, а высокопоставленными чиновниками.

Несколько изменился круг полномочий муниципалитетов по вопросам общественного призрения (социальной помощи). Если по Городовому положению 1870 г. он включал только «устройство за счет городов благотворительных заведений»², то в Городовое положение 1892 г., очевидно, с учетом реальной ситуа-

¹ См., например: Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1914. – № 9–10. – Неофициальный отдел. – С. 39, 48–49; Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1915. – № 1–2. – Неофициальный отдел. – С. 35.

² Высочайше утвержденное Городовое положение. № 48498. ¹⁶/₂₂ июня 1870 г. ... – С. 823.

ции (маргинализации и люмпенизации населения как результат индустриального развития, урбанизации и возрастающей социальной мобильности) было добавлено «попечение о призрении бедных и о прекращении нищенства»¹.

Государство, привлекая органы местного самоуправления к решению насущных социальных проблем, рассматривало общественное призрение в контексте обеспечения благосостояния городского населения наряду с мерами продовольственными, здравоохранения, предупреждения пожаров и других бедствий. В течение трех лет со времени применения Городового положения 1870 г. города обязаны были в прежних размерах нести расходы на общественное призрение в виде отчислений разным учреждениям, установлениям и ведомствам на содержание учебных, благотворительных и иных общепользных заведений на основании особых, утвержденных законодательным порядком, постановлений. По истечении трехлетнего срока обязательными признавались только расходы, возложенные законодательным порядком или по соглашению «между городским общественным управлением и подлежащим учреждением, установлением или ведомством»².

Нужно иметь в виду, что для городских управлений обязательными являлись траты на содержание в больницах нижних чинов полиции и пожарных команд. Не имея своих больниц, они вынуждены были платить за лечение указанных чинов больницам приказов общественного призрения, что при общем недостатке средств делали, разумеется, неохотно. Городские власти нехотя брали на себя и ответственность за социальные учреждения, большинство из которых находилось «в самом невозможном состоянии»³ или требовали ремонта. Поэтому процесс обретения муниципального статуса заведениями приказов общественного призрения затянулся и для большинства из них не был завершен. Из учреждений, содержащихся на счет Иркутского приказа общественного призрения,

¹ Высочайше утвержденное Городовое положение. № 8708. 11 июня 1892 г. // ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XII (12). – СПб., 1895. – С. 433.

² Высочайше утвержденное Городовое положение. № 8708. 11 июня 1892 г. ... – С. 454.

³ Обзорение городского самоуправления // Журнал юридического общества. – 1898. – Кн. пятая. Май. – С. 177.

в ведение муниципалитета перешел только воспитательный дом в 1884 г.¹ Особую роль здесь сыграло решение наследников И. И. Базанова, крупнейшего золотопромышленника и благотворителя Восточной Сибири, принять на себя все расходы по содержанию заведения.

Председатель Енисейского приказа общественного призрения в представлении начальнику губернии от 10 декабря 1894 г. сообщал, что городская дума не сочла возможным выработать условия, на каких она могла бы принять больницу и богадельню ведомства приказа в свое подчинение. В свою очередь комиссия из гласных в составе чиновника М. Я. Гоголева, врачей Вл. М. Крутовского и П. Н. Коновалова проявила большую осмотрительность в этом вопросе². Комиссия установила неправомерное израсходование приказом общественного призрения 122 тыс. руб. из строительного капитала, а потому усомнилась в исполнении приказом обещания передать городу 44 750 руб.³ (речь шла почти о ½ части основного капитала). В связи с переподчинением больницы было высказано опасение, что город лишится ежегодного пособия (25 тыс. руб.) из земских сборов, а врачи служебных преимуществ, которые город вынужден будет компенсировать из собственных средств, затрачивая ежегодно на содержание врачебного персонала 5 191 руб.⁴ Городской голова П. М. Прейн вспомнил про высокое число ссыльных в Красноярском округе, пользующихся услугами больницы, и констатировал, что «заботу о них город никоим образом принять не может», так как они не имеют к нему никакого отношения⁵.

Нельзя сбрасывать со счетов отмеченное рядом исследователей⁶ отсутствие четкого нормативного определения полномочий муниципалитетов в сфере

¹ Материалы к истории г. Иркутска // Памятная книжка Иркутской губернии на 1903 г. ... – С. 256.

² ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 274. Л. 164–166.

³ Там же. Л. 166, 167 об.

⁴ Там же. Л. 166 об. 168., 171 об.

⁵ ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 274. Л. 169 об.

⁶ Ульянова Г. Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX века в контексте формирования гражданского общества... – С. 186; Коробейников Ю. В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления России в 1864–1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2003. – С. 170; Павлова И. П. Организационные и правовые основы социального попечения в России ... – С. 15.

общественного призрения. В решении Сената от 18 августа 1876 г. разъяснялось, что «городам предоставляется лишь право устраивать на свой счет благотворительные заведения, но никакой обязанности в этом отношении на них не возложено; равным образом ... на города не возлагается никаких обязательств и относительно призрения сирот или каких-либо других лиц»¹.

Во второй половине XIX в. основой социального законодательства продолжали служить «Уставы о общественном призрении» 1857 г. Учитывая специфику переходного периода со свойственными ему незрелостью новых форм, распространенностью старых традиций и навыков общественной активности, действие дореформенного устава, возможно, и было оправдано. Однако новая редакция устава² (1892 г.), сохранив важнейшие принципы законодательного регулирования помощи бедным, консервировала сословность социального призрения, государственную регламентацию, что не согласовывалось с требованиями времени. Необязательность помощи с точки зрения публичного права означала для ее объекта неизвестность объема предоставляемой помощи, а также невозможность рассчитывать на постоянную, систематическую поддержку, в которой могли и отказать. При такой постановке вопроса многое зависело от наличия свободных денежных средств у муниципалитетов, от понимания их депутатами основного смысла и назначения мер общественного призрения (социальной помощи), от ориентированности на реализацию потребностей и интересов беднейшей части населения и просто от желания делать что-нибудь для необеспеченной части городского населения.

Источниками для финансирования стоящих перед городскими думами задач служили городские доходы, которые складывались из казенных субсидий, благотворительных пожертвований, местных сборов: оценочного с недвижимого имущества, с документов на право торговли и промыслов, с питейных заведений,

¹ Городовое положение 11 июня 1892 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. присяж. пов. М. И. Мыш.; 3-е изд., испр. и доп. Издание неофициальное. – СПб., 1897. – С. 30.

² СЗ РИ повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. XIII. Издание 1892 г. Устав о общественном призрении. – СПб., [б. г.].

постоялых дворов и съестных лавок, с извозного промысла, с экипажей, владельцев лошадей, собак, пошлинных сборов. Значительный доход приносили налоги с городских сооружений и предприятий, городских имуществ, но налогами облагались не их доходы или продукция, а только недвижимый капитал – сами здания и оборудование.

По Городовому положению 1870 г. городские думы могли устанавливать эти сборы или обходиться без них. С 1892 г. взимание оценочного сбора с документов и питейных заведений становилось обязательным, а с остальных – по усмотрению городской думы. Городские бюджеты были отягощены обязательными расходами на содержание правительственных учреждений, городской полиции, пожарных команд, войсковых частей и пр. Только за покрытием всех обязательных расходов муниципалитеты могли обратить остающиеся средства на расходы необязательные, к категории которых относились затраты на образование, здравоохранение, общественное призрение, развитие мелких промыслов и т. п.¹

Согласно числовым данным о денежных оборотах городских касс за 1899 г., доля расходов на содержание благотворительных заведений от общей суммы всех произведенных затрат составила в Енисейске – 10,1 %, Ачинске – 0,3, Канске – 0,7, а в среднем по Енисейской губернии – 2,0 %; в Иркутске – 2,2, Нижнеудинске – 0,5, а в среднем по Иркутской губернии – 1,9 %; в Чите – 1,6, Верхнеудинске – 14,5, Нерчинске – 24,9, Селенгинске – 5,5, Троицкосавске – 4,3, а в среднем по Забайкальской области – 9,7 %². Надо заметить, что отчет не содержит данных в этой графе расходов по другим городским поселениям Восточной Сибири.

«Единственным источником удовлетворения нужд беднейших жителей г. Красноярска, – сообщалось в отчете Городской думы за 1880 г., – по незначи-

¹ Арсеньев К. Город // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. Т. IX (17). Гоа – Гравер / под ред. К. К. Арсеньева. – СПб., 1893. – С. 330–331.

² Подсчитано по: Отчет о денежных оборотах городских касс за 1899 г.; Издание хозяйственного Департамента МВД. – СПб., 1902. – С. 76–77, 118–119.

тельности городских доходов, служат доходы, полученные с пожертвованных различными благотворителями капиталов»¹.

Благотворительные капиталы начали формироваться в Восточной Сибири в 1860-е гг. из взносов разных людей в пользу бедствующих жителей того или иного города. Например, в Забайкальской области золотопромышленник Я. Фризер внес в распоряжение г. Баргузина 1 тыс. руб. для выдачи беспроцентных ссуд нуждающимся горожанам; почетный гражданин М. А. Хаминов завещал в распоряжение Троицкосавской городской думы для выдачи пособий беднейшим жителям города 500 руб., 50 акций Московского торгового банка, 13 акций Московского учетного банка и два пая пароходства «М. Г. Шевелев и К^о»; купец А. Ф. Второв завещал 10 тыс. руб. в пользу бедных жителей г. Верхнеудинска². В 1889 г. почетный гражданин И. Ф. Голдобин устроил в Верхнеудинске небольшую (на 12–14 мест) богадельню для безродных, неимущих, престарелых и инвалидов на условии, что первоначальное наблюдение за богадельней будет вести он сам, а после его смерти – городское управление. Уже по завещанию Голдобина городской думе следовало распорядиться и унаследованным капиталом (15 тыс. руб.) на устройство ссудной кассы, с тем, чтобы выдавать из нее займы под векселя или разные залогом с обязанностью уплаты комиссии (5 %) за пользование этими средствами, а полученную таким образом прибыль расходовать на содержание богадельни³.

Такие или подобные им пожертвования в разное время поступали в ведение городских общественных управлений Восточной Сибири (прил. 2, 3, 4), образуя особые, неприкосновенные фонды, которые хранились в банковских учреждениях, а на полученные с них дивиденды оказывалась помощь нуждающимся. Благотворители, вносящие движимое или недвижимое имущество в распоряжение городских общественных управлений, делали это с условиями или без условий. В первом случае они устанавливали, кому (представителям определенного

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 63. Л. 7.

² Тригуб Г. Я. Участие городских самоуправлений Забайкальской области в призрении населения (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Ойкумена. – 2009. – № 4. – С. 66.

³ Там же.

сословия или всем обратившимся за помощью) и в каком размере предоставить денежную помощь, определяли дни для его выдачи (главные религиозные праздники, события общественной жизни и т. п.). Во втором случае назначение и распределение помощи всецело зависело от решения городской думы. Надо заметить, что городские думы иногда нарушали условие благотворителей. Так, в Красноярской богадельне им. Т. И. Щеголевой, устроенной только для лиц мещанского и купеческого звания, содержались крестьяне, лица воинского звания, поселенцы, которые должны были призреваться за счет своих ведомств и сословий. «Это потому, – писала общественно-политическая газета Енисей, – что гласными думы руководило гуманное чувство, что все люди – братья»¹.

Условно общие благотворительные капиталы можно разделить на следующие виды: просветительный, попечительный, лечебный, специальный.

Так, в Красноярске из просветительного капитала закупали книги и журналы для библиотек, назначали именные стипендии или пособия учащимся различных учебных заведений и т. п. Попечительный капитал шел на устройство и содержание учреждений призрения, на закупку хлеба и муки для беднейших жителей города, на выдачу им пособий к религиозным праздникам, на поддержку пострадавших от стихийных бедствий. Лечебный капитал предназначался на устройство и содержание больниц, улучшение больничного питания. Специальный капитал расходовали на благоустройство городского сада, строительство музея² и т. п. Примечательно, что основная прибыль от операций ломбарда, по постановлению Красноярской городской думы 1891 г.³, отчислялась городу в пособие для нужд народного образования.

В 1899 г. у Красноярского городского управления числилось общих благотворительных капиталов около 420 818 руб., в начале 1903 г. – 480 111 руб., в

¹ Енисей. – 1897. – 3 декабря. – С. 1.

² Катцина Т. А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): монография ... – С. 35.

³ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 63. Л. 3; Серебренников А. М. Благотворительные капиталы Томска, Иркутска и Красноярска: материалы для истории сибирских городов ... – С. 29.

1907 г. – 545 960 и в 1911 г. – 705 471 руб.¹ У уездных городов такие средства были мизерными. Для сравнения: в 1907 г. благотворительный капитал Красноярска в 636 раз превышал аналогичный капитал Канска, в 80 раз – Енисейска, в 21 раз – Минусинска и в 17 раз – Ачинска².

На эти средства полностью или частично существовали социальные заведения, находящиеся в ведении городов, а именно ремесленное училище (1874 г.), богадельня (1875 г.) и сиропитательный дом (1894 г.) имени Т. И. Щеголевой, городская лечебница (с 1883 г. по 1889 г.) в Красноярске, Александровский дом призрения детей (1869 г.) и городская богадельня (1860 г.) в Енисейске, богадельня и ночлежный дом в Ачинске, особый дом для приюта бедных престарелых жителей в Канске.

Из общественного благотворительного капитала Якутская городская управа ежемесячно отпускала пособие по бедности членам местного мещанского общества. В 1896 г. пособие назначили 23 претендентам на общую сумму 55 руб. 60 коп. в месяц³. Кроме этого якутское городское самоуправление раздавало «самые незначительные суммы, получаемые от пожертвованных когда-то капиталов, как пособие к праздникам Рождества и Пасхи»⁴, содержало малокомплектную (на 10 человек) богадельню, предназначенную для неспособных к труду жителей городского сословия. Здание богадельни было крайне ветхим, контингент снабжался только обедами из столовой местного благотворительного общества, а обо всем ином должен был позаботиться сам. В этой связи губернатор области И. И. Крафт заметил: «Расширение дела представляется мне возможным не ранее, как с переходом его из ведения городского управления, мало заинтересованного в деле общественного призрения, в местное благотворительное общест-

¹ Обзор хозяйства города Красноярска за январь – март 1902 г. – [Красноярск], 1902. – С. 2; Обзор хозяйства города Красноярска за январь – март 1903 г. – Красноярск, 1903. – С. 42; Отчет Красноярской городской управы за 1907 г. – Красноярск, 1908. – С. 27; Отчет Красноярской городской управы за 1911 г. – Красноярск, 1912. – С. 75.

² Катцина Т. А. Государственно-общественные институты социального попечения в Восточной Сибири (XIX – начало XX в.) ... – С. 99.

³ НА РС (Я). Ф. 477-и. Оп. 1. Д. 50. Л. 1, 1 об.

⁴ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908). – СПб., 1908. – С. 99.

во»¹. Однако переговоры о передаче богадельни в ведение Якутского благотворительного общества успехом не увенчались².

Поскольку недвижимое имущество благотворительных учреждений и денежные капиталы принимались на содержание города, то управление, заведование и распоряжение ими являлось обязанностью Городской думы. Оно осуществлялось через попечительный совет, в состав которого входили городской голова или старший член управы (на правах председателя), два члена (один из них – казначей), избираемые Городской думой на четыре года и два кандидата.

Случались курьезы. Когда во время страшного пожара 1869 г. в Енисейске у купца В. В. Марамыгина сгорел дом, он переселился в богадельню, построенную им и переданную городу в 1860 г. Городской голова А. А. Грязнов возмутился самовольным занятием богадельни Марамыгиным и чрез полицию требовал выселить его. «Полиция не решалась силой выдворить старика, а брала лишь от него отзывы, в которых он объяснял, что живет в своей богадельне и на свой счет и теперь ни по чему не выйдет, а со временем уйдет и без переписки, что голова гонит его из личностей. Голова жаловался на полицию губернатору». Наконец общество заступилось за Марамыгина и постановило, что нет надобности выдворять его из богадельни им пожертвованной городу и в которой он занимал только одну комнату³.

На уровень бюджета города и его благотворительного капитала влияло экономическое состояние. Немаловажными факторами роста города являются его административный статус, место, занимаемое им в иерархии расселения. Как пишет Т. В. Паликова, история развития Иркутска и Читы – пример действительности использования «административного ресурса» – статуса города в иерархии поселений. Исторические, географические, экономические условия сложились так, что из всех городов губернии наиболее полно и мощно мог развиваться

¹ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908). – СПб., 1908. – С. 47.

² Там же. – С. 99.

³ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 г. / вступ. ст. Л. П. Бердникова [Таежная старина Александра Кытманова]. – Красноярск, 2016. – С. 454.

только Иркутск. Остальные города значительно отставали от него и в экономическом, и в культурном плане. В Забайкалье было четыре наиболее развитых города (Нерчинск, Троицкосавск, Чита и Верхнеудинск), экономика и культура которых до рубежа веков находились примерно на одинаковом уровне, в количественном отношении их можно отнести к малым городам. Начиная с 1910-х гг. структура городских поселений Забайкальской области расслаивается: 50 % приходилось на города-села (их численность не превышала 5 тыс. человек), 37,5 % составляли малые города и 12,5 % – средние¹.

Иркутск по своему торговому положению занимал первое место среди городов Сибири, так как находился на транзитном пути в Китай, Приамурье и Якутскую область. Медленно шло развитие Красноярска. К началу XX в. численность гильдейского купечества Енисейской губернии была почти в два раза меньше, чем Иркутской губернии. Город стал быстро расти и застраиваться благодаря проведению Сибирской железной дороги (1897 г.), но его благотворительный капитал был меньше Иркутского в 13 раз².

Общие безадресные капиталы позволяли городам реагировать на актуальные нужды: отпускать средства на лекарства для бедных, пособия пострадавшим от наводнения, учреждать стипендии для беднейших учащихся и т. п. Так, в 1907 г. Иркутская городская управа затратила на общественное призрение и благотворительность 23 877 руб., в общей сумме расходов большую часть (72 %) составили благотворительные капиталы³.

Во время стихийных бедствий (пожаров, наводнений) из членов городской думы и управы создавались особые комиссии, которые руководили организацией помощи пострадавшим. Задачи комиссии заключались в определении размера ущерба, организации сбора пожертвований, распределении средств между по-

¹ Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие) / науч. ред. З. С. Бочарова. – Улан-Удэ, 2010. – С. 25–26.

² Катцина Т. А. Государственно-общественные институты социального попечения в Восточной Сибири (XIX – начало XX в.) ... – С. 99.

³ Обзор хозяйства города Красноярска за январь – март 1902 г. ... – С. 2; Обзор хозяйства города Красноярска за январь – март 1903 г. ... – С. 42; Отчет Красноярской городской управы за 1907 г. ... – С. 27; Отчет Красноярской городской управы за 1911 г. ... – С. 75.

терпевшими. Старались имеющиеся благотворительные капиталы особо не тратить, а максимально привлекать новые пожертвования.

Так, на возмещение жителям ущерба от пожара в г. Минусинске (1899 г.) израсходовали 7 936 руб., в том числе 1 тыс. руб. из средств городского общественного управления, 6 936 руб. из частных пожертвований. Помощь погорельцам оказали в виде денежных пособий (от 5 до 450 руб.), предоставлении пастбищных земель, постройки домов и заборов для части пострадавших¹.

Основная задача Комитета по оказанию помощи жителям Забайкалья, пострадавшим от наводнения, заключалась в организации сбора пожертвований и распределении средств потерпевшим, в создании подобных комитету структур в тех областных районах, где были сильные разливы рек. Надо заметить, что Комитет был образован 30 июля 1897 г., т. е. на третий день после начала бедствия². Его состав был сформирован из наиболее влиятельных и авторитетных представителей местной общественности – Преосвященного Георгия епископа Забайкальского и Нерчинского, возглавившего Комитет, военного губернатора Забайкальской области генерал-майора Е. О. Мациевского, председателя читинского окружного суда А. К. Михайлова, главы читинского городского самоуправления Ф. Д. Черкасова, председателя Войскового хозяйственного правления А. Ю. Станкевича, статского советника Ф. Л. Клодницкого, исполняющего дела управляющего казенной палатой В. И. Тыжнова, читинского купца Д. Ф. Игнатьева³ и других представителей деловых кругов, тех или иных социально-экономических групп населения. Кроме мелких, но массовых пожертвований, собранных по подписным листам, в распоряжение Комитета поступили крупные единичные взносы: 10 тыс. руб. от императора Николая II для раздачи безвозвратных пособий пострадавшим; 6 625 руб. от кяхтинского купечества; 2 тыс. руб. от городской управы Благовещенска; 1, 9 тыс. руб. из Владивостока⁴. Созданный как временный, комитет прекратил свою деятельность в 1898 г.

¹ Енисей. – 1900. – 21 апреля. – С. 6.

² ГАЗК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ ГАЗК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 6. Л. 9, 95, 96, 109, 153.

Во время наводнения в г. Красноярске (1916 г.) городская управа, ограниченная в денежных средствах, выдавала пособия исключительно из пожертвованных П. И. Гадалова (1 000 руб.) и средств, вырученных от концерта П. И. Слоцова (879 руб.). Помощь назначали только наиболее пострадавшим и бедным жителям, так как учитывали, что состоятельные горожане смогут на личные средства восстановить свое хозяйство. Для ремонта размытых печей городская управа отпускала по сниженным ценам кирпич, а песок и глину – бесплатно. Нуждающимся были предоставлены 20 подвод и рабочие, которые круглосуточно дежурили в установленных пунктах, помогали перевозить имущество пострадавших. В этих же пунктах от городской управы распространялись билеты для беднейших жителей на бесплатные обеды. Некоторым пострадавшим выделили временное жилье в помещении Синельниковского общества благотворителей и попечителей сирот¹. Эти меры свидетельствуют о дифференцированном подходе к нуждающимся, оказании им адресной помощи, координации усилий разных общественных сил в осуществлении действий, направленных на помощь людям, оказавшимся в бедственном положении. В соответствии с принципом субсидиарности, помощь была организована так, что каждый нес свою долю ответственности.

Иногда общее дело превращалось в арену столкновения личных амбиций, например во время организации помощи пострадавшим от наводнения в г. Енисейске (1906 г.). В то время как часть членов городского общественного самоуправления и Общества пособия бедным организовала экстренную помощь пострадавшим, другие представители городской управы, следуя желаниям губернатора, создали особый комитет, в состав которого не были приглашены те, кто первым проявил инициативу в этом деле. По этой же причине в 1900 г. некоторые члены Енисейской городской думы предлагали местному Обществу попечения о начальном образовании отказаться от дара А. А. и В. А. Баландиных – 28 тыс. руб. и каменного здания для бесплатной народной библиотеки и школы, потому что в положении о читальне нашли стремление «связать только имя

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 257. Л. 2, 59 об., 151, 160, 160 об.

жертвователей с открываемыми учреждениями и в вопросах управления оставить за ними право решающего голоса»¹.

Восточная Сибирь в конце XIX – начале XX в. развивалась сообразно общим закономерностям развития и потребностям Российской империи. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали дало толчок росту переселения в край и его освоению. Капиталистические отношения проникали и в промышленность, главным образом добывающую. Отсутствие помещичьих хозяйств, огромные массивы свободных земель, слабость феодальных пережитков создавали условия для развития здесь капитализма по американскому пути, однако лишь единицы хозяйств стали предпринимательскими, фермерскими. Капиталистические отношения проникали и в промышленность, главным образом добывающую. Но если в России в целом промышленная революция завершилась к 1890-м гг., то в Сибири она делала лишь первые шаги.

Обратной стороной индустриального развития стал процесс маргинализации и люмпенизации населения. Маргинальные слои пополнялись также в результате урбанизации и возросшей в конце XIX в. социальной мобильности. В сибирском крае специфика нищенства была связана с массовой уголовной ссылкой². Ее прекращение на основании Закона от 12 июня 1900 г. хотя и избавило регион от массового наплыва уголовного элемента, но ряды нищих стали пополняться переселенцами, приток которых особенно возрос в годы аграрной реформы (1906–1917) П. А. Столыпина.

Чтобы облегчить включение в новые социальные структуры разорвавшихся крестьян, нищих, батраков, тех промышленных рабочих, кто занимался плохо оплачиваемым, тяжелым, неквалифицированным трудом, в ряде городов создавались попечительства о бедных, организованные по типу Эльберфельдской системы.

¹ Енисей. – 1900. – 30 июля. – С. 1.

² Катцина Т. А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе XIX – начала XX в. ... – С. 7.

Эльберфельдская система помощи, названная в честь города Германии, где впервые была применена, получила в конце XIX в. распространение почти на всей территории Германии и части Франции, стала примером для России, многих городов Австрии и Англии. Она основывалась на принципе индивидуализации, означающем, что помощь должна оказываться конкретному нуждающемуся человеку с учетом его личных свойств и потребностей при детальном обследовании и наблюдении, т. е. под девизом: «От человека к человеку» («Von Mensch zu Mensch»). Согласно принципу децентрализации вся селитебная территория Эльберфельда делилась на округа (Bezirke), а каждый округ – на кварталы (участки – Quartier). Во главе округа находился окружной старшина (Bezirks-Vorsteher), во главе участка – попечитель бедных (Armenpfleger), во главе всей организации – городское управление призрения бедных (Städtische Armen-Verwaltung), которое состояло из девяти лиц: председателя (обер-бургомистра или его заместителя), четырех городских гласных и четырех лиц, пользующихся правом голоса на городских выборах. И хотя непосредственное руководство деятельностью всей системы осуществляло городское управление призрения бедных, непосредственными исполнителями задач социальной помощи являлись попечители, наделенные самостоятельностью при рассмотрении частных вопросов¹.

В России Эльберфельдская система впервые была апробирована городским общественным самоуправлением Москвы в 1895 г. На основании московского опыта Министерство внутренних дел разработало «Примерные правила о городских попечительствах, учреждаемых для сбора пожертвований, оказания помощи нуждающимся и постоянного наблюдения за ними» в двух редакциях: одна – применительно к крупным городским поселениям, другая – для небольших городов. В марте 1899 г. Правила были разосланы губернаторам в сопровождении

¹ Катцина Т. А. Эльберфельдская система как образец реализации социальной политики на коммунальном уровне во второй половине XIX в. ... – С. 92–93; Ее же. Das Elberfelder System in Ostsibirien. Idee und Realität um die Jahrhundertwende ... – P. 388–389.

особого циркуляра, предписывающего оказывать содействие городским управлениям в организации попечительств о бедных¹.

Обе редакции Примерных правил в общих чертах воспроизводили положения, выработанные Московской городской думой в 1894 г., но с некоторыми изменениями и дополнениями. Так, открытие попечительств о бедных возлагалось не на городскую управу, как это было прежде, а ее особый центральный орган – городскую комиссию по призрению (или городское попечительство о бедных). В состав городской комиссии, возглавляемой или членом городской управы, могли входить все или несколько участковых попечителей. Более четко были определены возможные источники получения финансовых средств участковыми попечительствами. Комиссии предписывалось составлять сводный отчет о работе попечительства и направлять его в городскую управу.

Вторая, более упрощенная, редакция Примерных правил сохраняла общие вышеуказанные отличия от правил, учрежденных для Москвы. Однако коллегиальный орган (участковое попечительство) заменялся единоличным деятелем – попечителем, который подчинялся той же, образуемой при городской управе, комиссии (или городскому попечительству).

Главным нововведением стало ограничение избирательным цензом круга лиц, имеющих право работать участковыми попечителями.

Перед городской комиссией по призрению (или городского попечительства о бедных) были поставлены следующие задачи: 1) рассматривать все относящиеся к делу городского призрения вопросы и предоставлять по ним доклады в городскую думу; 2) обеспечивать финансово-организационный контроль участковых попечительств; 3) изучать положение беднейших слоев населения; 4) изучать причины обеднения, изыскивать и выработать меры для их устранения; 5) распределять между попечительствами субсидии от городской думы, принимать меры для усиления их средств; 6) устанавливать предельный размер пособий, выдаваемых по личному распоряжению участковых попечителей; 7) через

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 2222. Л. 87; Городские попечительства о бедных в Москве (Очерк первого десятилетия их деятельности): 1895–1904 гг. – М., 1908. – С. 1.

особые подкомиссии или участковые попечительства заведовать городскими благотворительными учреждениями, предназначенными для нужд всего города; 8) ежегодно направлять городской думе отчет о работе и сметы расходов на общественное призрение¹.

Чтобы приблизиться к Эльберфельдской системе призрения, основанной на самостоятельности городского общества, некоторые городские управления в проектах своих уставов для попечительств намечали существенные поправки к Примерным правилам. Так, Красноярская городская дума в 1899 г. направила министру внутренних дел ходатайство о допущении к работе участковыми попечителями лиц, не обладающих избирательными правами, но известных обществу «своими знаниями, трудом и любовью к делу». Вопрос этот несколько лет оставался неразрешенным, и только в 1904 г. Министерство внутренних дел уведомило городскую думу об отказе, рекомендовав ей скорректировать свою работу в соответствии с Примерными правилами во второй редакции². В отдельных случаях (в виде «особого изъятия») Министерство внутренних дел допускало отступление в этой части правил, сохраняя цензовое требование в отношении председателей попечительств. Из сибирских городов такую уступку получил только Томск³.

В Иркутске, административном центре Восточной Сибири, где наблюдалось «значительное число нищих всех возрастов»⁴, а городское благотворение находилось в «хаотическом» состоянии⁵, упорядочить работу постановила созданная при городской думе исполнительная комиссия по заведению благотворительными капиталами. Первоначально иркутский благотворительный капитал находился в распоряжении городского управления и суммы с его процентов рас-

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 2222, Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 23 об.; 86.

³ Гогель [С. К.] Учреждения и органы, ведающие призрением, и порядок действий их // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г.: в 2 т. Т. 2. Материалы. – Пг., 1914. – С. 411.

⁴ ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 720. Л. 4.

⁵ Доклад Иркутской городской исполнительной комиссии по заведению благотворительными капиталами о реорганизации дела городской благотворительности // Известия Иркутской городской думы 1899 г. – Иркутск, 1899. – Т. 3. – № 19. – С. 167.

ходовались на помощь бедным по единоличному усмотрению главы города. Поэтому не удивительно, что исполнительная комиссия выявила многочисленные факты назначения пособий без достаточного обследования положения просителя, в результате чего «масса профессиональных нищих и пьяниц широко пользовалась благотворительными капиталами, раз назначенное пособие продолжало выдаваться до бесконечности, несмотря на то, что в нем уже и не было надобности»¹. Например, пособие, назначенное матери для больного сына, отпускали в течение двух лет после смерти этого сына. Проведя имущественное и семейное обследование всех пансионеров, исполнительная комиссия почти половине из них прекратила выдачу пособий.

Изучив опыт московских участковых попечительств о бедных, исполнительная комиссия высказалась за устройство в Иркутске такой формы организации городского призрения, где ей отводилась бы роль центрального учреждения, объединяющего всю городскую благотворительность². Представители местного самоуправления посчитали, что «заведение для каждого попечительства особого делопроизводства, дробление благотворительных капиталов по количеству участков» будут способствовать излишней децентрализации, разведению «ненужной канцелярщины и ведению дела вразброд, в зависимости от личных взглядов того или иного попечителя»³. Инициаторы выражали уверенность, что правильная организация попечительского дела послужит гарантией того, что благотворительные капиталы будут увеличиваться за счет новых пожертвований, «раз до сего времени находились люди, отдавшие десятки тысяч городу, не зная, насколько разумно распорядится он этими деньгами». Предлагалось освободить «в особенности» сотрудников от регулярных и единовременных взносов⁴, что, на наш взгляд, сужало круг возможных источников получения средств, а следовательно, и реализацию программ вспомоществования.

¹ Доклад Иркутской городской исполнительной комиссии по заведению благотворительными капиталами о реорганизации дела городской благотворительности ... – С. 166–167.

² Там же. – С. 169–171.

³ Там же. – С. 169–171.

⁴ Доклад Иркутской городской исполнительной комиссии по заведению благотворительными капиталами о реорганизации дела городской благотворительности ... – С. 174.

По вопросу взаимодействия с местными благотворительными организациями комиссия «самым разумным» вариантом нашла размежевание сферы деятельности с благотворительным обществом «Утоли мои печали»: «общество могло бы совершенно прекратить вспомоществование бедным в виде ежемесячных или предпраздничных раздач денег и, таким образом, уничтожить свои приходские попечительства, не проявляющие ... достаточной жизненности»¹. Обособленная от общественных формирований работа исполнительной комиссии осуществлялась до 1909 г. Выработанный в этом духе проект «Правила Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами» (1899 г.) не получил одобрения генерал-губернатора и был направлен на доработку с учетом преодоления обособленной деятельности независимых благотворительных учреждений². В новой редакции правила были утверждены лишь в 1903 г. Следует отметить, что субъекты городской благотворительности в вопросе о сотрудничестве так и не вышли за рамки пассивных переговоров. Более того, отчет самой комиссии подтверждает, что с 1899 по 1909 г. она ни разу не обратилась к широким кругам иркутского общества³. Игнорировались всяческие инициативы населения. Так, в 1909 г. благотворительная комиссия и городская управа отклонили предложение иркутского землячества томских студентов предоставлять сведения о материальном положении студентов, проживающих в Томске, в обмен на учет мнения землячества при назначении пособий и стипендий⁴. Ранее, в 1907 г., осталось без внимания заявление группы иркутских безработных об организации общественных работ, содействии в тру-

¹ Доклад Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами о реорганизации дела городской благотворительности ... – С. 175.

² Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами / сост. П. Н. Колотилов // Известия Иркутской городской думы 1899 г. – Иркутск, 1909. – С. 447–448; Колотилов П. Н. Благотворительность в Иркутске // Трудовая помощь. – 1913. – № 6. – С. 30.

³ Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами ... – С. 467.

⁴ Добронравов Н. Общественное призрение и благотворительность в Иркутске ... – С. 253.

доустройстве, статистическом изучении размеров безработицы в городе и вызвавших ее причин¹.

Претендентам на пособие из благотворительных капиталов необходимо было написать заявление в городскую исполнительную комиссию. Фактически ⁹⁵/₁₀₀ всех прошений проверял приглашенный за особое вознаграждение комиссар, который в то же время служил оценщиком недвижимых имуществ на аукционной продаже². На основании его справок комиссия принимала соответствующее постановление. Заседания комиссии проходили, как правило, один–два раза в месяц, два–три раза – в первые осенние месяцы и пять–шесть раз – в марте и декабре, что соответствовало увеличению просьб о пособии перед началом учебного года и главными православными праздниками (Пасха и Рождество)³. Число обращений было неравномерным и по годам (рис. 2.4).

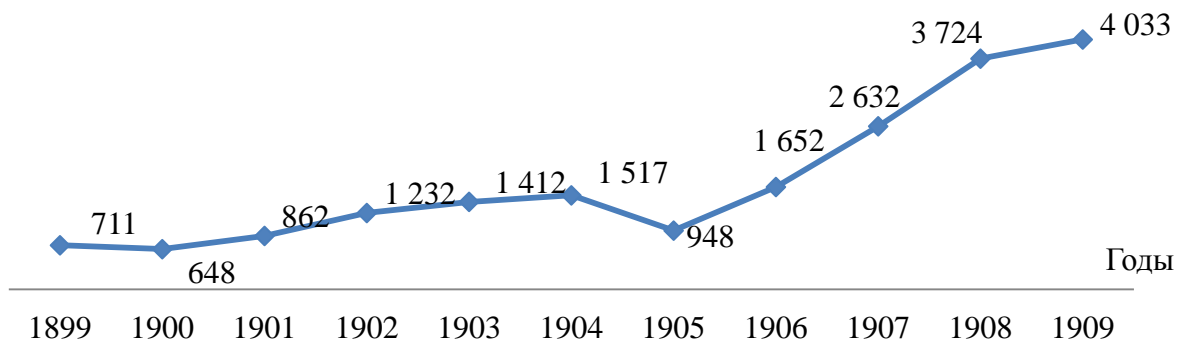

Рис. 2.4 – Динамика роста зарегистрированных входящих бумаг канцелярии Иркутской благотворительной комиссии за 1899–1909 гг.⁴

¹ Добронравов Н. Общественное призрение и благотворительность в Иркутске ... – С. 254.

² Протокол заседания Городской думы от 7 ноября 1900 г. № 43. По вопросу о назначении пособия опекам Ломаковской, Добротина и Дроздовой // Известия Иркутской городской думы 1900 г. – Иркутск, 1900. – Т. 3. – № 23–24. – С. 652.

³ Подсчитано по: Сведение о числе заседаний состоящих при Иркутских городских думе и управе комиссий за ноябрь месяц 1899 г. // Известия Иркутской городской думы 1899 г. – Иркутск, 1899. – Т. 3. – № 23. – С. 562; Отчет о деятельности благотворительной комиссии за 1909 г. // Известия Иркутской городской думы. Март 1911 г. – Иркутск, 1911. – Т. 1. – № 5–6. – С. 750.

⁴ Составлено по: Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами ... – С. 451; Отчет о деятельности благотворительной комиссии за 1909 г. ... – С. 750.

Число обращений за пособием с 1899 по 1909 г. увеличилось в прогрессии 1:5,5 и особенно сильно с 1906 г., после окончания Русско-японской войны¹.

Порядок рассмотрения дел и назначения пособий, который сложился в городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами, оказался «не лучше прежнего» и сразу вызвал справедливые нарекания многих гласных Иркутской городской думы. Возмущало и поведение председателя комиссии, который умышленно затягивал прием заявлений на оказание помощи, а за решение вопроса о назначении пособия требовал «смазывание» (взятку). «Эта политика смазывания продолжается и поныне и, по-моему, начинает походить на какое-то глумление», – сообщал гласный И. А. Концевич². «Дельцам комиссии и заправилам городского общественного управления приятнее работать втихомолку при содействии одного комиссара, создающего ... иллюзию, что комиссия в своей деятельности проводит принцип Эльберфельдской системы»³, – указывал другой современник.

По всей видимости, в составе Иркутской благотворительной комиссии оказались нечестные или неумелые чиновники, мешающие проведению основных принципов Эльберфельдской системы. Их изолированная и обособленная деятельность создавала реальные предпосылки для отчуждения местной власти и общественности и установления между ними сотрудничества. Сами они оценивали свою роль как «маловидную и редко доставляющую удовольствие или удовлетворение хотя бы только чувству гордости выполняемого долга»⁴. В итоге, начертанная («правилами») широкая в перспективе задача деятельности свелась к более узкой – рассмотрению подаваемых прошений о пособии.

Неоднозначной оценки заслуживает утверждение исполнительной комиссии о том, что она выполняла «свое скромное дело» в пределах сумм благоотво-

¹ Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами ... – С. 450–451.

² Протокол заседания Городской думы от 7 ноября 1900 г. № 43. По вопросу о назначении пособия опекам Ломаковской, Добротина и Дроздовой ... – С. 653.

³ Добронравов Н. Общественное призрение и благотворительность в Иркутске ... – С. 254.

⁴ Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами ... – С. 470.

рительных капиталов, «не посягая на обывательский карман и не прибегая к различным сборам в виде кружек, устройства спектаклей, лотерей-аллегри и т. п.»¹.

Действительно, при множественности источников финансирования всегда стоит проблема координации поступлений и устойчивости бюджета организации. В то же время, чем выше доля благотворительных пожертвований, тем сильнее выражено общественное содержание и общественная направленность услуг. Поскольку поиск финансовых средств, как правило, шел в условиях конкурентной борьбы с другими благотворительными организациями за их источники, то выполнение этой функции во многом зависело от известности и благоприятного имиджа организации, личности руководителя, систематической работы по привлечению средств и т. п.

Несомненным плюсом в работе Иркутской городской благотворительной комиссии стало изучение и статистическая обработка ряда показателей: численности лиц, получающих пособие по сословиям и возрастам; мотивов обращений за помощью. Благодаря этим данным нам известно, что по социальной принадлежности среди получателей помощи большинство составляли иркутские мещане и цеховые – 57,4 %, прочие сословия (дворяне, чиновники и т. п.) – 17,6 %, крестьяне Иркутской губернии – 15,8 %, ссыльнопоселенцы Иркутской губернии – 9,2 %².

Среди адресатов материальной помощи выделялись две группы: одинокие (преимущественно престарелые и дети, оставшиеся без родителей) и семейные (мало зарабатывавшие и безработные, многодетные, потерявшие кормильца, имевшие в числе иждивенцев престарелых). Одинокие составляли 63,8 %, в том числе женщины – 89,5 %, мужчины – 10,5 %. По наблюдению исполнительной комиссии, одинокие женщины чувствовали себя беспомощно уже в период 50-летнего возраста и прибегали к посторонней помощи «по совершенно пустому, казалось бы, случаю», при малейшем отклонении от нормальной жизни (сниже-

¹ Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами ... – С. 471.

² Там же. – С. 459–460; Колотилов П. Н. Благотворительность в Иркутске ... – С. 31.

ние заработка, хромота, ревматизм и т. п.). Мужчины, напротив, обращались за помощью лишь при полном отсутствии признаков работоспособности (увечье, неизлечимая болезнь и т. п.) и обычно в возрасте от 65 до 80 лет¹.

Средний возрастной состав получателей помощи из сумм благотворительного капитала за 1899–1909 гг. следующий: в возрасте до 9 лет – 4,4 %; 10–19 – 0,9; 20–29 – 0,4; 30–39 – 1,8; 40–49 – 12,7; 50–59 – 40,2; 60–69 – 28,1; 70–79 – 7,3; 80–89 – 2,0; 90 – и старше лет – 2,2 %².

Интерес представляет информация о том, в каких случаях беднякам назначалась благотворительная помощь. Среди причин обращения за пособием указывали следующие:

- дряхлость (старость) – 41,7 %;
- болезни и увечье – 24,1 %;
- сиротство и одиночество – 22,6 %;
- отсутствие работы или низкий заработок – 9,8 %;
- семейные несчастья – 1,3 %;
- прочие причины – 0,6 %³.

В категории лиц, обратившихся за пособием по случаю старости, преобладала профессия чернорабочих, у которых неопределенность заработка, плохое питание, пристрастие к спиртным напиткам, развившееся благодаря тяжелым условиям их труда, приводили к преждевременному старению и немощности при полнейшей необеспеченности их материального положения⁴.

Представленные материалы показывают, что массовую бедность в первую очередь порождали воздействия социальных рисков, по своей природе массовых, устойчивых, воспроизводимых самим обществом, его устройством.

Какие же меры предпринимала исполнительная комиссия для улучшения бедственного положения отдельного жителя?

¹ Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами ... – С. 460–461; Колотиллов П. Н. Благотворительность в Иркутске ... – С. 32.

² Там же. – С. 459; Там же. – С. 31.

³ Там же ... – С. 462; Там же ... – С. 32.

⁴ Там же.

Установлены были следующие виды единовременных пособий:

- пособие на уплату податей и повинностей мещанам;
- пособие на ремесленное обучение;
- пособие на погребение;
- пособие на оплату обучения и одежду для учащихся средних учебных заведений;
- пособие на бракосочетание десяти бедным женихам и десяти бедным невестам из иркутских мещан и цеховых;
- пособие на ремонт жилых помещений;
- пособие благотворительным учреждениям (например, на улучшение питания в ночлежном доме или тюремном замке, на елку для бедных и пр.)¹. Расходы на основные виды помощи представлены на рис. 2.5.

Рис. 2.5– Структура и доля основных видов материальной помощи бедным в Иркутске (1909 г.), %²

На диаграмме рис 2.5. видно, что значительные средства расходовались на такие традиционные формы помощи, как раздача подаяний неимущим к празд-

¹ Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами ... – С. 460–461; Колотиллов П. Н. Благотворительность в Иркутске. ... – С. 32.

² Подсчитано по: Отчет о деятельности благотворительной комиссии за 1909 г. ... – С. 751.

никам Святой Пасхи и Рождества. Примечательно, что, несмотря на разборчивый подход к оказанию помощи, благотворительная комиссия еще в 1909 г. не раз прибегала к так называемому огульному способу призрения, т. е. к раздаче вещей или билетов на обеды в дешевой столовой без проверки семейного и имущественного положения людей¹.

Нам не удалось обнаружить критерии назначения денежных выплат нуждающимся в каждом отдельном случае. Известно, что в Эльберфельде размер пособия определяли по тарифной системе, основанной на принципе «Existenzminimum», т. е. низшего уровня необходимых средств существования². Тарифные ставки периодически пересматривали и корректировали при изменении цен на продукты первой необходимости, стоимости жилья и т. д.

По свидетельству членов городской исполнительной комиссии, они никому не отказывали в помощи «в острой нужде». Среди просителей, получивших отказ, в большей степени фигурировали нищие, злоупотребляющие алкоголем, и «самоходы» – лица, прибывшие в город и не нашедшие работу, у которых «стремление к получению подачки» переходило нередко в привычку. Из общей массы подаваемых просьб удовлетворялось в среднем 82 %³.

Ежемесячное пособие в размере от одного до 10 руб. назначалось тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации (вдовам и вдовцам, обремененным многочисленной семьей, круглым сиротам, лицам, впавшим в глубокую старость). В 1909 г. контингент лиц, пользующихся ежемесячным пособием, состоял из 517 человек (442 женщины и 75 мужчин), что равнялось $\frac{1}{6}$ части всех претендентов на вспомоществование⁴.

Всю материальную поддержку можно разделить на две различные формы: как жизненно необходимую, в том числе текущую и разовую, и как помощь в особых жизненных ситуациях. Постоянное попечение оказывали в богадельне

¹ Отчет о деятельности благотворительной комиссии за 1909 г. ... – С. 752.

² Призрение бедных и благотворительность: [Соч.] П. И. Георгиевского ... – С. 46.

³ Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами ... – С. 470–471.

⁴ Подсчитано по: Отчет о деятельности благотворительной комиссии за 1909 г. ... – С. 750–751.

имени М. А. Сибирякова и в больнице для хронических больных, находящихся в ведении благотворительной комиссии и рассчитанных соответственно на 74 и 45 мест¹. Большой частью услуги закрытого попечения предоставляли богадельни, организованные и содержащиеся на средства частных лиц. В 1909 г. в Иркутске функционировали 20 таких учреждений, где в совокупности призревали 343 человека (176 женщин и 167 мужчин)². Разумеется, что и этого количества мест на город с населением около 130 тыс. человек явно не хватало. Число лиц, ожидавших вакансии в богадельни, с 32 в 1906 г. возросло до 141 в 1909 г.³ Поэтому закрытым призрением в Иркутске пользовались совершенно беспомощные люди преклонного возраста.

Резюмируя работу Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами, можно отметить, что она не стала организацией новых общественных сил, не использовала многочисленные возможности для увеличения своих средств. Модель организации городского призрения в Иркутске базировалась на заявительном принципе, была излишне централизованной, исключала личное участие горожан в улучшении бедственного положения своих сограждан. Такая практика справедливо воспринималась современниками как «обидная карикатура» на Эльберфельдскую систему⁴.

В целом, дело общественного призрения (социальной помощи), требующее непосредственной и живой работы со стороны лиц и учреждений, осуществляющих его, страдало серьезными недостатками. Губернатор Якутской области И. И. Крафт писал по такому случаю, что исполняемое по раз и навсегда заведенным трафаретным, оставшимся без изменения независимо от колебаний в размерах и характере требований, предъявлявшихся жизнью, дело это в громадном большинстве случаев совершенно не удовлетворяло действительных по-

¹ Колотилов П. Н. Благотворительность в Иркутске ... – С. 32.

² Там же. – С. 32–33.

³ Краткий отчет десятилетней деятельности (1899–1909 гг.) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами ... – С. 465.

⁴ Добронравов Н. Общественное призрение и благотворительность в Иркутске ... – С. 251.

требностей¹. Причины этого видятся в отсутствии сознательного отношения к серьезности его общественно-государственного значения, в привычном рутинном взгляде на свои обязанности, которыми была проникнута деятельность местных как общественных, так и государственных органов.

Итак, не регламентированные государством отчисления городов на социальную помощь были мизерными, не покрывали самые насущные потребности. Главными источниками удовлетворения нужд беднейших жителей сибирских городов становились средства, полученные с пожертвованных благотворителями (в их числе были представители разных сословий) движимых и недвижимых имуществ. Они находились в ведении городских общественных управлений, значительно различались между ними масштабом.

2.2.2. Организация социальной помощи неимущим волостными и сельскими обществами

В 1861 г. обязанности по призрению неимущих крестьян были возложены на органы крестьянского самоуправления – сельские и волостные общества². Рассмотрим, как эти обязанности выполнялись в конкретно исторических сибирских условиях.

Сельское общество (единый сельскохозяйственный округ), состоящее из одного или нескольких смежных имений, формировалось на основе крестьянской общины. С ней была практически неразрывно связана жизнь крестьянина. Крестьянская община представляла собой социальный институт, основанный на соседских, родственных связях, отражавший земельные интересы крестьянства и регулировавший его хозяйственно-бытовую жизнь. Общинный характер труда

¹ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908) ... – С. 46.

² СЗ РИ издания 1857 г. Т. XIII. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Тетрадь 2. Уставы об общественном призрении ... – С. 83. (Ст. 9); Бруадо А. Благотворительность // Россия в конце XIX в. – СПб., 1900. – С. 936.

формировал общинное сознание, в основе которого лежали взаимопомощь и сотрудничество, солидарность и круговая порука, сопричастность к делам и интересам коллектива.

Образование крестьянской общины в Сибири началось с конца XVI в. и связано с сельскохозяйственным освоением территории. При подъеме пашни, обустройстве земли возникали трудовые земельные сообщества, объединяющие семейно-родовые коллективы или товарищества, которые по мере развития оформлялись в общины, таким образом, общинное начало перешло в Сибирь и сделалось там коренным.

Сельская община в Сибири, отмечает Б. Е. Андюсев, выполняла следующие функции: 1) являлась корпоративной организацией старожилов – потомков первых переселенцев, людей, постоянно проживающих на одном месте свыше 25 лет;

2) выступала коллективным пользователем государственной земли, сообща владела пашнями, лугами, лесами, до конца XIX в. определяла порядок землевладения в зависимости от трудовых возможностей крестьянской семьи; 3) не вмешивалась в индивидуальную хозяйственную деятельность домохозяев; 4) не препятствовала росту зажиточности на трудовой основе; 5) сохраняла высокий статус женщины, коллегиальность в принятии решений, самостоятельность; 6) поддерживала немощных, убогих, сирот¹.

Сельские общества заведовали общественными, преимущественно хозяйственными, делами, имели свое собрание – сельский сход и своего представителя – сельского старосту, избираемого на три года. Сельский сход собирался из всех домохозяев данного общества по мере необходимости, обычно 10–16 раз в году, для обсуждения и принятия решений по различным вопросам, касающимся общих нужд и потребностей. Например, распределение земельных участков и лежащих на обществе повинностей, назначение опекунов и попечителей для несовершеннолетних сирот, учреждение сельских школ, запасных магази-

¹ Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение: учеб. пособие для учащихся и студентов. – Красноярск, 1999 ... – С. 18–19.

нов, призрение бедных и пр. На сельском сходе выбирали помощников старосты, нанимали писаря, смотрителей хлебного магазина, сторожей, иногда учителей и врачей.

Несколько сельских обществ объединялись в более крупную административную единицу – волость, где сосредотачивались административные и судебные дела. Выборные от каждого сельского общества, по одному от десяти дворов, составляли волостной сход. Функции председателя выполнял волостной старшина, избираемый волостным сходом на три года. К ведению волостного схода относились хозяйственные и общественные дела всей волости, для заведования которыми создавалось постоянное коллегиальное учреждение – волостное управление. Волость имела свой суд, состоящий из трех выборных судей, разбирающих дела по незначительным проступкам, а также споры и тяжбы между крестьянами.

Органы крестьянского самоуправления оказывали влияние на хозяйственную, социальную и культурную жизнь сельских жителей и основывали свою деятельность на законах Российского государства и нормах обычного права, являлись посредниками между уездными органами власти и крестьянством, поддерживали баланс государственных и общественных интересов, создавали условия для решения экономических и социальных проблем в сельской местности.

Помощь в рамках сельской общины вызывали, как правило, следующие наиболее актуальные для сельского населения риски: природно-климатические и связанные с ними риски земледелия, дефицит продовольствия (при традиционно большой семейной иждивенческой нагрузке, неурожае), риски стихийных бедствий и пожаров, социальные риски (бедность, нищета, бездомность, голод).

Дореволюционные исследователи по-разному объясняли причины превращения бедняка в нищего. Так, И. Д. Мещанинов выделял общие (экономические,

этнографические и бытовые условия) и частные (ссылка на поселение и административная высылка; временные народные бедствия) причины¹.

Наиболее удачной представляется классификация Е. Д. Максимова. Он обозначил следующие группы причин:

1) индивидуальные (неизлечимая болезнь, умственные или физические дефекты, возрастная дряхлость и т. п.);

2) семейные (смерть одного из супругов, одиночество, слабость семьи, т. е. несоответствие между рабочей силой, способностью ее к производительному труду и числом едоков);

3) экономические (малоземелье, малая производительность земли, недостаточность развития промыслов, отсутствие сбережений, непостоянство заработка в промышленных центрах, безработица, неудачные переселения на новые места, высокие цены на аренду земли, временные народные бедствия и т. д.);

4) правовые (отсутствие беспристрастного, вне групповых интересов, органа защиты, невозможность для крестьян обратиться к кому-нибудь за помощью и советом во многих своих юридических нуждах);

5) культурно-бытовые (обычай подавать просящим милостыню, малограмотность населения и т. п.)².

В различных регионах огромной Российской империи нищенство приобретало существенные особенности, обусловленные уровнем социально-экономического и культурного развития, религиозным и этническим составом населения. В Сибири его специфика была связана с массовой уголовной ссылкой. Именно ссыльные образовывали основной контингент, из которого рекрутировались нищие. В Восточной Сибири, по данным 1880–1890-х гг., более 50 % бездомных составляли ссыльные, тогда как доля старожилов не превышала 5 %³.

¹ О нищенстве в России и о способах борьбы с этим явлением: Доклад И. В. Мещанинова // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–10 марта 1910 г. – СПб., 1910. – С. 412.

² Максимов Е. Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним // Вестник благотворительности. – 1900. – № 12. – С. 17–38.

³ Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. П. Зиновьев и др.; отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М., 2007. – С. 282.

Большое распространение нищенство получило в Иркутской и Тобольской губерниях, меньше было развито в Енисейской губернии (1–1,6 % от численности населения)¹.

Несмотря на закон, обязывавший наделять приписанных к сельским обществам ссыльнопоселенцев землей, сибирские крестьяне предпочитали выдавать им билет на право отлучки и небольшую сумму денег, от 3 до 5 руб., лишь бы избавиться от нежелательного соседства². Но даже те, кто оставался на местах приписки и получал надел, не могли вести самостоятельное хозяйство.

Неполноправное положение, в которое попадали поселенцы на месте приписки, создавало возможности для их эксплуатации со стороны зажиточных крестьян-старожилов, купцов и владельцев золотых приисков. Не спасала положение и возможность получить экономическую поддержку из специального заемного капитала ссыльнопоселенцев Восточной Сибири, утвержденного 27 августа 1825 г. Сибирским комитетом и формировавшегося от продажи имущества умерших поселенцев.

У значительной части ссыльных отсутствовала мотивация к занятию не только земледельческим, но и любым другим трудом. Главным для ссыльнопоселенцев становились грабежи, конокрадство, изготовление фальшивых денег. Это принимало такие масштабы, что ни сельское общество, ни власть не могли справиться с засильем криминальных элементов, и местное население вынуждено было подчиняться устанавливаемому им диктату. Особенно тяжелым бременем на местном населении лежала обязанность содержать ссыльных, нуждающихся в призрении³.

Якутский губернатор И. И. Крафт отмечал, что такая повинность создала ряд справедливых жалоб и нареканий со стороны лиц, которые должны были,

¹ О нищенстве в России и способах борьбы с этим явлением. Доклад И. В. Мещанинова ... – С. 413; Профессиональное нищенство, его причины и формы: бытовые очерки А. [А.] Левенстима. – СПб., 1900. – С. 36; Голосенко И. А. Нищенство в России (Из истории дореволюционной социологии бедности) // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 20.

² Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири. – СПб., 1908. – С. 226.

³ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908) ... – С. 81.

часто живя впроголодь, кормить незваных пришельцев, в большинстве наглых и требовательных. Недовольство таким положением вещей доходило до пределов забвения законности со стороны населения, и были даже случаи самосуда над особенно обозлившими население поселенцами¹.

Известный польский революционер В. Серошевский, отбывавший ссылку в Якутии, описал такой случай: в одноименной области бывалые и бойкие поселенцы, застрашав местное население, получили не только полный земельный надел, но и довольно значительное содержание (от 3 руб. 30 коп. до 9 руб. 55 коп. на душу ежемесячно). «Поселенец такой живет настоящим “баринном”, на взгляд содержащей его инородческой, вечно голодной нищеты. Он мало работает и требует себе почета от людей, за счет которых кормится. ... Якуты боятся и ненавидят “посельщиков”, сознают вредное их влияние на своих сородичей, у которых последние учатся организованному воровству и разбоям»².

Наиболее распространенной формой нищенства в Сибири являлось бродяжничество. По преступлениям ссылаемые за бродяжничество составляли главный контингент ссылки ($\frac{2}{3}$ всего числа уголовных ссыльных)³. Как ни печальна и ни бедственна была жизнь нищих-бродяг, однако ни сибирский мороз, ни голод не останавливали их от побегов. В 1892–1895 гг. было задержано и осуждено за бродяжничество в Енисейской губернии 505 человек, из них в Красноярском уезде – 37, Енисейском – 128, Канском – 271, Ачинском – 24, Минусинском – 45, в Иркутской губернии – 1 051 человек, в том числе в Иркутском уезде – 289, Балаганском – 513, Нижнеудинском – 247, Верхоленинском – 42, Киренском – 10, в Забайкальской области – 80⁴. В губерниях Восточной Сибири число бродяг значительно снизилось после 1895 г., когда местом их ссылки на водворение был

¹ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908) ... – С. 81.

² Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири ... – С. 221–222.

³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия ... – С. 178.

⁴ Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки ... – С. 277.

определен о. Сахалин, а со второй половины 1906 г. – с. Хатын-Аринское Якутской области¹.

Современники справедливо нарекали бродяжничество «бичом Сибири», но между тем указывали на сочувственное отношение местных крестьян к ссыльным и бродягам². Для бродяг в Забайкалье существовал обычай оставлять омулей, в Иркутской губернии – хлебные и мясные припасы на заимках, на Барабе – молоко и хлеб около изб. А. Ф. Селиванов высказал мнение, что делали это для того, чтобы не заставлять бродяг «унижаться и просить пропитание»³. Очевидно, что население руководствовалось еще и желанием оградить свое имущество от разорения, опасалось мести со стороны бродяг (поджогов, порчи имущества и пр.). Так, исследователи землепользования и хозяйственного быта сельского населения губерний Восточной Сибири, отмечали, что здания сельских управлений служили «как бы естественным приютом для всех голодных и холодных», так как в них всегда находился десятник или сторож, волей-неволей отпирающий дверь на назойливый стук и впускавший на ночлег. «А не впустить нельзя: нищий или бродяга (их трудно иногда и отличить одного от другого) со злобы, что его не приняли, сделает, пожалуй, какую-нибудь пакость или же возьмет, да и замерзнет или помрет близ села; в том и другом случае и обществу, и десятнику будет много хлопот... Так лучше уж, хоть и скрепя сердце, открывать гостеприимно дверь “сельской” на всякий стук в нее⁴. Здесь надо заметить, что каждые похороны так называемых «безродно умерших», т. е. неимущих поселенцев, нищих-крестьян или бродяг составляли в некоторых людных притрактовых сель-

¹ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908) ... – С. 82.

² ГАКК. Ф. 817. Оп. 1. Д. 280. Л. 37; Статистическое обозрение Сибири, составленное статским советником [М.Н.] Баккаревичем на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и достоверных источников. Напечатано по Высочайшему повелению. – СПб., 1810. – С. 88.

³ Селиванов А. Ф. Современное положение русской благотворительности // Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. – СПб., 1910. – С. 375.

⁴ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Иркутская губерния. Вып. 2. – М., 1890. – С. 173–174.

ских обществах довольно крупные затраты (3–6 руб.), расходы по которым списывали из мирских сумм¹.

Сибирские добровольные переселенцы («самоходы»), которым не повезло с устройством на новом месте и приходилось просить милостыню по деревням, уверяли, что старожилы подают им очень неохотно, и что наученные опытом, они выдают себя за ссыльных и тогда набирают подаяния гораздо больше². Так или иначе, но сибирские крестьяне постоянно «подкармливали» от 30 до 40 тыс. «непроизводительного и бесполезного народа»³. По некоторым данным, состоятельный российский крестьянин на подаяние бедным деньгами, хлебом и т. п. тратил из своего годового бюджета 2,5–4 руб.⁴, каждый губернский город Сибири уплачивал нищим 8 тыс. руб. милостыни, вся же Сибирь – 2 960 тыс. руб. ежегодно⁵.

Следует учесть, что на места поселения многие ссыльные приходили без средств к существованию, истомленные, сломленные не только морально, но часто и физически. Облегчить их участь помогало пособие из сумм экономического капитала, которое назначали ежегодно. В Восточной Сибири размер такого пособия и основания для его выдачи были определены постановлением совета местного главного управления от 26 февраля 1864 г. Ссыльным, признанным неспособными к физическому труду, назначалось 19 руб. 13 коп.⁶ в год (1 руб. 59 коп. в месяц) в Енисейской губернии, 36 руб. (3 руб. в месяц) в Иркутской губернии и Забайкальской области. Но сфера применения этого постановления оказалась не велика. Например, только в Енисейской губернии из-за не-

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Иркутская губерния. Вып. 2. – М., 1890. – С. 179.

² Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки ... – С. 258.

³ Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири ... – С. 226; Семилужинский Л. (Н. М. Ядринцев). Бродячее население Сибири // Антология социальной работы: в 5 т. Т. 2. Феноменология социальной патологии. – М., 1995. – С. 24.

⁴ О нищенстве в России и о способах борьбы с этим явлением: Доклад И. В. Мещанинова ... – С. 426–427.

⁵ Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири ... – С. 226.

⁶ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5723. Л. 25 об., 63, 68.

достатка экономического капитала остались невыданными пособия за 1901 г. – на сумму около 3 тыс. руб., за 1902 г. – 8 тыс. руб., за 1903 г. – 8 тыс. руб.¹ (в среднем на пособия расходовалось ежегодно около 14 500 руб.²).

Скудный экономический капитал не мог удовлетворить значительную часть действительно нуждающихся, поэтому им часто отказывали в пособиях или выплачивали его меньше установленной нормы. Между тем, в Забайкальской области были отмечены случаи, когда общественные удостоверения о семейном и имущественном положении часто выдавали лицам вполне состоятельным, а иногда «волостные правления требовали (и расходовали) деньги на пособия таким ссыльным, которые давно умерли или находились в неизвестной отлучке»³.

Для неспособных к труду ссыльнопоселенцев устав о ссыльных предусматривал особую форму призрения, а именно прописку их по волостям на вольное пропитание. На практике оно представляло собой не совсем определенную форму помощи. Так, некоторые из приписанных на вольное пропитание получали разные простые должности в виде караульных, ночных сторожей и т. п., но большинство существовало исключительно на счет частной благотворительности старожилов или даже живущих своим хозяйством (на правах равных артельщиков) ссыльных.

В Забайкальской области вольное пропитание неспособных к труду ссыльных (их число достигло к концу XIX в. внушительных размеров, а именно 4 тыс. человек, т. е. лишь немногим менее $\frac{1}{3}$ общего числа водворенных в области ссыльных) составляло род натуральной повинности: «прокармливаемые крестьянами переводятся поочередно из двора в двор, где и остаются на сутки или более, смотря по зажиточности домохозяина»⁴. В губерниях Восточной Сибири местные нищие (одинокое старики, инвалиды, среди которых было много поселен-

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 313. Л. 25 об.

² Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки ... – С. 316

³ Там же. – С. 317

⁴ Составлено и подсчитано по: Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки ... – С. 313.

цев неспособных к труду) тоже «кормились на миру». Причем число дней прокорма для каждого из домохозяев рассчитывали по числу платежных душ в семье или по семейному достатку¹.

Точно определить число ссыльных, состоящих на вольном пропитании сложно, поскольку к этому способу помощи прибегают как действительно неспособные к труду, так и не желающие работать. Воспользуемся данными, которые удалось собрать исследователям на рубеже XIX–XX вв. (табл. 2.3).

Табл. 2.3 – Виды и формы помощи ссыльнопоселенцам мужского пола Иркутской и Енисейской губерний (конец XIX в.)²

Вид и форма помощи	В Енисейской губернии		В Иркутской губернии	
	число поселенцев		число поселенцев	
	общее	получающих помощь (%)	общее	получающих помощь (%)
Приняты в семьи крестьян	15 943	203 (1,3)	10 147	139 (1,4)
Приняты в семьи поселенцев		–		27 (0,3)
Содержатся в богадельнях и т. п.		76 (0,5)		69 (0,7)
Подаяние («кормление по домам»)		454 (2,8)		282 (2,8)
Итого		741 (4,6)		517 (5,1)
Пособие из экономического капитала		124 (0,8)		642 (6,3)
В общей сложности		857 (5,4)		1 159 (11,4)

Как видно из табл. 2.3, для большинства зарегистрированных поселенцев вольное пропитание осуществлялось в виде милостыни. Общий процент охваченных помощью был ничтожно мал, если принять во внимание, что на начало

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Иркутская губерния. Вып. 2 ... – С. 174.

² Составлено и подсчитано по: Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки ... – С. 211, 313, 316; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 4. Енисейская губерния. Вып. 2 / сост. В. Ю. Григорьев [и др.]. – Иркутск, 1893. – С. – 129 с.

XX в. среди ссыльнопоселенцев доля неспособных к физическому труду, увечных и немощных от старости составила 42,4 %¹.

Надо заметить, что содержание и устройство ссыльнопоселенцев тяжелым бременем ложилось на крестьянские или инородческие общества, к которым их причисляли. Архивные документы² свидетельствуют, что в неурожайные годы крестьяне сами попадали в бедственное положение, а потому вынуждены были сокращать объемы помощи или вовсе отказать в ней.

В некоторых сибирских деревнях для немощных по старости и неспособных к труду одиноких крестьян, а также ссыльных, не приписанных к податным обществам, строили богадельни или отводили так называемые общественные избы³ (прил. 1). Многие из таких заведений представляли собой только приют, состоящий из почти голых стен, где проживало несколько «дряхлых старцев, бог знает как прокармливаемых»⁴. В 1871 г. енисейский губернатор А. Д. Лохвицкий дал им следующую характеристику: «Богадельни в округах даже и не должны называться этим именем, так как живущие в них пользуются только помещением; одежду и пищу получают от подаяний, весьма скудных, и сами помещения почти не поддерживаются»⁵. Тем не менее, нельзя отрицать их пользы, так как они, несмотря на несовершенство организации (отсутствие устава, бюджета), все же приносили некоторую помощь нуждающимся.

Но даже и таких богаделен было мало. По данным, которые приводит А. П. Соломон, в 1897 г. на всю Иркутскую губернию насчитывалось только 11 сельских богаделен (табл. 2.4), где находилось всего 137 поселенцев, тогда как число водворенных в губернию ссыльных превышало 70 тыс.⁶

¹ Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири ... – С. 226; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия ... – С. 173

² ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7430. Л. 14; Ф. 595. Оп. 48. Д. 955. Л. 177, 186.

³ Ядринцев Н. М. Ссылка и ссыльные в Сибири // Живописная Россия. Бесплатное ежемесячное приложение к журналу «Новь» на 1885 г. – 1885. – № 1–6. – С. 253–254; ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4389. Л. 10.

⁴ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Иркутская губерния. Вып. 2 ... – С. 175.

⁵ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 609. Л. 33 об.

⁶ Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки ... – С. 310.

Табл. 2.4 – География сельских богаделен Иркутской губернии (1897 г.)¹

Название уезда	Число			богаделен
	населенных пунктов	волостей (инородческих управ)	населения	
Иркутский	452	10 (8)	116 804	–
Балаганский	885	12 (12)	138 123	Две общественные (с. Черемховское, с. Верхне-Булайское); две частные (с. Бельское, с. Верхне-Острожное)
Нижнеудинский	180	6 (1)	54 186	Две частные (с. Тулун, с. Братское)
Верхоленский	416	5 (11)	68 997	Пять общественных (с. Бирюлька, с. Ангинское, с. Манзурка, с. Тутура, г. Верхоленск)
Киренский	352	12 (5)	45 948	–

Из материалов табл. 2.4 видно, что число богаделен не пропорционально численности населенных пунктов и жителей в них; общественное начало характерно для 64 % сельских заведений призрения. Сопоставляя эти данные о богадельнях данными других источников, нельзя не отметить их небольшое расхождение. Так, согласно обзорам Иркутской губернии за 1895 и 1898 гг., в Иркутском уезде было шесть богаделен, в Балаганском – четыре, в Верхоленском – шесть, Нижнеудинском – два, Киренском уезде – одна богадельня, т. е. всего 19². Иную статистику дает тот же источник за отчетный 1900 г.: в Иркутском уезде – три богадельни, в Балаганском – три, в Верхоленском – шесть, в Нижнеудинском – одна, а всего – 13³. Разночтение возможно в следствие неучтенности или ошибки.

Динамика численности сельских богаделен в Иркутской и Енисейской губерниях в последней четверти XIX – начале XX в. отражена на рис. 2.6. Сразу

¹ Составлено и подсчитано по: Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки ... – С. 310–313 (1-я паг.); С. 50–51 (4-я паг.).

² Обзор Иркутской губернии за 1895 г. – Иркутск, 1896. – С. 35; Обзор Иркутской губернии за 1898 г. – Иркутск, 1899. – С. 35.

³ Обзор Иркутской губернии за 1900 г. – Иркутск, 1901. – С. 48.

оговорим, что в силу состояния источниковой базы конечный числовой показатель для Иркутской губернии приведен за 1913 г.

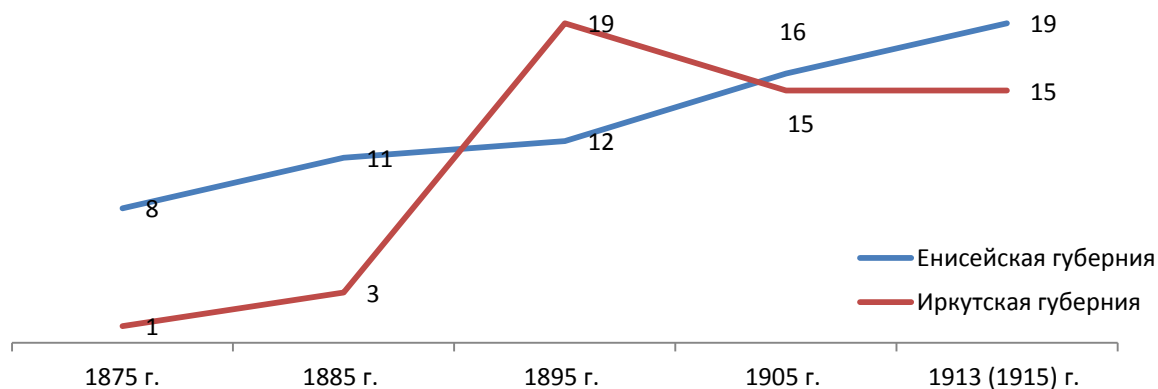

Рис. 2.6 – Динамика численности сельских богаделен в губерниях Восточной Сибири (последняя четверть XIX– начало XX в.)¹

Диаграмма на рис. 2.6 отражает разный ритм развития сети сельских богаделен: скачкообразный в Иркутской губернии и размеренный в Енисейской.

Примечательно, что прирост числа богаделен в Енисейской губернии происходил исключительно за счет Минусинского уезда: с 3 богаделен в 1875 г. до 11 в 1915 г.²

В мае 1907 г. на средства тюремного ведомства была устроена богадельня в с. Хатынь-Аринском (110 верст от Якутска) для призрения неспособных к тру-

¹ Составлено по: ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 722. Л. 76 об, 77; Обзор Енисейской губерний за 1875 г. – Красноярск, [1876]. – С. 46; Обзор Енисейской губернии за 1885 г. ... – С. 40; Обзор Енисейской губернии за 1895 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Красноярск, 1896. – С. 52; Статистический обзор Енисейской губернии за 1905 г. ... – С. 79–81; Статистический обзор Енисейской губернии 1910 г. ... – С. 71–74; Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 г. ... – С. 79–82; Обзор Иркутской губерний за 1885 г. – Иркутск, 1886. – С. 32; Обзор Иркутской губерний за 1895 г. – Иркутск, 1896. – С. 32; Обзор Иркутской губернии за 1905 г. – Иркутск, [1907]. – С. 38–39; Обзор Иркутской губернии за 1913 г. – Иркутск, [1915]. – С. 82–83.

² Обзор Енисейской губерний за 1875 г. – Красноярск, [1876]. – С. 46; Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 г. – Красноярск, 1916. – С. 79–82.

ду ссыльнопоселенцев обоего пола¹, а 22 августа 1912 г. якутский губернатор И. И. Крафт утвердил правила по ее управлению. В них было оговорено, что принятые в богадельню ссыльнопоселенцы могли оставаться в ней бессрочно, увольняться по собственному желанию или за предосудительные поступки (нетрезвый образ жизни, буйное поведение и неуживчивость и т. п.)². По мере сил, призреваемые должны были помогать содержать богадельню в чистоте и опрятности и «вообще не проводить время в праздности». Работы в богадельне имели целями: приучить к производительному труду тех из поселенцев, которые не потеряли надежду на улучшение здоровья; предоставить призреваемым заработок, который давал бы им возможность улучшить свой образ жизни³.

В Забайкальской области заведений для ссыльнопоселенцев не было, если не считать особого дома, устроенного в Читинском селении на 15 человек нуждающихся, в том числе ссыльнопоселенцев⁴.

Надо заметить, что большинство сельских богаделен возникало спонтанно, было рассчитано на незначительное число призреваемых (от 2 до 8 человек), а в ряде случаев число мест для нуждающихся в них вообще не определялось.

Интересна с точки зрения привлечения финансовых средств и организации управления история богадельни в с. Назаровском. Идея об ее открытии принадлежала енисейскому губернатору П. Н. Замятнину в память избавления 4 апреля 1866 г. «от угрожающей опасности жизни императора Александра II». Место для богадельни было выбрано не случайное. на Назаровском кладбище покоился прах матери О. И. Комиссарова, который в момент покушения на императора случайно ударил по руке Д. В. Каракозова, державшего пистолет, в результате чего пуля пролетела мимо. Заручившись согласием сельского общества, а также его обещаниями «посильными пожертвованиями вспомоществовать в постройке

¹ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907 – 1908). – ... – С. 49.

² Правила по управлению ссыльнопоселенческой богадельней в с. Хатын-Аринском // Законы и правила о ссыльнопоселенцах и их семействах. Составил якутский губернатор И. И. Крафт. – Якутск 1912. – С. 78.

³ Там же. – С. 79.

⁴ Соломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки ... – С. 310.

здания для богадельни, ежегодно выделять безвозмездно и беспрекословно 10 десятин луговых земель, чтобы призреваемые имели возможность прокормить 2–3 принадлежащих им коровы, и таким образом были бы снабжены молочной пищей»¹, губернатор открыл по всей губернии подписку добровольных пожертвований, ход которой широко освещался на страницах газеты «Енисейские губернские ведомости». П. Н. Замятин, по оценкам современников, обладал умением «всех привлечь к подписке»². Использовал при этом самые разнообразные способы: авторитет власти, давление на «беспредельную верноподданническую преданность», хитрость, шантаж (прил. 7). В течение года на устройство богадельни было собрано, преимущественно за счет крестьянского населения, около 4 000 руб. На средства купца первой гильдии И. Н. Некрасова были выстроены просторный одноэтажный дом, баня, амбар (стоимостью 980 руб.), разбит сад и огород³.

Открытие богадельни состоялось 16 апреля 1868 г., сопровождалось молебном, обедом из четырех блюд за счет проживающих в селе купцов. В это же день поступили новые пожертвования деньгами, вещами и продуктами от крестьян, мещан, купцов, инородцев. Основной капитал составил 7 260 руб.⁴

Для заведования богадельней был учрежден особый постоянный сельский комитет из местного окружного инспектора, сельского священника (он же казначей), участкового заседателя, назаровского волостного головы. В их обязанности входило также предоставление ежегодного отчета о деятельности богадельни губернатору, который брал на себя обязательство публиковать этот отчет на страницах газеты «Енисейские губернские ведомости».

В богадельню принимали немощных от старости крестьян, отставных солдат, ссыльнопоселенцев. В 1868 г. среди призреваемых мужчин было 14 поселенцев, отставной унтер-офицер, отставной рядовой, крестьянин; среди женщин –

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–16 об.

² Кытманов А. И. Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 г. ... – С. 420.

³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 107; Д. 5113. Л. 81.

⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 106 об.

две поселенки, жена рядового унтер-офицера. Минимальный возраст призреваемых – 36 лет, максимальный – 96, а средний – 70 лет. Среди причин, по которым они помещались в богадельню, в восьми случаях являлась возрастная дряхлость, в семи – слепота, а по одному – «слепа и безнога, чахоточный, слеп и калека, слеп и дряхл, калека, разбит параличом»¹, т. е. это были люди, которые нуждались в постороннем уходе, так как утратили возможности самостоятельно решать вопросы своего жизнеобеспечения. За период 1868–1893 гг. в богадельне нашли приют в среднем 25 человек в год².

Примером в плане организации может служить богадельня в с. Анциферово Енисейской губернии. В 1878 г. почетный потомственный гражданин И. П. Кытманов обратился к жителям с предложением взять на сельское общество по истечении 10-летнего срока обязанности по содержанию учреждаемой им для десяти местных крестьян, а также жителей прилегающих сел богадельни. Для чего жертвовал деревянный дом стоимостью 1 500 руб., а для содержания призреваемых – капитал в 6 000 руб.³ Крестьяне выразили согласие, но при условии распределения издержек по содержанию богадельни на всю волость. Решение сельского схода повлияло на утверждение устава богадельни Министерством внутренних дел, которое после трехлетних бюрократических проволочек предложило И. П. Кытманову «договориться с сельским обществом или изменить свои условия». К этому времени (1882 г.) И. П. Кытманов, «желая отстранить крестьянское общество от всяких расходов», устроил для богадельни каменный дом, оцененный с надворными постройками в 8 500 руб., сделал «при нем все, что нужно прочно» и передал в вечное пользование крестьянскому обществу. Кроме того, увеличил основной капитал на 2 000 руб., на первоначальное обзаведение богадельни вместо 200 руб. выделил 300 руб., учредил особый капитал на содержание в течение десяти лет двух отставных воинских чинов – участников Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) по 75 руб. в год на каждого⁴.

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3. Л. 222, 223.

² Там же. Д. 4048-а. Л. 81а.

³ Там же. 1039. Л. 12 об.

⁴ Там же. Л. 18 об., 26 об.; Д. 4048-а. Л. 181; Д. 5113. Л. 11, 12.

В течение года новый устав богадельни был утвержден и с «высочайшего соизволения» ей присвоили имя благотворителя.

Как учредитель И. П. Кытманов выполнял попечительские функции по устройству и наблюдению за богадельней. Должность попечителя являлась наследственной, а в случае смерти наследников ставилась в зависимость от выбора волостного схода.

Для заведования богадельней сельское общество выбрало на три года двух человек, которые с согласия попечителя имели право принимать в богадельню «престарелых и увечных лиц мужского и женского пола, православного исповедания, преимущественно из крестьянского сословия, собственно деревни Анциферово и окрестных с нею селений Анциферовской волости»¹, увольнять из нее, если у призреваемого появлялся надежный источник средств к существованию или его брали под опеку родственники или посторонние лица. Заведующие богадельней обязаны были предоставлять ежегодные отчеты попечителю и в анциферовское волостное правление для предъявления общественникам на волостных съездах.

Приведенные примеры организации сельских богаделен иллюстрируют не только способы привлечения денежных средств на их устройство, но и различие мотивов инициаторов: гуманистические (И. П. Кытманов) и корыстные (П. Н. Замятнин). Они отражают отсутствие инициативы «снизу», т. е. самих сельских обществ, но то же время проявляют чувство солидарности и поддержки благотворительных начинаний частных лиц.

Нельзя исключать фактор, на который в дореволюционное время указывал исследователь общественного призрения у крестьян В. Ф. Дерюжинский: «...вообще неприменимость к условиям крестьянской жизни» учреждений социального призрения. В качестве аргументов он приводил многочисленные примеры, когда при большом числе нуждающихся хорошо обустроенные богадельни

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1039. Л. 26.

пустовали, а неимущие и неспособные к труду, за исключением калек, предпочитали кормиться подаванием, чем жить «не на свободе»¹.

Часто, как отмечает Б. Е. Андюсев, человек с физическими или умственными недостатками нанимался в пастухи, сторожем или работником, помогал присматривать за детьми². Помещению в богадельню, как учреждение «закрытого» призрения, многие предпочитали жизнь в привычной обстановке, так как при этом сохранялась полная свобода в распоряжении своим временем, была возможность иметь связи с обществом, а иногда и участвовать наравне со всеми в общей работе. Но некоторые не могли быть приняты в богадельню или дом призрения из-за ограничений, предусмотренных уставами заведений.

В начале XX в. в Красноярском уезде лица, нуждающиеся в богадельне, большей частью оставались на произвол судьбы, а во многих волостях Ачинского уезда безродные старики призывались «в натуре», т. е. поочередно питались и кормились у всех крестьян, так как «устройство домов призрения не только для отдельных обществ, но и волостей не осуществимо»³. Оно являлось обременительным для крестьянских хозяйств, 46,5 % которых составляли бедняки⁴.

Таким образом, участие к бедным односельчанам в крестьянских обществах выражалось различными способами: раздачей милостыни, поочередным кормлением, выдачей денежных пособий, устройством богаделен.

2.2.3 Приходские попечительства при православных церквях Восточной Сибири: выбор приоритетов и мобилизация средств

В годы реформ 1860–1870-х гг. социальное служение Русской православной церкви направлялось государством через ее базовые институты – монасты-

¹ Дерюжинский В. Ф. Общественное призрение у крестьян // Антология социальной: в 5 т. Т. 1. История социальной помощи в России / сост. М. В. Фирсов. – М., 1994. – С. 53.

² Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение ... – С. 34.

³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 955. Л. 177, 186.

⁴ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). – Новосибирск, 1976. – С. 112.

ри, попечительства о бедных духовного звания, православные братства, приходские попечительства, что подкреплялось распоряжениями Св. Синода и гражданскими законами. Так, в 1864 г. в круг обязанностей возобновляемых и вновь учреждаемых православных церковных братств были включены «дела христианской благотворительности»¹, в задачи приходских попечительств – поиск средств для устройства и содержания в приходе благотворительных заведений, предоставление «бедным людям прихода в необходимых случаях возможных пособий»². Определением Св. Синода от 6 апреля 1866 г. всем учреждаемым на будущее время монастырям предписывалось соединить «с удобством уединенной монашеской жизни цель благотворительную или воспитательную»³ и открывать для этого соответствующие заведения.

Важнейшей частью церковных преобразований, отмечает ряд авторов⁴, стала попытка ликвидировать сословную замкнутость духовенства, решить вопрос о его материальном обеспечении, укрепить авторитет Русской православной церкви в обществе.

Православные являлись самой многочисленной вероисповедной группой. К середине XIX в. они составляли 95,7 % всей численности местного населения в

¹ О правилах для учреждения Православных церковных братств. № 40863. 8 мая 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе. Т. XXXIX (39). Отд. первое. 1864. От № 40457–41318. – СПб., 1867. – № 40863. – С. 409.

² Положение о приходских попечительствах при православных церквях. № 41144. 2 августа 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе. Т. XXXIX (39). Ч. 1. – СПб., 1867. — С. 689.

³ О дозволении княгине Васильчаковой учредить близ Киева Свято-Троицкий мужской общежительный монастырь с благотворительными заведениями, и о предложении на будущее время учредителям монастырей учреждать при оных заведения с целью благотворительной или воспитательной. № 43159. 6 апреля 1866 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе. Т. XLI (41). СПб., 1868. – С. 332.; Обзор учреждения в России православных монастырей, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1869). Сост. Григорович. – СПб., 1869. – С. 10.

⁴ Римский С. В. Церковная реформа 60–70-х гг. XIX века // Отечественная история. – 1995. – № 21; Его же. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. – 1996. – № 4; Шкурин М. Эквивалентность церковных преобразований контексту великих реформ. К 150-летию отмены крепостного права в России // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. – 2011. – № 1 (54); Беглов А. Л. Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // Российская история. – 2014. – № 6; Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. – Princeton, 2014; Карнишина Н. Г. Церковные реформы в России второй половины XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (35).

пределах Енисейской губернии, 68,4 % – Иркутской губернии, 99,9 % – Якутской области¹. По данным Первой всеобщей переписи населения (1897 г.), относительный показатель православных имел максимальное значение (85,8 %) именно среди населения Сибири (табл. 2.5).

Табл. 2.5 – Религиозный состав населения Восточной Сибири в 1897 г.
по основным вероисповеданиям, %²

Регион	Православные	Протестанты	Католики	Староверы	Иудеи
Енисейская губерния	93,8	0,7	1,1	2,1	1,1
Забайкальская область	65,9	0,1	0,3	5,4	1,2
Иркутская губерния	83,9	0,2	0,8	0,4	1,5
Якутская область	98,4	0,1	0,2	0,4	0,3
Сибирь	85,8	0,3	0,6	4,2	0,6
Европейская Россия	81,7	3,5	4,6	1,8	4,1
Российская империя	69,3	2,9	18,2	1,7	4,1

Преобладающее число православного населения в Сибири находит объяснение потребностями инкорпорации обширной территории в состав Русского государства. Власть, как отмечает группа авторов³, понимала политическую и со-

¹ Данные приведены по состоянию на 1851 г. на основании подсчетов по: Табл. 1. Народнонаселение Сибири по отчетам губернаторским // Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером: в 3 ч. Ч. 2. – СПб., 1854. – С. 709.

² Сост. по: Краткий обзор цифровых данных // Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – СПб., 1905. – Т. 1. – С. XV; Приложение к Общему своду данных Первой всеобщей переписи населения на 1897 год по империи. Карты и диаграммы // Общий свод по империи результатов разработки данных ... – С. 72–80.

³ Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.): монография. – Иркутск, 2007. – С. 24–25; Болонкина Е. В., Катцина Т. А., Федорченко В. И. Количественные и качественные изменения состава православного духовенства Енисейской губернии в первой половине XIX века // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2012. – № 8 (24). – С. 349; Юрганова И. И. Инкорпорация Якутского края в Российскую империю на примере христианизации // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. – 2012. – Т. 9. – № 2. – С. 95–98; Ее же. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкор-

циокультурную значимость христианского православия в качестве составляющей интеграции новых территорий в российское пространство.

Результатом распространения православия в Восточной Сибири стало административно-церковное оформление епархий: Иркутской (1727 г.), Камчатской (1840 г.) Енисейской (1861 г.), Якутской (1870 г.), Забайкальской (1894 г.)¹. Их открытие можно связать с необходимостью усовершенствовать управление приходами, число которых увеличивалось в связи с дальнейшим процессом усиления колонизации края. К примеру, сложно было управлять церковными приходами в Енисейской губернии. В течение 1824–1834 гг. ее западные приходы были приписаны к Томско-Алтайской епархии, восточные – к Иркутско-Верхоленской, а с 1834 по 1861 г. все приходы состояли под началом Томского Преосвященного владыки, который именовался и Енисейским.

В сравнении с территорией государства число епархий было недостаточным: из 58 епархий в 1861 г. 50 находились в европейской части, а прочие занимали громадные пространства, причинявшие органам управления значительные неудобства. Гигантами выглядели сибирские епархии Томская и Иркутская, а Камчатская епархия, помимо собственно Камчатки, включала Аляску, Алеутские острова, Приморье и Якутию².

Выделение епархий способствовало тому, что их границы приблизились или стали совпадать с границами губерний. В каждой из них учреждался орган управления и суда Русской православной церкви – духовная консистория, непосредственно подчиненная епархиальному архиерею и подведомственная Св. Синоду. Епархия делилась на благочиния – церковные округа, которые включали несколько территориально близких друг другу приходов и находились под наблюдением благочинных, назначаемых епархиальным архиереем.

порация в русскую государственность (XVIII – нач. XIX вв.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2017. – С. 45.

¹ Иркутская епархия в XVIII – начале XX века : учебное пособие / А. В. Дулов [и др.] ; науч. ред.: А. В. Дулов, А. П. Санников. – Иркутск, 2013. – С. 11–12.

² Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ ... – С. 56–57.

Жизнь православного населения была связана с церковью посредством приходской общины и приходского храма. Через них организовывался и направлялся общественный быт, формировалась культурная среда и духовность. В условиях аграрного общества приход, в большинстве случаев, был тождествен сложившейся административной и церковной единице разделения территории Русского государства. Центром сельского православного прихода, часто совпадающего в границах с волостью, служило село с церковью, вокруг которого объединялось 5–15, а иногда и больше деревень (прил. 6).

Первые церкви в Восточной Сибири были построены в 1620–1630-х гг. в Енисейском, Красноярском, Братском и Якутском острогах. Но в XVIII в. многие традиционные элементы деятельности православных приходов (например, право подбора и найма приходского духовенства, возможность свободно распоряжаться своими доходами, нравственная связь духовенства с приходской общиной, благотворительность) были урезаны или утрачены¹. Несомненно, что сельские обыватели, водворенные на казенных землях, а в Сибири помещичьи крепостные крестьяне составляли лишь $\frac{1}{1000}$ часть ее населения², пользовались до 1861 г. большими гражданскими льготами и преимуществом, чем сельские обыватели, водворенные на владельческих землях. Но Ведомство православного исповедания было обеспокоено тем, что «русский и туземный народ Сибири, вследствие своей малочисленности и громадности расстояний между приходами, некультурности страны и суровых климатических условий, находится в самом тяжелом положении в отношении удовлетворения своих религиозных потребностей»³.

Еще в 1773 г. 360 новокрещеных якутов ходатайствовали перед Иркутской консисторией о причислении их к какому-либо храму, так как в связи с даль-

¹ Папков А. А. Упадок православного прихода. (XVIII–XIX): Историческая справка. – М., 1899.

² История Сибири: в 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Л., 1968. – С. 19.

³ Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. – СПб., 1901. – С. 142.

стью и трудностями путей сообщения священники редко посещали их¹. Наиболее неблагоприятные условия сочетали приходы Якутской епархии, среди которых особенно выделялся Жиганский, простиравшийся от церкви на 1 300 верст, и Булунский, «разбросанный на огромном Ледовитом море в безлюдной и безлесной тундре»². Церковные приходы в Енисейской губернии были удалены друг от друга на 20–50–70 и даже 135 верст, а приходы Туруханский, Приангарский, Усинский своими размерами превосходили отдельные губернии Европейской России³. При таких условиях даже самые ревностные священники могли посещать отдаленные места прихода не чаще одного раза в год, а прихожане бывать на богослужении «не более двух–трех раз в течение всей своей жизни, и то только по каким-либо исключительным обстоятельствам»⁴.

На преодоление упадка церковно-религиозной жизни прихода было направлено «Положение о приходских попечительствах при православных церквях» (1864 г.). Этот документ отразил тенденцию преобразования устройства церковного прихода, положил начало формированию новых религиозно-общественных организаций, которые оказались наиболее простой «в смысле применимости и к деревне, и к городу благотворительной организацией, обслуживающей одновременно интересы и клира, и прихожан»⁵.

Приходские попечительства создавались «для попечения о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении,

¹ Юрганова И. И. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVIII – начало XIX в.) ... – С. 260.

² Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. ... – С. 142; Поездка его преосвященства, Преосвященнейшего Мелентия, епископа Якутского и Вилюйского, для обозрения церквей Вилюйского округа с 24 февраля по 25 марта 1914 года // Якутские епархиальные ведомости. – 1914. – № 23. – С. 443–453; – № 24. – С. 462–483.

³ Отчет о состоянии церковно-приходских школ Енисейской епархии за 1898 год // Енисейские епархиальные ведомости. – 1900. – № 9. – С. 230; Воззвание. На помощь инородцам // Сельский вестник. Воскресное (44) прибавление. – 1910. – 31 октября. – С. 1–2.

⁴ Касаткин А. Положение церковно-приходского строительства в районе Сибирской железной дороги на средства фонда имени императора Александра III к 1 января 1900 года // Енисейские епархиальные ведомости. – 1900. – № 12. – С. 323; Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III ... – С. 142.

⁵ Андерсон В. Несколько цифр из деятельности церковно-приходских попечительств ... – С. 31–32.

а также об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода¹ (прил. 5). Способствовать урегулированию широкого круга проблем общественного характера они должны были при содействии гражданских властей и под контролем епархиальных архиереев, в сотрудничестве с имеющимися в приходе благотворительными учреждениями и заведениями².

Общественное начало представлял институт попечительства. Его особый Совет избирался общим собранием прихожан большинством голосов. Прерогативой голоса обладали только домохозяева прихода и те, кто по закону имел право участвовать в делах местного самоуправления или дворянского собрания. При выборе кандидатов учитывались их общественные и личностные характеристики, прежде всего благочестие и преданность православной вере. Непременными членами Советов попечительств становились местные священнослужители, церковный староста, а в селах еще волостной старшина или голова. Вопрос о назначении председателя (попечителя прихода) решало само общество. Он избирался из прихожан, «пользующихся общим доверием», не исключая и местного священника³. Юридическая сила общего собрания выражалась в документировании решений – составлении приговора, который становился обязательным для всей религиозной общины.

По данным А. Д. Беглова, в 1890–1900 гг. священники председательствовали в 4,7 % всех приходских попечительств Забайкальской епархии и в большинстве случаев, особенно в селах, возглавляли приходские попечительства в Иркутской епархии⁴.

Число членов каждого попечительства и срок их службы определялись по местным обстоятельствам каждого прихода тем же общим собранием прихожан

¹ Положение о приходских попечительствах при православных церквях. № 41144. 2 августа 1864 г. ... – С. 689.

² Там же ... – С. 691.

³ Там же. – С. 689–691.

⁴ Беглов А. Л. Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности ... – С. 114–115.

с доведением до сведения епархиального архиерея. Значительным (275)¹ оказалось число лиц, задействованных в работе приходского Попечительства при Покровской церкви г. Красноярска. Однако чаще всего в Советы попечительств сроком на один–три года избирали от трех–четырех до нескольких десятков человек, но в среднем их численность редко выходила за пределы 10–20. Иногда приходские общины «за отсутствием надобности» ограничивали численный состав своих попечительств неперменными членами, а в отдельных случаях – председателем². Между тем, число попечителей никак не соотносилось с численностью прихожан: в одном приходе могло действовать крупное попечительство и наоборот³.

Приходские попечительства создавались по инициативе местного священника или части религиозной общины и преследовали в большинстве случаев вполне конкретные цели, что свидетельствует об их организационном демократизме. Через эту структуру представители разных социальных групп получали возможность воздействовать на общественные процессы. Обзор списочного состава 16 приходских попечительств Иркутской епархии⁴ показал, что членами попечительств становились купцы, чиновники, мещане, учителя, почетные гражд-

¹ Отчет приходского Попечительства при градо-Красноярской Покровской церкви с 10 августа 1903 по 1-е января 1905 г. – Красноярск, 1905. – С. 23.

² Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии: монография ... – С. 157.

³ Беглов А. Л. Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности ... – С. 116.

⁴ Список членов приходского попечительства при Бянкинской Троицкой церкви Нерчинского уезда // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 8. – С. 51–52; Открытие приходского попечительства в городе Селенгинске // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 8. – С. 50–51; Открытие приходского попечительства в городе [Ундинской Покровской церкви] // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 33. – С. 210–211; Открытие приходского попечительств. При Шивиинской Знаменской церкви. При Анинской Николаевской церкви // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 34. – С. 218–219; Открытие приходского попечительства при Нерчинском заводском соборе // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 35. – С. 223–225; Открытие приходского попечительства при Тыргитуевской церкви // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 40. – С. 252–253; Попечительство при Криволюкской церкви // Иркутские епархиальные ведомости. – 1866. – № 42. – С. 269–270; Открытие приходских попечительств [при Быковской Петропавловской церкви, при Кондуевской Богородской церкви, Манзурской Введенской церкви, Марковской Троицкой церкви] // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 43. – С. 281–282; Открытие попечительств [Оекской церкви, Верхнеидинской Архангельской церкви, Кибиревской Троицкой церкви] // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 44. – С. 289–290.

дане, ясачные люди, наиболее зажиточные крестьяне, а также служилые и отставные казаки.

Уникальным был состав попечительства Киренского Спасского собора. В его учреждении, пишет Н. И. Гаврилова, «женщинами города была найдена возможность расширить рамки своего участия в общественной жизни. Выборы состоялись в 1868 г. В состав попечительства вошли супруга доктора, представительница чиновничьего мира и четыре жены киренских купцов. В целом, женщины составили 17 % общего числа членов созданного общества»¹.

К элементам гражданской самодеятельности внутри приходских попечительств можно отнести их гласность, ежегодную отчетность общему собранию, возможность приглашать к участию в свои заседания других, полезных, лиц², самостоятельно принимать решения по вопросам, составляющим главный предмет своих забот, а именно: содержание и удовлетворение нужд приходской церкви; предоставление средств содержания приходскому духовенству; устройство домов для церковного причта; изыскание средств для учреждения, устройства и заведования в приходе школы, больницы, богадельни, приюта и других благотворительных заведений; оказание бедным людям прихода в необходимых случаях возможных пособий; погребение неимущих умерших, содержание в порядке кладбища³.

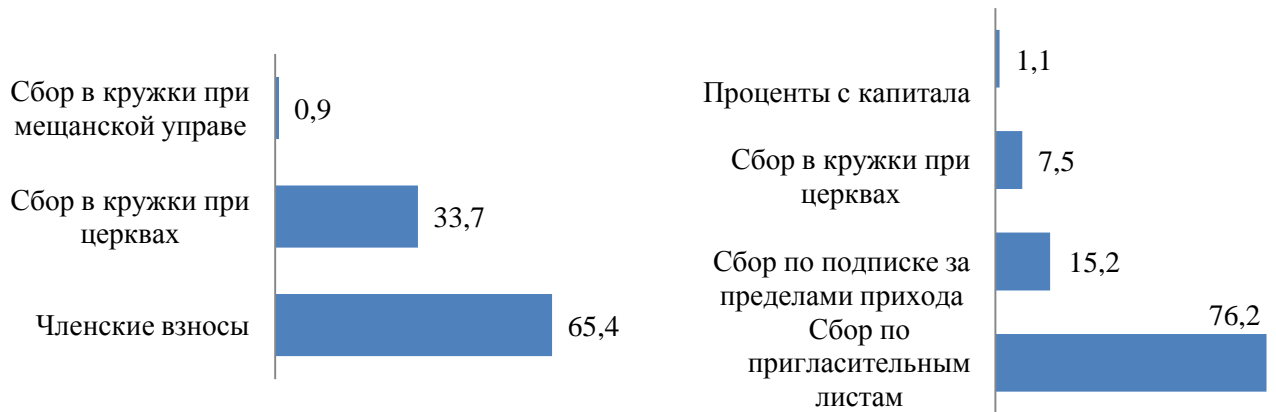
Осуществление задач, возлагавшихся на церковно-приходские попечительства значительно зависело от денежных и материальных средств, которыми они располагали. Экономическая основа церковного прихода формировалась преимущественно за счет добровольных пожертвований общинников; ее ресурсы во многом определялись социально-экономическим состоянием домохозяйств, жизненным уровнем населения конкретной волости или города. Источниками средств являлись членские взносы, проценты с имеющегося капитала,

¹ Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии: монография ... – С. 158.

² Положение о приходских попечительствах при православных церквях. № 41144. 2 августа 1864 г. ... – С. 689, 691.

³ Там же. – С. 690.

добровольные пожертвования (денежные, материальные), поступавшие по особым подпискам (подписным листам, пригласительным билетам) или в специальные кружки (тарелки), в том числе во время церковных служб. Названные источники по-разному сочетались, имели неодинаковый удельный вес в финансовой структуре церковно-приходских попечительств (рис. 2.7).

а) при градо-Красноярской Покровской церкви

б) при градо-Иркутской Троицкой церкви

Рис. 2.7 – Источники финансовых ресурсов церковно-приходских попечительств (выборочно) в Восточной Сибири, %¹

Из диаграммы на рис. 2.7 видно, что внутренние ресурсы (членские взносы, сборы по пригласительным листам) преобладали в финансовом обеспечении церковно-приходских попечительств.

Пожертвования собирали отдельно: а) в пользу церкви, б) причта, в) школы и благотворительных учреждений¹. Если их было недостаточно, «то попечи-

¹ Сост. по: Отчет приходского Попечительства при градо-Красноярской Покровской церкви с 10 августа 1903 г. по 1-е января 1905 г. – Красноярск, 1905; Отчет Попечительства, открытого при градо-Иркутской Троицкой церкви в третий день января 1865 г., на основании Высочайше утвержденного 2 августа 1864 г. Положения о приходских попечительствах при православных церквах // Иркутские епархиальные ведомости. – 1866. – № 3.

тельство, по совещании с почетнейшими прихожанами», могло предложить общему собранию назначить определенный сбор с прихожан (единовременный или постоянный, денежный или натуральный), которое, нужно заметить, особого энтузиазма у последних не вызывало.

Щедрые пожертвования одного или нескольких состоятельных прихожан могли на долгие годы обеспечить финансовое положение приходского попечительства, но одновременно поставить его в зависимость от вкусов и коммерческого успеха жертвователей. Это можно подтвердить следующими примерами.

Так, епископ Енисейский и Красноярский Никодим часто досадовал на жену церковного благотворителя И. Г. Щеголева, купчиху первой гильдии Т. И. Щеголеву за вмешательство в порядок проведения церковных служб в кафедральном соборе². Он так отозвался о ней: «... женщина умная, не без спеси, с притязаниями, которые могут мне наносить огорчения и стеснять мои распоряжения»³. Другой случай описывает А. Л. Беглов: «В Забайкальской епархии во главе Нерчинского приходского попечительства в 1865–1890 гг. стоял, по словам местного архиерея, “известный богач” М. Д. Бутин, пользовавшийся “замечательным авторитетом” среди жителей. Увеличив за это время попечительский капитал до 19 206 руб., он делал значительные расходы. Но когда дела его “пошатнулись”, Бутин уехал в Москву и “попечительство пало”. Сумма, оставшаяся в его распоряжении, была передана в городскую думу, которая построила на эти деньги двухэтажную каменную больницу»⁴.

Приходские попечительства самостоятельно определяли объем средств, предназначенных на реализацию стоящих перед ними задач. По данным за 1890–1900 гг. на поддержание и украшение церквей шло примерно 75 % бюджета попечительств в целом по империи, на церковно-приходские школы и благотвори-

¹ Положение о приходских попечительствах при православных церквях. № 41144. 2 августа 1864 г. ... – С. 690.

² Сибирские владыки: в 5 кн. Кн. 1. Начало. – Красноярск, 2005. – С. 114–117, 127, 135.

³ Преосвященный Никодим, епископ Енисейский и Красноярский. Дневники [публикацию подготовила О. П. Аржаных]. – Красноярск, 1987. – С. 11.

⁴ Беглов А. Л. Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности ... – С. 120.

тельные учреждения в приходах – 17–20 %, еще около 6 % средств расходовалось на поддержание причтов¹. Церковно-приходские попечительства в Восточной Сибири не являлись исключением (табл. 2.6).

Табл. 2.6. – Динамика и структура пожертвований, собранных церковно-приходскими попечительствами Восточной Сибири (1870–1914 гг.), руб.

Епархия	Год	Назначение пожертвования			Епархия	Год	Назначение пожертвования		
		на поддержание и украшение церквей	на церковно-приходские школы и благотворительные учреждения в приходах	на содержание причтов			на поддержание и украшение церквей	на церковно-приходские школы и благотворительные учреждения в приходах	на содержание причтов
Енисейская	1870	-*	-	-	Иркутская	1870	2 242	254	332
	1875	1 588	340	90		1875	7 803	1 843	989
	1880	285	-	-		1880	28 658	2 244	2 587
	1885	-	-	-		1885	-	-	-
	1890	-	-	-		1890	32 360	48	460
	1895	-	-	-		1895	4 349	127	28
	1900	4 450	-	-		1900	13 093	1 741	548
	1905	4 453	281	462		1905	1 856	927	633
	1910	9 669	717	191		1910	973	120	170
	1914	12 480	936	-		1914	1 990	1 655	576
Забайкальская	1890	-	-	-	Якутская	1890	-	710	-
	1895	43 990	-	-		1895	-	4 731	-
	1900	24 792	2 505	3 761		1900	2 340	-	-
	1905	13 601	2 782	4 454		1905	-	-	-
	1910	19 905	2 167	4 741		1910	199	33	-
	1914	8 050	861	2 616		1914	50	584	-

*Примечание: прочерки в таблице означают отсутствие сведений в источниках²; по Якутской епархии их нет в отчетах за 1870, 1875, 1880, 1885 гг., поэтому эти годы опущены в таблице, равно как по Забайкальской епархии, которая была образована в 1894 г.

¹ Ульянова Г. Н. Церковноприходские попечительства как структурная единица благотворительности внутри местного сообщества в позднеимперской России // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2003/2004. – СПб., 2004. – С. 169.

² Составлено по: Извлечение из Всеподданейшего отчета обер-прокурора Св. Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1870 г. – СПб., 1871. Вед.

Как видно из приведенных в табл. 2.6. данных, церковно-приходские попечительства (особенно Иркутской и Забайкальской епархий) собрали довольно крупные суммы на поддержание и украшение церквей. Очевидно, что материальные пожертвования на нужды культа являлись проявлением внутренней части религиозности населения. Так, из Иркутской епархии сообщали, что попечительства преимущественно полезны для построения и украшения храмов; что же касается других целей их учреждения, то население мало понимает им цену; большинство прихожан смотрит на честь быть членом попечительства как на всякую общественную службу, которую все так тяготеют¹. Интенсивное храмовое строительство, которое велось на рубеже XIX–XX вв. по всей Сибири, А. В. Литягина связывает с наличием православного сознания и ориентацией на «вечные религиозные ценности у большинства населения», которые в отличие от формальной, обрядовой стороны религиозности не испытывали кризиса².

По нашим подсчетам, произведенным на основании Отчета обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг., в среднем каждое попечительство Енисейской епархии израсходовало «на чистую благотворительность» более 4 руб., Иркутской – более 9 руб., Забайкальской – около 21 руб.³

№ 25 – С. 116–118; Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора ... за 1875 г. – СПб., 1876. Вед. № 25. – С. 116–118; Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1880 год. – СПб., 1882. Прил. 22. – С. 102–105; Всеподданнейший отчет за 1885 г. – СПб., 1887. Прил. 22. – С. 102–105; Всеподданнейший отчет ... за 1890 и 1891 гг. – СПб., 1893. Прил. 22. – С. 102–105; Всеподданнейший отчет ... за 1894 и 1895 годы. – СПб., 1898. Прил. № 23. – С. 150–153; Всеподданнейший отчет ... за 1900 г. – СПб., 1903. Вед. № 19. – С. 58–61; Всеподданнейший отчет ... за 1901 г. – СПб., 1905. Вед. № 19. – С. 58–59. Всеподданнейший отчет ... за 1905–1907 гг. – СПб., 1910. Прил. № 26. – С. 76–79; Всеподданнейший отчет ... за 1910 г. – СПб., 1913. Прил. № 26 – С. 14–17; Всеподданнейший отчет ... за 1914 г. – СПб., 1916. Прил. № 7. – С. 16–19.

¹ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1883 г. – СПб., 1885. – С. 309 (2-я паг.)

² Литягина А. В. Уровень религиозности населения Западной Сибири (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. – 2006. – № 9. – С. 124.

³ Катцина Т. А. Церковно-приходские попечительства Восточной Сибири: место и роль в системе социального попечения (1864–1917 гг.) ... – С. 222.

Что касается процесса создания церковно-приходских попечительств в Восточной Сибири, то он не был одномоментным и равномерным (табл. 2.7).

Табл. 2.7 – Динамика численности церковно-приходских попечительств в Восточной Сибири (1870–1914 гг.)¹

Епархия	Год	Число приходских попечительств			Год	Число приходских попечительств		
		на начало года	открыто вновь	итого		на начало года	открыто вновь	итого
Енисейская	1870	–	–	–	1895	8	–	8
	1875	21	–	21	1900	15	2	17
	1880	20	–	20	1905	62	–	62
	1885	5	–	5	1910	77	3	80
	1890	8	3	11	1914	87	38	125
Иркутская	1870	91	–	91	1895	79	5	84
	1875	109	8	117	1900	75	5	80
	1880	140	–	140	1905	100	–	100
	1885	–	–	–	1910	56	–	56
	1890	161	–	161	1914	49	6	55
Забайкальская	1870	–	–	–	1895	–	44	44
	1875	–	–	–	1900	115	12	127
	1880	–	–	–	1905	136	–	136
	1885	–	–	–	1910	136	–	136
	1890	–	–	–	1914	71	–	71
Якутская	1870	–	–	–	1895	18	2	20
	1875	–	–	–	1900	20	–	20
	1880	–	–	–	1905	40	–	40
	1885	–	–	–	1910	13	1	14
	1890	7	–	7	1914	13	–	13

¹ Составлено по: Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1870 г. – СПб., 1871. Вед. № 25. – С. 116–118; Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора ... за 1875 г. – СПб., 1876. Вед. № 25. – С. 116–118; Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1880 г. – СПб., 1882. Прил. 22. – С. 102–105; Всеподданнейший отчет за 1885 г. – СПб., 1887. Прил. 22. – С. 102–105; Всеподданнейший отчет ... за 1890 и 1891 гг. – СПб., 1893. Прил. 22. – С. 102–105; Всеподданнейший отчет ... за 1894 и 1895 гг. – СПб., 1898. Прил. № 23. – С. 150–153; Всеподданнейший отчет ... за 1900 г. – СПб., 1903. Вед. № 19. – С. 58–61; Всеподданнейший отчет ... за 1901 г. – СПб., 1905. Вед. № 19. – С. 58–59. Всеподданнейший отчет ... за 1905–1907 гг. – СПб., 1910. Прил. № 26. – С. 76–79; Всеподданнейший отчет ... за 1910 г. – СПб., 1913. Прил. № 26. – С. 14–17; Всеподданнейший отчет ... за 1914 г. – СПб., 1916. Прил. № 7. – С. 16–19.

В Иркутской епархии к концу 1865 г. насчитывалось 37 попечительств, в Енисейской – ни одного¹. Трудным для многих церковно-приходских попечительств оказался начальный период. Проявленную в 1860–1870-е гг. «вялость в реализации полученных попечительствами прав» Г. Н. Ульянова связывает с упадком православного прихода, а активизацию в 1890-е гг. – с подъемом светской благотворительности.

Опубликованная Г. Н. Ульяновой статистика по регионам европейской части России показала, что в 1868 г. только 20 % церковных приходов (5 327 из 28 785) имели попечительства. В 1894 г. насчитывалось 14 747 церковно-приходских попечительств, в 1899 – 18 323, т. е. за пять лет их число возросло на 23,6 %². В сравнении с этими данными можно считать высоким показатель числа церковно-приходских попечительств в Иркутской епархии, где в 1873 г. 43 % церковных прихода (104 из 241) открыли церковно-приходские попечительства³.

Характерной чертой церковно-приходских попечительств являлось непродолжительное существование: они быстро закрывались из-за недостатка средств, разногласий между членами правления, после выполнения конкретной задачи (строительство приходской школы, ремонт храма), ради которой открывались. И по прошествии почти 20 лет обер-прокурор Св. Синода вынужден был обратить внимание императора на незначительное их число в ряде епархий. Размышляя о причинах неуспеха, глава ведомства заметил: «Подобные явления показывают, что еще не повсеместно понято значение церковно-приходских попечительств для благоустройства приходской жизни и что не повсеместно возбуждено в православных населенных достаточное сочувствие к учреждениям этого ро-

¹ Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ ... – С. 353.

² Ульянова Г. Н. Церковноприходские попечительства как структурная единица благотворительности ... – С. 168.

³ Подсчитано по: Отчет о состоянии Иркутской епархии за 1873 год (продолжение) // Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1874. – № 9. – С. 76; Отчет о состоянии Иркутской епархии за 1873 год (окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. — 1874. – № 12. – С. 101.

да. Довершить то и другое дело принадлежит приходскому духовенству»¹. Таков был неожиданный финал, отмечает Римский, – дело, начатое правительством, переложили на само духовенство².

Очевидно, что возникновение попечительств зависело не только от материальных возможностей прихожан и их общественной активности, но и от воззрений священников по вопросу о необходимости коллегиального филантропического органа из прихожан. В ряде приходов духовенство обвинялось в неумении поставить себя должным образом. Там, где приход возглавлял настоящий сподвижник, жизнь «била ключом», так как прихожане были «спаяны с пастырями через деятельные различные организации просветительского и экономического характера».³ Например, в 1874 г. богатые Покровская и Благовещенская церкви г. Красноярска привлекли пожертвований соответственно 7 и 20 руб., а Шушенский приход, состоящий из одного села, – 50 руб.⁴ На начало 1916 г. в Канском уезде Енисейской губернии в 8 % приходов имелось по два церковно-приходских попечительства, в 34 % – ни одного. Исключительный случай представлял Георгиевский приход, где во всех составляющих его семи селах функционировали церковно-приходские попечительства⁵.

В рапортах и отчетах начала XX в. местные священники отмечали, что «бесконечные сборы в церквах на различные нужды и общества», длинная «вереница всякого рода тарелок и кружек» отбивают у части прихожан желание посещать храм⁶. Открытию церковно-приходских попечительств препятствовали: безучастное отношение жителей⁷; агитация политических ссыльных, из-за которой население относилось к начинанию церковно-приходских попечительств как

¹ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1882 г. – СПб., 1884. – С. 118.

² Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ ... – С. 354.

³ Мокеев В. Организация приходских сил, как средство оживления приходской жизни // Енисейские епархиальные ведомости. – 1916. – № 15. – С. 23.

⁴ Архив г. Енисейска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 134.

⁵ Подсчитано по: Краткое описание приходов Енисейской епархии. Репринтное воспроизведение издания 1916 года. – Красноярск, 1995. – С. 41–88.

⁶ Архив города Енисейска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 66.

⁷ Мокеев В. Организация приходских сил, как средство оживления приходской жизни ... – С. 23.

к излишней затее¹. Явлением глубоко отрицательным признавались черты «стадности, – безотчетности, – и даже некоторого принуждения и обязательности», которые приобретала благотворительность².

Схожие явления происходили в Томской епархии. Несмотря на все старания пастырей церкви, их внушения и убеждения, приходские попечительства как «полезные учреждения» не прививались к местной пастве: «в одних местах прихожане отказывались от учреждения у себя попечительств по религиозной холодности, в других по бедности; некоторым священникам удалось открыть попечительства, но по прошествии двух–трех лет они сами собою закрывались по несочувствию к ним прихожан»³.

В целом помощь церковно-приходских попечительств строилась на децентрализованных началах. Главное их звено – низовое – наделялось самостоятельностью, что позволяло действовать, сообразуясь с конкретной ситуацией на местах. Церковно-приходским попечительствам был свойственен и организационный демократизм, так как они создавались по инициативе самого населения – индивидуальных лиц и их групп, объединенных местом жительства и системой формальных и неформальных связей – семейных, дружеских, соседских и других, для решения жизненно важных проблем. Как правило, жители небольших местных сообществ хорошо представляли уровень жизни друг друга и могли определить нуждающихся с большей точностью, чем вышестоящие инстанции.

Итак, в Восточной Сибири процесс создания церковно-приходских попечительств «вписывался» в общую картину развития таких учреждений в Российской империи. Между тем не нашло подтверждения имеющееся в литературе суждение о том, что «благотворительность стала основой деятельности и главной целью всех церковных обществ, появившихся в пореформенную эпоху, –

¹ ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7995. Л. 68.

² З-в. В. Взаимопомощь в епархии // Енисейские епархиальные ведомости. – 1914. – № 4. – С. 15.

³ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора ... за 1883 г. – С. 308–309.

обществ вспомоществования и церковных православных попечительств»¹. Свобода выбора между церковным строительством, содержанием причта и собственно благотворительностью (устройство школ, больниц, богаделен, оказание пособий бедным) не привела к предпочтению последней.

Приходские попечительства часто открывались для выполнения какой-либо конкретной задачи (строительство школы, ремонт храма), а затем закрывались, большинство из них существовало формально.

2.2.4. Частные благотворительные общества Восточной Сибири: ресурсы и вклад в профилактику бедности и обнищания

После реформ 1860-х гг. на первый план выдвинулось понятие «общественность», и стало отождествляться с людьми, посвятившими себя общественному долгу или общим делам помимо или сверх обязанностей государственной службы².

В дореволюционной литературе для обозначения общественных организаций употреблялись термины «общества», «ассоциации», «частные общества», «общества частной инициативы». Исследовавшая их этимологию А. С. Туманова отмечает, что термин «общественный» трактовался как негосударственный, небюрократический, в силу чего под общественными организациями в то время, помимо собственно добровольных обществ, понимали также органы местного и даже сословного самоуправления³. Интерпретировав понятийный аппарат применительно к условиям дореволюционной России и взяв за основу определение

¹ Дружинкина Н. Г. Церковно-приходские благотворительные общества Петербурга в свете церковно-государственных отношений в конце XIX – начале XX века // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования / отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова. – СПб., 2008. – С. 264–278.

² Волков В. [В]. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи: дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.00; Ун-т Кембридж. – Великобритания, 1995. – С. 177.

³ Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. – М., 2008. – С. 20–21.

А. С. Тумановой¹, будем понимать под общественными организациями добровольные, самоуправляющиеся (способные осуществлять свои функции независимо от властных структур), легальные и надлежащим образом оформленные объединения (с внутренней структурой, штатным аппаратом, фиксированным личным составом участников не менее семи), которые, не преследуя коммерческой выгоды, нацелены в своей деятельности удовлетворить «частные» интересы и потребности людей в образовании, досуге, здравоохранении, социальной помощи, организации научной или спортивной деятельности, и другие общепользные цели.

Длительное время деятельность благотворительных обществ и благотворительных заведений регламентировалась Уставами об общественном призрении 1857 и 1892 гг. В 1897 г. введены нормальные (примерные) уставы для обществ пособия бедным. Ранее, в 1862 г., был принят специальный акт, изменивший порядок утверждения «обществ для взаимного вспомоществования или с другой благотворительной целью» от разрешительного (императором) к регистрационному (соглашение с министром внутренних дел). Принятие этих актов значительно сокращало формальности в регистрации обществ, способствовало дальнейшему росту их сети.

Быстрое увеличение количества и развитие благотворительных организаций в пореформенный период являлись, по мнению А. Линденмейер, одной из особенностей истории социальной поддержки нуждающихся в России по сравнению с другими странами². В начале 1870-х гг. идеолог сибирского областничества Г. Н. Потанин писал: «Теперь, после того как русская жизнь получила совершенно новые формы жизни, не может и Сибирь остаться без преобразований. Опять является потребность открыть ее, извлечь из забвения. Но третьим Ермаком должно быть само сибирское общество»³.

¹ Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. – М., 2008. – С. 23.

² Lindenmeyr A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. – Princeton, 1996. – Pp. 229–230.

³ Камско-Волжская газета. –1873. – 11 июля. – С. 2.

Благотворительные общества, создаваемые чаще всего по инициативе отдельных лиц или их объединений были нацелены на решение конкретных и жизненно важных проблем населения (помощь бедным, реабилитация и адаптация социально обездоленных, попечение нетрудноспособных и др.). Они имели разнообразные названия, в ряде которых отразилось главное направление работы или категория нуждающихся: Синельниковское общество благотворителей и попечителей сирот, Общество пособия бедным евреям г. Красноярска, Общество пособия бедным в г. Киренске и случайно прибывшим в него беднякам, проживающим в Киренском уезде, Забайкальское общество для вспомоществования нуждающимся переселенцам, Иркутское благотворительное общество во имя божией матери «Утоли мои печали» и т. п.

Ключевым моментом для реализации цели того или иного общества являлся вопрос обеспечения потребности в финансовых и материальных ресурсах. Материальная база благотворительных обществ первоначально формировалась за счет вкладов учредителей. В качестве учредителей в разных комбинациях могли выступать частные лица, мещанские или купеческие корпорации, городские думы и т. д.

Уставы обществ предусматривали широкий круг возможных источников средств: членские взносы, единовременные пожертвования, сборы от устраиваемых в пользу общества концертов, спектаклей, литературных чтений, выставок и т. п.

Например, Иркутское благотворительное общество для пособия бедным евреям в 1911 г. обеспечивалось средствами из членских взносов, поступлений от Погребального братства на содержание дома призрения и улучшение пищи больным, случайных и единовременных пожертвований, дохода с дома Я. И. Маркевича (специально на раздачу бедным), дохода от спектакля в городском театре, сеансов иллюзиона и кружечного сбора. Причем из 200 кружек деньги оказались только в 172 (2,79 руб. в среднем на кружку)¹.

¹ Отчет Иркутского Благотворительного общества для пособия бедным евреям за 1911 г. – Иркутск, 1912. – С. 4–5.

В Иркутское Римско-католическое общество за 1908 г. поступили доходы от ежегодного бала, устроенного в залах Общественного собрания, специальные пожертвования в пользу детского приюта и общего фонда общества, членские взносы, доход от процентных бумаг¹.

Поскольку попечительские организации были ориентированы на нужды местного населения, особое значение приобретала их поддержка муниципальными органами управления. Практиковалась передача частным обществам земельных участков бесплатно или на льготных условиях под строительство благотворительных заведений. Городские и государственные субсидии имели крайне нерегулярный характер. Скудные финансовые возможности городских бюджетов ограничивали их деятельность, поэтому они могли предоставлять общественным организациям лишь небольшие средства для решения насущных проблем. Так, за десятилетний период (1892–1902 гг.) Красноярская городская дума выдала Синельниковскому обществу благотворителей и попечителей сирот всего 185 руб., Обществу попечения о глухонемых – 50 руб.² По признанию же деятелей Синельниковского общества только на содержание столовой для бедных требовалось ежемесячно не менее 100 руб.³

Для привлечения средств, благотворительным обществам предоставлялось право устраивать публичные лекции, спектакли, концерты, литературные и танцевальные вечера. Практиковались личные обращения к состоятельным гражданам (прежде всего к купечеству) от имени губернаторов, градоначальников, председателей попечительских комитетов благотворительных обществ.

В начале XX в. распространение получил публичный сбор средств через продажу различных предметов (цветков, колосков, пасхальных яиц и пр.). К нему допускались только организации, существующие более трех лет и преследующие благотворительные, здравоохранительные цели, а также заботящиеся о народной трезвости. Разрешение на благотворительный сбор выдавал губерна-

¹ Отчет о деятельности Иркутского Римско-католического благотворительного общества за 1908 г. (11-й год с основания общества). – Иркутск, 1909. – С. 4–5.

² ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 2222. Л. 43.

³ Там же. Д. 2291. Л. 21–22 об.

тор или градоначальник; они же назначали дату проведения акции. В прошении (подавалось не позднее первого января каждого года), а также объявлениях или воззваниях о проведении акции требовалось указать, на какую цель собираются средства, число сборщиков, число розданных «особо занумерованных за печатью общества или учреждения» кружек, где именно, когда, под чьим наблюдением и при каких условиях будет производиться продажа предметов, а также куда сборщиками должны быть сданы собранные деньги. К ходатайству прилагались образцы отличительных районных знаков сборщиков и предметов, подлежащих продаже, отчеты общества за последние три года. За неделю до объявленного мероприятия губернатору или градоначальнику направлялся именной список сборщиков и их руководителей. Собранные суммы надлежало незамедлительно сдать на хранение в один из банков, а копию денежной квитанции предоставить губернатору. Отчеты о собранных пожертвованиях и их расходовании публиковались в местной газете¹.

Многие деятели благотворения видели в лотереях необходимое средство для привлечения финансовых поступлений. Однако правительство придерживалось ограничительной политики, разрешая лотереи на сумму до 1500 руб. в год. Для проведения лотереи требовалось разрешение губернатора, которое выдавалось по ходатайству благотворительного общества. Каждое новое прошение необходимо было сопроводить справкой о результатах прошлой лотереи и отчетом общества о своей работе за предыдущий год².

Благотворительные базары, лотереи и т. п. получили настолько широкое бытование на рубеже XIX–XX вв., что «подлинность» их не вызывала сомнения у обывателей. В связи с появлением мнимых подписок и лотерей иркутский полицмейстер был вынужден призвать горожан к бдительности. Были зафиксированы случаи, пишет Н. И. Гаврилова, когда люди ходили по домам с подписками

¹ Благотворительность и социальное попечение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): сб. документов и материалов... – С. 113–115.

² Павлова И.П. Организационные и правовые основы социального попечения в России ... – С. 134–135.

на раздачу лотерейных билетов, не имея вещей, назначенных к розыгрышу¹.

Финансовые средства частных благотворительных обществ распределялись на основные части (виды), именуемые капиталами: основной (неприкосновенный), оборотный (расходный), специальный. Основной капитал складывался из первоначальных взносов членов-учредителей, крупных единовременных пожертвований деньгами и вещами, которые обращались в правительственные и гарантированные правительством процентные бумаги и от имени общества помещались в одно из государственных кредитных учреждений. Расходный капитал состоял из процентов, полученных с основного капитала; ежегодных членских взносов; поступлений от устраиваемых обществом лотерей, концертов, сборов по подписным листам; доходов от предоставляемых платных услуг в учреждениях, принадлежащих обществу, а также мелких пожертвований. Эти средства вносились на расчетный счет банковского учреждения. Из них покрывались непредвиденные издержки на содержание призреваемых, расходы по капитальному ремонту помещений и т. п. По постановлению общего собрания благотворительного общества остаток от расходного капитала причислялся к основному капиталу или переносился в расходную кассу следующего года. Специальные капиталы состояли из средств пожертвованных или завещанных с четко обозначенными условиями их расходования.

Например, в 1912 г. денежный фонд Иркутского благотворительного общества «Утоли мои печали» включал следующие виды капиталов: а) основной (50 тыс. руб., пожертвованные П. А. Савинской) и б) оборотный (25 тыс. руб.). Ежегодно общество дополняло ренту с них сборами в размере от 5 до 10 тыс. руб. от устройства лотереи-аллегри (2–4 тыс. руб.), спектаклей (1–2 тыс. руб.), пожертвований (3–4 тыс. руб.)².

¹ Гаврилова Н. И. Массовые благотворительные акции как форма развития общественной инициативы горожан второй половины XIX – начала XX в. (на примере городов Иркутской губернии) // Гражданское общество в России. История и современность: материалы Междунар. научно-практич. конф. (Санкт-Петербург, 8–9 октября 2009 г.) / науч. ред. Т. И. Сиденко; в 2 т. Т. 1. – СПб., 2009. – С. 138.

² Колотилов П. Н. Благотворительность в Иркутске ... – С. 33–34.

Среди источников, обеспечивающих существование Якутского благотворительного общества, наиболее видное место в ряду денежных поступлений, занимал процент с капитала, который выразился в сумме 1 912 руб. Значительные средства, главным образом обеспечивающие успех деятельности общества, давал 40 копеечный сбор с чаев, доставляемых из порта Аяна и Охотска, основанный на добровольных отчислениях чаоторговцев. Сбор не производился в период Русско-японской войны, так как чай с берегов Охотского моря в Якутск не поступал, но со второй половины 1907 г. возобновился. Средства поступили от уполномоченного торгового дома «Коковин и Басов» – 851 руб., распорядителя Торгового дома наследников А. М. Кушнарева – 683 руб., от Ф. В. Астраханцева – 94 руб.¹.

Для контроля над движением денежной массы, имущества и приходно-расходных книг в каждом обществе создавалась ревизионная комиссия из трех человек, не входивших в состав правления. Она имела право делать внезапные проверки сама или по решению $\frac{1}{10}$ части сотрудников организации.

В начале XX в. была усовершенствована система контроля. Этого требовали и многочисленные жалобы на злоупотребления в сфере благотворительности, присылаемые в Министерство внутренних дел. Критика на страницах печати, жалобы в министерство приводили к тому, что авторитет инициаторов общественного попечения падал, денежные поступления сокращались. В некоторых обществах ревизии вскрывали «двойную бухгалтерию»: один документ для организации, а другой – для правительственных чиновников. Проверка деятельности сравнительно небольшого общества требовала 4–6 месяцев работы², поэтому фактически контроль со стороны Министерства внутренних дел сводился к сбору отчетов.

Важным условием работы благотворительной организации являлась открытость, для чего общий отчет о ее деятельности печатался в местной прессе

¹ Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1906 г. по 1 октября 1907 г. – Якутск, [1907]. – С. 5.

² Павлова И. П. Организационные и правовые основы социального попечения в России ... – С. 121.

или издавался отдельной брошюрой. Он включал информацию о целях и задачах организации, размерах и структуре ее доходов, сведения о стоимости ее имущества, расходах, численности и структуре кадров, количестве лиц, пользующихся услугами общества, числе отказов в помощи с указанием причин.

Так называемая человеческая сторона деятельности благотворительных обществ наиболее проявлялась в массовости благотворительных акций и безвозмездном трудовом участии различных сословий и сословно-профессиональных групп (дворян, купцов, интеллигенции и т. д.) в работе филантропических организаций и учреждений. Кроме альтруизма и желания поделиться опытом имели значение и личные цели (упрочение общественного положения, налаживание новых социальных связей, интеграция в местную элиту в интересах собственной карьеры). Иногда восприятие социальных функций организаций было ориентировано на их статус и форму, а не на эффективность и качество работы.

Примечательна в этом плане история Иркутского благотворительного общества «Утоли мои печали». Она началась в 1861 г. с предложения генерал-губернатора Восточной Сибири организовать Иркутский комитет для вспомоществования нуждающимся жителям города. В Комитет вошел «по должности» председатель губернского правления, двенадцать выборных дам-распорядительниц, «изъявивших готовность быть участницами в трудах благотворения». В 1874 г. Комитет преобразовали в особое благотворительное общество¹. «Обязанное своим существованием исключительно только тому обстоятельству, что по традиции место председателя всегда занимали супруги генерал-губернаторов или губернаторов, благотворительное общество только и дышит их поддержкой», – писал современник².

Так, открытые в 1885 г. по предложению графини С. С. Игнатьевой попечительства при церковных приходах «для более широкого развития дела благо-

¹ Иркутские повествования. 1661–1917 годы: в 2 т. Т. 2. / авт.-сост. А. К. Чернигов. – Иркутск, 2003. – С. 356; Гаврилова Н. И. Участие горожан Иркутской губернии в благотворительных обществах 2-й половины XIX века: проблемы реализации социальных ожиданий // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования. 2005/2006. – СПб., 2007. С. 140–141.

² Колотилов П. Н. Благотворительность в Иркутске... – С. 34.

творительности» начали уже в 1886 г. приходить в упадок. Во-первых, потому, что распорядительный комитет общества переключился на разработку проекта нового устава и приостановил свою организационную работу, лишив тем самым попечительства какой-либо поддержки. Во-вторых, недостаток кадров усилил нагрузку на работающих попечителей и многие из них, не справляясь с возложенными обязанностями, вышли из организации. В-третьих, поскольку не был определен штат необходимых для каждого прихода сотрудников, то выбывающие попечители не замещались. И, наконец, сами филантропы замечали, что их общество напоминает незначительный, случайный кружок лиц, предающихся благотворительности¹.

Растущее информационное и деятельностное расстояние между членами распорядительного комитета и рядовыми участниками общества продолжалось до 1888 г. Затем Общество стало руководствоваться новым уставом, в его правление были выбраны представители приходских попечительств. Со стороны Общества предпринимались попытки скоординировать работу участковых попечительств и находящихся в ведении общества заведений : детского приюта, богадельни, дешевой столовой, швейной мастерской. Были намечены организационные преобразования: деление попечительств на участки, расчет требуемого для каждого прихода числа сотрудников, открытие новых попечительств и т. п.². Однако, имея в своем развитии много интересных черт, пережив несколько эволюций, благотворительное общество «Утоли мои печали» в начале XX в., «едва сводя концы с концами, влачило свое существование»³.

При отсутствии достаточных материальных и людских ресурсов период между проявлением первых инициатив и их воплощением занимал несколько лет.

Показательна в этом отношении история Синельниковского общества благотворителей и попечителей сирот, которая началась с решения объединенного собра-

¹ Отчет о деятельности Иркутского благотворительного общества за 1889 г. (1-й год по преобразованию общества). – Иркутск, 1890. – С. 1–2.

² Там же. – С. 3, 8.

³ Колотилов П. Н. Благотворительность в Иркутске ... – С. 34.

ния общества мещан и купцов г. Красноярска от 27 февраля 1874 г. В мае того же года был утвержден устав общества. Но приступить к работе оно смогло лишь в конце 1877 г. Всего 36 человек выразили желание обеспечить жизнь горожан, случайно впавших в нищету, принимать меры к прекращению нищенства в городе, осуществлять социальное попечение детей-сирот; воспитывать и обучать детей, родители которых не имеют для этого никаких средств, «заботиться о сохранении здоровья и правильного в санитарном отношении устройства жилищ беднейших жителей города»¹.

В 1881 г. Синельниковское общество открыло бесплатную столовую для бедных на средства, поступившие от купца А. С. Щеголева лично и по доверенности от братьев Григория и Иннокентия. Однако денег на содержание столовой не хватало, и общество закрыло ее в 1883 г. Его работа ограничилась выдачей пособий бедным и нетрудоспособным, воспитанием шести мальчиков в ремесленном училище, а вскоре совсем была прекращена. По предложению генерал-губернатора Восточной Сибири А. П. Игнатьева для возобновления работы Синельниковского общества благотворителей и попечителей сирот в 1885 г. была сформирована инициативная группа из представителей городского общества, привлечено купечество. Тем не менее, работу общества удалось возобновить лишь в 1888 г. В члены общества записалось тогда 172 человека².

Поиск пути повышения эффективности социальной помощи подтолкнул Синельниковское общество благотворителей и попечителей сирот организовать участковые попечительства о бедных. В 1890 г. селитебная площадь города была разделена на 22 участка, что в 5,5 раза превышало число полицейских участков и в 4,4 раза – число церковных приходов (по замыслу Эльберфельдской системы, эти участки должны были совпадать, чтобы обеспечить так называемый синергетический эффект от сотрудничества). Заведующих участками избрали из со-

¹ ГАКК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

² Там же. Л. 17.

трудников самого общества, а для регламентации их деятельности разработали специальную инструкцию¹.

Так, попечитель должен был выявлять на своем участке бедных, нуждающихся в помощи, изучать их положение и причины обеднения. На основании этих сведений нищие могли быть разделены на разряды: 1) имеющие паспорта, 2) просрочившие таковые; 3) вовсе их не имеющие. Последние передавались полиции. В отношении первых двух групп попечитель устанавливал вид помощи временной или постоянной, денежной или вещественной. При неотложной необходимости мог назначать пособие до 3 руб. из специального фонда общества без предварительного доклада председателю комитета². Бесспорно, это делало помощь адресной и конкретной. На наш взгляд, следовало не только выявить проблему и предложить пути ее решения, но и контролировать ход социальной реабилитации, как это предусматривала Эльберфельдская система: посещать своих подопечных каждые 14 дней, отмечать перемены в составе семьи, изменение в заработке и т. д. Именно такой подход исключал возможные злоупотребления со стороны призреваемых.

Попечители по отношению к лицам состоятельным обязаны были привлекать их к участию и содействию обществу. Сотрудникам попечительств предстояло напоминать членам общества о своевременной уплате ежегодного взноса, проводить среди жителей разъяснительную работу о преимуществах организованной борьбы с нищенством³. Популяризации этих идей должна была помочь специальная брошюра, изданная в 1893 г.⁴

Перечень функций участковых попечителей, с одной стороны, дает нам представление о том, что проблема бедности воспринималась передовыми слоями общества как сложная, требующая глубокого анализа причин ее возникновения, разработки системы мер предупреждения, а с другой – свидетельствует

¹ Инструкция для участковых попечителей Красноярского Синельниковского благотворительного общества. – Красноярск, [б. г.]. – 7 с.

² ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 2222. Л. 10–13.

³ Там же. Л. 10, 11.

⁴ Отчет Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот за 1893 г. – Красноярск, 1894. – С. 15.

о слабом представлении городского населения о преимуществе организованной помощи бедным перед стихийной ее формой.

Чтобы преодолеть в общественном сознании диспропорцию в мнениях о мерах борьбы с нищенством, член попечительного комитета Синельниковского общества А. К. Решитько предлагал раздавать нищим, находящимся в ведении общества, особые нагрудные жетоны в знак того, что им до окончательного улучшения их положения разрешено просить милостыню. Особые значки предусматривались и для владельцев общественных зданий, оказавших благотворительную помощь обществу¹.

В 1897 г. газета «Восточное обозрение» сообщала: «В Томске, по примеру Красноярска, не на шутку взялись за искоренение нищенства. Прежде предполагено было продавать горожанам по два рубля билеты: купивший такой билет имел право не подавать милостыни. Ныне правление Томского благотворительного общества решило заказать особые металлические дощечки с надписью “Нищенство воспрещается”. Кто не желает, чтобы нищие его беспокоили, тот может приобрести дощечку и прибить ее у своего магазина или дома на видном месте»².

Работа Синельниковского общества развивалась в двух направлениях: в форме организации и содержания специализированных учреждений для бедных (приюта-убежища для детей, дешевых столовой и чайной, дома трудолюбия с конторой труда, ночлежного дома) и в виде денежной или натуральной помощи (продуктами питания, одеждой и обувью, медикаментами и т. п.).

Поэтому не удивительно, что в 1899 г. подготовительная комиссия из гласных А. Г. Смирнова, М. Ф. Косова и П. Н. Коновалова, избранная для рассмотрения предложения Енисейского губернатора М. А. Плеца об открытии в Красноярске участковых попечительств, «нашла полезным для дела поставить

¹ Отчет Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот за 1891 г. — Красноярск, 1892. — С. 19–20.

² Восточное обозрение. — 1897. — 15 января. — С. 2.

во главе Синельниковское благотворительное общество»¹. Однако при таком варианте следовало, что и возглавить городское попечительство должен был бы председатель благотворительного общества, а не городской голова, что могло привести к управленческому конфликту. Ранее было обращено внимание на то, что в Красноярске предприняли попытку привлечь к общественному призрению как можно больше людей активных, стремящихся трудиться на этом поприще, что гарантировало бы успешное решение социальных проблем. Ожидая согласование этого вопроса в Министерство внутренних дел, городские власти занимали выжидательную позицию.

Заметим, что процедура утверждения проектов положений о городских попечительствах для бедных проходила несколько стадий. Сначала нужно было получить одобрение органов местного самоуправления, затем – губернатора, для Восточной Сибири – еще и генерал-губернатора, а после этого – Министра внутренних дел. «Такая процедура являлась одним из главных механизмов сдерживания гражданских порывов», – отмечает сибирский историк В. А. Скопа².

К слову, случались курьезы. Так, в момент, когда участковые попечительства о бедных в Томске уже начали функционировать, был поставлен вопрос об их легитимности. Работу учреждений приостановили, а через несколько месяцев выяснили, что устав попечительств прошел только губернскую администрацию и не был представлен на утверждение министра. «В своем роде интересно было объявление нелегальной организации, в торжественном открытии которой участвовали местные губернатор и архиерей»³, – заметил проницательный наблюдатель.

В ноябре 1904 г. Красноярская городская дума постановила: «Ввиду существования в г. Красноярске благотворительного Синельниковского общества, преследующего те же задачи, которые намечены и для городских попечительств,

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 2222. Л. 87 об.

² Скопа В. А. Развитие статистики в системе общественных организаций и городского самоуправления в Томской губернии в конце XIX – начале XX века // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков: сб. материалов регион. науч. конф. «Проблемы самоуправления в истории Сибири XIX–XX вв.». – Новосибирск, 2004. – С. 114.

³ Дагаев И. В. Общественное призрение в Томске // Трудовая помощь. – 1913. – № 6. – С. 41.

признать учреждение в г. Красноярске попечительства преждевременным, могущим повредить деятельности Синельниковского общества. Просить Синельниковское общество развить эту сторону своей благотворительной деятельности, которая предусматривается правилами о городских попечительствах, пригласив в число своих членов выбранного представителя от города с правом голоса»¹.

К сожалению, практика участковых попечительств в Красноярске не получила продолжения. Существенным препятствием стало отношение к нищенству местного населения и его заинтересованное участие в решении вопросов наиболее беднейших жителей. Деятели благотворения признавались, что выдаваемое ими денежное пособие редко достигало «прямых целей», попадая в руки профессиональных нищих. Причину неудач они видели в большом распространении среди населения обычая подавать милостыню и его слабой информированности об идее организованной помощи нуждающимся².

«Радиус включенности» (численный состав), по которому мы можем судить не только об энергичности Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот, но и об интересе к нему со стороны горожан, был невысок: «на пике взлета» (1890 г.) он составил 172 человека³, т. е. всего 1,2 % активного (горожан в возрасте от 20 до 49 лет) населения⁴. В работе участковыми попечителями, чья деятельность охватывала 26 699⁵ городских жителей, было задействовано еще меньшее число людей. Со временем численный состав благотворительного общества снижался.

Надо заметить, что процесс снижения численного состава был характерен практически для всех общественных объединений Сибири имперского периода. Причины такого явления разнообразны. Возможно, многих к такой деятельности привлекала сама «новизна дела». Существенное влияние на деятельность об-

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 2222. Л. 89 об.

² Отчет Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот за 1890 г. ... – С. 20.

³ ГАКК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого; Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: 1904. LXXIII. Енисейская губерния. – [СПб.], 1904– С. 1, 6.

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... – С. 1.

ществ оказывала фигура лидера, стоявшего во главе распорядительного комитета, выход которого из общества нередко приводил к снижению его активности¹. Со временем многие члены обществ ограничивали свое участие в нем лишь уплатой денежных взносов или посещением отчетного годового собрания. Большую проблему создавала систематическая неуплата членских взносов. В Иркутском благотворительном обществе отмечали, что большинство городских обывателей стеснялось ежемесячной платы 10–20 коп., а вносить более им не позволяли средства. Поэтому они предпочитали вовсе уклониться от всяких пожертвований в пользу общества².

Иную модель организации помощи бедным представляло собой Якутское благотворительное общество, преобразованное 2 сентября 1908 г. из Комитета попечения о бедных Якутска, учрежденного в 1899 г.

Первоначально деятельность Якутского благотворительного общества была сведена к раздаче нуждающимся разного вида денежных пособий, содержании дешевой столовой, в которой наименее обеспеченным жителям города выдавали бесплатные обеды. Общество претерпело значительное оживление в период пребывания в его составе губернатора Якутской области И. И. Крафта (март 1907 – 1913 г.)³. Так, осенью 1907 г. была открыта дешевая чайная, в 1908 г. – Ольгинский детский приют трудолюбия и отделение общества в г. Среднеколымске (Колымский округ), в 1909 г. – отделение общества в с. Булун (Верхоленский округ)⁴.

По ходатайству И. И. Крафта Министерство финансов в 1909 г. начало ассигновывать Якутскому благотворительному обществу 500 руб. на содержание в городе народной чайной. Такая практика стала ежегодной. Выдача чая была ор-

¹ Гаврилова Н. И. Массовые благотворительные акции как форма развития общественной инициативы горожан второй половины XIX – начала XX века (на примере городов Иркутской губернии) ... – С. 137.

² Отчет о деятельности Иркутского благотворительного общества за 1889 г. – Иркутск, 1890. – С. 13–14.

³ Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908). ... – С. 49.

⁴ Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1908 г. по 1 октября 1909 г. (девятнадцатый год деятельности). – Якутск, [1909]. – С. 10.

ганизована на следующих условиях: «кирпичного чая (6 стаканов) без молока, сахара и хлеба – бесплатно; порция кирпичного чая с молоком и куском сахара – 2 коп., с молоком, сахаром и ½ фунта хлеба – 3 коп.»¹. Предложение и цена привлекли в чайную приезжающих на городской базар инородцев и крестьян, которые раньше не имели возможности зимой, в лютые морозы, доходящие до 50 градусов, где-нибудь отогреться, а потому искали тайных притонов, в которых продавалась водка². Таким образом, Якутское благотворительно общество включилось в трезвенное движение.

Учреждение дамского комитета (1907 г.) положило в деятельности Якутского благотворительного общества начало участковой организации. Для удобства действий город был разбит на 11 участков, в заведывание которыми вступили С. Н. Бушуева, М. И. Стукова, В. Г. Кокарева, З. М. Федорова, М. К. Атласова, А. И. Нифонтова, Н. П. Семенова, О. Е. Кострамина, М. И. Березкина, М. А. Бушуева, А. К. Астраханцева и О. Е. Охлопкова. На обязанности участковых попечительниц было возложено не только обследование нужды тех бедняков, которые обращались за помощью вновь, но и наблюдение за переменами в материальном положении тех, кто уже получил поддержку. На основании сведений, полученных в каждом отдельном случае о просителе, участковые попечительницы давали свое заключение о степени нужды и о том размере и виде пособий, какое следовало бы оказать. В некоторых случаях дамы брали на себя поручения по покупке и снабжению бедных одеждой³. Значительно была упрощена процедура рассмотрения прошений. Вместо обязательных письменных заявлений городская беднота получила доступ и возможность лично заявлять о необходимой помощи председателю общества.

Постоянное ежемесячное пособие назначали преимущественно жителям Якутска, неспособным к личному труду и не имеющим никаких средств к суще-

¹ Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1910 г. по 1 октября 1911 г. (двадцать первый год деятельности). – Якутск, [1911]. – С. 8.

² Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1910 г. по 1 октября 1911 г. (двадцать первый год деятельности) ... – С. 7.

³ Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1906 г. по 1 октября 1907 г. ... – С. 6–7.

ствованию, а также тем, кто по каким-либо причинам не мог быть устроен в городскую или поселенческую богадельню, хотя и нуждался в такой форме помощи. Ежемесячным пособием пользовались и многодетные вдовы, имевшие недостаточный заработок. Размер пособия (от 1 до 5 руб.) в каждом конкретном случае устанавливали по результатам подробного обследования, проведенного участковыми попечителями, а иногда полицмейстером, положения лиц, претендующих на помощь.

Из годового отчета Якутского благотворительного общества (октябрь 1906 г. – октябрь 1907 г.) следует, что единовременные пособия назначались в следующих случаях: на дорожное питание престарелым ссыльным, выезжающим из Якутска; на погребение; на учебные пособия и одежду бедным ученикам городских ремесленных и церковно-приходских школ; на пропитание бедноте, застигнутой тем или другим несчастьем, болезнью или временно лишившимся заработка; на вступление в брак; на приобретение ремесленного инструмента¹.

Ольгинский приют трудолюбия, состоящий в ведении Якутского благотворительного общества, имел целью подготовить к трудовой деятельности беднейших детей мужского пола, без различия звания и вероисповедания. Его работа была связана с Мариинским детским приютом и приютом для арестантских и ссыльнопоселенческих детей, воспитанники которых по достижении 14 лет переводились в Ольгинский приют, где обучались столярно-токарому мастерству² (что существовали трудности в подыскании учителей-мастеров других ремесел).

Для заведования приютом при Якутском благотворительном обществе учредили Совет отдела трудовой помощи, который находился в ведении состоящего под августейшим покровительством императрицы Александры Федоровны Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. В силу этого он дейст-

¹ Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1906 г. по 1 октября 1907 г. – Якутск:, [1907]. – С. 8.

² Отчет совета отдела трудовой помощи Якутского благотворительного общества, за время с октября 1912 г. по 1-е октября 1913 г. ... – С. 2.

вовал на основании правил, утвержденных Комитетом Попечительства о трудовой помощи от 6 января 1909 г.¹.

Ольгинский приют функционировал преимущественно за счет средств Якутского благотворительного общества, и дохода от розыгрыша лотереи-аллегри, ежегодно устраиваемой в его пользу. При достижении 17 лет воспитанники выбывали из учреждения, получив от Совета отдела трудовой помощи свидетельства на звание подмастерьев и небольшое пособие на приобретение необходимого ремесленного инструмента. Так, один из выпускников Ольгинского приюта открыл в селении Нохтуйском собственную небольшую столярную мастерскую, четыре подростка работали подмастерьями в столярных мастерских Якутска².

Перед отделениями Якутского благотворительного общества стояли задачи устройства богаделен для бесприютных стариков. Первым открылось Колымское отделение (1908 г.), затем Булунское (1909 г) и Верхоянское отделение (1913 г). Каждое из них управлялось через специально образованный комитет. Например, Верхоянское отделение возглавили верхоянский окружной исправник Н. Н. Березкин (председатель) и помощник исправника Н. Е. Чепалов (товарищ председателя). В члены комитета были избраны: протоирей Г. Попов (он же казначей), А. Н. Шишлянников, Н. Х. Жирков (он же секретарь) и А. А. Горохов; кандидатами – Т. И. Березкина, В. И. Чепалова и Г. В. Калинин. В ревизионной комиссии состояли священник И. Кононыхин, Ф. А. Шведко и Ф. К. Цыпандин, кандидатами – К. Е. Пятов и А. И. Пятова³. Незначительный бюджет отделений не дал им возможности развернуть свою деятельность соответственно размерам нужды

¹ Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1910 г. по 1 октября 1911 г. (двадцать первый год деятельности) ... – С. 2.

² Отчет совета отдела трудовой помощи Якутского благотворительного общества, за время с октября 1912 г. по 1-е октября 1913 г. ... – С. 5.

³ Отчет Верхоянского отделения Якутского благотворительного общества за 1914 год //Якутские областные ведомости. – 1915. – 28 марта. – С. 4.

и тем задачами, которые перед ними были поставлены¹. Поэтому в целом их деятельность оказалась малоэффективной.

Как показал опыт административных центров Восточной Сибири, благотворительные организации первыми инициировали создание участковых попечительств о бедных. К разработке вопроса о новой системе помощи они приступили примерно в то же время, что и московское городское самоуправление (в конце XIX в.). Это можно рассматривать как своеобразный индикатор тенденций общественного развития региона, учитывая, что наибольшее распространение участковых попечительств о бедных в российских городах пришлось на период после 1907 г. Перечень функций участковых попечителей, с одной стороны, дает нам представление о том, что проблема бедности воспринималась передовыми слоями общества как сложная, требующая глубокого анализа причин ее возникновения, разработки системы мер предупреждения, а с другой – свидетельствует о слабом представлении городского населения о преимуществе организованной помощи бедным перед стихийной ее формой.

Обобщим вышеизложенное.

1. Устройство и организация работы приказов общественного призрения в Сибири осуществлялись «на особых основаниях», что было продиктовано ее положением как колонизируемой окраины Российской империи, слабовыраженными крепостническими тенденциями, нарастающим потоком ссыльных. Решая схожие задачи, Иркутский и Енисейский приказы общественного призрения различались по радиусу действия, кадровому составу, объему денежных и материальных ресурсов, наличествующей сети социальных заведений. Их капиталы имели сложную внутреннюю структуру, основанную на смешанной, государственно-частной модели финансирования, которая формировалась за счет государственной субсидии (15 тыс. руб.), пожертвований частных лиц и обществ, фи-

¹ Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1908 г. по 1 октября 1909 г. (девятнадцатый год деятельности) ... – С. 10; Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1910 г. по 1 октября 1911 г. (двадцать первый год деятельности) ... – С. 10.; Отчет Верхоянского отделения Якутского благотворительного общества за 1914 год ... – С. 4.

нансовых операций, доходов от реализации платных услуг. До середины XIX в. приказы общественного призрения являлись главным субъектом системы социальной помощи и практически единственным поставщиком социальных услуг. Деятельность их подразумевала направление социальных услуг на наиболее бедную часть населения, а идеология базировалась на концепции обязанности каждой государственной службы или местного общества призывать нетрудоспособных, относящихся к ним. Приказы общественного призрения могли сами определять приоритетное направление социальной помощи и развивать его исходя из местных потребностей и своих финансовых возможностей. Предпочтение было отдано учреждениям здравоохранения. Но они оказались малодоступными для населения, а с точки зрения материально-бытовых условий не всегда выдерживали критику.

2. Во второй половине 1840-х гг. монопольное положение приказов общественного призрения на рынке социальных услуг было несколько ослаблено появлением губернских и областных попечительств ВУИМ, состав которых имел ограничения «по должности» и сословию, а работа способствовала решению проблемы детства, которой приказы общественного призрения почти не занимались. Проявились новые подходы в социальной работе: при подборе персонала в детские приюты стали учитывать профессиональные характеристики, стремиться создать скромную, но благоприятную атмосферу в заведении, способную нейтрализовать неблагоприятные последствия наступившего сиротства, кроме того, сформировать у воспитанников жизненные навыки.

3. Экономические, политические и демографические перемены в Сибири конца XIX – начала XX в., усложнение и рост динамики социальных процессов сопровождалось качественным усугублением жизненных ситуаций населения, количественным расширением групп социального риска. Наиболее рельефно это проявлялось в крупных городах и индустриальных центрах. Изменившиеся производственные и общественные отношения, рост городского населения, занятого на производстве, потребность в защите от присущих капиталистическим отношениям социальных рисков обусловили модернизацию отношений помощи и

создание новых способов поддержки, прежде всего на уровне муниципалитетов. В чрезвычайных ситуациях (при пожарах, наводнениях), когда число нуждающихся в помощи резко возрастало, городские думы и управы редко действовали в пределах благотворительных сумм и прибегали к сборам пожертвований через организацию подписки, устройства концертов и т. п. Личные интересы состоятельных граждан, входивших в состав органов городского самоуправления, мало способствовали их широкому участию в решении проблем жизнеобеспечения многочисленных беднейших слоев населения, хотя среди думских деятелей сибирских городов встречались люди активного гражданского темперамента и передовых общественных позиций, заинтересованные в прогрессивных преобразованиях городской жизни. Сложилась парадоксальная ситуация: мощно развивающийся Иркутск тратил из городского бюджета не более 2 % на благотворительность и общественное призрение, а значительно отстававшие от него и в экономическом, и в культурном плане города Забайкалья – в среднем 9,7 %.

4. Благотворительные заведения открывались в связи с назревшей острой необходимостью для города и, как правило, по инициативе и на средства частных лиц или сословных организаций. Как новая предупредительная мера решения проблемы бедности в городах предпринимались попытки организации участковых попечительств, ориентированных на Эльберфельдскую систему. Из всех городов Восточной Сибири такая структура была создана только в Иркутске, но сложившийся здесь порядок работы городской исполнительной комиссии по заведению благотворительными капиталами нарушал основополагающие принципы Эльберфельдской системы (адресность и контроль за социальной реабилитацией), а генерируемая органами местного самоуправления социальная помощь оказалась властной по своей сути. Городские думы и управы продолжали расходовать часть благотворительных капиталов на такие традиционные формы помощи, как раздача вещей или пособий перед праздниками Пасхи и Рождества, без проверки семейного или имущественного положения людей. Схема их работы была ориентирована на локальное преодоление уже имевшихся социальных проблем, за помощью в решении которых к ним обращались люди.

5. Нарастание потока ссыльных на протяжении всего XIX в. породило в Сибирском крае значительные трудности в их размещении и управлении, регионально раздвинуло границы нищенства, исторически концентрировавшегося в центральных губерниях России. Благодаря уголовной ссылке в Сибири, практически не знавшей помещичьего землевладения, нищенство было развито сильно, различалось по своим масштабам внутри региона. Рост числа ссыльных, бродяг и беглых, а также причисление ссыльнопоселенцев в казенные селения нарушали сложившиеся в сибирском обществе традиции и порядки. При оказании милостыни этим категориям крестьяне руководствовались не столько чувством сострадания, сколько желанием оградить свое имущество от воровства, опасением мести с их стороны. Несмотря на сочувственное отношение населения к ссыльным, лишь немногие из них смогли интегрироваться в местное общество.

6. Экономические основы социальной помощи сельской общины не позволяли в полной мере противостоять возросшим социальным рискам и количеству нуждающихся. Сохранились и практиковались традиционные формы помощи: милостыня, «кормление по домам». Устройство «домов призрения» сдерживали крайне ограниченные экономические возможности сельских общин, «неприменимость к условиям крестьянской жизни» заведений закрытого типа. Многие немощные и не способные к труду крестьяне, за исключением калек, предпочитали кормиться подаянием, чем жить «не на свободе». Основной контингент в сельских богадельнях составляли ссыльнопоселенцы. Однако эту категорию отличал большой процент сосланных за бродяжничество, склонных скитаться с места на место, а не иметь постоянное место жительства

7. Экономическая основа церковно-приходского попечительства формировалась на добровольно-обязательной основе, ресурсы которой во многом определялись социально-экономическим состоянием домохозяйств, жизненным уровнем населения конкретной волости или города. Зависимость от условий, в которых развивалась деятельность того или иного попечительства, отражалась на различии их бюджетов и масштабах оказываемой помощи. Церковно-приходским попечительствам был свойствен организационный демократизм, так

как они создавались по инициативе самого населения, объединенного местом жительства и системой формальных и неформальных связей – семейных, дружеских, соседских и др. Приходские попечительства имели возможность обеспечить индивидуализацию помощи, так как жители небольших местных сообществ хорошо представляют уровень жизни друг друга и могут определить нуждающихся с большей точностью, чем административные инстанции. Но этому препятствовали большие территориальные размеры сибирских приходов, их многолюдность, удаленность центров от селений. Они также создавали слабые возможности для консолидации общественных сил. Следует учесть и прямые издержки – временные и финансовые затраты прихожан, связанные с необходимостью присутствовать на общих собраниях в количестве (не менее 1/10 части лиц, имеющих право участвовать в собрании), необходимом для обеспечения легитимности принятых решений.

8. Материальная база благотворительных организаций формировалась на добровольной основе за счет регулярных и единовременных поступлений от учредителей (членов), благотворительных взносов и пожертвований, выручки от реализации услуг, дивидендов (доходов, процентов) по ценным бумагам и вкладам. Благотворительные организации использовали разнообразные формы привлечения дополнительных средств. Множественность источников финансирования благотворительных организаций имела ряд преимуществ (возможность маневра, мобилизации местных ресурсов, оптимизация соотношения между финансовыми возможностями благотворительных организаций и социальными потребностями населения) и недостатков (координация поступлений из различных источников, устойчивость финансовой основы организации, проблема привлечения денежных средств). Опыт Красноярска показал, что отсутствие финансирования со стороны города стало важной причиной отказа Синельниковского общества от прогрессивных методов по оказанию помощи малоимущим.

9. Работа обществ помощи бедным шла в двух направлениях: 1) в форме организации и содержания специализированных учреждений для бедных (приюта-убежища для детей, дешевых столовой и чайной, дома трудолюбия с конто-

рой труда, ночлежного дома) и 2) в виде денежной или натуральной помощи (продуктами питания, одеждой и обувью, медикаментами и т. п.). В восточно-сибирских городах нарушалось строгое соблюдение основополагающих принципов Эльберфельдской системы, обеспечивающих ее устойчивость и гибкость, комплексный характер помощи.

9. Кроме тормозящего характера соответствующего законодательства, нехватки материальных и людских ресурсов, можно указать на отсутствие достаточной «школы общественной жизни», обособленную работу социальных институтов, непопулярность идеи организованной помощи среди местного населения, сохранение среди него обычая подавать милостыню.

**ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ И ОПЫТ
РЕШЕНИЯ ОСТРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НАСЕЛЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ
начала XX в.**

**3.1. Организация социальной помощи семьям нижних воинских чинов
в годы Русско-японской (1904–1905) и в имперский период
Первой мировой (1914–февраль 1917) войн**

Перед нами стоит задача рассмотреть воздействие военного фактора на региональные и локальные институты социальной помощи и практики. В периоды военных кампаний социальные группы людей, которым требовалась помощь, их соотношение менялись. Основной их контингент составили семьи нижних воинских чинов. В главе не стоит задача исследовать организацию помощи во время Русско-китайской войны (1900–1901 гг.). Изданные по поводу этих военных действий «Правила о выдаче единовременных пособий из военного фонда семьям убитых, умерших от ран или пропавших без вести» (1901 г.) не внесли ничего нового в порядок обеспечения воинов и членов их семей.

Российская империя, вступив в январе 1904 г. и в августе 1914 г. в масштабные вооруженные конфликты, столкнулась с необходимостью не только мобилизовать экономику и население на противостояние военным противникам, но и выработать систему мер, призванную смягчить последствия резко усилившейся социальной мобильности. Законодательство того времени отражало постепенный переход попечения о семьях фронтовиков из частно-благотворительной сферы в государственную. События Русско-японской войны особенно отрицательно отразились на жизненном уровне сибиряков, так как этот регион находился в непосредственной близости к театру военных действий, а

мобилизация носила не частный, а общий характер. В годы Первой мировой войны регион представлял собой глубокую тыловую зону, куда направлялись эвакуационные потоки.

Объект социального попечения в годы войн начала XX в. определен нами через понятие «жертвы войны» (или пострадавшие от военных действий), которые мы применяем к тем, кто не принимал непосредственного участия в вооруженном конфликте (мирное население) или прекратил такое участие в определенный момент (раненые и больные воины, военнопленные).

В годы Русско-японской войны экономическая жизнь Сибири претерпела ряд изменений, которые ухудшили жизненный уровень основной массы населения – крестьянства, прежде всего за счет мобилизации самой работоспособной его части. Сословный состав сибирских новобранцев в 1904 г. был следующий: крестьяне – 88,6 %, мещане – 6,3 %, почетные граждане – 0,4 %, дворяне – 0,2 %, купцы – 0,1 %. Почти 38 % призывников были женатыми, около половины из них уже имели детей¹.

Непосредственная близость региона к театру военных действий сказалось на особенностях укомплектования частей действующей армии. В отличие от Европейской России, где в годы войны проводились так называемые частные мобилизации², имевшие более легкий характер для населения, в Сибири пополнение армии соответствовало общей мобилизации. В Сибирском военном округе³ по распоряжению Главного штаба 24 февраля 1904 г. призвали ополченцев даже нескольких возрастов, которые образовали 24 дружины для несения внутренней

¹ Баяндин В. И. Новобранцы Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // Сибирь в войнах начала XX века : материалы Сиб. ист. форума. – Красноярск, 2014. – С. 46–47.

² В Европейской России с 20 апреля 1904 г. по 6 августа 1905 г. было проведено 9 частных мобилизаций, т. е. наряд призыва запасных чинов осуществлялся выборочно по местностям, категориям запаса (привлекались запасные лишь некоторых специальных родов войск: кавалерии, артиллерии и т. п.) и возрастным группам; мобилизации почти не коснулись значительной части Варшавского военного округа (44 уезда), части Виленского, г. Петербурга (почти) и Уральской области; не затронули они Финляндию, Туркестан и Кавказ. В Сибири мобилизация продолжалась в течение всего 1904 г. и по характеру соответствовала всеобщей, т. е. призваны были все запасные нижние чины, способные носить оружие, без различия сроков службы и категорий запаса, без льгот по какому-либо тяжелому семейному положению.

³ В состав Сибирского военного округа тогда входили Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Якутская области.

службы взамен частей, ушедших на фронт¹. Только в лице запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения земледельческая сфера, фабричное, заводское и ремесленное производство края потеряли в среднем 12,4 % рабочих рук².

Для оценки положения семей, оставшихся без кормильца, целесообразно учесть такой важный фактор семейной экономики, как соотношение работающих и иждивенцев. В Сибирском военном округе в конце XIX в. группа кормильцев насчитывала 1 550 тыс. человек, а состоящих при них домочадцев – 4 543 тыс. человек; вовлеченность женщин в экономику была в 6,4 раза меньше, чем мужчин³: Ю. М. Гончаров на примере Западной Сибири продемонстрировал, что женщины гораздо меньше, чем мужчины, участвовали в пополнении семейного бюджета, что для многих из них означало отсутствие экономической самостоятельности и зависимость в семье от сильного пола, поэтому вдовство и потеря кормильца ставили перед ними значительные финансовые проблемы. Призыв многих отцов семейств и годных к воинской службе сыновей обуславливал неизбежность вовлечения женщин в общественное производство. В целом женский труд был неквалифицированным, относившимся к низким разрядам заработной платы⁴. В 1905 г. в Енисейской губернии средний заработок работницы составил 49–58 % оплаты труда мужчин⁵.

С начала войны сибирская периодика заполнилась публикациями об инфляции⁶. Обстановка усложнялась по мере затягивания боевых действий. К лету

¹ В. Р. О частных мобилизациях, произведенных в 1904–1905 гг. // Летопись войны с Японией. – 1905. – Т. 82–83. – С. 1600–1604.

² Подсчитано по: Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения, призванных на действительную службу в Русско-японскую войну (февраль 1904 – октябрь 1906). – СПб., 1907. – С. 104–105.

³ Подсчитано по: Менделеев Д. И. К познанию России. – СПб., 1907. – С. 90–91.

⁴ Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул, 2002. – С. 225.

⁵ Долидович О. М., Федорова В. И. Женщины Сибири во второй половине XIX – начале XX века. (Демографический, социальный, профессиональный аспекты). – Красноярск, 2007. – С. 102.

⁶ Брыкин И. Письма из городов. Из Иркутска // Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 7–8. – С. 204–206; Восточное обозрение. – 1904. – 16 марта. – С. 2; Восточное обозрение. – 1904. – 9 мая. – С. 2; Восточное обозрение. – 1904. – 20 мая. – С. 3.; Крапива [?]. Письма из го-

1905 г., отмечает Э. А. Воробьева, основные продукты и товары стоили в Сибири в среднем в три–пять раз дороже, чем до войны¹. По причине неразвитости собственного производства и высокой степени зависимости от привозных товаров население Сибири в годы войны оказалось целиком во власти таких бедствий, как расстройство транспорта, бестоварье, сокращение кредита, спекуляция, колебание цен, потеря привычных рынков.

Обострились проблемы с медицинской помощью населению. В Енисейской губернии из-за мобилизации обслуживать сельские участки остались 46 фельдшеров вместо 70². Следует учесть, что сельские врачи, помимо прямых обязанностей, выполняли и судебно-медицинские функции. При больших расстояниях населенных пунктов от резиденции врача (нередко за 100–250 км) и плохих дорогах врач вынужден был затрачивать много времени на разъезды, что делало его работу малопродуктивной. Поэтому в большинстве случаев сельское население оставалось без врачебной помощи, например заболевшие оспой жители многолюдного (65,4 тыс. человек)³ Канского уезда Енисейской губернии⁴. Из-за прекращения привычного подвоза товаров из аптекарских складов, расположенных в Европейской России, Енисейская и Томская губернии (в марте 1904 г. и феврале 1905 г. соответственно) ощутили дефицит медикаментов, перевязочных материалов и дезинфекционных средств⁵. Дополнительным препятствием к обеспечению полноценного лечебного процесса служил низкий санитарный уровень, почти полное отсутствие профилактики, материальные проблемы населения.

Российское государство в военные годы пыталось выработать систему мер, призванных смягчить последствия резко усилившейся социальной мобильности.

родов. Канск // Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 3. – С. 117–122; Сибирский вестник. – 1904. – 10 февраля. – С. 2.

¹ Воробьева Э. А. «Проклятая» или «народная»? Парадоксы восприятия русско-японской войны в русском обществе // История в подробностях. – 2014. – № 2 (44). – С. 58.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 23. Д. 126. Л. 1.

³ Подсчитано по: Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 год. – Красноярск, 1905. – С. 100–101.

⁴ Сибирская жизнь. – 1904. – 20 августа. – С. 2.

⁵ ГАКК. Ф. 595. Оп. 23. Д. 126. Л. 1; Сибирская жизнь. – 1905. – 18 февраля. – С. 2.

Так, Манифестом от 11 августа 1904 г. разрешалось «сложить все накопившиеся на крестьянских надельных землях недоимки в выкупных, земских и других окладных сборах»¹. Только по Иркутской и Енисейской губерниям было снято задолженности на 61 056 руб.² После окончания Русско-японской войны Манифестом от 3 ноября 1905 г., изданным по личной инициативе Николая II, выкупные платежи уменьшались с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. прекращались вовсе³.

Исходным документом в области правового регулирования помощи военнослужащим и их семьям являлся «Устав о воинской повинности» (1874 г.). В начале XX в. действовала его редакция 1892 г., учитывающая три вида призрения: «1) призрение самих нижних чинов, утративших трудоспособность вследствие полученных ими на действительной службе ранений или увечий (инвалиды); 2) призрение семейств погибших на войне, безразлично от каких именно причин, то есть убитых, умерших от ран или болезней в районе военных действий и пропавших без вести; 3) призрение семейств запасных, призванных на действительную службу»⁴.

Организацию попечительской работы регулировали «Временные правила об учреждении попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов», а общие нормы помощи – «Временные правила о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу», утвержденные в 1877 г. Последний документ обязал земские собрания,

¹ О милостях, дарованных в день Святого крещения наследника цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича. Манифест. № 25014. 11 августа 1904 г. // ПСЗ РИ. Собр. третье. Т. XXIV (24). Отд. I. От № 23839–25604 и дополнения. – СПб., 1907. – С. 856.

² Струк Н. К. Помощь государства малоимущим крестьянам Восточной Сибири в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Дуловские чтения 1992 г.: тез. док. и сообщений. – Иркутск, 1992. – Ч. 1. – С. 80.

³ Об улучшении благосостояния и облегчения положения крестьянского населения. Манифест. № 26871. 3 ноября 1905 г. // ПСЗ РИ. Собр. третье. Т. XXV (25). Отд. I. От № 25605–27127 и дополнения. – СПб., 1908. – С. 790; Куликов С. В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 49.

⁴ Рудин Н. Пенсии и пособия солдатам, вдовам и сиротам нижних воинских чинов : сб. законоположений, инструкций и правительственных распоряжений, последовавших по 20 апреля 1915 г. о призрении нижних воинских чинов и их семейств, с законодательными мотивами, постатейными разъяснениями и приложениями. – Пг., 1915. – С. 7.

городские думы, волостные и сельские общества обеспечить не имеющим «достаточных собственных средств к существованию» солдатским семьям отапливаемое жилье (при его отсутствии) и казенный паек. Кроме того, органам местного самоуправления предоставлялось право принимать «возможные по обстоятельствам и средствам меры» к улучшению быта семей, а также ближайших родственников (родителей, братьев и сестер (круглых сирот), дедушек и бабушек) солдата, состоящих на его иждивении до призыва¹. Независимо от этого пострадавшим на военной службе нижним чинам и их семействам назначались пенсии и единовременные пособия из инвалидного капитала Александровского комитета о раненых; для нижних чинов – участников Русско-японской войны подыскивались трудовые вакансии. Однако вопрос о призрении семей нижних чинов, погибших на войне, не получил окончательного осуществления в процессуальном отношении.

Обеспечение и воспитание осиротевших детей офицеров и нижних воинских чинов регламентировали «Правила об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией» (1905 г.). Уже после завершения Русско-японской войны, в апреле 1906 г., был принят закон «Об обеспечении участи вдов нижних чинов, погибших в войне, а также ближайших родственников этих чинов, которые содержались их трудом».

Поскольку существующие Правила издавались независимо друг от друга, в разное время, в ряде случаев при чрезвычайных обстоятельствах военного времени, то установленные ими меры оказались частью устаревшими, а частью между собой несогласованными и лишенными должной планомерности. Казенное пособие, например, выплачивалось отставным, равно как и состоящим в запасе или ополчении солдатам, тогда как пенсия от Александровского комитета назначалась исключительно отставным солдатам русской армии, запасным же выдавались лишь единовременные пособия. Действующий закон не распространял

¹ О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу. № 57503. 23 июня 1877 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе. Т. XLI (41). Отд. первое. 1877. От № 56794–57528. – СПб., 1879. – С. 751–755.

меры призрения для пострадавших на войне дружинников вольных дружин, добровольцев, нижних чинов казачьих войск. В военные годы малообеспеченной семье мобилизованного нижнего воинского чина или ратника государственного ополчения полагался казенный паек, равный месячному довольствию солдата. Размер пайка соответствовал местной стоимости следующего количества продуктов на одного человека (без различия возраста): муки – 1 пуд 28 фунтов, крупы – 10 фунтов, соли – 4 фунта¹, и хотя учитывал колебания рыночных цен, его таксировка не успевала за их фактическим ростом. При этом включение в состав пайка соли имело смысл в период издания закона 25 июня 1877 г., когда этот продукт первой необходимости облагался особым налогом², основную тяжесть которого несло крестьянство. Для детей, не достигших пятилетнего возраста, несомненно, завышены были нормы потребления (наравне со взрослыми) пищевых продуктов. Кроме того, безусловное право на продовольственное пособие ограничивали случаи «достаточных собственных средств к существованию», что, во-первых, нарушало равенство на возмещение со стороны государства того ущерба, который несла семья вследствие ухода ее кормильца на фронт; во-вторых, в практическом отношении порождало возможность ошибочного отказа в пособии действительно нуждающимся в нем семьям.

Русско-японская война, принесящая большое число погибших или оставшихся инвалидами, привела к созданию 16 июня 1905 г. Алексеевского главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. Комитет начал свою деятельность 12 июля 1905 г. под председательством члена Государственного Совета П. П. Семенова-Тян-Шанского в составе: обер-гофмейстерины светлейшей княгини М. М. Голицыной, супруги статс-секретаря графини М. А. Сольской, статс-секретаря барона А. А. Будберга, тайного советника А. С. Стишинского, статс-секретаря А. С. Танеева и барона Ю. А. Иксуль-фон-Гильденбандт при управляющем делами егермейстере А. Ф. Трепове.

¹О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу. № 57503. 23 июня 1877 г. ... – С. 751–753.

²Отмена соляного налога в 1880 г. привела к снижению цен за пуд соли с 50 коп. – 1 руб. до 20–40 коп.

Согласно Правилам об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией, вспомоществование детям нижних чинов и приравненных к ним лиц (санитары, церковнослужители) оказывалось независимо от принадлежащих им по закону прав на пенсии и пособия и заключалось: а) в ежегодном денежном пособии от 18 до 36 руб. (в зависимости от местности); б) в содействии к обеспечению первоначального образования. Пособие выдавалось до достижения сиротами 16 лет или брачного совершеннолетия. Кроме того, сироты, посещающие начальные школы, снабжались теплой одеждой, обувью и учебными пособиями. Меры поддержки детей офицеров и приравненных к ним лиц включали пособие на воспитание, обучение и дорожные расходы, а также меры по устройству детей в воспитательные и учебные заведения. В свою очередь, учебные заведения устанавливали вакансии в пользу Алексеевского Главного комитета, например: Александровское коммерческое училище и торговая школа императора Александра III предоставили по десять бесплатных вакансий, Радомское коммерческое училище предоставило три, Петровское коммерческое училище – девять, а торговая школа Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Перми выделила одну стипендию на весь (пятилетний) срок обучения¹.

Заведовать на местах устройством судьбы детей поручалось разным учреждениям в зависимости от воинского звания отцов: офицеров – особым губернским комитетам, а нижних воинских чинов – земским и городским учреждениям «в тех местностях, где они примут на себя эту обязанность». В местностях, где земство не было введено, например в Сибири, попечение предлагалось организовать через городские и уездные комитеты. Существовали и другие особенности: получать ежегодное казенное пособие дети офицеров могли со дня смерти главы семьи, а дети нижних воинских чинов – по истечении года после объявления о приведении армии в мирное положение², т. е. по факту не ранее конца 1906 г.

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 121. Л. 13.

² Указания, касающиеся деятельности Алексеевского Главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. – СПб., 1908.

Процесс создания местных учреждений по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, не был одномоментным. Так, в Енисейской губернии он растянулся до января 1907 г., поскольку городские думы неохотно соглашались принять на себя дополнительные обязательства либо считали этот вопрос преждевременным¹. Уездные комитеты формировались из членов – представителей от разных ведомств, коллегиально решавших все вопросы. Но с января 1906 г. по распоряжению Алексеевского Главного комитета председательствование в уездных комитетах стали выполнять не уездные исправники, а председатели съездов крестьянских начальников, наделенные правом самостоятельно разрешать все вопросы².

Назначение пособий было сопряжено с большой перепиской по отдельным ходатайствам и прошениям, которые поступали как от семей нижних чинов, так и разных учреждений. Сама же выдача пособий сопровождалась сложной отчетностью. Поэтому работа по Алексеевскому комитету увеличивала делопроизводство уездных съездов крестьянских начальников. Они неоднократно писали рапорты начальнику губернии о крайней ограниченности средств на канцелярские и хозяйственные расходы, нехватке кадров, большой загруженности персонала, вынужденного работать сверхурочно или брать работу на дом. Председатель съезда крестьянских начальников К. Чельный характеризовал свою и секретарскую работу в Ачинском уездном комитете по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, как безвозмездную, приносящую ущерб прямым обязанностям, осуществляемую «исключительно в часы внеслужебные»³.

Доступ к программе помощи ограничивало отсутствие осведомленности, которое отчасти преодолевалось рассылкой через разных должностных лиц особых опросных бланков⁴. Очевидно, что обозначенные тенденции проявились и в других областях и губерниях Сибири, и по России в целом и сказались на эффективности работы Алексеевского Главного комитета в начальный период. Под его

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 121. Л. 17, 34 об., 39, 40, 66.

² Там же. Д. 1018. Л. 22.

³ Там же. Д. 1018. Л. 30, 30 об.

⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 52. Д. 396. Л. 17, 17 об.

покровительство поступило сирот нижних чинов, погибших в войне с Японией, 17 человек – на 1 января 1906 г., 48 623 человек – на 1 января 1907 г., сирот офицеров, соответственно по годам, – 385 и 1 126 человек¹. Обращает внимание и низкий (38,44) процент удовлетворенных ходатайств, поступивших к 1906 г.²

Особого внимания заслуживает вопрос обеспечения доступности населения к мерам социальной поддержки. В Сибири, подобно другим не земским окраинам, работу по назначению и выдаче установленных законом пособий выполняли губернские и уездные распорядительные комитеты по призрению семейств нижних воинских чинов, а в Томской губернии – губернское управление. Особенности формирования их состава уточняло предписание министра внутренних дел «О способах объединения мер призрения семейств нижних чинов, призванных на службу из запаса и состоящих в рядах действующих войск, а также ратников государственного ополчения в войну с Японией» (1904 г.). Порядок назначения пособий применялся в Томской губернии явочный (по личному заявлению). В Тобольской губернии обследование и постоянное наблюдение за положением и составом семей выполняли волостные старшины, и согласно собранным ими документам пособия назначались без особых заявлений. В Енисейской и Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях с февраля по август 1904 г. комитеты получали сведения о нуждающихся от полицейских и сельских управлений. Затем эта часть работы сосредоточилась в уездных распорядительных комитетах, а за губернскими учреждениями осталось общее направление и контролирование уездных органов. Периодическое обследование положения семей практиковалось три раза в год, и в зависимости от результатов перерегистрации пособие назначалось вновь или его выдача прекращалась³. В Иркутске по предложению губернского комитета по призрению семейств ниж-

¹ Алексеевский главный комитет // Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого, А. В. фон-Шварца, В. А. Апушкина и др.: в 18 т. Т. 1. А–Алжирия. – СПб., 1911. – С. 298, 299.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 121. Л. 68 об.

³ Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 67–68.

них воинских чинов задачи социальной помощи исполнял дамский комитет, организованный при РОКК¹.

Удельный вес призреваемых семей к общему числу призванных на войну с Японией составил 64,8 % в Томской губернии, 77,9 % – в Тобольской, 60,7 % – в Иркутском генерал-губернаторстве (губернии Енисейская и Иркутская, область Якутская)², в среднем по стране – 73 %³

Министр внутренних дел П. Н. Дурново отметил: «При всеобщем в последнее время стремлении к осуществлению своих прав и несомненной осведомленности населения с сущностью правил 1877 г. семьи запасных вообще широко воспользовались призрением. Кроме того, большинство местных учреждений шло в этом деле навстречу населению, производя по собственному почину поголовное обследование семейств запасных, взятых на службу, так что фактически заявления их о своей нужде становятся излишними»⁴.

Его заявление, однако, не отражает настоящего положения дел. При анализе фактов обнаруживается низкий уровень доступности социальной помощи. Она, как известно, зависит от многих факторов, важнейшими из которых выступают географическое расположение по отношению к месту жительства, транспортное обеспечение, прямые издержки (временные и финансовые затраты заявителей, связанные со сбором документов), доступность информации о существовании программ и условиях участия.

Следует учесть, что распорядительным комитетам по призрению семейств нижних воинских чинов неоднократно разъяснялся как порядок назначения, так и сроки выплаты пособий: например, таким семьям фронтовиков, главы которых возвращались домой не по демобилизации, а по болезни, а также таким семьям, главы которых были убиты на войне или без вести пропали. В дополнение приказа Главного начальника тыла армий от 11 ноября 1904 г. 24 января 1906 г. уточнялось, что пособия сохраняются в течение года по демобилизации армий

¹ Восточное обозрение. – 1904. – 6 апреля. – С. 1.

² Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 105.

³ Рудин Н. Пенсии и пособия солдатам, вдовам и сиротам нижних воинских чинов ... – С. 93.

⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 193 об., 194.

семьям только тех призванных из запаса нижних чинов, которые в течение этого срока еще не вернутся домой; семьям возвратившихся нижних воинских чинов выдача пособий прекращается со дня их прибытия домой¹. То, что помощь предоставлялась чаще по заявительному принципу, не позволяло в полной мере охватить семьи, которые по тем или иным причинам не обращались за поддержкой, хотя и нуждались в ней. Кроме того, принятие решения о назначении пособия зависело от складывающейся на местах практики, что ставило заявителей, формально находящихся в одинаковом правовом положении, в разные условия доступа к пособиям.

Очевидно, что эффективное и рациональное внедрение адресной социальной помощи семьям нижних воинских чинов зависело не только от организации работы распорядительных комитетов, но и от мотивации, отношения их сотрудников к клиентам. В связи с этим в качестве примера лучшей практики можно рассматривать опыт Тюмени, где работа выстраивалась как предупредительная мера обнищания населения². В Красноярском уезде до 1 ноября 1905 г. продовольственное пособие выплачивалось за месяц вперед, а затем согласно предписанию Енисейского губернского комитета по призрению семейств воинских чинов – за истекший месяц³. В Восточной Сибири в целом отмечалось «беспорядочное отношение к делу призрения сельских властей», которое выразилось «в постоянных задержках выплаты пособий и в небрежном обследовании состояния семей»⁴. Этот факт отмечают и современные исследователи⁵. Положение усугублялось неудобным порядком выдачи пособий (приходилось ездить в «известный пункт по особой повестке»); потребностью уйти с работы или оставить хозяйство ради оформления документов, где-то пристроить детей на это время; фактической невозможностью воспользоваться гужевым транспортом из-за отсутствия

¹ ГАКК. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2387. Л. 91.

² Иряк Н. И. Письма из городов. Из Тюмени // Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 5. – С. 132.

³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 53.

⁴ Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 68–69; ГАКК. Ф. 595. Оп. 29. Д. 202. Л. 1–3; ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 1, 3, 20, 72.

⁵ Павлова И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века: монография ... – С. 188; Комарова Т. С. «На сопках Маньчжурии...» ... – С. 62–64.

или финансовой недоступности. В Енисейской губернии расхищены были казенные средства, ассигнованные на пособия: 500 руб. 64 коп. – в Перовском и 152 руб. 62 коп. – в Троицко-Заозерном волостных правлениях. Старшина Балахтинского волостного правления пытался присвоить сумму (17 руб. 40 коп.) нескольких продовольственных пайков. При выдаче пособия от солдаток часто «требовали угощение и платы за расписки за неграмотных»¹. Жители села Балахтинское оценили шансы пересмотра неправильно принятых местными учреждениями решений о приостановке или об отказе назначения выплат так: «трудно, убыточно и почти нет возможности как по недоступности на запись к должностным лицам, так и по отсутствию грамотных взрослых»². Здесь заслуживает внимания низкий удельный вес грамотного населения Сибири среди крестьян в возрасте от 10 лет и старше – 27,4 % у мужчин и 9,7 % – у женщин³.

Разного рода злоупотребления вызвали обращение уездных комитетов к крестьянским начальникам об усилении надзора за действиями низших сельских властей, снизили значение помощи, породили конфликты сельской администрации с частью сибирского крестьянства. Г. А. Ноздрин отмечает значительное число (82) выступлений запасных солдат Сибири в декабре 1905 – январе 1906 г.⁴ Они «буйно требовали» продолжения выплаты пособий, установления разных податных и имущественных льгот, громили волостные и сельские правления, избивали сельскую администрацию⁵. На предоставляемую помощь сибиряки смотрели как на «жалование за взятого на войну». Считали выплату «кормовой нормы» обязательной «всем без исключения, зажиточным и бедным, а также и одиночкам, не имеющим детей», «без исключения семействам бывших на войне или вообще призывавшихся по мобилизации» солдат⁶; находили несправедливым устранение от обязательного пособия «без вины виноватых» –

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 538, 76, 76 об.

² Там же. Л. 538, 76.

³ Долидович О. М., Федорова В. И. Женщины Сибири ... – С. 210.

⁴ Ноздрин Г. А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2005. – Вып. 288. – С. 146.

⁵ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 65, 169–170 об.

⁶ Там же. Л. 65, 77, 169; Сибирская жизнь. – 1905. – 5 марта. – С. 2.

гражданской жены и внебрачных детей солдата, а также ближайших родственников, существовавших за его счет до призыва¹. В Енисейской и Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях «установленный размер пайка признан был недостаточным ввиду отсутствия в составе его жировых веществ»².

Основной аргумент министра внутренних дел в пользу существующего порядка назначения пособий был следующий: «Врем[енные] прав[ила] 25 июня 1877 г. отнюдь не задаются общей целью поддержать хозяйственную состоятельность населения, отвлеченного войною от обычных занятий. И не создают ни для кого определенного права на пособие, а состоят исключительно на почве призрения, стремясь доставить необходимую лишь помощь семьям запасных в минуту острой нужды, вызванной призывом главы семьи на защиту родины. [...] Из того обстоятельства, что сам закон установил помощь семьям запасных натурою, приурочив выдаваемый паек к количеству пищевых продуктов, достаточному лишь для пропитания нуждающихся, нельзя не заключить, что лица, имеющие возможность некоторое время просуществовать на свои средства, не подходят к категории лиц, которых имеет в виду в данном случае закон, так как очевидно, что доставление им установленного законом вида вспомоществования за прожитое время было бы бесполезно для цели призрения»³.

Однако, как уже было показано, адресная помощь, а именно ее распределение в пользу семей с низким уровнем доходов на основе проверки нуждаемости, не получила широкого признания среди других, более обеспеченных слоев населения, поскольку нижние чины призывались на защиту страны во имя государственных интересов, была связана с определенными издержками и для самих получателей пособий.

Благотворительная помощь оказывалась местными отделами Российского общества Красного Креста (РОКК) и состоящими при них дамскими комитетами, деятельность которых, как правило, инициировали губернаторы. Так, по

¹ Сибирская жизнь. – 1904. – 1 октября. – С. 3.

² Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 68–69.

³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 193, 193 об.

предложению енисейского губернатора И. А. Айгустова, председательствующего в местном губернском управлении РОКК, в Красноярске в феврале 1904 г. начал действовать Дамский комитет по призрению неимущих родных и семейств запасных чинов, призванных на военную службу, а также для оказания помощи раненым и больным воинам. Большую работу дамские комитеты проводили по изготовлению белья и других вещей для больных и раненых воинов, сбору пожертвований в их пользу. Помощь семьям фронтовиков они проявляли в двух различных формах: 1) как жизненно необходимую (предоставление заработка, бесплатного жилья, продуктов питания, теплой одежды, денежных пособий), подразделяющуюся на текущую и разовую; 2) как оказываемую в особых жизненных ситуациях (болезнь, потеря имущества от пожара, оплата транспортных расходов при переезде семьи на родину и т. п.)¹.

Сельская помощь в отдельных случаях проявлялась в виде обработки и уборки полей призванного, подвозки сена и дров. Согласно отчету Министерства внутренних дел в Восточной Сибири, «предоставление же нуждающимся квартир натурою в обществах не применялось»². Очевидно, исключением можно считать квартирную помощь двум семьям (из девяти человек) нижних чинов в Минусинском уезде, сельское общество которого также взяло на себя оплату податей за 226 семей Идринской волости и 35 – Кочергинской³. Совокупная благотворительная деятельность губернского комитета, уездных его отделений и волостных попечительств достигла, по оценке Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, «значительных результатов (всего выдано 94 434 руб. 46 коп.) и содействовала поддержанию хозяйств призванных»⁴. Т. С. Комарова отмечает и такой факт: во время ставшей непопуляр-

¹ Иркутские губернские ведомости. – 1904. – 14 мая. – С. 1; Иркутские губернские ведомости. – 1904. – 12 июня. – С. 1; Отчет о деятельности Тобольского Дамского Комитета Красного Креста за время с 7-го февраля 1904 г. по 1-е января 1905 г. – Тобольск, 1905. – 42 с.

² Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 69.

³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 25.

⁴ Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 67–68.

ной войны в ряде случаев сельские общины отказывались помогать семьям призванных¹.

К числу важных аспектов деятельности муниципалитетов в военные годы относится обеспечение населения жилой площадью. В Восточной Сибири помощь выражалась в найме общих квартир для одиноких жен призванных, но от проживания в таких помещениях жены нижних чинов обычно уклонялись². В городах Западной Сибири практиковали денежное (квартирное) пособие из средств местного бюджета или благотворительных пожертвований³. По сведениям, которыми располагало Министерство внутренних дел, к ноябрю 1906 г. в Сибирском военном округе за годы войны жилищные субсидии получили более 87 тыс. семей, на эти цели города затратили свыше 228 тыс. руб. (табл. 3.1).

Табл. 3.1 – Расходы муниципалитетов на квартирное пособие семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения в Сибирском военном округе (февраль 1904 – октябрь 1906 г.), руб.⁴

Губернии и области	Общее число призываемых семей	Израсходовано, руб.		Источники расхода, руб.		
		На квартирное довольствие	На отопление	Казенные ссуды	Городские средства	Частные пожертвования и другие источники
Акмолинская	5 922	8 188	8 310	2 016	14 482	–
Енисейская	5 427	17 959	–	–	16 737	1 222
Иркутская	12 272	46 938	–	–	6 938	–
Семипалатинская	13 841	18 596	8 121	18 330	7 991	395
Тобольская	15 684	39 381	2 476	10 000	30 734	1 122
Томская	34 184	77 256	32 893	300	109 850	–
Якутская	653	2 033	–	–	2 033	–
Итого	87 983	210 352	51 800	30 646	228 766	2 740

¹ Комарова Т. С. «На сопках Маньчжурии...» ... – С. 61.

² Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 69.

³ Иряк Н. И. Письма из городов ... – С. 132; Сибирская жизнь. – 1904. – 16 марта. – С. 2; Сибирская жизнь. – 1904. – 10 июля. – С. 2; Сибирская жизнь. – 1904. – 28 сентября. – С. 3; Сибирская жизнь. – 1905. – 13 мая. – С. 2–3.

⁴ Составлено по: Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 128–129.

По данным табл. 3.1, города несли основное бремя расходов на квартирное довольствие и отопление семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения. Впрочем, сведения эти нельзя считать полными, особенно в отношении частных пожертвований. Так, томское городское самоуправление с февраля по апрель 1904 г. израсходовало 3 424 руб. на жилищные субсидии 511 семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, за этот же период 1905 г. – 5 038 руб. 50 коп. – 749 семьям; местный Дамский комитет по оказанию помощи семьям призванных на войну воинов за это же время и в этих же целях выплатил соответственно 2 955 руб. 52 коп. (в среднем в месяц 320 семьям) и 4 493 руб. 50 коп. (в среднем в месяц 416 семьям)¹, кроме того назначал «квартирные деньги лицам, особенно нуждающимся», но не имеющим права на получение пособия от города (ближайшим родственникам солдата, существовавшим за его счет до призыва)².

Что касается бюджета на призрение семей запасных и ратников государственного ополчения в годы войны с Японией, то на эти цели в Сибирском военном округе было израсходовано более 7 391 тыс. руб. (рис. 3.1)³.

¹ Сибирская жизнь. – 1904. – 19 мая. – С. 2; Сибирская жизнь. – 1905. – 13 мая. – С. 2–3.

² Сибирская жизнь. – 1904. – 15 августа. – С. 3; Сибирская жизнь. – 1905. – 18 февраля. – С. 2.

³ Подсчитано по: Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 114–115.

Рис. 3.1 – Расходы по призрению семей запасных нижних чинов и ратников ополчения в Сибирском военном округе (февраль 1904 – октябрь 1906 г.)¹.

Следует обратить внимание на разноречивость исторических источников и мнений исследователей по общей сумме и структуре расходов на призрение в Сибири в военные годы. В дореволюционной литературе отмечается, что местные учреждения, для бюджетов которых обязательные расходы на призрение оказались непосильными, широко воспользовались правом (ст. 38 Устава воинской повинности) на пособия из казны. За годы войны государственных беспроцентных ссуд было выдано на сумму более чем 54 млн руб. при общих издержках на указанную надобность свыше 66 млн руб.² М. В. Шиловский называет земские сборы основным источником финансирования кампании социальной

¹ Составлено по: Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 114–115.

² Рудин Н. Пенсии и пособия солдатам, вдовам и сиротам нижних воинских чинов ... – С. 91.

поддержки семей фронтовиков¹. Этот тезис не нашел подтверждения на материалах Енисейской губернии, где фактические затраты из земских сборов были возмещены казной на 91,47 %². В силу этого не представляется возможным разделить мнение и другого историка – Л. А. Булгаковой – в части констатации незаинтересованности местной администрации в выдаче пособий «ввиду того что помощь в те годы оказывалась за счет местных повинностей, а не из государственных средств»³. Историки Ю. П. Горелов и Н. Д. Ростов указывают для всей Сибири сумму казенных и местных расходов соответственно – 4 749 371 руб. 95 коп. и 938 650 руб. 73 коп.⁴(что соотносится как 5:1) По исчислению Н. К. Струка затраты казны только в Восточной Сибири составили 3 млн руб.⁵, но и эта цифра разнится с нашими подсчетами, основанными на опубликованных (1 582 тыс. руб.)⁶ и архивных (1 588 тыс. руб.)⁷ источниках. Очевидно, что приведенные статистические данные требуют дальнейшего уточнения.

В годы Первой мировой войны основной мерой государственной поддержки солдатских семей являлся ежемесячный казенный паек или так называемая кормовая норма⁸, выплачиваемая деньгами из расчета стоимости в определенной местности 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли, 1 фунта постного масла на одного взрослого и в половинном размере – на ребенка до пяти лет. По наблюдениям публициста М. К. Лемке, служившего в Ставке Верховного главнокомандующего с сентября 1915 г. до июля 1916 г., гарантированные государством меры социальной поддержки семей воинов улучшали психическое состояние и социальное самочувствие военнослужащих на фронте и гражданского

¹ Шиловский М. В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 г. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 14.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 538 об.

³ Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой ... – С. 432.

⁴ Горелов Ю. П., Ростов Н. Д. Особенности проведения мобилизаций на территории Сибири в войнах начала XX века // Ползуновский вестник. – 2003. – № 3–4. – С. 148.

⁵ Струк Н. К. ... – С. 81.

⁶ Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения ... – С. 114–115.

⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 533.

⁸ По сравнению с Русско-японской войной состав продовольственного пайка изменился за счет добавления 1 фунта постного масла и назначения половинной нормы для детей, не достигших пятилетнего возраста.

населения в тылу. Страх за жизнь жены, детей, «покрывал» у семейных ополченцев сознание долга перед родиной «в пролитии последней капли крови», ...каждый из них знал, что такое нужда, что такое оставленная семья. Поэтому, пишет Лемке, получение продовольственного пайка «на местах успокоило ополченцев, они с большой верой относились к будущему своих семей»¹.

В имперский период войны задачи по обеспечению продовольственным пособием (казенным пайком) семей нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизационных частях армии и флота, государственном ополчении или в военных дружинах, выполняли местные административные учреждения – попечительства по оказанию помощи семействам лиц, призванных на войну, организованные в сентябре – октябре 1914 г. в соответствии с законом от 25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» (разд. IV) и указом от 29 августа 1914 г. «О порядке приведения в действие закона от 25 июня 1912 г. в части, касающейся призрения семейств нижних воинских чинов, призванных на действительную военную службу».

На Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (Верховный совет), организованный в августе 1914 г., возлагалась задача: объединить все правительственные, общественные и частные организации, задействованные в этой области попечения. В отличие от благотворительных комитетов, созданных под покровительством членов императорской фамилии, Верховный совет местных отделений не имел. Включенная в его структуру 8 января 1915 г. особая Комиссия по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей, осуществляла работу под председательством великой княгини Ксении Александровны. Деятельность комиссии сосредотачивалась на развитии трудовой помощи (содействии трудоустройству, получении каких-либо технических и профессиональных знаний) инвалидам войны, усилении (или возрождении) их способности к социальному функционированию.

¹ Лемке М. К. – 250 дней в царской ставке: (25 сентября 1915 г. – 2 июля 1916 г.). – СПб., 1920. – С.18–19.

По закону «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» (1912 г.) право на продовольственное пособие¹ получали законная жена и дети нижнего чина запаса и ратника ополчения, призванных по случаю войны на действительную службу, находящиеся на их иждивении родители, бабушки и дедушки, сестры и братья. Сыновья и незамужние дочери, достигшие 17-летнего возраста, могли получать пособие в случае доказательства своей нетрудоспособности, однако за исключением замужних нетрудоспособных дочерей². Семьям нижних чинов, состоящих на действительной службе по призыву в армию или задержанных на службе более определенного для мирного времени срока, казенный паек не полагался. Необоснованным было исключение внебрачных жен и детей, пасынков и падчериц, приемных детей. Совет министров постановлением от 25 ноября 1914 г. список семей, которые могли претендовать на пособие, расширил за счет добровольцев, русских подданных, сражающихся в рядах союзных войск, граждан союзных государств, воюющих в рядах русской армии³.

Порядок рассмотрения дел и назначения пособий определялся следующий. Сведения, собранные волостными попечительствами или волостными старшинами о составе и имущественном положении семей призванных, направлялись на рассмотрение уездного совета крестьянских начальников (в городах соответственно городские попечительства, городские старосты (при упрощенном правлении) или особые исполнительные комиссии направляли сведения в городскую управу), сами же крестьянские начальники подчинялись особому присутствию по призрению семей запасных при губернском правлении. Уездный совет (городская дума) окончательно определял размер пособия каждой семье; далее губернское присутствие сообщало казенной палате сумму необходимого для обес-

¹ По сравнению со временем Русско-японской войны состав продовольственного пайка изменился за счет добавления 1 фунта постного масла и назначения половинной нормы для детей, не достигших пятилетнего возраста.

² О призрении нижних воинских чинов и их семейств. № 37507. 25 июня 1912 г. // ПСЗ РИ. Собр. третье: в 33 т. Т. XXXII (32). 1912. Отд. первое. От № 36391–38603 и дополнения. – Пг., 1915. – С. 935–945; О призрении семейств нижних чинов, призванных из запаса в ряды войск // Сибирская деревня. – 1914. – № 21. – С. 12–13.

³ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А. Н. Яхонтова: (Записки заседаний и переписка). – СПб., 1999. – С. 16.

печения этих пособий кредита, а сметы для утверждения отсылались через губернатора в Министерство внутренних дел. Периодичность выдачи пайка устанавливалась для сельской местности четыре раза в год за три месяца вперед (в сентябре, декабре, марте и июне), для городской – ежемесячно за месяц вперед¹.

Правовой новеллою, изданной 29 августа 1914 г., стало изъятие у административного отделения уездного съезда крестьянских начальников надзорных и контролирующих функций за деятельностью волостных попечительств и их передача в новосозданные учреждения – уездные попечительства. Городские попечительства заменяли особые по призрению семейств нижних чинов присутствия. Предписывалось формировать правление попечительств из наиболее авторитетных и влиятельных представителей местной администрации и общественности «в видах привлечения в тесном единении с правительственными установлениями к благому делу обеспечения семейств запасных воинских чинов и ратников ополчения»².

Численный состав уездных попечительств по оказанию помощи семействам лиц, призванных на войну, зависел от величины уезда, количества участков крестьянских начальников и численности губернских/областных по крестьянским делам присутствий. Чаще он включал небольшой (10–15 человек) коллектив оплачиваемых работников при участии волонтеров (40–50 человек). В этих учреждениях, по свидетельству очевидца, «были смешаны в одну кучу решительно все уездные чиновники всех ведомств (не забыто было и духовное ведомство) со всеми общественными деятелями»³.

¹ О призыве нижних воинских чинов и их семейств. № 37507. 25 июня 1912 г. ... – С. 935–945; Сибирская деревня. – 1914. – № 21. – С. 12–13.

² Именной высочайший указ правительствующему Сенату 29 августа 1914 г. о порядке приведения в действие закона от 25 июня 1912 г. в части, касающейся призрения семейств нижних воинских чинов, призванных на действительную военную службу // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени / сост. С. М. Левин: [в 2 т.]. Т. 1. Июль 1914 г. – апрель 1915 г. – Пг., 1915. – С. 167.

³ Дашкевич Л. К организации деревни. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. – 1915. – Кн. X. – С. 84.

Выборы в волостные попечительства прошли спешно и в ряде случаев формально. Во-первых, в двухнедельный срок со дня объявления мобилизации все обследование попечительствами должно было быть закончено и представлено в уездный съезд крестьянских начальников. Во-вторых, выборы совпали с массовым призывом военнообязанных запаса в армию; крестьяне были отвлечены на уборочную страду и на поставки лошадей в армию. Население, мало знакомое с новыми законами, слабо использовало расширенные полномочия сельских сходо́в избирать в волостные попечительства женщин и лиц всех сословий, отчего предпочтение отдавалось рядовым крестьянам или завсегда́тым волостных правлений. Там, где выборы не состоялись, в должность попечителей вступили волостные старшины. Поэтому вопреки намерениям закона призрение семей призванных в ряде местностей оказалось по-прежнему в руках низшей сельской администрации, злоупотребления которой при назначении и распределении казенных пособий в годы Русско-японской войны породили многочисленные конфликты с частью сибирского крестьянства.

Городские попечительства по оказанию помощи семействам лиц, призванных на войну, формировались в Ново-Николаевске «из представителей всех слоев местного общества» (62 человека)¹; в Красноярске – из гласных городской думы (35 человек) и служащих (20 человек) различных фирм и учреждений². В Иркутске назначением пособий занималась исполнительная благотворительная комиссия³, а обследованием семей нижних воинских чинов – избранные Городской думой 103 районных попечителя, среди которых наиболее высок был

¹ Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1915. – № 1–2. Неофициальный отдел. – С. 16.

² Красноярское городское попечительство по призрению семей призванных нижних чинов // Протоколы первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в гор. Красноярске 15–17 июня 1915 г. – Красноярск, 1915. – Прил. 17. – С. 71–72.

³ Исполнительная благотворительная комиссия была создана при Иркутской городской думе в 1899 г. из четырех гласных и городского головы. Фактически рассмотрением дел и назначением пособий занимался приглашенный за особое вознаграждение комиссар, одновременно служивший оценщиком недвижимых имуществ. Сложившийся порядок работы комиссии вызывал у современников много нареканий. На время военных действий состав комиссии решено было расширить за счет временных «добавочных комиссаров».

процент (8,7) священнослужителей и (6,8) и гласных городской думы. Общее количество активных работников-женщин немногим превышало 50¹.

Многие из этих лиц состояли в то же время членами других местных благотворительных организаций, что лишало их возможности всецело посвятить себя попечительской работе². Нужно учесть, что война призвала многих из них в ряды действующей армии; ссылаясь на административную загруженность, члены правления со временем отказывались от попечительских обязанностей. Вместо выбывающих рекрутировались новые сотрудники, но состав попечительств, как правило, не расширялся. Кадровый дефицит отрицательно сказывался на качестве социальной поддержки, так как для правильной выдачи пособия требовалось точное и своевременное обследование каждой отдельной семьи.

Не обходилось без инцидентов. Из д. Бугачева Красноярского уезда корреспондент П. А. Шилков сообщал: «Явились претендентами на пособие здоровяки – отцы, имеющие порядочное домохозяйство, хлебопашество и скотоводство. Так, один 54-летний, имеющий при себе в неразделе такого же здоровяка 29-летнего сына, обладающий двухэтажным домом, кроме того, владеющий пашней в количестве трех посевных десятин, четырьмя рабочими лошадьми, столько же крупного рогатого скота и порядочного количества мелкого: овец, свиней, гусей, и, кроме того, находящийся на должности по найму, объявил свое желание получать пенсию за сына солдата, по примеру беспомощных стариков. И он де, не лыком шит, тоже отец солдата. Почему, де, и мне не даете, жалеете казенную дачу – иду с жалобой!

Явились также и незаконные жены ушедших холостяков запасных и потребовали пособия: “Давай, да и только. Начальство приказало, в газете пропечатано, мы такие же жены, детные матери!”.

¹ Подсчитано по: Журнал Иркутской городской управы, состоявшийся на 31 июля 1914 г. № 1996 // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1914. – № 9–10. Официальный отдел. – С. 99–100.

² О-в И. Несколько слов о деятельности городской благотворительной комиссии // Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1914. – № 6–7. Неофициальный отдел. – С. 10; Тунгус [?]. Из Енисейского уезда // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1915. – № 1. – С. 25; ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 978. Л. 1 об.

Что им не выясняй, ничего не берет: давай на пропитку, на одежду, на квартиру; во всем виноваты старшины, старосты и писаря больше всего – замуравили их деньги»¹.

Следует учесть, что работу городских попечительств по обследованию лиц, подлежащих призрению, облегчала небольшая (сравнительно с уездом) территория, возможность привлекать ресурсы иных благотворительных организаций и учреждений. В Томске, например, в помощь Комитету по оказанию помощи семьям запасных и ратников ополчения городская управа наняла особого сотрудника для проверки сомнительных случаев, а также обследования семей, живущих на окраинах города². Крупные городские комитеты (Минусинский) и попечительства (Красноярское, Ачинское) Енисейской губернии работали в союзе с губернским отделением Елизаветинского комитета³.

Согласно сельскохозяйственной переписи 1917 г., основная тяжесть работы по организации обследования и выдачи пайков ложилась на волостные попечительства (табл.3.2).

Дополнительная помощь нуждающимся семьям предоставлялась за счет местных бюджетов и пожертвований. Различие условий, в которых развивалась деятельность того или иного попечительства, а именно особенности обслуживаемого района, преобладающий состав руководства и работников, просто численность его деятельных сил, отразилось на различии бюджетов самих попечительств и масштабах оказываемой ими помощи. Проиллюстрируем это рядом примеров.

¹ Сибирская деревня. – 1914. – 10 октября. – С. 18.

² Отчет о деятельности Томского городского комитета по оказанию помощи семьям запасных и ратников ополчения за 1914 г. ... – С. 301.

³ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии. – 1915. – № 3. – С. 11.

Таблица 3.2 – Распределение по Восточной Сибири числа призванных в армию и количества выдаваемых пайков семьям военнослужащих на 1 сентября 1917 г., тыс.¹

Губерния	Число призванных в сельской местности	Количество пайков		
		в уездах	в городах	всего
Енисейская	83,7	379,0	18,3	397,3
Забайкальская	49,6	139,5	28,1	167,6
Иркутская	54,5	155,6	15,5	171,1
Якутская	1,0	2,7	-	2,7
Итого	1 209,8	2 916,4	274,2	3 190,6

Так, за время с 7 августа 1914 г. по 1 июня 1915 г. правление Ачинского уездного комитета по призрению семей лиц, призванных на войну, открыло 22 волостных отдела, из которых самостоятельные действия проводили Ужурский и Балахтинский и отчасти Назаровский, остальные отделы за отсутствием достаточных средств получали денежные пособия, а также вещи и припасы непосредственно от Ачинского уездного комитета².

Из отчета Ужурского волостного отделения Ачинского уездного комитета по призрению семей лиц, призванных на войну, узнаем, что дополнительная помощь назначалась наиболее остро нуждающимся семьям, что составило 18 % от числа семей нижних чинов третьего крестьянского участка, призванных по мобилизации. Малосостоятельным и совершенно несостоятельным солдатским семьям оказывались также работы по весеннему обсеменению полей. Денежное пособие в размере 1 руб. выплачивалось взрослым членам семьи и детям от 5 до 15 лет, нетрудоспособным независимо от возраста; детям до пяти лет – по 50 коп. Кроме того, из ежемесячного (до окончания войны) дара купца И. И. Зи-

¹ Составлено по: Россия в мировой войне 1914–1918 гг.: (в цифрах). – М., 1925. – С. 49.

² Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии ... – С. 85.

мина каждая семья получала от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ кирпича чая в месяц, муки – по желанию, вместо денег, 50 коп. за пуд¹.

По заявлению минусинского городского головы П. А. Бахова, 55,3 % семей из числа получающих казенный паек не могли в мае 1915 г. обойтись без добавочной выдачи². Красноярский городской голова С. И. Потылицын считал необходимым увеличение казенного пайка минимум на 50 %³.

Поэтому Ачинское городское попечительство по призрению семейств призванных ежемесячно выплачивало дополнительно к казенному пособию 1 руб. на человека. Женам-одиночкам, за исключением нетрудоспособных, пособие не назначалось, а гражданским семьям выплачивалось в двойном размере, т. е. по 2 руб. на человека в месяц, что было всего на несколько копеек ниже казенного пособия. Кроме того, город оказывал семьям призванных бесплатную медицинскую помощь в городской лечебнице, а солдаткам-роженицам – акушерскую помощь в городском родильном доме⁴.

Канский городской Комитет по оказанию помощи семьям запасных и ратников ополчения первоначально выдавал пособие в половину казенного пайка и только семьям разночинцев (по условиям Канского мещанского общества, ассигновавшего для этого свои средства). С октября 1914 г., когда средства Комитета более или менее определились, он начал выдавать пособия в размере казенного пайка беднейшим семьям и внебрачным детям, лишив, однако в январе 1915 г. поддержки бездетных жен воинов⁵.

Меры социальной поддержки, выработанные Комитетом по оказанию помощи семействам призванных на войну, организованном при Минусинском городском управлении, включали: ежемесячное денежное пособие по норме: квартирных 3 руб., на взрослого 1 руб., на ребенка 50 коп.; единовременное денежное

¹ Отчет о деятельности и состоянии Ужурского местного комитета по призрению семей лиц, призванных на войну, за время с 5 сентября по 31 декабря 1914 г. // Енисейские губернские ведомости. – 1915. – 19 мая. – С. 7–8.

² Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии ... – С. 52.

³ Там же. – С. 14.

⁴ Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии ... – С. 46–47.

⁵ Там же. – С. 58–59.

пособие в исключительных случаях (на приобретение лекарств, дров, теплой одежды); отсрочку взноса городских платежей; освобождение от платы за пастьбу скота¹. Одновременно нуждающиеся получали пособие из кассы местного Дамского комитета, что в общей сумме значительно превышало размер казенного пайка.

Оценить весомость расходов городских попечительств по отношению к государственным можно на примере Красноярского городского попечительства по призрению семей призванных нижних чинов. На помощь семьям призванных оно с августа 1914 г. по май 1915 г. параллельно израсходовало около 22 948 руб. из благотворительных средств и почти столько же – 22 934 руб. – из казенных ассигнований. В условиях сокращения притока денежных средств (рис. 3.2) работу попечительства осложнял наплыв приезжих солдаток из окрестных, деревень и даже таких отдаленных городов, как Минусинск и Енисейск. Большинство из них оставляло на произвол судьбы заведенное хозяйство, следуя за мужьями, служащими в воинских частях.

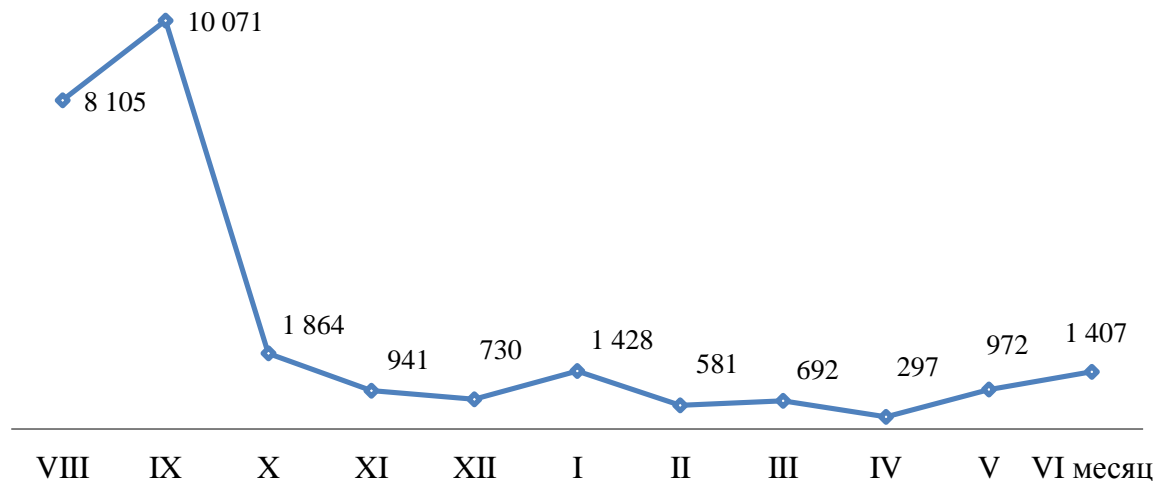

Рисунок 3.2 – Динамика денежных средств Красноярского городского попечительства по призрению семей нижних чинов (август 1914 – июнь 1915 гг.), руб.²

¹ Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии ... – С. 52.

² Составлено по: Городское попечительство // Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 2–3. – С. 55–56.

После отправки последних в другие города женщины обращались к городскому попечительству с просьбой о выдаче квартирного и продовольственного пособия¹. Значительные расходы попечительство несло и из-за притока с окрестных сел и деревень в Красноярск так называемых гражданских жен нижних чинов, где им «никакого пособия не дают, и приехали они в город только за тем, чтобы получить здесь пособие»².

Между тем в уездах собирались деньги, пересылались в центр, а на местах оставалась нищета и отсутствие помощи. Например, епископ Никон из собранных в виде пожертвований десятков тысяч руб. субсидировал Красноярское попечительство на 70–80 руб., а затем с него же получил 200 руб. для своего приюта, где содержалось всего четверо детей фронтовиков. Аналогичное явление было и в Канском уезде. Крестьянские начальники собрали тысячи руб., переслали их в Комитет ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну (Елизаветинский комитет), и на местах не оставили ничего³.

С началом Первой мировой войны произошло усиление религиозного и патриотического настроения в русском обществе⁴. Святейший Синод 20 июля 1914 г. предметом особого внимания объявил участь семей фронтовиков, поручив руководителям епархий образовывать в каждом приходе особые попечительные советы из выборных прихожан с непременною участием местного духовенства и церковных старост. Кроме того, значительное внимание уделено было поддержке морального состояния русских войск, духовной и санитарной помощи больным и раненым воинам, переоборудованию свободных монастырских помещений под госпитали, подготовке «способных и благонадежных лиц» для ухода за ранеными, устройству приютов для осиротевших детей лиц, павших

¹ Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии ... – С. 74–75.

² Там же. – С. 75.

³ Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии ... – С. 16.

⁴ Пудовкина И. М. Деятельность русской православной церкви в кризисный период 1900–1918 гг. на примере Пермской епархии // Вестн. Пермск. гос. техн. ун-та. Культура. История. Философия. – 2010. – № 2. – С. 130.

в бою, содействию Красному Кресту и светским организациям в заботе о жертвах войны.

Приходские попечительные советы создавались для помощи семьям в следующих случаях: «а) если на войне находится глава семьи, б) в случае кончины главы семьи, в) если на войну призваны младшие члены семьи». В первом случае попечительному совету необходимо было принимать меры к «изысканию средств» для помощи; во втором – надлежащим образом обеспечивать семью до тех пор, «пока в этом будет необходимость», что очевидно предполагало попечение и по окончании войны; в третьем случае – оказывать помощь по мере возможности. Попечительные советы составляли списки семей воинов, разъясняли порядок получения казенной помощи, по возможности организовывали заготовку белья, перевязочных средств на нужды армии, собирали денежные средства, материалы, продукты, устраивали трудовую помощь, «разумно» распределяли и выдавали пособия¹.

Данные о семьях фиксировались в единообразной ведомости, форма которой включала: «1) название селения; 2) именование и отношение к воинской повинности (запасный или ратник) призванного и время призыва; 3) личное семейное положение призванного и «кто еще (кроме жены и детей) находился на его попечении»; 4) чем призванный добывал средства к жизни; 5) какое пособие получило семейство: а) из казенных и б) общественных и частных средств; 6) какие нужды в семействе призванного остаются неудовлетворенными; 7) особые замечания»².

Работа приходских попечительных советов строилась применительно к конкретной ситуации на местах. Епископ Енисейский и Красноярский Никон предлагал организовать попечительства помощи раненым и семьям воинов в каждом приходе, мотивируя это тем, что волость единица очень большая, а деревня – малая. В комитет такого попечительства непременно должен был войти весь

¹ Великая Отечественная война и церковная жизнь: исторические очерки доктора церковной истории С. Г. Рункевича. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг., 1916. – С. 27–28.

² Там же. – С. 93–94.

церковный причт данного прихода, сельский и церковный старосты, учителя приходских школ, а также (при наличии в приходе) крестьянский начальник, волостной старшина и писарь, служащие лесного и переселенческого управлений, агрономической и кооперативной организаций, податные инспектора мелкого кредита, вся интеллигенция прихода, хотя бы один представитель от каждой приписной деревни и села¹. Епископ считал обязательным участие церковных причтов в работе аналогичных комитетов городских попечительств. По его замыслу простая организация помощи раненым воинам и солдатским семьям должна включать уездные попечительства, призванные управлять всеми типовыми организациями города и уезда, а курировать работу в масштабах всего региона будет губернское (епархиальное) попечительство.

Направления работы церковно-приходских попечительств можно представить по отчету о движении сумм Кнышинского попечительного совета с 1 октября 1914 г. по 1 марта 1916 г.

Приходское попечительство в с. Шунерском Минусинского уезда оказывало систематическую помощь 35 бедным семьям запасных, выдавая каждой ежемесячно $\frac{1}{4}$ кирпичного чая и 1 фунт керосина. Псаломщик местной церкви К. Орестов сообщал: «Пожертвования поступают охотно; можно думать, что в ближайшем будущем Попечительство расширит свою деятельность. Жертвуют все, кто сколько и что может. На днях учащиеся местной школы, воодушевленные простым и искренним словом пастыря, внесли свою лепту в общее святое дело в такой детски простой, непосредственной и привлекательной форме. Выпросив у своих родителей лошадей, они навозили семьям, лишившимся своих кормильцев-работников, дров, сена, а равно выполнили для них и другие хозяйственные работы»².

Наряду с положительными стимулами стабильного улучшения уровня жизни семей воинов, у части «адресатов» материальная поддержка поощряла

¹ Никон (Бессонов Н.). Жители Енисейской губернии // Енисейские епархиальные ведомости. – 1914. – № 18. – С. 10–17.

² Орестов К. Приходское попечительство в с. Шунерском, Минусинского уезда // Енисейские епархиальные ведомости. – 1914. – № 24. – С. 32.

иждивенческие настроения. Так, на «легкомысленное отношение некоторых солдатских жен к получаемому ими пособию»¹ указано было на пастырско-миссионерском собрании в с. Шалаболинском Минусинского уезда Енисейской губернии.

Священник К. Прозоровский, возглавлявший Новоникольский приходской Совет и попечительство, писал: «Из первого опыта организации приюта-яслей для детей воинов пришлось убедиться, что устройство их является делом благим и необходимым, но жаль, что взгляд у населения на них был отчасти как на нечто обязательное; несли в приют детей не потому, что их не на кого было оставить дома или нечем кормить, а потому, что “раз открыт приют, то солдатки *должны* нести детей туда и их там *обязаны* кормить”. Раздавались требования солдаток об уплате им хотя бы 20 коп. за каждого ребенка в день, которого почему-либо нельзя принести в приют»².

Симпатичная идея приходских попечительных советов и их деятельность вызвали в 1915 г. появление проекта генерала от инфантерии Н. Н. Белявского о передаче всего дела распределения казенного пайка из волостных попечительств в приходские. Однако Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов не признал возможным менять уже сложившееся положение в деле попечения и оставил действовать по-прежнему – «по раздаче казенного пайка волостные попечительства, а по братской благотворительной помощи – приходские попечительные советы»³.

Первая мировая война вызвала к жизни ряд общественных учреждений и частных обществ. Рост их числа и видов способствовал выявлению и реализации различных интересов граждан, решению общенациональных проблем военного времени. К концу 1915 г. только в Енисейской губернии, включая самые

¹ Журнал пастырско-миссионерского собрания 1915 года июля 6 дня в селе Шалаболинском Минусинского уезда // Енисейские епархиальные ведомости. – 1915. – № 22. – С. 13.

² Прозоровский К. Отчет о приюте-яслях для детей воинов при приходском попечительстве села Ново-Никольского Ачинского уезда Больше-Улуйской волости Енисейской губернии в 1915 году // Енисейские епархиальные ведомости. – 1915. – № 20. – С. 24.

³ Великая Отечественная война и церковная жизнь: исторические очерки доктора церковной истории С. Г. Рункевича. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. ... – С. 119.

отдаленные ее окраины (Усинский пограничный округ и Туруханский край), функционировало более 100 мелких благотворительных организаций¹, чья деятельность была направлена на оказание разнообразной помощи жертвам войны.

Патриотический подъем начального периода Первой мировой войны был значительным и проявился также в росте числа и видов общественных организаций. Современник описываемых событий сообщал: «Настоящая война вызвала к жизни грандиозный процесс общественного строительства. Она создала массу новых организаций, умножила формы общественной помощи, расширила и усилила деятельность существующих благотворительных организаций и приспособила к своим нуждам организации, даже совершенно чуждые благотворительности. Нет такой стороны жизни, нет такой категории людей, на которых как-либо не отразилась война. [...] Война сблизила человеческие психики и вызвала появление новых чувств любви и заботы о ближнем»².

Не было ни города или местечка, где не работала бы та или иная организация³. За три первых месяца, когда Россия вступила в военный конфликт, только в Иркутской губернии было учреждено 66 комитетов и волостных попечительств Елизаветинского комитета⁴. Нами подсчитано, что с августа по декабрь 1914 г. прирост общественных ассоциаций за счет возобновивших свою работу или созданных вновь для помощи жертвам войны составил 22 % в Красноярске⁵.

Сибирские организации, ориентированные на удовлетворение нужд военного времени, имели разнообразные названия, в которых отражалось направление помощи, категория нуждающихся, иногда сословный или профессиональный статус учредителей.

¹ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снабжению армии. – 1915. – № 3. – С. 8.

² Файнгар И. М. Мобилизация нашей частной благотворительности во время войны // Призвание и благотворительность в России. – 1915. – № 3–4. – С. 144–145.

³ ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 61.

⁴ ГАИО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁵ Kattsina T. A. The Siberians in Voluntary Associations Brought to Life by the Needs of the First World War // Bylye Gody. Russian Historical Magazine. – 2014. – № 1 (31). – P. 63.

Широкой известностью, особенно в азиатской части России, пользовалось Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий (Сибирское общество помощи больным и раненым), организованное в сентябре 1914 г. по инициативе сибирских общественных деятелей и членов Государственного совета и Думы от Сибири С. И. Акерблома, Н. К. Волкова, С. В. Востротина, Е. Л. Зубашева, И. А. Кирилова, В. И. Лосева, А. И. Макушина, А. А. Скороходова, В. П. Сукачева, И. П. Толмачева, И. С. Шелковникова¹. Центральный комитет общества располагался в Петрограде.

По мнению К. А. Тишкиной, открытие отделов Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий, способствовало формированию единой системы поддержки воинов-сибиряков². М. В. Шиловский считает, что данное Общество стало «основной региональной общественной организацией, занимавшейся ранеными и больными воинами»³.

К концу 1914 г. в составе Сибирского общества помощи больным и раненым действовало 14 отделов, в сентябре 1915 г. – уже 34, из них пять (Московский, Харьковский, Киевский, Рижский и Варшавский) – в пределах Европейской России, остальные (29) в Сибири⁴.

В формировании отделов приняли участие специально командированные в Западную Сибирь Е. Л. Зубашев, в Восточную – С. В. Востротин. Ставилась задача: объединить всю Сибирь в общей работе помощи раненым. По этому поводу Е. Л. Зубашев говорил: «Необходимо объединиться, организовать планомерную деятельность. У нас уже есть такие организации, как земский союз и другие. Общеземский союз развивает свою работу под девизом “Вся земская Русь

¹ Устав Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий. – Пг., 1915. – С. 1.

² Тишкина К. А. Организация работы в 1914–1918 гг. региональных отделов Сибирского общества помощи больным и раненым воинам (на примере Алтайского округа) // Проблемы истории и историографии: сб. докладов межвуз. науч. конф. – Барнаул, 2015. – Т. 3. – С. 172.

³ Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь... – С. 154.

⁴ Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год. С 1-го октября 1914 г. по 1-е октября 1915 г. – Пг., 1916. – С. 54.

идет!”, Всероссийский городской союз: “Вся городская Русь идет!”. Пусть же и сибирское Общество помощи раненым объединит всю Сибирь. Пусть и его работа идет и развивается под девизом “Вся Сибирь идет!” Пусть выявится имя Сибири в общей большой, большой работе»¹.

Целью Сибирского общества помощи больным и раненым провозглашалось «оказание помощи раненым и больным и вообще пострадавшим от настоящей войны путем: а) устройства подвижных (полевых и этапных) лазаретов и врачебно-питательных, санитарных и других отрядов в местах военных действий; б) устройства госпиталей, патронажей, приютов, убежищ, санаторий и богаделен; в) организации трудовой, материальной, медицинской и юридической помощи пострадавшему от войны населению и содействия детям пострадавших в получении образования и помещении в приютах и т. п.; г) собирания и выдачи справок для облегчения раненым сибирякам сношений с родиной, а жителям Сибири – получения справок о находящихся в действующей армии, эвакуированных раненых и больных воинах, а также находящихся в плену»².

Задачи Сибирского общества помощи больным и раненым были схожими с задачами Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам – крупнейших общественных объединений, возникших по инициативе москвичей и устроенных на общественных началах. Однако если земский и городской союзы в дополнение к частным средствам получали значительные государственные субсидии, без которых их обширная деятельность была просто невыполнима, то Сибирское общество помощи раненым аккумулировало членские взносы, пожертвования, сборы по квитанционным книжкам и подписным листам, кружечные сборы, доходы с концертов, лекций, чтений, бесед, спектаклей и т. п. (рис. 3..3).

¹ Цит. по: Дагаев Н. Сибирь и нужды войны // Трудовая помощь. – 1915. – № 5. – С. 470–471.

² Устав Сибирского общества помощи больным и раненым воинам ... – С. 5.

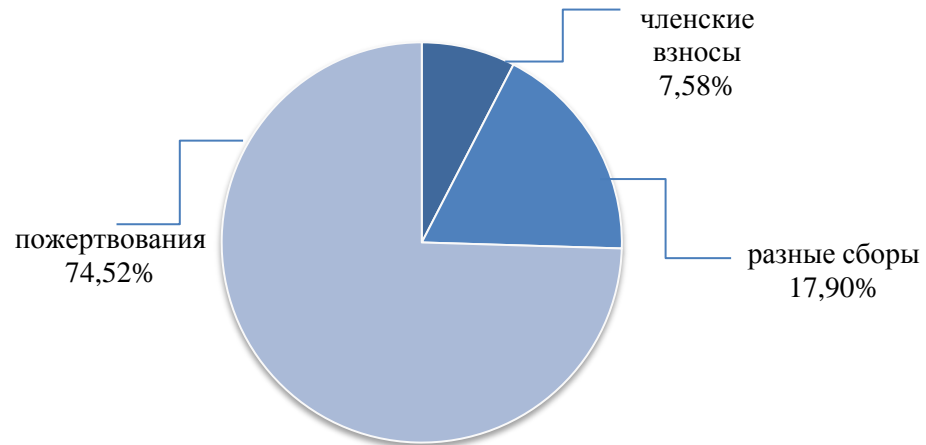

Рис. 3.3. – Структура средств отделов Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий¹

К октябрю 1915 г. отделами, за исключением Омского, Петропавловского и Курганского, было собрано 320 874 руб. Самые крупные средства дали: Томская (более 66 %), Московская (около 15 %) и Енисейская (около 10 %) губернии, Забайкальская область (около 5 %)².

Деятельность Сибирского общества помощи больным и раненым и пострадавшим от военных действий имела несколько направлений. Виды генерируемой им помощи и распределение денежных средств отображены на рис. 3.4.

Как видно из рис. 3.4, почти 75 % средств, которыми располагали отделы, направлялись на нужды передовых позиций. Даже когда раненых стали эвакуировать в Сибирь и для них нужно было устраивать питательные пункты, отделы выразили предпочтение помощи на передовых позициях перед помощью на местах. Так, Новониколаевский отдел, обратившись в комитет с просьбой хлопотать ему от Всероссийского союза городов денежную поддержку для питатель-

¹ Составлено по: Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам ... – С. 59.

² Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам ... – С. 58–59.

ного пункта, устроенного им, заявил, что он, скорее, согласится на закрытие этого пункта, чем откажется от помощи своему отряду, находящемуся на фронте¹.

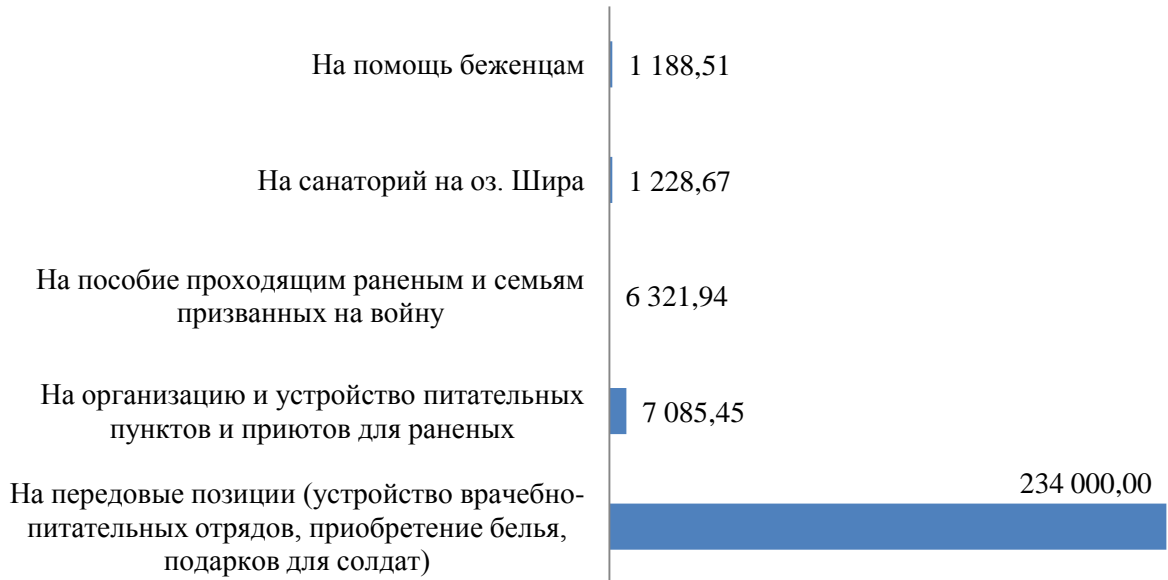

Рис. 3.4. – Структура расходов по основным направлениям работы Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий (осень 1915 г.), руб.²

Потребность в оказании помощи больным и раненым солдатам резко возросла с первых же дней войны, и для ее удовлетворения существовали казенные учреждения – Военно-санитарное управление Военного министерства и Главное управление Российского общества Красного Креста. Они имели не только опыт работы во всероссийском масштабе, но и уже готовую систему благотворительных учреждений, соответствующий медперсонал, которые отсутствовали у новоявленных филантропических организаций³. Тем не менее Сибирское общество

¹ Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам ... – С. 60–61.

² Составлено по: Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам ... – С. 60–61.

³ Куликов С. В. Финансовые аспекты деятельности Российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. – СПб., 2008. – С. 369–370.

помощи больным и раненым в кратчайший срок организовало и отправило на театр военных действий два санитарных отряда в следующем составе каждый: основной склад, тыловой госпиталь, две летучки (каждая состояла из 2 врачей, 2 фельдшеров, 5 сестер милосердия и 30 санитаров для операций непосредственно на линии огня). Состав отряда определялся приблизительно в 152 человека, 80 лошадей, 20 одноколки, четыре легковых автомобиля и одного грузовика¹. К 1916 г. Сибирское общество помощи больным и раненым совместно с Всероссийским союзом городов организовало десять передовых врачебно-питательных и пять транспортных отрядов.

Для солдат отделы Сибирского общества помощи раненым приобретали белье, теплые вещи. В адрес комитета Сибирского общества помощи раненым, доставлявшего на передовые позиции рождественские или пасхальные подарки, приходили выражения благодарности. Так, командир 26-го Сибирского стрелкового полка 24 марта 1915 г. написал: «Милостивый Государь, г[осподи]н Председатель. Я, г[оспода] офицеры и нижние чины полка сердечно благодарим Комитет за присланные подарки офицерам и нижним чинам полка к празднику Св. Пасхи, которые были доставлены на позицию вашим уполномоченным К. М. Садиловым. Глубоко тронуты чисто родственной заботой комитета»².

Питательные пункты и приюты стали организовывать в Сибири в конце декабря 1914 г. Естественно, что располагались они на станциях и в селениях, находящихся при железных дорогах и на других оживленных путях сообщений, как, например, в Ачинске, Красноярске, Канске.

Помимо устройства приютов, питательных пунктов и патронатов для раненых некоторые отделы оказывали им помощь в виде денежного пособия и вещевого довольствия, как, например, Московский, Красноярский, Енисейский, Минусинский, Канский, Ачинский и Хабаровский отделы. Красноярский отдел обратился, кроме того, ко всем кредитным товариществам, находящимся на глав-

¹ Дагаев Н. Сибирь и нужды войны ... – С. 471–472.

² Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снабжению армии. – 1915. – № 2. – С. 24–25.

ных путях следования раненых, с просьбой организовать прием раненых и снабжать их теплой одеждой до ближайшего приемного пункта. Минусинский отдел при содействии Ачинского организовал этапные станки по дороге от Ачинска до Минусинска. Канский отдел выдавал на дорогу кормовые деньги – 50 коп. на каждые 50 верст, в зимнее время снабжал нуждающихся раненых комплектами теплой одежды¹.

В денежной помощи семьям призванных на войну отделы Сибирского общества помощи больным и раненым участие почти не принимали, так как она находилась в ведении городских, волостных и сельских управлений. Только в редких случаях выдавали небольшие пособия отдельным лицам.

Более существенную помощь семьям призванных на войну отделы оказывали в виде выдачи справок об убитых, раненых, попавших в плен и без вести пропавших воинах. Это имело большое значение при малой распространенности грамотности. Комитетом Красноярского отдела была организована юридическая помощь больным и раненым воинам и их семьям. Эту обязанность выполняли присяжные поверенные К. И. Сыромятников, П. И. Кусков, И. С. Казанцев.

Таким образом, по мере развития затяжного характера войны деятельность Сибирского общества помощи раненым приобретала новые направления. При этом специфика его отделов в Сибири была обусловлена значительной удаленностью региона от театра военных действий, вследствие чего здесь первоначально развивалась такая форма помощи фронту, как сбор пожертвований на военные нужды. Что касается деятельности отделов, находящихся в пределах Европейской России, то она выразилась преимущественно в регистрации раненых, убитых и попавших в плен сибиряков. Отделы Варшавский, Рижский и Киевский, находясь в ближайшем тылу, испытывали на себе последствия, связанные с осенним отступлением армии, и поэтому приостановили свою работу: Харьковский отдел изначально оказался нежизнеспособным.

¹ Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии ... – С. 50, 51, 60, 61.

Численный состав отделов Сибирского общества помощи раненым, по которому можно судить не только об активности общества, но и об интересе к нему со стороны населения, к сожалению, не поддается точному учету, так как некоторые отделы не предоставляли свои отчеты. Самым многочисленным из отделов являлся Мариинский – 341 человек, за ним следовал Тобольский – 319, Ново-Николаевский – 198, Томский – 197, Хабаровский – 168, Красноярский – 161 и Московский – 114, затем шли Барнаульский – 91, Каменский – 83, Курганский – 80, Владивостокский – 74, Нижнеудинский – 61, Благовещенский – 58, Ачинский – 56, Киевский – 49, Енисейский – 46 и Каинский – 43, за ними Татарский – 33, Ялотуровский – 32, Троицкосавский – 30 и Кузнецкий – 25, наконец, Минусинский – 20, Сретенский – 18, Канский – 18, Читинский – 15, Морозовский – 13 и Усть-Каменогорский – 7 человек¹.

Десятирублевый членский взнос «служил несомненным препятствием для вступления в члены Общества весьма многим жителям», особенно сельским, для которых он был чрезмерно велик². Отчасти поэтому компенсировать дефекты сибирского общественного устройства, обусловленные отсутствием земских учреждений, создать широкую сеть мелких «ячеек общественности» на селе Сибирскому обществу помощи больным и раненым не удалось. Тем не менее в 1916 г. зафиксированы сельские отделы общества в селах: Камень, Морозовское и Татарское Томской губернии; Таштыпское, Усть-Абаканское, Аскызское Енисейской губернии³.

В Сибири, как и по всей стране, подъем патриотических настроений в начальный период войны охватил и женскую часть населения. Значение приобретала деятельность женщин в благотворительных объединениях – дамских комитетах и дамских кружках⁴, хотя она и получала самые противоречивые оценки.

¹ Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам ... – С. 57.

² Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снабжению армии. – 1915. – № 3. – С. 14.

³ Там же. – 1916. – № 5–2. – С. 26, 36.

⁴ Общества, имеющие сравнительно небольшой общественный резонанс, назывались кружками.

Как и прочие благотворительные гражданские ассоциации, дамские комитеты во время войны пытались восполнить пробелы в области социальной политики государства. Основным направлением в их работе стала помощь воинам действующей армии, семьям мобилизованных, пленным. Деятельность женских благотворительных организаций встречала одобрение и в тылу, и на фронте, правительство видело в этом свидетельство единения народа и армии. В Восточной Сибири в целом такие объединения послужили для появления на арене общественной деятельности довольно узкого круга (личный состав дамских комитетов, как правило, был от 12 до 25 человек) женского населения из высших и частично средних городских слоев.

Ассоциации чаще возникали в результате творческой активности населения, его рядовых низовых слоев. В крупных городах, где имелись многочисленная общественность и материальные средства, численный состав обществ был выше. Так, из отделов Сибирского общества помощи раненым в Енисейской губернии самым многолюдным был Красноярский (161 человек), за ним следовали Ачинский (56 человек), Енисейский (46 человек), Минусинский (20 человек). Личный состав Канского отдела Всероссийского союза городов представляли 22 человека.

Примечательно, что современники делили ассоциации на общественные и бюрократические. К общественным причисляли благотворительные комитеты и попечительства при органах местного самоуправления, церковных приходах; к бюрократическим – Российское общество Красного Креста (и при нем дамские комитеты), именные благотворительные общества (Комитет великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий, Елизаветинский комитет и т. д.). И если одни подчеркивали «стройную организацию бюрократических комитетов»¹, то другие оценивали работу именных комитетов как «не достигающую своей цели», влекущую лишь

¹ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снабжению армии. – Красноярск, 1915. – № 1. – С. 25.

«непроизводительную трату народных средств»¹. Нам импонирует мнение И. П. Павловой о том, что в годы войны такие комитеты способствовали проявлению частной инициативы, ее упорядочиванию. Так, к середине 1915 г. в структуру Елизаветинского комитета вошло 85 губернских отделений, 505 уездных комиссий, объединяющих более 4 тыс. заведений, а к середине 1916 г. их число возросло до 6 тыс.² Уездные комиссии являлись объединяющими центрами для мелких благотворительных организаций сел и деревень; безусловно, отдельные из них проявляли интенсивную и «образцовую деятельность» (Ачинский уездный комитет), другие – оказывались «не на высоте положения» (Канская уездная комиссия)³. Многое здесь зависело от личных качеств членов правления, их социального опыта, общественного восприятия организации, финансовой устойчивости.

Практикуемые ассоциациями средства и формы организации процесса оказания и получения помощи позволяли направить ресурсы адресно, т. е. исключительно тем, кто в ней нуждался. Так как горожане непосредственным своим производством не обслуживали личные потребности и находились в гораздо большей зависимости от рынка, чем крестьяне, акцент был смещен на обеспечение нуждающихся продовольствием, топливом, жильем, одеждой и обувью, устройством детей в учебные заведения. В сельской местности преобладали традиционные «кормление по домам», помощь в посевных и уборочных кампаниях, реже практиковались денежные ссуды, устройство приютов дневного пребывания (яслей) для детей⁴.

Обобщим вышеизложенное.

1. В годы Русско-японской войны призыв многих отцов семейств и годных к военной службе сыновей резко снизил семейные доходы, а женский труд не позволил в полной мере компенсировать потерянные заработки. В условиях рос-

¹ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 102. Л. 1.

² Павлова И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны ... – С. 47.

³ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снабжению армии. – Красноярск, 1915. – № 3. – С. 10

⁴ ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 3. Л. 82, 90, 104 об.

та цен на товары первой необходимости, ухудшения качества медицинской помощи, обострения жилищного вопроса, а также при негативном воздействии естественных (природных) факторов снизился уровень жизни и социальный статус значительной части населения Сибири, что объективно привело к социальной напряженности. Среди населения усилилось недовольство и социальная агрессия. Влияние инфляционных процессов на уровень жизни семей воинов отчасти преодолевалось тем, что при расчете пайков на местах учитывался рост цен на продовольствие, но действие этой меры снижалось из-за нарушения правил назначения и сроков выплаты пособий.

2. В ходе Русско-японской войны законодательство в сфере социальной помощи было ориентировано на закрепление, упорядочение и небольшую корректировку ранее сложившейся нормативно-правовой базы. Тем не менее сделаны первые юридические попытки скоординировать деятельность исполнителей социальных задач – административных и благотворительных организаций, ввести государственное ассигнование и распределение денежных средств в помощь семьям фронтовиков. Нельзя не согласиться с мнением Н. Л. Пушкаревой и П. П. Щербинина, что отсутствие продуманной системы распределения и контроля за выделенной на указанные цели денежной массой привело к тому, что деньги дошли только до части семей участников боевых действий¹. Особенности местного административного и общественного устройства, заключающиеся в отсутствии в Сибири земских учреждений, отразились неблагоприятно на постановке призрения семей запасных нижних чинов и ратников ополчения, поскольку эти задачи возлагались на волостные и сельские правления «допотопной организации и типа»², на крестьянских начальников и земскую полицию.

3. Слабое государственное регулирование в сфере стандартов общественного призрения создало диспропорции в уровне социальной помощи, ее доступ-

¹ Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. – № 2. – С. 148.

² Областные очерки. Съезд представителей городов Восточной Сибири в Иркутске // Сибирские записки. – 1916. – № 3. – С. 155.

ности для населения в зависимости от места проживания. Многие решения по отдельным случаям представляли собой «решения по усмотрению», определяемые местными властями по собственным правилам. Дополнительные меры помощи принимались в незначительных размерах, прежде всего, из-за скудных финансовых возможностей городских и сельских обществ, нехватки людских ресурсов и отсутствия достаточной школы «общественной жизни». Дамские комитеты генерировали более разнообразные (по сравнению с государственными) меры и формы социальной поддержки, расширяли круг ее получателей.

4. В годы Первой мировой войны ряд изменений законодательных норм был направлен на расширение перечня получателей казенного пособия. Обязательное участие органов общественного самоуправления в деле помощи солдатским семьям регулировалось еще довоенным законом 1912 г. Объект социальной помощи был расширен категорией «жертвы войны» (пострадавшие от военных действий). Этот термин применялся как в отношении мирного населения, которое не принимало непосредственного участия в вооруженном конфликте, так и в отношении тех, кто прекратил такое участие в определенный момент, например раненые и больные воины, военнопленные. К этой же категории причислялись беженцы и высленцы – гражданское население прифронтовых районов, в отношении которого проводилась специфическая политика царских властей. Впервые в истории страны на главный план вышло государственное обеспечение семей фронтовиков. Дополнительную помощь солдатским семьям оказывали городские и волостные попечительства исходя из ситуации на местах и бюджетных возможностей, используя в арсенале методов привлечения благотворительных средств весь спектр мероприятий практики благотворения довоенного периода.

Материальную и нематериальную поддержку фронтовикам и членам их семей оказывали также попечительные советы при православных приходах. Их финансовые ресурсы пополняли добровольные пожертвования, поступающие через различные сборы (кружечный, при церковном богослужении, по специальным книжкам или подписным листам). Церковно-приходские попечительные советы,

как и благотворительные организации, обладали спонтанностью, волонтаризмом, что придавало неустойчивость их работе. При организации выдачи пособий существовали не только организационные и финансовые проблемы, но и морально-психологические. Размеры пайковых выплат отставали от катастрофического роста цен на продовольствие и предметы первой необходимости, а из-за оскудения местных бюджетов, снижения притока пожертвований и развала благотворительных структур помощь солдатским семьям сворачивалась.

5. В годы Первой мировой войны уровень и характер вовлечения населения в работу благотворительных обществ претерпел положительные количественные и качественные изменения. В начальный этап войны увеличилось не только число общественных организаций, но и совокупное количество людей, втянутых в сферу филантропии. Деятельность представителей различных социальных групп определялась солидарностью, нравственными и гражданскими потребностями, мировоззренческими установками, связанными с представлениями о расширении помощи пострадавшим от военных действий. Но следует согласиться и с О. А. Харусь, что по мере обострения общенационального кризиса идеи консолидации и солидаризации сибирского населения утрачивали свою изначальную привлекательность, уступая место иным ценностным ориентирам и устремлениям, связанным с социальной и политической поляризацией общества и усилением конфронтации различных его слоев и групп¹.

3.2. Социальная помощь беженцам и выселенцам в имперский период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.)

Участие России в Первой мировой войне вызвало внутри страны массовое беженство. Основную численность беженцев составили выходцы с западного фронта военных действий. Основопологающим документом, регламентирующим

¹ Харусь О. А. Сибиртет как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны, in Сибирь в войнах начала XX века : материалы Сиб. историч. форума. Красноярск, 3-6 декабря 2013 г. – Красноярск, 2014. – С. 99.

различные стороны этого явления, стало «Положение об обеспечении нужд беженцев» (30 августа 1915 г.), согласно которому беженцы – это «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств»¹. Таким образом, под определение «беженцы» попадали самые «разнообразные элементы»²: лица, добровольно покинувшие приграничные губернии, не пожелавшие оставаться на линии фронта или в оккупированных местностях; жители территорий, принудительно «очищаемых» по распоряжению властей при отступлении русских войск; семьи служащих гражданских и тыловых военных учреждений, эвакуированных на восток; выселенные из прифронтовых территорий отдельные этнические группы, рассматриваемые военным командованием как диверсионный потенциал противника и его резерв в случае отступления русских войск. В то же время закон³ не признавал беженцами тех, кто был выселен под надзор полиции.

Проблема состояла в том, что в общей беженской массе сложно было разграничить высылаемых по приказу властей от тех, кто спасался от войны или погромов, приняв решение добровольно⁴. Между тем, принадлежность к категории «беженец» давала право на социальное попечение, порядок которого определял ряд законоположений⁵, принадлежность к категории «выселенец» – на пособие наравне с административно-ссылными.

Поскольку проблема обеспечения жизненных потребностей беженцев напрямую связана с вопросом социальной помощи им, в параграфе мы рассматри-

¹ Положение об обеспечении нужд беженцев (30 августа 1915 г.) // Законы и распоряжения о беженцах. Вып. первый; 2-е изд., дополненное. – М., 1916. – С. 2.

² Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского Союза Городов. – М., 1915. – С. 1.

³ Положение об обеспечении нужд беженцев (30 августа 1915 г.) ... – С. 2.

⁴ Гальперин Л. Обязательное призрение и помощь беженцам // Призрение и благотворительность в России. – 1915. – № 5. – С. 529; Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского союза городов. – М., 1915. – С. 1; Новая ссылка (из Нарымского края) // Сибирь. – 1915. – 11 января. – С. 2; Опальный Б. Выселенцы // Иркутская жизнь. – 1915. – 15 декабря. – С. 2.

⁵ Положение об обеспечении нужд беженцев (30 августа 1915 г.) ... – С. 1–7; 9–11; Руководящие положения по устройству беженцев. – Пг., 1916.

ваем меры социальной поддержки беженцам и высленцам со стороны правительственных и общественных организаций. Разработка этих вопросов затрагивает гуманитарный и этнический аспекты беженства, встраивается в контекст сопутствующих региональных исследований¹.

Так как наличие беженцев служит индикатором распространенности и интенсивности вооруженных конфликтов, целесообразно обратить внимание на его количественные параметры. Наиболее значительными суммарные показатели оказались в Российской империи, где к июлю 1917 г. насчитывалось 7,4 млн беженцев². По мнению английского историка П. Гэтрелла (P. Gatrell), число российских беженцев периода Первой мировой войны составило примерно 6 млн (5 % населения страны), вдвое превышая численность промышленного пролетариата и втрое – число русских воинов, погибших на фронтах³. Согласно интерпретации Н. А. Михалева и С. А. Пьянкова, общенациональная статистика позволяет представить «лишь примерные масштабы беженства, которое могло затронуть от 5 до 15 млн человек, превратившись в один из факторов нараставшего социально-экономического и политического кризиса в стране»⁴.

Поток беженцев в тыловые губернии России значительно увеличился летом-осенью 1915 г. в связи с отступлением русской армии. Десятки товарных поездов неделями передвигались в различных направлениях, ища пристанища для многих тысяч измученных и истощенных белорусских, польских и литовских крестьян, в спешке покинувших привычные места жительства. Очевидец

¹ Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX в.. – Кемерово, 2003; Щетинина А.С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2007. – № 4-2 (56); Кузьменко А. С. Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 – феврале 1917 гг.: на примере Енисейской и Иркутской губерний: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2010; Катцина Т. А. «Нуждаемся во всем...»: положение высленцев Первой мировой войны в Восточной Сибири ...; Орехова Н. А., Кофман Я. М. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX в.) ...

² Суржикова Н. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А. Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестн. Пермского ун-та. – 2012. – Вып. 3 (20). – С. 141.

³ Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. – Bloomington & Indianapolis, 1999. – P. 3.

⁴ Михалев Н. А., Пьянков С. А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи; численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4 (49). – С. 103.

событий гласный московской городской думы М. М. Щепкин писал: «По грунтовым дорогам беженцы идут огромными массами, сплошной стеной, покрывая дороги трупами. К концу июля волны великого переселения русских народов донесены были до самых разнообразных частей Европейской России»¹.

Летом беженцы прибывали в Сибирь небольшими группами в пять – десять – пятнадцать человек, а уже осенью 1915 г. целыми партиями. В августе разместилось в Иркутске 117 беженцев, в сентябре – в четыре раза больше, а в октябре «иногда за один день нужно было принять и разместить 400–500 беженцев»². К 1 февраля 1917 г. общественные организации Сибири зарегистрировали 86 664 беженцев, которые по губерниям и областям Восточной Сибири распределились так: в Енисейской губернии – 10 769, Иркутской – 7 990, Забайкальской области – 1 666 беженцев³. Вне регистрации оказались государственные служащие с семьями и все «состоятельные» беженцы как не подлежащие или не нуждающиеся в «государственном попечении», а также выселенцы, состоящие под надзором полиции⁴.

В связи с резко возросшим потоком беженцев местные города стали испытывать ряд серьезных трудностей, связанных с регистрацией и размещением беженцев, дефицитом средств, жилья и медицинского персонала. Проблема беженцев напрямую связывалась с организацией социальной помощи наиболее нуждающимся из них.

Правовой новеллой, изданной 30 августа 1915 г., стало создание при Министерстве внутренних дел специального государственного органа с широкими полномочиями – Особого совещания по устройству беженцев. Новому органу предстояло решать широкий круг задач, касающийся практически всех сторон

¹ Щепкин М.М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого Совещания. – М., 1916. – С. 1.

² Вестник Иркутского городского общественного управления. – Иркутск, 1915. – № 9–12. Отдел официально-справочный. – С. 81.

³ Киржиц А. Беженцы и выселенцы // Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. А–Ж / под общ. ред. М. К. Азадовского и др.. – Новосибирск, 1929. – Стб. 262–263.

⁴ Бахтурина А. Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: немцы-колонисты и российское общество в годы «Германской» войны // Новый исторический вестник. – 2013. – № 1. – С. 12.

обеспечения беженцев: от распределения правительственных кредитов, отпускаемых на нужды беженцев, до разработки процедуры возмещения им убытков, организации связи с оставшимися за границей родственниками и др.

В состав Особого совещания, помимо его руководителя (министра внутренних дел) вошли: по семь членов от Государственной думы и Государственного Совета, представители различных ведомств (военного, внутренних дел, иностранных дел, финансов, путей сообщения, народного просвещения, торговли и промышленности, Главного управления Землеустройства и земледелия), члены Комитета ее Императорского высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий (Татьянинский комитет), главноуполномоченный по делам беженцев, делегаты от Всероссийского земского и городского союзов, Российского общества Красного Креста, наиболее влиятельных национальных комитетов¹.

Меры социальной поддержки должны были распространяться на представителей всех национальностей. Польское население рассматривалось как добровольные беженцы-славяне, которым гарантировался бесплатный железнодорожный проезд, питание на путях движения в тыловые губернии, где они могли получить опеку и заработок². Исключение составили иностранные подданные венгерской и немецкой национальностей³. Но высланные с театра военных действий «ввиду неблагонадежности» немцы-колонисты приравнивались к беженцам и могли претендовать на социальную поддержку. Департамент полиции объяснял отпуск им особых кредитов как необходимую меру «ограждения коренного населения от неизбежного появления в местах водворения пришлого населения очагов заразных болезней»⁴.

¹ Положение об обеспечении нужд беженцев (30 августа 1915 г.) ... – С. 3–4.

² Жванко Л. М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 pp.): монографія. – Харків, 2012. – С. 39; Катцина Т. А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.) ... – С. 107.

³ Павлова И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны... – С. 76.

⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 169. Л. 142; Катцина Т. А. «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири ... – С. 220.

Местное попечение о беженцах и их дальнейшей судьбе возлагалось на земские и городские учреждения. Им предоставлялось право создавать особые комитеты помощи беженцам, самостоятельно определять порядок ее организации, приглашать к сотрудничеству общественные и частные объединения (прежде всего, благотворительного характера), отдельных лиц. На «безотлагательное удовлетворение настоятельных нужд беженцев и на скорейшее устройство дела по обеспечению их участи»¹ отпускалось на средства государственного казначейства в 1915 г. в распоряжение министра внутренних дел 25 млн руб. Ассигнованные на потребности беженцев кредиты передавались из министерства губернаторам, так как им принадлежал непосредственный надзор за обустройством беженцев в пределах губернии или области. Такой порядок лишал общественные структуры самостоятельности и вызвал их недовольство.

Надо заметить, что в условиях критических общественных перемен, ассоциации, ориентированные на нужды беженцев иногда создавались, опережая законотворчество: 14 августа – в Ачинске и Иркутске, 22 – Чите, 23 августа – Красноярске². Уже в сентябре – октябре 1915 г. они подверглись реорганизации, как того требовал закон от 30 августа, в специальные комитеты помощи беженцам, подчиненные в своих действиях городской управе, из-за чего утратили автономность. Так, Бюро помощи беженцам, учрежденное при Красноярском отделе Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам и пострадавшим от войны было преобразовано, с сохранением председательствующего состава, в комитет о беженцах (особую исполнительную комиссию), состоящий при Красноярском городском общественном управлении³. Неопределенность правомочий, разногласия по ряду организационных и финансовых вопросов, попытки административных органов ограничить самостоятельность комитета при-

¹ Положение об обеспечении нужд беженцев (30 августа 1915 г.) ... – С. 2.

² Архив города Ачинска. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; ГАЗК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 22. Л. 30; Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7–4. – С. 1; Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 3–4. – С. 81.

³ ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 88.

вели к тому, что его члены 11 марта 1916 г. объявили о сложении своих обязанностей и предложили городу принять все делопроизводство по беженцам¹.

В конце августа 1915 г. при Иркутском комитете Всероссийского союза городов образовалась особая распорядительная комиссия, объединившая дело призрения беженцев и включившая в свой состав представителей национальных и других организаций, решающих те же задачи помощи беженцам. За два месяца комиссия создала сложную организацию, привлекающую к участию в ней более 200 добровольных сотрудников. Средства, которыми она располагала в начале своей деятельности, сложились из следующих поступлений: 3 000 руб. – ассигнование городской думы, 1 000 руб. – Центрального комитета Всероссийского союза городов, около 4 200 руб. получено от устройства лотереи и пожертвованиями². Нарастающий поток беженцев требовал более значительных средств. Однако иркутский генерал-губернатор не считал возможным принять ходатайство непосредственно от местного комитета Всероссийского союза городов об отпуске средств из казны (20 000 руб.) на оказание помощи беженцам, как «не призванного официально к делу призрения беженцам»³. Ситуация изменилась лишь после того, как распорядительная комиссия стала являть собой городской комитет помощи беженцам по закону 30 августа 1915 г.

Адаптируясь к запросам населения в связи с нуждами военного времени, Иркутское еврейское общество по охранению здоровья евреев «силой событий превратилось с середины августа в Еврейский комитет помощи беженцам»⁴. В Иркутской губернии работу национальных комитетов направляли и контролировали: уполномоченный по устройству беженцев в Восточной Сибири, действительный статский советник И. П. Подпалов, председатель Иркутского комитета Всероссийского союза городов доктор П. И. Федоров, председатель губернского комитета помощи пострадавшим от войны, действительный статский советник

¹ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7–4. – С. 9.

² Там же.

³ Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 3–4. – С. 25.

⁴ Катцина, Т. А. Сибиряки в добровольных организациях, вызванных потребностями Первой мировой войны ... – С. 63.

И. С. Иконников, председатель Иркутского отдела Петроградского Польского общества М. Ю. Мыслинский, председатель Иркутского отдела Латышского общества «Дзимтене (Родина)», надворный советник Х. Х. Зиверт; уполномоченный латышского комитета В. Я. Витоль, председатель Иркутского еврейского общества, присяжный поверенный В. Г. Дислер¹.

Национальные организации и комитеты опекали беженцев из поляков, евреев, латышей, литовцев. В Забайкальской области для обеспечения нужд беженцев первыми организовались национальные общества: Читинское отделение Петроградского польского общества помощи жертвам войны – 11 января 1915 г., Комитет Забайкальского общества для оказания помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий – 1 июня 1915 г., Забайкальское литовское благотворительное общество – 16 августа 1915 г., Читинское латышское общество вспомоществования беженцам – 26 августа 1915 г.² 17 октября открылся Забайкальский областной комитет по обеспечению нужд беженцев. Его возглавил военный губернатор Забайкальской области А. И. Кияшко. Управляющим делами комитета был назначен чиновник особых поручений при переселенческом управлении Я. И. Байгер³. Почти одновременно открылись Иркутский и Енисейский губернские комитеты по обеспечению нужд беженцев. Как и Забайкальский областной комитет, они объединяли и направляли деятельность всех беженских организаций в пределах своего региона, способствовали образованию новых комитетов, распределяли между ними средства и т. п.

Общественные организации тоже стремились согласовать разрозненные мероприятия и выработать общий план действий. Так, Иркутский комитет Всероссийского союза городов провел 21–23 ноября 1915 г. совещание с представителями ведомств и учреждений Иркутска, беженцев, делегатов городских и уездных комитетов помощи беженцам, национальных (еврейских, латышских,

¹ Ростов Н. Д., Горелов Ю. П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны ... С. 87; Иркутская жизнь. – 1914. – 28 сентября. – С. 2.; Иркутские губернские ведомости. – 1916. – 31 марта. – С. 4.

² ГАЗК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 7. Л. 73 – 74; Д. 22, Л. 30.

³ ГАЗК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 22. Л. 30; Оп. 2. Д. 2. Л. 114.

польских) организаций из Забайкальской области, Иркутской и Енисейской губерний¹.

В резолюции по вопросу взаимоотношения между общественными и административными организациями по призрению беженцев было обозначено, что «дело помощи беженцам в городах должно вестись под флагом Всероссийского городского союза. <...> Сибирское общество помощи раненым и пострадавшим от войны, работая совместно с городским союзом в городах, должно также направлять свои усилия в сторону создания в селах и деревнях своих отделений, которые и должны принять на себя обязанность организовать помощь беженцам в деревне на широких общественных началах. <...> Нужен более тесный и постоянный контакт в форме совместных совещаний комитетов, созываемых через определенный, непродолжительный промежуток времени»².

Ознакомимся с некоторыми практическими действиями городских комитетов помощи беженцев. Они снабжали подопечных продовольственным и квартирным пайками в установленных законом размерах, получая на это средства из государственной казны. Из этих же средств оплачивалась и другие виды помощи, гарантированные законом: на одежду (5 руб. ежеквартально), на школьное обучение (ежемесячно 2 руб. 50 коп. или 3 руб., если в школе есть завтраки), на баню (10–20 коп. в месяц), на амбулаторное лечение (25 коп. ежеквартально), на стационарное лечение (1–1 руб. 20 коп. в день), на содержание в беженских приютах (ежемесячно от 13 руб. 50 коп. до 15 руб., в зависимости от установленного в данной местности пайка)³. На юридическую помощь расход по смете, утвержденной министром внутренних дел, не производили, так как он входил в соответствующую статью канцелярских и административных) организационных расходов. Организационные расходы не должны были превышать 5 % общей

¹ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске ... – С. I–IV, 3–4; Сибирь. – 1915. – 22 ноября. – С. 2.

² Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске ... – С. 88.

³ Руководящие положения по устройству беженцев ...

суммы расходов при смете до 10 тыс. руб. в месяц, 4,5 % – при смете от 11 тыс. до 25 тыс. руб., 4 % – при смете от 26 тыс. до 40 тыс. руб. и т. д.¹

В силу крайне затруднительного состояния государственного казначейства, Особое совещание по устройству беженцев призывало административные органы сократить все расходы, в том числе и по беженскому вопросу. 24 апреля 1916 г. министр внутренних дел распорядился снимать с продовольственного пайка 10 % от общего числа беженцев, призреваемых в сельской местности и 15 % призреваемых в городских поселениях. Он мотивировал это тем, что острота беспомощного положения беженцев в значительной мере миновала, а бóльший процент снимаемых с пайка в городе объяснил тем, что в нем легче обеспечить себя достаточным заработком².

Надо заметить, что в целях экономии средств, Главное управление Центрального обывательского комитета губерний царства Польского, в июле 1916 г. отозвало из некоторых губерний и областей Сибири своих окружных уполномоченных и передало заведование своими отделениями в пределах Западной и Восточной Сибири, на попечении которых находились беженцы поляки, одному своему уполномоченному. Им назначили присяжного поверенного И. И. Зденицкого, канцелярия которого располагалась в губернском г. Красноярске³. Дополнительные средства комитеты и организации получали за счет пожертвованных разными лицами и организациями денег, вещей или продуктов, пособий городских дум, Татьянинского комитета.

Работа комитетов, как правило, распределялась по секциям (комиссиям), ведающим отдельные отрасли дела помощи беженцам. Так, Ачинский и Красноярский комитеты обеспечивали материальные и духовные потребности беженцев работой семи (вокзальной, предназначенной для встречи, регистрации, медицинского надзора, дезинфекции беженцев; финансовой; квартирной; продовольственной; детской/школьной; трудовой; снабжения одеждой), Забайкальский обла-

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 2–3.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 6.

стной комитет помощи беженцам – шести (вокзальной; квартирной; вещевой; продовольственной; по сбору пожертвований; статистической) секций¹.

Деятельность комиссий в Иркутском городском комитете помощи должна была координироваться и направляться особым отделом по устройству беженцев, образованным в составе трех представителей комитета по избранию исполнительного бюро (на нем присутствовали широкие слои населения) и председателей различных комиссий². При Красноярском городском комитете помощи беженцам сложилась иная организационная схема. Общее собрание членов комитета определяло число и круг деятельности каждой секции, а общее собрание каждой секции устанавливало ее внутреннюю организацию, порядок и распределение работы между членами. Во главе каждой секции стоял президиум, избранный собранием членов секции в числе не менее трех (председатель, товарищ председателя, секретарь). Президиум нес ответственность перед комитетом за работу секции. Впечатляет внушительный численный (340) состав Красноярского городского комитета помощи беженцам. По секциям он распределился так: в вокзальной секции – 47 человек, квартирной – 22, справочно-трудовой – 129, продовольственной – 45, врачебно-санитарной – 47, школьной – 50 человек³.

Организации и комитеты помощи беженцам выбирали те виды помощи, которые наиболее соответствовали нуждам беженцев в их местности, а также целям и возможностям самих объединений. Они вели обследование имущественного и семейного положения претендентов на пособие, организовывали нуждающимся из них врачебную помощь, за счет собственных средств снабжали лекарственными препаратами, отпускали пособие на похороны, крестины, передвижение по грунтовым и водным дорогам к месту заселения, содействовали трудоустройству. в первую очередь снабжали теплой одеждой и обувью Трудо-способных беженцев или выдавали пособие (в Красноярске, разовое – 15 руб.) на

¹ Вестник Красноярского городского общественного управления. – 1915. – № 16. – С. 408; ГАЗК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Катцина Т. А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.) ... – С. 106.

² Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1916. – № 3–4. – С. 21–23.

³ ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 96.

их приобретение¹. Интересно сопоставить размер вещевого пособия с самой низкой ценой на необходимый товар. Так, в ноябре 1915 г. в Красноярске пара сапог стоила 20 руб., шубы овчинной – 25–30, ситцевой рубахи – 2 руб. 50 коп.² Поэтому для удовлетворения нужды беженцев в одежде организовывали так называемых фургонные сборы. Продовольственный паек выдавали в форме денежной выплаты из расчета 20 коп. – одинокому, 15 – семейному и ребенку до шести лет. Беженец снимался с пособия в том случае, если трудоустроился или трижды отказался от подысканной ему работы. Квартирный вопрос решали посредством размещения беженцев у родственников, в наемных помещениях, в бараках переселенческих пунктов или выдачей денежного пособия для самостоятельного найма жилого помещения. Комитеты содействовали беженцам в розыске родственников, получении разного рода документов из учреждений, эвакуированных из местностей, занятых неприятелем, консультировали по вопросам получения солдатского казенного пайка, содействовали в получении его и т. п.

Иркутяне использовали довоенный опыт участковой работы, для чего селитебную часть города условно разделили на 10 районов, и в каждом создали попечительство. В него вошли два представителя от каждой секции, ведающей дело помощи беженцам, пять делегатов от беженцев данного района³. Их работа по ряду направлений дублировала деятельность секций распорядительной комиссии по оказанию помощи беженцам, состоящей при Иркутском комитете Всероссийского союза городов⁴, но имела более индивидуальный и адресный характер. Каждое попечительство делегировало одного представителя с правом голоса на заседания распорядительной комиссии.

Одним из направлений работы комитетов помощи беженцам стала организация учебно-воспитательной помощи беженцам. Решением этого вопроса занимались детские (школьные) секции, созданные при комитетах. Необходимо за-

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп.1. Д. 197. Л. 12.

² ГАКК. Ф. 817. Оп. 1. Д. 2а. Л. 25 об.

³ ГАИО. Ф. 216. Оп. 1. Д. 25. Л. 59.

⁴ Там же. Л. 52, 55.

метить, что почти половину перемещенного населения составляли нетрудоспособные, среди которых 41–50 % – несовершеннолетние в возрасте до 14 лет¹.

В части резолюции по учебно-воспитательному вопросу, выработанной совещанием по вопросам призрения беженцев, отразилось пожелание, чтобы все школы национальных организаций для детей беженцев были организованы на государственные средства, а при приеме учащихся в средние учебные заведения «не допускались изъятия для евреев в смысле процентной нормы»². Констатируя неудовлетворенность потребности детей беженцев в школьном образовании, участники совещания признали, что общественные организации не могут удовлетворить ее собственными материальными ресурсами. Местным общественным организациям Всероссийского союза городов было рекомендовано приложить все усилия для содействия школьному образованию детей и возбудить вопрос о государственных ассигнованиях для этого³.

В Иркутске помощь детям беженцев школьного возраста на начальном этапе работы городского комитета выразилась только в форме содействия устройству в школы. С наплывом беженцев комитет приступил к организации собственных школ. К 1 февраля 1916 г. их было 14 для 574 детей⁴ (по другим источникам 12 для 750–800 детей⁵). Вскоре было признано, что не целесообразно содержать отдельные школы, так как они часто располагаются в непригодных помещениях, не обеспечиваются педагогическими кадрами, имеют высокую текучесть обучаемых. В силу чего было принято решение перевести детей беженцев в городские учебные заведения⁶. В Забайкальской области, ввиду незначительного числа беженцев, специальных заведений для них не устраивали,

¹ Подсчитано по: Архив города Ачинска: Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л. 145; Д. 11. Л. 31.

² Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске ... – С. 86.

³ Там же. – С. 85–86.

⁴ Вестник Иркутского городского общественного управления. –1916. – № 3–4. – С. 21–23.

⁵ ГАИО. Ф. 216. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 3.

за исключением небольшой мастерской, организованной польским благотворительным обществом¹.

Рассмотрим работу школьной секции Красноярского комитета помощи беженцам. Ее сотрудники вели с учебными заведениями переписку по вопросам устройства детей беженцев, оказывали семьям консультативную помощь, снабжали учебниками и письменными принадлежностями и т. п.² Потребности детей беженцев выявляли с помощью регистрационной карточки. В нее путем опроса родителей заносили данные о числе детей, их возрасте, знании русского языка, о потребности обучения на родном языке, сведения о том, где обучался ребенок и куда он может быть определен, о нужде в одежде, белье, обуви, учебниках и медицинской помощи. Регистрация проводилась ежедневно с 10 до 15 часов дежурными членами секции.

Из-за проблем материально-бытового характера дети часто не могли приступить к занятиям сразу после их зачисления в образовательное учреждение. После длительного (два–три месяца) «путешествия в Сибирь» они тотально имели проблемы со здоровьем, нуждались в лекарствах и медицинской помощи. Ввиду сурового климата Енисейской губернии и спешной эвакуации беженцев из дома еще в теплое время года огромное количество их нуждались в зимней верхней одежде и обуви. Обеспечение беженцев одеждой находилось в ведении продовольственной секции, со склада которой одежду выдавали строго по ордерам соответствующих секций беженцам, поступающим на работы, зачисленным в учебные заведения, уезжающим в деревню. Из-за ограниченных возможностей стояла задача обеспечить одеждой только перечисленные категории, снабдить каждую беженскую семью необходимым минимумом одежды для поочередного пользования³.

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 632. Л. 33.

² ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 96.

³ Катцина Т. А., Пашина Н. А., Мезит Л. Э., Потапова Е. В. Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской империи) ... – С. 1396.

Сотрудники школьной секции отмечали, что в Красноярске «не было ни одного учебного заведения, которое так или иначе не пришло бы на помощь секции»; денежно-вещевые пожертвования, собранные учащейся молодежью, позволили удовлетворить первоначальную нужду детей беженцев в учебных и школьно-письменных принадлежностях¹.

Согласно регистрационным данным, собранным школьной секцией за октябрь 1915 г. – март 1916 г., изъявили желание начать или продолжить обучение 664 человека (391 мальчик и 273 девочки), в том числе в возрасте от 7 до 10 лет – 260, от 10 до 14 лет – 315, от 14 лет и старше – 89. Их национальный состав характеризуют следующие данные: русские (к ним традиционно относили украинцев и белорусов) – 505 человек (76 %), поляки – 124 (18 %), латыши – 23 (3 %), литовцы – 5 (0,75 %) и евреи – 7 (1 %)².

Число детей беженцев, распределенных в разные учебные заведения Красноярска отражено в табл. 3.3.

По итогам сопоставления данных таблицы с предшествующим материалом видим, что 57 % всех зарегистрированных детей школьного возраста удалось устроить в школы и иные учебные заведения.

Усилившийся прилив беженцев в Красноярск поставил перед школьной секцией еще в октябре 1915 г. вопрос об открытии специальной, по типу городской, школы. Потребность была продиктована тем, что учебный год уже начался и вакансий в учебных заведениях не осталось. Дирекция народных училищ предоставила под школу несколько помещений в Доме просвещения Общества попечения о начальном образовании. Заведующим школы был назначен учитель из числа беженцев И. А. Остапкович с ежемесячным жалованием 25 руб. В помощь ему взяли на себя преподавание в школе безвозмездно члены секции: Е. Е. Гвоз-

¹ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7–4. – С. 33.

² Там же. – С. 33; Катцина Т. А., Пашина Н. А., Мезит Л. Э., Потапова Е. В. Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской империи) ... – С. 139б.

дикова, Н. И. Разумова, Н. В. Гоштовт, М. Ф. Матасов, В. С. Митич, О. Ф. Эглит, священники О. А. Воскресенский, отец Столярский и О. В. Козлов¹.

Табл. 3.3. – Число детей беженцев в учебных заведениях Красноярска (на начало марта 1916 г.)².

Название учебного заведения	Мальчиков	Девочек	Всего
Мужская гимназия	6	–	6
Женская гимназия	–	15	15
Реальное училище	3	–	3
Торговая школа	–	1	1
Школа при Синельниковском приюте	2	–	2
Первое, второе, третье высшие начальные училища	10	4	14
Городские начальные училища	32	28	60
Школа беженцев	138	48	173
Польская школа	32	39	71
Еврейское училище	1	3	4
Ремесленное училище имени Т.И. Щеголевой	3	–	3
Учительская семинария	1	–	1
Духовное училище	2	–	2
Советская церковно-приходская женская школа	–	1	1
Всего	230	139	369

Занятия в школе начались уже 2 ноября и проходили ежедневно с 14 до 18 часов вечера. Однако ее помещения не были удовлетворительными, часто приходилось прерывать занятия из-за плохого освещения. Из-за эпидемий среди детей беженцев ставили даже на очередь вопрос о закрытии школы. Секцией были организованы завтраки для учеников школы беженцев. Первоначально они состояли из $\frac{1}{3}$ фунта черного хлеба, но после увеличения ассигнований и привлечения к заготовке завтраков беженской столовой рацион составил одну котлету с ломтем хлеба или большой мясной пирог. Из-за разбросанности помеще-

¹ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7–4. – С. 34.

² Составлена по: ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 9, 11; Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7–4. – С. 34.

ний и трудности доставки не удалось организовать завтраки для беженцев, учащихся в других учебных заведениях. Кроме того, почти сразу проявились проблемы организационно-педагогического характера. С одной стороны, члены секции не могли с должной регулярностью вести преподавательскую работу из-за занятости другими делами, а с другой – от них требовались большие трудозатраты из-за крайне разнообразного уровня познаний учащихся. С 1 января 1916 г. преподавание велось платным персоналом. Кроме И. А. Остапковича были назначены учительницы О. И. Уманская и Н. И. Разумова. Так как от Министерства народного просвещения было ассигновано всего по 30 руб. в месяц на преподавателя, то Комитет помощи беженцам постановил доплачивать из ассигнованных на школьное дело средств до жалования, получаемого городскими учителям¹. Такими мерами старались сохранить педагогический состав школы и поддержать его материальное положение.

Структура основных расходов по школьной секции за весь период действия Красноярского комитета помощи беженцам (2 августа 1915 г. – 11 марта 1916 г.) выглядит в процентном соотношении следующим образом: жалование служащим школьной секции – 15,7 %; учебные принадлежности – 26,5 %; ткани для шитья школьной одежды – 2,6 %; плата за учение детей беженцев – 26,8 %; завтраки школьникам – 14,9 %; рождественские подарки и угощение детей беженцев – 12,4 %².

Следует отметить, что за время работы члены школьной секции не раз сталкивались с мнением, что когда необходим кров, одежда и пища, – образование является не столь насущной задачей. Это заставляло сотрудников секции пессимистически глядеть на свою деятельность и сомневаться в правильности ее направления. Компенсировала такие настроения установка детей беженцев на об-

¹ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7-4. – С. 33–34; Катцина Т. А., Пашина Н. А., Мезит Л. Э., Потапова Е. В. Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской империи) ... – С. 1397.

² Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7-4. – С. 35.

разование. Председатель школьной секции М. Ф. Матасов писал: «И когда мы видим, с какой жадой знания приходят к нам дети беженцев, как дорожат они этой возможностью приобрести сравнительно то небольшое в области знания, что могла дать при настоящих условиях наша школа, то вопрос о необходимости нашей работы отпадает сам собой»¹.

С первых дней работы школьная секция занялась устройством учреждений для детей-сирот. На добровольные пожертвования, в Николаевской слободе с разным интервалом времени (10 октября и 6 декабря 1915 г.) были устроены два приюта (детских дома). Однако через месяц второй детский дом был закрыт в связи со значительным снижением притока беженцев и возможностью разместить детей в приюте, открытом Польским обществом для детей-поляков². В детском доме стремились создать для детей «семейную, трудовую обстановку, в которой ребенок смог бы забыть все пережитые ужасы и горе и зажил бы нормальной детской жизнью, полной собственных интересов»³.

«Руководящие положения по устройству беженцев», предписывали при оборудовании созданных для детей беженцев учреждений (школ, убежищ, приютов) соблюдать строгую бережливость «в предвидении того, что неизбежная, по миновании надобности, ликвидация этих учреждений будет тем убыточнее, чем дороже они стоили»⁴.

Изначально предполагалось принимать в детский дом только детей-сирот, детей, затерянных в пути, и таких, чьи родители поступали в услужение. Однако вскоре этот круг был расширен за счет детей, чьих родителей определяли на поселение в удаленные от города местности. Комитет принял во внимание доводы председателя школьной секции о том, что потерянный год занятий для детей из необеспеченных классов особенно сильно может отразиться на их судьбе и послужить отказом на всю жизнь от дальнейшего обучения. Сначала дети прожи-

¹ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7-4. – С. 35.

² ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 242. Л. 9.

³ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7-4. – С. 36.

⁴ Руководящие положения по устройству беженцев ... – С. 9. (Ст. 14).

вали в детском доме без различия национальности. Практика показала, что сожительство детей разных национальностей и религий, желательное в принципе, в жизни связано с некоторыми неудобствами. Родители, иногда родственники детей заявляли о желании воспитывать детей в духе их собственной религии, соблюдения собственных постов, традиций, сохранения родного языка. Поляки требовали организовать обособленное проживание их детей. Трудности с коммуникацией, различие в культуре и обычаях, устоявшихся формах поведения становились почвой для конфликтов среди детьми. Учитывая сложившиеся обстоятельства, школьная секция, несмотря на крайне трудное финансовое положение, приняла решение открыть дополнительный приют для расселения в нем детей по национальному признаку. Ситуация разрешилась в январе 1916 г., когда Римско-католическое благотворительное общество предложило разместить детей поляков в организованном им национальном приюте на условиях внесения Комитетом помощи беженцам оплаты за их проживание в размере (10 руб.), равном стоимости месячного содержания одного ребенка в детском доме¹.

Повседневная жизнь детей беженцев в приюте строилась на основе принципов семейного и трудового воспитания, благодаря которым ребенок смог бы забыть пережитые страдания, адаптироваться к новым жизненным условиям и вернуться к привычной жизни. Согласно установленному порядку дети, проживающие в приюте, сами убирали помещение, помогали кухарке, гладили и чинили белье, шили, готовили уроки. По наблюдениям наставников трудовое воспитание в приюте для детей беженцев удалось внедрить лишь частично. Воспитанники, особенно мальчики, хотя и выполняли возложенные на них обязанности, делали это неохотно. Причину этого члены секции видели как в отсутствии опытных воспитателей, умеющих заинтересовать детей, нехватке ресурсов для организации творческого труда, вызывавшего интерес (работы по выпиливанию, занятия в столярной, переплетной, швейной мастерских), так и в самих детях.

¹ Катцина Т. А., Пашина Н. А., Мезит Л. Э., Потапова Е. В. Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской империи) ... – С. 1398.

Прежде чем попасть в приют детям пришлось вкостить самостоятельной жизни, и этот опыт жестоко отразился на их поведении. Труд перестал восприниматься ими не только как духовная ценность, необходимое условие для физического и нравственного развития, но и как способ удовлетворения материальных потребностей. Работники детского дома отмечали, что примерно $\frac{1}{5}$ часть всех воспитанников не поддаются не только перевоспитанию, но и какому-либо влиянию¹.

Понимая причины нарушения в поведении детей, работники детского дома не имели опыта для его исправления. В редких случаях в качестве меры воздействия на злостных нарушителей порядка применяли исключение из заведения. Но и это не давало результатов, поскольку после временного размещения дебоширов в распределительные пункты для беженцев их возвращали назад. Отчаявшись найти подход к так называемым трудным для воспитания детям, наставники концентрировали все усилия на самых маленьких воспитанниках приюта, особая забота и повышенное внимание к которым по общему убеждению оценивались как более целесообразные.

Наладить воспитательный процесс в приюте не позволило скудное финансирование². Ограниченность средств, выделенных Комитетом на организацию приюта для детей беженцев, вынудила школьную секцию минимизировать затраты на оплату труда наемного педагогического персонала. В результате вся работа по руководству приютом и воспитанию детей была возложена на заведующую и ее помощницу. Согласно проекту школьной секции небольшой штат наемного персонала приюта компенсировался большим количеством добровольных помощников из состава членов школьной секции и учащихся женской и мужской гимназий. Однако практика показала, что ни волонтеры, ни платный персонал не были готовы к работе с подопечными приюта. Романтичные представления, с которыми они приступили к работе, быстро подверглись ревизии. Вместо послушных, открытых миру, беззащитных подопечных приходилось ра-

¹ Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7-4. – С. 36.

² ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 246. Л. 95.

ботать с детьми, пережившими психотравмирующую ситуацию, следствием которой стало агрессивное поведение, проявление жестокости к себе и окружающим, высокая конфликтность. Длительное пребывание в условиях улицы, полная свобода и предоставленность самим себе, жизнь в ненормальных условиях военной действительности выбили детей из обычной колеи, размыли границы добра и зла. Их жизненная стратегия целиком и полностью была направлена на выживание. Украсть, обмануть, выпросить, когда нужно подстроиться – все в глазах этих детей служило указанной цели. Отсутствия опыта работы с детьми-беженцами, высокая нагрузка стали основной причиной частой смены наемного педагогического персонала и постепенного отказа от работы добровольных помощников¹. В результате уже в начале 1916 г. почти четыре десятка воспитанников оказались на руках двух платных работников: заведующей и ее помощницы².

Финансовые трудности и нерешенный кадровый вопрос вынудили пойти на сокращение количества подопечных, принятых в детский дом. В январе 1916 г. из него выбыли 24 ребенка: шестеро были взяты Польским комитетом помощи беженцам, двое сбежали (относительно них было выяснено, что их родители проживали в Красноярске, а сами они беженцами не являлись), 16 – взяты отыскавшимися родными³. К марту в детском доме остались 20 подопечных (19 русских и 1 латыш): восемь из них были сиротами, 12 – детьми, чьи родители проживали в удаленных от города селениях. После отъезда значительного числа детей на летние каникулы к родственникам, у которых им было предложено остаться, детский дом закрыли, а детей распределили по Красноярским приютам с оплатой за их содержание из беженского кредита⁴.

¹ Катцина Т. А., Пашина Н. А., Мезит Л. Э., Потапова Е. В. Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской империи) ... – С. 1398.

² Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии. – 1916. – № 7-4. – С. 36.

³ Там же. – С. 37.

⁴ Архив города Ачинска. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л. 104–106.

Итак, меры, направленные Красноярским комитетом помощи беженцам на социально-культурную адаптацию детей оказались непоследовательными. По причине недостаточного финансирования создание специализированной школы и приюта для детей-беженцев, оставшихся без попечения родителей, не получили должного кадрового обеспечения. Привлечение добровольных помощников к воспитательному процессу не принесло желаемых результатов в виду полного отсутствия у них педагогического опыта работы с детьми-мигрантами. Вместе с тем, опыт школьной секции нельзя признать неудачным. Модель работы с детьми – беженцами Первой мировой войны, может быть критически оценена и адаптирована к современной практике органов и учреждений системы социальной защиты населения.

Основным регионом, где было сосредоточено около 85 % всех беженцев, стала европейская часть России¹. Но следует учесть, что в восточные районы, в том числе сибирские, «как наиболее пригодные для несения функций призрения беженцев»², эвакуировали преимущественно нетрудоспособное население. Сюда направляли жертв принудительных выселений и депортаций.

Выселенцы стали прибывать в Сибирь осенью 1914 г. сначала небольшими группами, а с апреля 1915 г. (после отступления русской армии) целыми партиями³ из Гродненской, Виленской, Волынской, Минской, Курляндской, Ковенской губерний. Основанием для высылки служило обвинение в шпионаже или содействии военному противнику, распространении неблагоприятных для русской армии слухов. Многие были арестованы по ложным доносам личных врагов или самоуправства местной административной власти⁴. Нередки были случаи, когда

¹ Михалев Н. А., Пьянков С. А.. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи; численность, размещение, состав ... – С. 102.

² Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского Союза Городов ... – С. 27.

³ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 10; Сибирь. – 1914. – 30 декабря. – С. 3.

⁴ Война и евреи. Дело о шпионстве. Выселение. – Иркутск, 1915. С. 54; РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–4, 28 об., 31–32.

военно-полевой суд оправдывал ранее осужденных, но через несколько дней их высылали в Сибирь уже по решению административного суда¹.

Выселение евреев носило массовый характер и было осложнено рядом обстоятельств. Например, их заранее не оповещали о предстоящем событии, не учитывали факт нахождения отцов семейств и их сыновей в действующей русской армии или военном госпитале². На сборы в путь давалось 36 – иногда менее 24 часов. Люди передвигались пешком, в лучшем случае увозя на собственных подводах наскоро собранное имущество. Взятые из разных слоев населения и высланные административным порядком, они передвигались с проходными свидетельствами³, под конвоем, за собственный счет⁴.

Первоначально выселенцев направляли в Томскую губернию (Западная Сибирь), где водворяли главным образом в Нарымском крае (центр политической ссылки на севере губернии), преимущественно в наиболее глухих и отдаленных его пунктах. В январе 1915 г. в край отправили 1 000 выселенцев, тогда как за 1914 г. их число не превысило 200⁵. Весной и летом 1915 г. направление высылки сместилось в Енисейскую губернию, а осенью 1915 г. – в Иркутскую. Уже в декабре 1915 г. газета «Иркутская жизнь» сообщала, что в распоряжение сибирских губернаторов еженедельно, по воскресеньям, с партией арестантов из России прибывает значительное число выселенцев⁶. После двух–трех месяцев принудительной транспортировки их оставляли, в среднем на один месяц, в местных пересылочных тюрьмах. В переполненных камерах вместе с уголовниками «можно было встретить 70-летних стариков и 14-летних гимназисток»⁷. Затем конвойным порядком выселенцев направляли в распоряжение уездных исправников. Им предстояло пройти пешком (подвод не давали) 300, а иногда 1 000 и

¹ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–4.

² Война и евреи. Дело о шпионстве. Выселение. Иркутск, 1915. – С. 54–56.

³ Проходное свидетельство – особое удостоверение личности, выдаваемое полицией на время пути лицам, сославшимся в определенные местности.

⁴ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 9–10.

⁵ Новая ссылка (из Нарымского края) // Сибирь. – 1915. – 11 января. – С. 2.

⁶ Опальный б. Выселенцы // Иркутская жизнь. – 1915. – 15 декабря. – С. 2.

⁷ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 14.

более верст¹. Губернские власти, ссылаясь на специальное циркулярное распоряжение, намеренно устанавливали местом жительства выселенцев отдаленные пункты Енисейской (Енисейский уезд, Туруханский край) и Иркутской (Киренский, Верхотенский, Нижнеудинский, Балаганский уезды) губерний². В наиболее тяжелом положении оказывались те, кого определяли на поселение в Киренский уезд. Путь в него зимой был направлен через Александровскую пересыльную тюрьму, где выселенцы вынуждены были оставаться на положении арестантов до поздней весны³.

С наплывом беженцев в сибирских городах распространились антисемитские плакаты, листовки, брошюры, укрепился тезис о массовом участии евреев в леворадикальных политических партиях. Усилению антисемитизма отчасти способствовали беженцы из европейской части страны, которые перенесли свое негативное отношение к евреям в Сибирь⁴. Практика выселения «неблагонадежного элемента» создала такой порядок, при котором и администрация, и комитеты по оказанию помощи беженцам, и даже те власти, которые выдавали постановления о выселении в Сибирь, не имели возможности своевременно оценить степень опасности, представляемой тем или иным выселяемым субъектом. Постановления о выселении, в которых содержались мотивы и проступки, вызвавшие его, направлялись отдельно от высылаемых лиц. Часто вслед за ними поступало уведомление о прекращении обвинений, послуживших причиной выселения. Все это препятствовало правильной классификации выселенцев и создавало определенную путаницу. Были случаи возвращения из ссылки лиц, уже прошедших до пункта назначения и вынесших на себе все ужасы тюремного пути⁵. Согласно отчетам уполномоченных Всероссийского союза городов о положении выселен-

¹ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 11, 18, 19.

² Там же. Л. 11.

³ Опальный Б. Выселенцы // Иркутская жизнь. – 1915. – 15 декабря. – С. 2.

⁴ Война и евреи. Дело о шпионстве. Выселение ... – С. 52; РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 152. Л. 21–21об.

⁵ Опальный Б. Выселенцы // Иркутская жизнь. – 1915. – 15 декабря. – С. 2; Новая ссылка (из Нарымского края) // Сибирь. – 1915. – 11 января. – С. 2; РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

цев, 75 % сосланных в Иркутскую и Енисейскую губернии какой-либо опасности для государства не представляли¹.

Выселенцы, как административно ссыльные, имели право на ежемесячное государственное пособие. Так, в Енисейском уезде одноименной губернии оно было установлено в размере 8 руб.², в Иркутской губернии – от 8,6 до 9,5 руб.³. При имеющейся дороговизне жизни этой суммы было недостаточно. В качестве примера: в Верхоленском уезде фунт⁴ черного хлеба стоил 7 копеек, белого – 11–12 коп., мяса – 25–30 коп.к, ежемесячная плата за аренду комнаты составляла от 10 до 15 руб. Большинство выселенцев пособие не получали, не взирая на свои многочисленные ходатайства и прошения. Единичным «счастливым» выдача пособия задерживалась на два–три (Верхоленский уезд)⁵, а иногда на шесть – восемь (Енисейский уезд) и больше месяцев⁶.

Важно отметить, что на местах сложилась такая практика предоставления пособий, которая ставила заявителей, формально находившихся в одинаковом правовом положении, в разные условия. Например, в Балаганском уезде каждый выселенец получал по 16 руб. ежемесячно. Но в соседнем Верхоленском уезде, очевидно, применялись особые правила или они разно толковались на местах. Так, пособие не выдавали всем выселенцам в Верхоленске (7 человек) и Жигалове (17 человек). В Знаменке из 109 человек правом на пособие смогли воспользоваться только 16. В Качуге из 34 – получали только трое, в том числе один 12 руб., один 6 руб., а один 3,6 руб. В два раза ниже установленной нормы получали пособие в селе Манзурка и то далеко не все выселенцы (12 из 23)⁷.

Следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Выселенцы при аресте или при следовании по этапу в Сибирь должны были сдать в конторы раз-

¹ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 12.

² Совецание о беженцах // Сибирь. – 1915. – 25 ноября. – С. 1.

³ Выселенцы в Верхоленском уезде // Сибирь. – 1916. – 13 августа. – С. 2.

⁴ Один фунт равен 409,5 граммов.

⁵ Выселенцы в Верхоленском уезде // Сибирь. – 1916. – 13 августа. – С. 2.

⁶ Енисейское Общество пособия бедным евреям, действующее совместно с хозяйственным правлением Еврейского общества по оказанию помощи выселенцам евреям в Енисейском уезде Вестник Приенисейского края. – 1916. – 17 июля. – С. 13.

⁷ Выселенцы в Верхоленском уезде // Сибирь. – 1916. – 13 августа. – С. 2.

личных тюрем те или иные денежные суммы, поскольку утрачивали право держать их при себе. Изъятые деньги пересылались на место назначения, но как правило, с задержкой на пять–шесть месяцев, что усугубляло и без того бедственное положение выселенцев. Большинство прибывающих в ссылку производили крайне тяжелое впечатление своей беспомощностью; не знали русского языка. После пяти – шести месяцев тюремного «путешествия», они оказывались в совершенно чуждой им обстановке, оторванными от родных мест, без каких-либо средств. Многие не могли рассчитывать на помощь родственников, так как утратили с ними социальные связи.

Заброшенные небольшими группами в переполненные ссылными глухие таежные села, где на какой-либо заработок не могли рассчитывать и вполне трудоспособные элементы, при существующей дороговизне жизни, выселенцы, среди которых было немало стариков, женщин, самостоятельно высланных детей, много людей до ссылки вполне обеспеченных и никогда не бедствовавших, остро «нуждались во всем»¹. Но, приходя в ссылку с определенным клеймом, они, за редким исключением, не вызывали сочувствия у местного населения, не получали от него какой-либо поддержки и не могли на нее рассчитывать². Представители сибирской общественности, причастные к решению беженского вопроса, отмечали: «при ограниченных продовольственных запасах выселенцы являются непосильным бременем для местного населения»³. Чрезвычайно тяжелым оказалось положение 319⁴ евреев, сосланных в пострадавший от неурожая (1915 г.) Енисейский уезд. В нем и «за деньги невозможно было достать хлеба»⁵.

¹ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 16–19; Выселенцы в Верхоленском уезде // Сибирь. – 1916. – 13 августа. – С. 2; Енисейское Общество пособия бедным евреям, действующее совместно с хозяйственным правлением Еврейского общества по оказанию помощи выселенцам евреям в Енисейском уезде // Вестник Приенисейского края. – 1916. – 17 июля. – С. 13.

² РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 7-8.

³ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске ... 1916. – С. 89.

⁴ Енисейское Общество пособия бедным евреям, действующее совместно с хозяйственным правлением Еврейского общества по оказанию помощи выселенцам евреям в Енисейском уезде Вестник Приенисейского края. – 1916. – 17 июля. – С. 13. .

⁵ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 8; Совещание о беженцах // Сибирь. – 1915. – 25 ноября. – С. 1.

Вопрос о положении выселенцев из районов военных действий был особо рассмотрен на совещании, состоявшемся 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Событие инициировал Иркутский комитет Всероссийского союза городов в целях согласования разрозненных мероприятий по организации помощи беженцам для выработки какого-либо общего плана. Присутствовали от администрации – управляющий канцелярией иркутского генерал-губернатора, чиновники от иркутского губернского, переселенческого управлений, помощник заведующего Восточным районом передвижения переселенцев, вся иркутская городская управа во главе с городским головой. Были представлены Комитеты помощи беженцам городов Ачинска, Красноярска, Мысовска, Верхнеудинска, Читы, Нерчинска, села Усолъе, Читинского областного, Иркутского губернского комитетов, Иркутского епархиального, Иркутского еврейского комитетов помощи беженцам. Участие в совещании также приняли представители от беженцев в количестве 23, местные организации, имеющие разную степень близости к беженской проблеме. Так, делегировали своих уполномоченных: Мысовский дамский кружок, Нижнеудинский отдел Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны; Красноярское, Енисейское общества пособия бедным евреям; Канский, Красноярский отделы Всероссийского союза городов; Иркутский отдел Российского общества Красного Креста; Иркутское латышское общество «Дзимтене»; Иркутский отдел Польского общества помощи жертвам войны¹.

На основании тезисов доклада В. Г. Дистлера, представляющего Иркутский комитет Всероссийского союза городов², совещание приняло следующую резолюцию по вопросу помощи выселенцам: «1) Ввиду того, что выселенцы идут в распоряжение местной губернской власти, необходимо, чтобы власть распределяла их не в места отдаленные, а в сельские и городские центры. <...> 2) Ввиду того, что выселенцы идут без суда и следствия, в громадном большинстве

¹ Совещание о беженцах // Сибирь. – 1915. – 2 ноября. – С. 2; Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске... – С. I–IV, 3–4.

² Совещание о беженцах // Сибирь. – 1915. – 26 ноября. – С. 2.

не знают даже причин своей высылки, необходим, по мнению совещания, пересмотр всех дел о выселенцах. 3) Ввиду того, что среди выселенцев, пришедших и идущих в Иркутскую и Енисейскую губернии, есть значительное число иностранных подданных, высланных из Галиции, и в виду того, что из Европейской России часть таких выселенцев уже отправлена к себе на родину, необходимо и из Сибири, по возможности, возвратить на родину выселенцев иностранно-подданных»¹. Однако спустя восемь месяцев после совещания, в июле 1916 г., Комитет Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны констатировал, что «реализации этого постановления пока не видно»².

Заметным было участие в судьбе выселенцев-евреев национальных благотворительных организаций, вносящих в свою работу изменения с началом войны. Так, Иркутское отделение Общества охранения здоровья еврейского населения «силой событий» реорганизовалось в Иркутский еврейский комитет помощи беженцам³. Оно устраивало для евреев, выселенных с линии фронта и ближнего тыла по пути их следования питательные, ночлежные пункты, обслуживало санитарно-гигиенические нужды, оказывало вещевую и материальную помощь. К 1 ноября 1915 г. помощь от организации в различных видах и размерах получили 395 человек, большинство которых составили выселенцы⁴.

Енисейское общество пособия бедным евреям⁵ было первой организацией, в которую обращались выселенцы-евреи по прибытию в Енисейский уезд. В начале лета 1915 г., в связи с нарастанием потока выселенцев, их большого скопления и «ужасного положения», Общество сочло своей «священной обязанно-

¹ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске ... – С. 89.

² Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны // Вестник Приенисейского края. – 1916. – 17 июля. – С. 12.

³ Kattsina T. A. The «Vast Process of Social Construction» in Siberia during World War I (1914–1918) – P. 249.

⁴ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске ... – С. 18.

⁵ Было учреждено в 1906 г. еврейской общиной.

стью»¹ прийти им на помощь, хотя это выходило за пределы его компетенции. Приступить к новому направлению работы оно смогло на основании разрешения, полученного от енисейского губернатора. Но рамки его деятельности были строго ограничены помощью лишь евреям². В то же время польские, латышские организации, зарегистрированные в Восточной Сибири, могли оказывать помощь представителям иных национальностей и этнических групп³.

В конце августа 1915 г. было сформировано хозяйственное правление Еврейского общества по оказанию помощи выселенцам евреям в Енисейском уезде. Оно действовало совместно с Енисейским обществом пособия бедным евреям. Финансовый отчет хозяйственное правление Еврейского общества по оказанию помощи выселенцам евреям в Енисейском уезде (ХПЕОП) за август – октябрь 1915 г. дает представление об источниках поступления денежных средств. Так, на нужды выселенцев-евреев был использован весь запасной капитал Енисейского общества пособия бедным евреям, скопленный за предшествующие десять лет. От сбора членских взносов ХПЕОП за сентябрь и октябрь 1915 г. поступило в общей сложности более 300 руб. За этот же период времени было собрано единовременных пожертвований на общую сумму 920 руб. В пожертвовании принимало участие почти все местное еврейское общество. Одновременно собирали также и одеждой⁴.

Из докладов, сделанных уполномоченными по возвращению из ближайших волостей Енисейского уезда выяснилось, что нужда выселенцев «настолько огромна, что покрыть ее своими средствами и силами не представляется возможным»⁵. Дополнительные средства были получены от Общества пособия бедным евреям г. Иркутска (500 руб.), от Общества пособия бедным евреям г. Красноярска (200 руб.), от частного лица из Минусинска (100 руб.), а главным обра-

¹ Вестник Приенисейского края. – 1916. – 17 июля. – С. 13.

² Там же. – С. 14.

³ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске ... – С. 21; РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.

⁴ Вестник Приенисейского края. – 1916. – 17 июля. – С. 13.

⁵ Там же. – С. 14.

зом от Петроградского Еврейского комитета помощи жертвам войны (15 тыс. руб.)¹.

На эти средства для выселенцев организовали денежную, вещевую, продовольственную помощь (рис. 3.5).

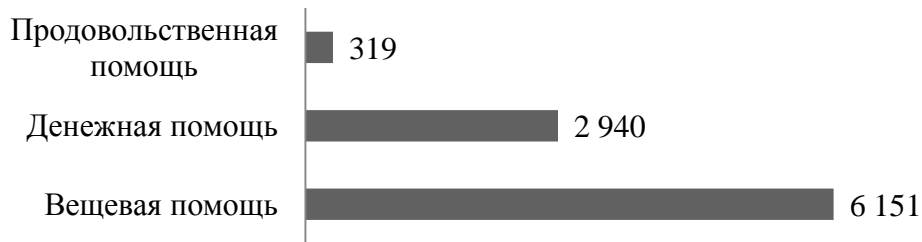

Рис. 3.5. – Структура видов помощи выселенцам-евреям и расходы на нее ХПЕОП (август – октябрь 1915 г.), руб.²

Теплая одежда и белье для выселенцев заготавливались хозяйственным способом. ХПЕОП закупало все необходимые материалы и сдавало их в работу, за счет чего достигалась сравнительная дешевизна. Часть одежды была сшита бесплатно некоторыми дамами-членами ЕОПЕ. Обратим внимание, что для того, чтобы обслужить тот или иной район Енисейского уезда, уполномоченным приходилось проехать от 900 до 2 000 верст с затратой времени от 19 до 30 суток. Ситуация осложнялась нехваткой людских и материальных ресурсов, распутицей. Поэтому в отдаленные и труднодоступные районы (Туруханский и Ангарский края) жизненно необходимые выселенцам теплые вещи пересылали по почте или передавали через частных лиц. В начале ноября 1915 г. в эти районы было

¹ Вестник Приенисейского края. – 1916. – 17 июля. – С. 15.

² Там же. – С. 15.

доставлено денежной и вещевой помощи на общую сумму 6 675 руб., выдано девяти освобожденным заложникам для выезда 275 руб.¹.

Наряду с этим, уполномоченные ЕОПЕ встречали каждую проходящую в Енисейск партию выселенцев и снабжали ее всем необходимым². Схожую работу проводило Красноярское общество помощи бедным евреям (КОПБЕ). Оно оказало помощь 75 высланным евреям, находившимся в пересыльной тюрьме: обеспечило их теплой одеждой на сумму 533 рубля; организовало доставку горячего питания два раза в неделю, расходуя на это от 10 до 12 руб.³.

При организации помощи существовали не только организационные и финансовые проблемы, но и морально-психологические. Так, ЕОПЕ не смотря на осознанную потребность, не организовало питательный пункт для выселенцев из «соображений морального свойства». Напомним, что действия общества распространялись только на евреев и его организаторы сочли безнравственным кормить евреев в отдельной комнате с некоторым уютом, в то время как выселенцы других национальностей должны получать питание в тюремном помещении⁴.

Практически безрезультатными оказались усилия общественников, направленные на то, чтобы добиться прекращения высылки в Енисейский уезд и выплаты казенного пособия лицам, высланным административным порядком⁵. Поскольку даже распоряжения иркутского генерал-губернатора о немедленной выдаче пособия выселенцам не исполнялись; в уезд продолжали прибывать новые партии выселенных с линии фронта и ближнего тыла⁶. Очевидно, что в результате административных выселений, большей частью необоснованных, формировались дискриминированные слои населения. А жизненная стратегия ос-

¹ Вестник Приенисейского края. 1916. 17 июля. С. 14; Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске ... – С. 29.

² Вестник Приенисейского края. – 1916. – 17 июля. – С. 14.

³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 50. Д. 4724. Л. 40.

⁴ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске ... – С. 30.

⁵ Вестник Приенисейского края. – 1916. – 17 июля. – С. 14.

⁶ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 49. Л. 5–5 об.

новной массы выселенцев на территории Восточной Сибири в годы Первой мировой войны была направлена на элементарное выживание.

Обобщения и выводы сведены к следующему.

1. В годы Первой мировой войны был выработан реальный практический и юридический опыт работы с беженцами. Но политические и общественные деятели испытывали затруднения в разграничении высылаемых по приказу («выселенцы») и тех, кто спасался от войны или погромов («беженцы»). Принадлежность к категории «беженец» давала право на социальное попечение, порядок которого определял ряд законоположений («Положение о Комитете ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных действий» от 14 сентября 1914 г., «Закон об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г., «Руководящие положения по устройству беженцев» от 2 марта 1916 г. Выселенцы же имели право на государственную помощь наравне с административными ссыльными.

2. Первоначально вопросы массовой миграции населения решались в рамках существующего законодательства силами действующих благотворительных организаций и административных органов. Помощь общественных организаций трансформировалась от стихийных форм, возникших после прибытия в губернии и области Восточной Сибири первых вынужденных переселенцев, до приобретения системного характера, когда миграционный поток приобрел качественно иной масштаб. Действуя в связке с правительственными органами, они реализовывали приоритетные задачи, обозначенные государством. Благодаря участию государства беженцы получили доступ к различным уровням действующей системы образования.

3. Неравнозначное отношение властей к различным этническим группам беженцев серьезно осложняло проблему интеграции последних, поскольку в иерархии «надежных» и «подозрительных национальностей» они занимали разные места. Евреи, выселенные с линии фронта и ближнего тыла в годы Первой мировой войны представляли собой экономически, социально, психологически и политически уязвимую группу населения. Насильственный и не правовой характер

самого выселения дополнялись физическими, материальными и нравственными лишениями, которые нередко усугублялись в результате организационных проблем и дополнительного произвола представителей власти. Отъезд выселенцев в труднодоступные местности Восточной Сибири сопровождался серьезными физическими лишениями. Кампания выселения не просто обрекала людей на резкое ухудшение материального положения, но многих буквально ставила на грань выживания. Положение семей усугублялось психологической драмой, так как большинство из них по воле государства оказались неполными.

4. Вынужденные покинуть родные дома, выселенцы оказались в новой обстановке без привычных средств к существованию. Они определялись на поселение в изолированные или экономически не развитые районы, что ограничивало возможности их трудоустройства и ставило в зависимость от общественной помощи. Условия проживания создавали проблемы с охраной здоровья, ограничивали частную жизнь и нарушали внутрисемейные отношения. Сообщества, принимающие выселенцев, не могли оказать им должной поддержки, так как большинство местных жителей сами входили в число наиболее уязвимых групп населения. Отсутствие согласованности в действиях государственных, общественных структур в этом вопросе, затрудняло оперативное и эффективное решение возникающих проблем. Однако, невзирая на трудности, с которыми была сопряжена работа местных общественных организаций с выселенцами, они оберегали выселенцев-евреев от физической деградации. В то же время феномен еврейского беженства способствовал активизации местной общественности и, в первую очередь еврейских общин. Они приспособливали свои организации к потребностям оказания помощи выселенцам (ИЕКПБ, ЕОПЕ, КОПБЕ) или создавали новые структуры (ХПЕОП). Существование, а тем более работа национальных благотворительных организаций обуславливалась наличием в той или иной местности хороших организаторов, принадлежащих к той или иной этнокультурной группе.

3.3. Тенденции развития форм и практик социальной помощи в Восточной Сибири (февраль 1917 – январь 1920 гг.)

3.3.1. Модификации системы помощи в период деятельности Временного правительства (февраль – октябрь 1917 г.) и Совета народных комиссаров (ноябрь 1917 г. – апрель 1918 г.)

Рассмотрим одну из ключевых и малоизученных проблем социальной истории – реализацию в чрезвычайных условиях войн и революций либерально-демократических представлений о социальном регулировании. Анализируется деятельность Временного правительства (февраль – октябрь 1917 г.) и Совета народных комиссаров (ноябрь 1917 г. – апрель 1918 г.) по реорганизации системы общественного призрения, деятельность Временного Сибирского правительства (июнь – ноябрь 1918 г.) и Российского правительства Верховного Правителя адмирала Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 г.) по организации необходимого уровня социальной защищенности как населения в целом, так и его отдельных социальных групп.

Социальная работа, общественное призрение как способы решения социальных проблем не считались в предреволюционный период важными, стратегическими¹. «Перед Временным правительством, – вспоминал А. Ф. Керенский, – стояло четыре наиболее важные задачи. Вот они в порядке очередности: 1) продолжить защиту страны; 2) воссоздать по всей стране действенный административный аппарат; 3) провести многие коренные политические и социальные реформы; 4) подготовиться к преобразованию России из крайне централизованного

¹ Еськов Г. С. Социальная направленность программных документов политических партий России в начале XX века // Российский журнал социальной работы. – 1996. – № 1. – С. 45–51; Павлова И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны... – С. 116.

в союзное государство»¹. Нельзя забывать, что правительство было «временным», призванным обеспечить созыв Учредительного собрания, и значительные силы были направлены на проработку правовой базы преобразований. И, одновременно, революция требовала выработки социальной политики нового уровня.

В условиях революционного напряжения 1917 г. Временное правительство России попыталось создать единую государственную систему социальной помощи: 16 марта был поставлен вопрос о создании структуры, объединяющей все благотворительные общества, утверждена Комиссия комиссаров по благотворительным учреждениям под председательством государственного контролера И. В. Годнева, которая 21 марта начала реорганизацию в варианте переподчинения благотворительных ведомств (комитетов), носивших раньше имена членов царской фамилии, министерствам. Верховный совет по призрению раненых и увечных воинов и семей лиц, призванных на войну, и Комитет великой княгини Марии Павловны по снабжению одеждою нижних чинов, увольняемых на родину из лечебных заведений, передавались в ведение Военного министерства. Романовский комитет для призрения сирот сельского населения, Попечительство о трудовой помощи – в ведение Министерства внутренних дел. Алексеевский Главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, Комитет имени генерал-адъютанта М. Д. Скобелева для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам – в ведение Министерства народного просвещения. Совет Императорского человеколюбивого общества упразднился с передачей функций канцелярии выборной комиссии из служащих. Сохранялось Всероссийское попечительство по охране материнства и младенчества, поскольку оно действовало, согласно уставу, как частная благотворительная организация. Переподчинения носили временный характер, и отражали отсутствие четкого плана в этой области.

Новая социальная политика разрабатывалась в рамках Министерства государственного призрения, созданного после апрельского кризиса Временного

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. – 1990. – № 12. – С. 132.

правительства 5 мая. Первым министром государственного призрения был назначен князь Д. И. Шаховской, а одним из его заместителей («товарищем министра») впервые в министерской истории России стала женщина – графиня С. В. Панина. На многих заседаниях Временного правительства она присутствовала в качестве представителя от Министерства государственного призрения. Именно Панина концентрировалась на работе по реконструкции системы социальной помощи царистской России¹. В подчинение нового министерства постепенно переводилась большая часть благотворительных ведомств.

Принципы работы социального министерства обнаруживаются в подготовленной к печати брошюре «Очерк теории призрения бедных (к образованию в России Министерства государственного призрения)» В. Д. Могульского. Система должна была строиться на децентрализации деятельности в области социальной помощи, при этом участие государства заключалась бы в выработке принципов и общем руководстве, а распределение финансов из центра на места – дополняющим, субсидиарным. Основное место отводилось мерам социальной профилактики через развитие ссудосберегательных касс, народных банков, потребительских обществ, страховых организаций и др.² Эти направления сферы социальной помощи соответствовали перспективным задачам Министерства государственного призрения в России, однако реальность войны требовала срочного реагирования в вариантах поддержки конкретных организаций и акций помощи.

Название министерства подчеркивало намерение перевода социальной ответственности от благотворительных структур государству. В делопроизводственных документах канцелярии Временного правительства наряду с названием министерства как государственного призрения фигурирует название: «Министерство социального обеспечения»³. Население же по-разному понимало роль и

¹ Lindenmeyr, A. "The First Woman in Russia": Countess Sofia Panina and Women's Political Participation in the Revolutions of 1917 // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. – 2016. – № 9. – P. 166.

² ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 6. Л. 8–11.

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 2. Л. 16, 28 об.

задачи нового ведомства, что нашло отражение в различных его наименованиях при обращениях с мест: «Министерство общественного призрения», «Министерство благотворительности», «Социальное министерство».

В докладе комиссии, образованной в августе Петроградской городской управой для разработки проекта «Положения об управлении общественным призрением г. Петрограда» под председательством товарища городского головы А. В. Луначарского, говорилось: «Демократическое мирозерцание не может допускать взгляда на помощь бедняку как на акт милосердия, а заставляет рассматривать ее как обязанность государства...»¹. Изменение социального строя, по мнению участников комиссии, поставило вопрос об организации общественного призрения на одно из первых мест в политике. Обязательное призрение отделялось от благотворительности, «которая совершенно свободна в своих проявлениях». Общественная же помощь «суживает круг своих задач, ограничивая их оказанием помощи только тем беднякам, которые не в состоянии собственными усилиями выбиться из постигшей их нужды и не могут решительно ни от кого в данный момент получить поддержки»². Помощь предусматривалась в размере «минимума необходимого» и ставилась в зависимость от причин, вызывавших бедность: причины случайного характера – «открытое» призрение (на дому); дети, калеки, старики – «закрытое» призрение (в специальных заведениях); «слабовольный, апатичный и в значительной мере склонный к преступности элемент, отказывающийся отстоять себя на рынке труда, бессильный вести самостоятельное трудовое существование», – принудительное призрение «с исправительным началом»³. Специальные отделения должны были заниматься инвалидами войны. В соответствии с социальными группами предполагалось создать при каждой районной думе отделения социального попечения, опиравшиеся на работу домовых комитетов. Участники петроградской комиссии считали важным реализовать идею государственного призрения в трехмиллионном Петрограде, чтобы

¹ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 2. Л. 78 об.

² Там же. Л. 78.

³ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 2. Л. 79.

опыт столицы затем проанализировать, обобщить и распространить на всю страну.

11 августа 1917 г. в Министерстве государственного призрения была образована организационная комиссия под председательством товарища министра В. Н. Половцева, которая к концу сентября выработала положение «О местных уполномоченных Министерства государственного призрения». В обязанности уполномоченных входили: деятельность по ликвидации и передаче учреждений в ведение министерства; временное заведование; содействие местным общественным управлениям и поддержка частной инициативы в организации социальной помощи; организация образцово-показательных учреждений общегосударственного характера; обследование района в отношении состояния дела социальной помощи; представление отчетов в министерство. Уполномоченные могли самостоятельно решать дела и распределять суммы по инструкции. Район, подведомственный уполномоченному, определялся для каждого случая в отдельности. При ликвидации организаций уполномоченный должен был собирать совещания работников¹. Эти решения закладывали основы системы порайонного социального обеспечения.

Особое значение для организации социальной помощи имело введение Временным правительством в дополнение к системе губернских и уездных земств волостных земских учреждений (21 мая 1917 г.), на которые также возлагалось «попечение о призрении бедных, устройство благотворительных заведений, приютов, богаделен, странноприимных домов и т. п.». Для решения этих задач волостные земства получили право облагать налогами недвижимые имущества и «устанавливать особые сборы». В положении о поселковом управлении (15 июля 1917 г.) также указывалось на обязанность этих управлений проводить мероприятия «по призрению бедных»². Изменения затронули и действовавшее Городовое положение. Компетенции самоуправлений были дополнены обязан-

¹ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 2. Л. 24–24 об.; Д. 6. Л. 2–2 об.

² Павлова И. П., Катцина Т. А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации... – С. 135.

ностью устройства попечительств о бедных. В качестве превентивных мер предполагалось устройство общественных работ, бирж труда, посреднических контор по поиску работы, благотворительных заведений, общественных мастерских и ночлежных домов¹. В действительности в городах и поселках появлялись дополнительно к органам самоуправления Комитеты общественной безопасности и подобные им организации. Это создавало сложные условия для поддержания и реорганизации социальной помощи, вопросы которой были на периферии общественно-политической активности².

Реальная помощь оказывалась решениями правительства по запросам экстренного характера на помощь «беднейшим жителям», пострадавших от пожаров, наводнений и половодий регионов (Барнаул, Кременчуг, Новороссийск). Категории населения, нуждавшиеся в организованной социальной помощи, в 1917 г. по терминологии того времени обозначались как «жертвы войны». К ним относились инвалиды и раненые, семьи призванных солдат, беспризорные дети. Одним из первых финансовых решений правительства было продолжение выдачи субсидий комитетам и организациям помощи жертвам войны из средств государственного казначейства. Под давлением солдат были приняты решения, увеличивавшие число категорий, которым должны были выдаваться пособия. Так, 5 апреля действие закона 25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» было распространено на сверхслужащих. 22 июня 1917 г. Временное правительство включило в систему помощи внебрачных жен, детей, матерей, братьев, сестер и приемных детей призванных солдат³. Количество выдаваемых пайков выросло к 1 сентября 1917 г. по сравнению с 1 мартом того же года в 1,37 раза, а ежемесячные суммы на продовольственное пособие – на 385,7 млн руб. (в 2,28 раза)⁴.

¹ Павлова И. П., Катцина Т. А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации... – С. 135.

² Там же.

³ Павлова И. П., Катцина Т. А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации... – С. 136.

⁴ Подсчитано по: Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах); Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики. – М., 1925. – 51.

Особого внимания требовали увечные и раненые воины. По предложению министра-председателя князя Г. Е. Львова от 12 марта было сохранено под председательством А. А. Веденяпина Особое совещание по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам («Комиссия Веденяпина»). 29 июня 1917 г. принято решение об учреждении Временного общегосударственного и местных комитетов помощи военно-увечным. В тех регионах, где еще отсутствовали земства и городские самоуправления, предлагалось организовывать комитеты помощи военноувечным из представителей местных общественных благотворительных организаций и местных союзов военноувечных. В комитетах инвалиды добивались восстановления и расширения прав на пособие: вместо пяти категорий инвалидности они предложили восемь. На второй сессии Комитета в сентябре 1917 г. министр государственного призрения И. Н. Ефремов говорил о создании органов «социальной инспекции» «не для контроля, а для координации действий». Объединяющую роль должен был играть Союз земств и городов, проводя законопроекты в жизнь. В рамках Министерства государственного призрения были разработаны «Желательные основания закона о помощи военноувечным», предложено ввести термин «воинские чины армии и флота», не разделявший военных на офицеров и нижних чинов. Государственная помощь по содержанию не менялась. Она выражалась в пенсионном обеспечении (до назначения суточных), лечении, снабжении протезами, обучении, единовременных пособиях, обеспечении платными занятиями, полном призрении¹.

Революционная эпоха дала импульс развитию собственных союзов инвалидов. На проходивший в Петрограде с 15 по 27 июня 1917 г. I Всероссийский съезд увечных воинов прислали своих делегатов 34 организации. Инвалиды, потерявшие свой единственный капитал – здоровье, заявляли о полном отсутствии внимания и заботы к своим нуждам, волоките при решении дел, несоответствии мизерной пенсии реальным потребностями и растущей дороговизне жизни. Они

¹ ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 35. Л. 29–30 об.

не намерены были, по их словам, отказываться от долгожданного за свои раны, «заслуженного своею кровью» удовлетворения своих неоплатных нужд¹.

Временное правительство (март – октябрь 1917 г.) разработало проект государственного обеспечения инвалидов, которое включало уже апробированные царским режимом виды помощи: материальную, лечебную, трудовую, социально-бытовую, правовую и др. Организация помощи возлагалась на органы местного самоуправления, а там, где они не были сформированы, – на временные комитеты помощи военно-увечным. 29 июня 1917 г. был принят указ об учреждении при Министерстве государственного призрения Временного общегосударственного комитета помощи военно-увечным. В состав этого органа вошли представители Всероссийского союза увечных воинов, Всероссийского земского и городского союзов, советов солдатских и рабочих депутатов, делегаты от государственного контроля и всех министерств, а также различных учреждений и обществ, оказывающих помощь жертвам войны (Главного военно-санитарного управления, Центрального врачебно-санитарного совета, Российского общества Красного Креста, Сибирского общества помощи жертвам войны, Кавказского общества помощи жертвам войны, Русского технического общества, Комитета военно-технической помощи)². Намечалось создание местных комитетов (городских, уездных, волостных).

Временное правительство активно занималось проблемами организации помощи детям (сиротам, беспризорникам); вынашивалась планы создания системы государственной заботы о детях. Был выработан проект «О государственном комитете по детскому призрению». 10–14 августа 1917 г. в Петрограде по инициативе Министерства государственного призрения состоялось Всероссийское совещание по вопросам организации социальной помощи детям. В нем приняли участие представители социальных заведений ряда губерний и городов, советов рабочих, благотворительных и просветительных организаций. На сове-

¹ ГАРФ. Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 8. Л. 65; .

² Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. – Пг., 1918. – С. 62–63.

щании была выдвинута идея создания социальной «детской» инспекции, которая должна была осуществлять надзор «за состоянием детской беспризорности и нужды», «извлекать» детей из «несоответствующих интересам индивидуума и общества условий существования», размещать их в учреждения социальной помощи, контролировала уровень гигиены, процессы воспитания и обучения детей¹.

В отношении беженцев политика Временного правительства концентрировалась на их трудоустройстве. Согласно «Правилам о мерах привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам» от 29 марта особые уездные комитеты должны были осуществлять посредничество между владельцами земли и артелями беженцев, содействие в поиске жилья, контроль за вознаграждением труда и т. п. Предполагалось организовать регистрацию беженцев, занимавшихся сельхозработами, обеспечение их медицинской, санитарной, юридической помощью, льготным проездом по железной дороге. Отношение к общественным организациям беженцев заключалось, как говорил Е. Г. Львов, «не в ликвидации, а в реорганизации», нацеленной на «тесное сближение между всеми организациями»², т. е. благотворительных обществ с новыми советами.

Аппаратные работники Министерства государственного призрения придерживались тактики передачи ответственных функций местным земским и городским организациям.

Слабость дореволюционной системы управления состояла в отсутствии мелкой земской единицы – волостного земства. Временное правительство 19 марта после упразднения должности земских начальников направило губернским комиссарам по телеграфу распоряжение образовать комитеты, которым временно поручались функции волостного земства. Эти комитеты могли создаваться на основе образованных для призрения воинских чинов в начале войны

¹ Мейер А. Сопещение по вопросам организации социальной помощи детям // Трудовая помощь. – 1917. – № 7. – С. 185.

² Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. – Пг., 1917. – С. 87, 381–383.

волостных попечительств по призрению нижних. Таким образом, сразу обозначалась связь местного управления с задачами социальной помощи¹.

21 мая 1917 г. было введено в действие «Временное положение о волостном земстве», в котором были записаны задачи волостного управления в социальной области: «попечение о призрении бедных, устройство благотворительных заведений, приютов, богаделен, странноприимных домов (совмещавших богадельню и больницу) и т. п., а равно и заведование сими заведениями». Волостному земскому собранию для этих целей предоставлено право налогообложения всех находившихся в пределах волости недвижимых имуществ, устанавливать особые сборы. В ходе городской реформы происходила демократизация выборной системы: вводилось всеобщее избирательное право, к выборам были допущены женщины, солдаты, выборы начали проводиться по партийным спискам².

Реорганизовались уже существовавшие земские единицы. Было изменено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 9 июня 1917 г. В обязанности земств входили традиционные задачи «заведования» земскими лечебными и благотворительными заведениями, призрение больных бедных, неизлечимо больных и умалишенных, а также «сирых и увечных», др.

Весной и летом 1917 г. в Сибири, на севере европейской части России и других регионах, где не было земств, создавались разнообразные организации самоуправления, их заменявшие: комитеты общественной безопасности, земельные и продовольственные комитеты, земства, народные собрания, на которых отрешались от власти представители старых структур и формировались новые органы, упразднялись институты крестьянских начальников, назначались комиссары³. На фоне сильного демократического нажима возникала своего рода соревновательность общественных структур и властей. Реальная власть на местах

¹ Павлова И. П., Павлов П. П. Органы местного самоуправления в период революции 1917 г. и проблемы организации социальной помощи ... – С. 231.

² Там же. – С. 231.

³ Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). – Томск, 2001. – С. 189-190; Дементьев А. П. Катцина Т. А. Социальная политика комитетов общественной безопасности и Советов в Енисейской губернии (март – май 1917 г.) ... – С. 34–35.

принадлежала коалиционным комитетам, быстро укреплявшимся Советам рабочих и солдатских депутатов, временным думам и прочим институтам, которые осуществляли управления городскими хозяйствами, в том числе и заведениями призрения. Но в условиях революции вопросы социальной помощи находились на периферии их деятельности. Исключением были вопросы помощи раненым и инвалидам, которые активно будировали солдатские депутаты¹.

С введением земств в губерниях и областях Сибири и других областях в июне-августе этим самоуправлениям также принадлежали дела по общественному призрению, устройство общественных работ.

29 июня 1917 г. при Министерстве государственного призрения был учрежден Временный общегосударственный комитет помощи военно-увечным, предусматривалось создание местных комитетов (городских, уездных, волостных)².

В Енисейской губернии Комитет общественной безопасности, поддержанный Временным правительством, инициировал проект помощи инвалидам через их самодеятельные объединения «при условии организации их в уездные союзы, с объединением таких союзов в губернское центральное бюро» с отделами: статистико-экономическим, медицинским с протезной мастерской, юридическим и пр. Предполагалось, что средства должно дать и государство, и земство, и общество. Была продолжена работа по социальной адаптации инвалидов. Так, Минусинский союз увечных воинов, организовавшийся во время революции, уже 15 июня 1917 г. устроил для своих подопечных краткосрочные курсы секретарей и делопроизводителей, что соответствовало запросам времени в связи с введением волостного земства и реформой сельских управлений. Но работа по налаживанию трудовой помощи осложнялась «твердым убеждением» большинства сельских жителей в том, что «получение каких-либо знаний и умений инвалида-

¹ Павлова И. П., Павлов П. П. Органы местного самоуправления в период революции 1917 г. и проблемы организации социальной помощи ... – С. 136.

² Павлова И. П., Катцина Т. А. Право на помощь: разработка законодательства о социальной политике в период деятельности Временного правительства (март – октябрь 1917 г.) // История государства и права ... – С. 55.

ми и поступление их на службу даже в частные учреждения лишит их пенсии». По этому вопросу с населением проводилась разъяснительная работа¹.

Политика делегирования полномочий не принесла желаемого результата. Сказалась неготовность земского аппарата, только что созданного в Сибири самостоятельно решать социальные проблемы. Население же новации воспринимало с недоверием.

Главную проблему для налаживания социальной помощи создавал процесс разрушения прежних систем финансирования, которые сочетали в себе государственные ассигнования, перечисления процентов с неприкосновенных капиталов и имуществ, благотворительные капиталы и др. Сложную финансовую картину дополняло разрушение каналов поступлений денег: крестьяне отказывались платить деньги за аренду земли, а эти средства являлись доходными для содержания инвалидов.

Внутри Министерства государственного призрения в течение всего периода его существования шли споры по организационным вопросам. За небольшой (почти шестимесячный) срок было разработано несколько проектов ведомственной организационной структуры. Один из планов включил в министерский аппарат так называемые центральные управления: общих дел, по делам общего призрения, по делам специального призрения, борьбы с нищенством и бродяжничеством, по делам помощи инвалидам, финансово-распорядительное. Летом при министерстве формировалось управление по делам детского призрения с отделами охраны материнства и младенчества, призрения малолетних детей, средних учебно-воспитательных заведений. Кроме того, были управления: по делам общего призрения с отделами призрения бедных, призрения престарелых, призрения слепых и глухонемых, призрения хроников и увечных; хозяйственное управление с отделами хозяйственным, финансовым, технико-строительным;

¹ Сибирская деревня. – 1917. – 9 июля. – С. 11, 12, 15;

при каждом управлении должны были создаваться особые советы во главе с товарищем министра¹.

Ведомственная работа осложнялась постоянными пертурбациями, происходившими из-за неопределенности функций, слабой координации действий подразделений. Это сопровождалось снижением трудовой дисциплины, исполнительности и порядка в учреждениях. Приказ по Министерству государственного призрения от 16 мая 1917 г. предписывал всем служащим являться на работу «не позднее одиннадцати часов утра и оставлять оную не ранее пяти часов полудни». В августе эти же требования были вновь повторены. В подразделениях на местах возникали кризисные ситуации. Комиссар Временного правительства от министерства призрения по Москве телеграфировал 13 июня в Петроград, что служащие нижнего звена объявили забастовку во всех попечительских учреждениях и он вынужденно объявил о сложении своих обязанностей². В структуре самого министерства зрело недовольство, а в октябре начались беспорядки. В материалах Особого совещания Министерства государственного призрения за октябрь отражена катастрофическая ситуация в подведомственных министерству учреждениях: бастовали служащие, не работало отопление.

Неустойчивость в работе Временного правительства и непредсказуемость революционного процесса, сказались на частой смене руководства. Так, за неполные полгода сменилось три министра государственного призрения: Д.И. Шаховский (с 05 мая по 02 июля), И.Н. Ефремов (с 24 июля по 26 августа), Н.М. Кишкин (с 25 сентября по 25 октября (7 ноября)). Вскоре наметился постепенный переход от централизованного управления работой на местах к общему руководству, передаче учреждений в ведение местных органов власти³.

Ухудшение социально-экономической обстановки и вызванная им поляризация общественных сил сорвали правительственную программу социального

¹ Павлова И. П., Катцина Т. А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации... – С. 136.

² ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 13.

³ Катцина Т. А. Социальное попечение в первой четверти XX в. (на материалах Енисейской губернии) ... С. 264–265

сотрудничества, что, вероятно, и предопределило крушение самого Временного правительства.

После прихода большевиков к власти сфера социальной помощи была объявлена прерогативой государства, которому требовалось «сломать все старое» и на его место поставить обеспечение нетрудоспособных и неимущих на социалистических началах.

В ходе формирования социалистического государства поиск требуемой для России модели системы социальной помощи был продолжен. Социально-экономические преобразования большевиков шли по линии ускорения под влиянием революционного нетерпения и экстремизма, во многом диктовались складывающейся обстановкой, на основе чего формировалась своеобразная идеология «военного коммунизма».

Первые годы Советской власти ознаменовались рядом декретов и сопутствующих им циркуляров относительно построения системы органов социального обеспечения и их работы в центре и на местах. 29 октября (11 ноября) 1917 г., т. е. на шестой день после победы вооруженного восстания, глава Совнаркома В.И. Ленин подписал постановление о создании Народного комиссариата государственного призрения (НКГП). 30 октября (12 ноября) 1917 г. после беседы с А. М. Коллонтай В. И. Ленин вручил ей подписанное на бланке Петроградского Временного революционного комитета удостоверение «Республиканское правительство Совета народных комиссаров уполномочивает т. А. М. Коллонтай народным комиссаром общественного призрения» Коллонтай стала первой женщиной в советском правительстве¹.

Что касается «жертв империалистической войны» и «инвалидов-красноармейцев», то первоначально новое законодательство защищало их права и интересы. Так, 3 декабря 1917 г. народный комиссар государственного призрения А. М. Коллонтай подписала приказ об упразднении благотворительных уч-

¹ Долидович О. М., Катцина Т. А. Становление системы социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в советской России (12 ноября 1917 г. – 11 марта 1918 г.) ... – С. 257.

реждений и обществ помощи увечным инвалидам и о передаче их дел и денежных средств Временному общегосударственному комитету помощи военно-увечным для распределения финансов по местным отделениям комитета¹, 17 декабря вышел декрет «О выдаче процентных добавок к пенсиям». Московский союз военно-увечных был наделен чрезвычайными полномочиями требовать от всех представителей власти, учреждений, организаций города, представителей продовольственных, финансовых, транспортных, учебных и технических учреждений исполнять все требования союза. Однако правительство большевиков отдавало себе отчет в том, что теми малыми ресурсами, которые были в их распоряжении, не удастся решить все проблемы бывших участников войны, и что, такое скопление вооруженных и озлобленных солдат в Москве и Петрограде угрожает самому существованию новой власти. Поэтому курс СНК довольно быстро изменился, целью стало упразднение солдатских комитетов помощи военно-увечным, которые действовали очень сплоченно и организованно. Декрет СНК от 23 декабря 1917 г. «Об упразднении комитетов помощи военно-увечным и передаче дела помощи увечным воинам и их семьям Всероссийскому союзу увечных воинов» фактически означал ликвидацию всех организаций Общегосударственного комитета помощи военно-увечным. Позднее рядом приказов комиссара государственного призрения А.М. Коллонтай были ликвидированы Общегосударственный и Петроградский комитеты помощи военно-увечным, занявшие антисоветскую позицию².

Важным направлением деятельности народного комиссариата государственного призрения А.М. Коллонтай считала защиту детства и материнства. В работах «Социальные основы женского вопроса» (1909 г.) и «Общество и материнство» (1916 г.) она обосновывала необходимость государственного страхования материнства, создания бесплатных государственных детских садов и яслей.

¹ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 151. Л. 1 об.

² ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 151. Л. 1–1 об.; Ленинские декреты о социальном обеспечении / сост. М. Л. Захаров, В. В. Караваев, А. Н. Колесников, Я. М. Фогель; отв. ред. В. П. Барыбин. – М., 1972. – С. 176; Kattsina T. A., Mezit L. E. The Development of Government and Public Assistance for Disabled Veterans in 1914–1921 (Evidence from Yenissey'skaya Province in Russia) ... – P. 453–454.

Она считала приоритетными два направления в работе наркомата: организацию и реорганизацию тех учреждений, которые облегчали бы матерям тяготы материнства, а также борьбу с высокой детской смертностью. В ведение НКГП перешли все ясли, консультации и приюты для детей, основанные до революции многочисленными благотворительными обществами. Каждая новая область обеспечения, вливавшаяся в функциональную работу НКГП или вновь организуемая, отражалась в строении аппарата наркомата в виде образования нового отдела или особой коллегии. Так, например, 31 декабря 1917 г., в связи с ликвидацией Всероссийского попечительства по охране материнства и перехода в ведение комиссариата государственного призрения этой отрасли работы, организуется коллегия в составе шести человек, а при главном управлении комиссариата – особый отдел по охране материнства и младенчества.

В январе 1918 г. в рамках наркомата были организованы Коллегия призрения несовершеннолетних, Комиссия попечения о малолетних и несовершеннолетних заключенных. «Тогда же, – вспоминала Коллонтай, – Наркоматом госпризрения организованы были первые детские дома не приютского типа, распределители для детей и для нетрудоспособных; приступлено было к реорганизации положения дефективных детей; образована комиссия с доктором Артемовским во главе по организации санаторий во всероссийском масштабе (санатории тоже находились тогда в ведении Госпризрения); издан декрет о преобразовании родильных приютов...»¹.

К середине февраля 1918 г. в рамках НКГП работало уже 10 отделов: канцелярия с секретариатом и регистратурой; отделы хозяйственный, охраны младенчества и материнства, пенсий и пособий, социального обеспечения несовершеннолетних с подотделами социальной помощи нормальным детям и дефективным, социального обеспечения инвалидов и вдов, лечебный (санатории, курорты, лечебные заведения), финансовый, бюро печати и отдел контроля. Исто-

¹ Цит. по: Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. – январь 1918 г.: монография. – М.; – Л., 1966. – С. 237–238.

рик М. М. Сухоруков подчеркивает, что функции народного комиссариата государственного призрения менялись буквально ежемесячно в сторону их расширения, что привело к громоздкой управленческой структуре, включавшей в себя «18 самостоятельных отделов и 10 других обособленных структурных элементов, таких как канцелярии, комиссии, бюро и т. д.»¹.

Обесценивание денег, необеспеченность товарной массы деньгами, влекли за собой замену денежных выплат натуральными выдачами, доходы с лотерей не контролировались и расхищались. Так, в середине марта 1918 г. отдел Первой Всероссийской лотереи Центрального Комитета Всероссийского Союза увечных воинов выявил недостачу 401 лотерейного билета, так как все решения правления о лотерее выходили с большими замедлениями, из-за чего «верный доход от лотереи получил убыток около 7 млн руб.»² Летом—осенью 1918 г. последовал ряд распоряжений по министерству, направленных на пресечение случаев опоздания сотрудников на работу, прогулов, разговоров «целыми группами в то время, которое должно быть занято деловой работой», недобросовестное ведение дел. Служащим это грозило немедленным увольнением (о его причинах сразу сообщалось в профсоюз), привлечением к ответственности за упущения на службе³.

19 марта 1918 г. А. М. Коллонтай была освобождена от обязанностей народного комиссара государственного призрения. Месяц спустя, 26 апреля 1918 г., вышел декрет о переименовании Народного комиссариата государственного призрения в Комиссариат социального обеспечения. Переименование объяснялось тем, что прежнее название не соответствовало социалистическому пониманию задач социального обеспечения, являлось пережитком дореволюционного понимания социальной помощи, прежде всего как милостыни и благотворительности.

В течение 1918 г. были упразднены следующие дореволюционные структуры, ориентированные на поддержку инвалидов войны и членов их семей:

¹ Сухоруков М. М. Модели социальной деятельности России в переходный период (февраль 1917–1921 гг.) ... – С. 210.

² ГАРФ. Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 6. Л. 19, 19 об.

³ ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Л. 64, 78, 204, 204 об.; Ф. 6787. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Александровский комитет о раненых, Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне нижним чинам армии и флота и их семьям, Скобелевский комитет. В соответствии с декретом Совета народных комиссаров от 26 апреля 1918 г. Народный комиссариат государственного призрения был переименован в Народный комиссариат социального обеспечения, органами которого на местах становились губернские и уездные отделы социального обеспечения.

Спустя год после провозглашения советской власти «Положение о социальном обеспечении трудящихся» (принято 31 октября 1918 г.) декретировало распространение социального обеспечения на всех без исключения трудящихся, источником существования которых являлся собственный труд, независимо от того, работали они по найму или самостоятельно.

Основной организационной формой обеспечения нетрудоспособных становится не социальное страхование, а социальное обеспечение. Устанавливались следующие виды социального обеспечения: врачебная помощь, денежные пособия и пенсии, помощь натурой. Источниками финансовых средств утверждались взносы предприятий и учреждений всех форм собственности, в том числе национализированных; взносы отдельных работодателей, а также ремесленников, сельских хозяев и т. п.; доходы с имущества и капитала учреждений социального обеспечения¹.

Март 1918 г. отмечен в Восточной Сибири организацией отделов призрения при губернском и уездных советах солдатский, рабочих и крестьянских депутатов. Отделам призрения предписывалось немедленно взять в свое ведение все имеющиеся социальные учреждения и привести их в надлежащее состояние.

¹ Ленинские декреты о социальном обеспечении / сост. М. Л. Захаров, В. В. Караваев, А. Н. Колесников, Я. М. Фогель; отв. ред. В. П. Барыбин. – М., 1972. – С. 22–26.

3.3.2. Социальные ориентиры Временного Сибирского правительства (июнь – ноябрь 1918 г.) и Российского правительства Верховного Правителя адмирала Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 г.)

С лета 1918 г. (падение советской власти на востоке страны) разработкой социального законодательства на региональном уровне занимались Временное Сибирское правительство (июнь – ноябрь 1918 г.) и Временное Российское правительство Верховного правителя адмирала Колчака (18 ноября 1918 – декабрь 1919 г.). Опираясь на демократические основы социального законодательства Временного правительства (март – октябрь 1917 г.), опыт социального призрения в годы Первой мировой войны, Временное Сибирское правительство в целях оперативного разрешения встававших проблем учредило отдел призрения при Министерстве внутренних дел, восстановило в регионе городские думы, земские управы. Деятельность государственных учреждений и общественных организаций стремились адаптировать к новым условиям.

В сентябре 1918 г. административный совет Временного Сибирского правительства утвердил Положение, согласно которому восстанавливались пенсионные отчисления из зарплат служащих центральных правительственных учреждений. 14, 24 и 25 октября 1918 г. был принят ряд Положений о размере и порядке выдачи продовольственного пособия семьям солдат, призванных по мобилизации или досрочно на военную службу по указу Временного Сибирского правительства 31 июля 1918 г.

При определении прав и порядка назначения мер социальной поддержки семьям мобилизованных исходным документом послужил закон «О призрении нижних воинских чинов и их семей» от 25 июня 1912 г. В прежних нормах сохранился продовольственный паек, распространяемый на семьи призванных по мобилизации до 1 января 1918 г. Был снижен с 17 до 14 лет трудоспособный возраст, по достижении которого детям, сестрам и братьям мобилизованного государственная помощь прекращалась. Семьям солдат, досрочно призванных по

Указу от 31 июля 1918 г., независимо от численного состава, ежемесячное пособие определялось в размере 100 руб. Во всех случаях казенным пособием могли пользоваться семьи только материально не обеспеченные и не имеющие возможности прожить на заработок или доход с имуществ и капиталов¹. Новый срок начисления пенсий и пособий начинался с 1 октября 1918 г. Выплаты, не выданные по каким-либо основаниям за прежнее время, уплате не подлежали. Для непосредственного заведования делом призрения учреждались особые Попечительные советы: губернские – при губернском комиссаре, уездные, городские, волостные – при соответствующих управах².

Из-за дефицита средств и большой инфляции, политической нестабильности, поставленные цели в области социальной помощи не всегда достигались. Так, Красноярский городской попечительный совет, приступив к реализации изданных постановлений в отношении семей военнослужащих, столкнулся с тем, что прежние регистрационные книги выдачи пенсий, пособий либо были утеряны, либо находились в ненадлежащем состоянии. Новые регистрационные листы, утвержденные правительством, не успевали печатать, заполнение их требовало квалификации, все это задерживало своевременное назначение пособий нуждающимся. Другая проблема состояла в том, что сократился состав Попечительного совета (кто-то покинул регион, отказался работать без оплаты из-за стесненности материального положения, был перегружен служебными делами). Решено было к обследованию заявителей привлечь членов благотворительных организаций города. Но многие оказались не способными к данной деятельности либо вообще отказались в ней участвовать³.

Часто в соседних, схожих по экономическим условиям и составу населения уездам число получателей продовольственного пособия различалось в 5–10 раз, так как в одном уезде пособие назначалось только малообеспеченным семьям, а в соседнем – «чуть ли не всем солдатским семьям поголовно»⁴. Следовательно,

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 889. Л. 39.

² Там же. Л. 39 об.

³ ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 890. Л. 36 об.

⁴ ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 889. Л. 109.

при назначении мер социальной поддержки применяли разные критерии, что ставило заявителей, формально находящихся в одинаковом правовом положении, в неравные условия.

Общая хозяйственная разруха спровоцировала массовый поток беженцев в Сибирь из западных областей страны. Если к 1 февраля 1917 г. число беженцев в Енисейской губернии, зарегистрированных организациями, оказывающими им помощь, составило 10 769 человек¹, то в августе 1918 г. требовалось принять 30 тыс. беженцев². Согласно циркуляру Временного Сибирского правительства от 8 августа 1918 г. право на пищевое, квартирное довольствие, снабжение бельем, одеждой и мылом распространялось только на нетрудоспособные семьи и круглых сирот до 14 лет. Поскольку норма продовольственного пайка беженцам не была указана, на местах ее рассчитывали применительно к пайку солдатским семьям. В Красноярске в конце августа 1918 г. сумма казенного пайка составила 19 руб. 60 коп., квартирного пособия – 4 руб., банно-прачечного – 1 руб. в месяц на человека³. Несмотря на то, что Совет министров по постановлению Министра финансов от 2 августа 1918 г. утвердил выдачу аванса 64 млн руб. на содержание беженцев в августе–сентябре 1918 г.⁴, правительство не имело «возможности оказать беженцам поддержку в размере, соответствующем их нужде»⁵, даже несмотря на то, что Циркуляр Министерства внутренних дел от 5 октября 1918 г. определил норму продовольственного пособия для беженца в размере 45 руб. в месяц, установил для 7–14-летних детей ежемесячное казенное пособие (8 руб.) на оплату обучения в средних учебных заведениях⁶.

Забота о беженцах поручалась Переселенческому управлению Министерства земледелия и колонизации, земствам и городским думам⁷. Все беженские организации, исключая национальные, обязывались немедленно передать свои

¹ Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. [Аба – Жуя] / под ред. А.К. Азадовского ... – С. 263.

² ГАКК. Ф. 817. Оп. 1. Д. 57. Л. 11 об.

³ ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 100. Л. 6 об.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 13.

⁵ ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 98. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 73.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 26. Л. 2.

дела, имущество и капиталы городским и земским управам и только там, где земские учреждения еще не функционировали, временно продолжать свою работу¹. Уездным и волостным управам разъяснялось, что масса беженцев едет в Сибирь не на постоянное место жительства, а в поисках уголка, где «можно спасти свою жизнь, детей и близких, пережить ужасное время»². 25 октября 1918 г. в Красноярске прошло объединенное совещание губернской земской управы и Красноярской городской думы по устройству и распределению беженцев запада. Было решено создать общий план всех зданий и помещений для организованного занятия их под нужды беженцев, срочно организовать столовую с выпечкой хлеба количеством на 200 человек, наладить обследование, регистрацию, распределение и медицинское обслуживание беженцев, прибывающих на станцию Красноярск³. При этом неотложной государственной задачей признавалась разгрузка от беженцев городов, прилегающих к железнодорожным линиям. Правительство объявило беженцам, что «не выселенные или добровольно не выехавшие из этих городов, лишены будут всякого вида продовольственной помощи»⁴. Переселение в сельские районы еще больше ограничило этот контингент, особенно его интеллигентную часть, в трудоустройстве, поставило в зависимость от гуманитарной помощи. В деревнях некоторые крестьяне выдворяли беженцев из квартир, предоставленных ранее, а земства облагали налогами, которые беженцы, разумеется, платить не могли в силу собственной несостоятельности⁵.

Из-за отсутствия государственной финансовой поддержки большинство ранее действовавших комитетов, обществ прекратили свое существование. В Иркутской губернии союзы увечных воинов в августе 1918 г. оценивали свое финансовое положение как тяжелое, в октябре – как критическое, а в ноябре заявили о прекращении своей деятельности. На грани закрытия оказался единст-

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 98. Л. 13 об.

² ГАКК. Ф. 817. Оп. 1. Д. 113. Л. 7.

³ ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 35. Л. 98–99 об.

⁴ ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 98. Л. 13, 13 об.

⁵ ГАКК. Ф. 817. Оп. 1. Д. 41. Л. 19.

венный в губернии инвалидный дом «из-за крайне тяжелого положения и невыясненности отношения к учреждению со стороны правительства»; средств «случайных пожертвований и кружечного сбора» было недостаточно¹.

Социальная политика Российского правительства Верховного правителя адмирала Колчака отличалась от политики Временного Сибирского правительства прежде всего тем, что приоритетная помощь все больше оказывалась военнослужащим, сражающимся с большевизмом, и членам их семей, другим категориям – по остаточному принципу. Из-за ограниченности средств и увеличения числа лиц, нуждающихся в помощи, осуществлялась централизация управления социальной сферой.

Окончание Первой мировой войны (11 ноября 1918 г.) актуализировало вопрос о возвращении на родину русских офицеров и солдат, находившихся в плену в Германии и Австро-Венгрии. Созванное 10 декабря 1918 г. при Министерстве внутренних дел межведомственное совещание для обсуждения плана помощи бывшим русским военнопленным при возвращении на родину пришло к заключению, что перевозка пленных по железным дорогам лежит на обязанности Военного ведомства, от железнодорожных станций до места жительства пленных – на Министерстве внутренних дел. Большая роль в организации перевозок отводилась земским учреждениям. Планировалось обратиться к населению с воззванием о сборе теплых вещей для военнопленных, а для более охотного его участия «привлекать к платной перевозке те дворяне, которые имеют родственников в плену и заинтересованы в благополучном возвращении их домой»².

Из отчета Енисейского губернского комитета по оказанию помощи русским военнопленным следует, что с 1 февраля по 1 апреля 1919 г. через станцию Красноярск и далее на восток проследовали 5 335 человек, в том числе больных 51. Средства на их поддержку поступили от Главного управления Российского общества Красного Креста (35 тыс. руб.), пожертвований (от Комиссии судебного ведомства по оказанию помощи беженцам, приходских попечительных сове-

¹ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 55. Л. 11, 12, 22 об., 24, 30.

² ГАКК. Ф. 904. Оп.1. Д. 24. Л. 9 об., 10.

тов, начальника административного отдела Красноярского военного района, дохода от благотворительного вечера) на сумму более 46 тыс. руб.¹

С 1 декабря 1918 г. правительство начало выделять земствам и городам небольшие субсидии на содержание социальных учреждений «ввиду их безвыходного положения»². Но уже 24 февраля 1919 г. Совет Министров постановил признать содержание за счет государства лишь сирот воинов, а остальные категории обеспечивать на местные средства. Для отдела призрения Енисейского губернского управления это означало закрыть богадельню на 35 человек, шесть детских приютов с 269 воспитанниками, из которых 156 человек не относились к приоритетной категории³. Выживать учреждениям помогали благотворители. Так, красноярский домовладелец П. М. Дегтярев пожертвовал по 2 тыс. руб. Владимирскому и Синельниковскому детским приютам⁴, Иркутское китайское национальное общество – 40 тыс. руб. «бедным детям-сиротам»⁵.

Согласно Временному положению о призрении беженцев от 4 июля 1919 г. сохранены были все прежние виды казенных пособий (продовольственное, на одежду, квартирное, лечебное, транспортное). Призрению подлежали неимущие дети до 14 лет, больные (утратившие трудоспособность более чем на 50 %), мужчины и женщины, достигшие соответственно 55 и 50 лет, женщины перед родами или в послеродовом периоде при наличии детей до пятилетнего возраста.

Несмотря на то, что размер продовольственного пособия для беженца по сравнению с нормами, действующими с 6 мая 1917 г., был увеличен более чем в пять раз, он считался недостаточным для поддержания элементарного существования, оказался на 52,6 % ниже аналогичного пособия для солдатской семьи⁶. Пособие детям на оплату обучения было почти в 19 раз меньше реальной платы. В Красноярске из общего числа 575 детей, имеющих право на казенное пособие,

¹ Енисейский Вестник. – 1919. – 4 (17) апреля. – С. 3.

² ГАРФ. Ф. Р-144. Оп. 5. Д. 66. Л. 4; Ф. Р-149. Оп.1. Д. 10, Л. 8; Д. 55. Л. 34; ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 70а, Л. 80 об., 81.

³ ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 70а, Л. 81.

⁴ Енисейский Вестник. – 1919. – 7 (20) февраля. – С. 3.

⁵ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 118. Л. 37.

⁶ ГАКК. Ф. 817. Оп. 1. Д. 41, Л. 37 об.; Ф. 892. Оп. 1. Д. 1. Л. 243.

его получали только 310 человек. Недостающую сумму оплачивал Дамский благотворительный комитет помощи беженцам¹. Согласно делопроизводственным документам Красноярского городского комитета по делам беженцев, на его попечении к 1 июля 1919 г. находилось 5 586 человек. Из этого числа государственную поддержку получало 711 человек, включая круглых сирот в возрасте до 14 лет – 54, детей до 14 лет, имеющих нетрудоспособных родителей – 11, детей до 14 лет, состоящих не менее четырех в семье – 38, детей до 14 лет, состоящих не менее трех в семье при одном работнике, – 472, нетрудоспособных семей – 136. На средства Комитета содержалось четыре общежития, где разместились 580 беженцев. Хотя Министерство внутренних дел предписывало отдавать приоритет беженцам, прибывающим из Поволжского района, бежавшим от большевиков, члены Комитета старались сохранить жилые места за прибывшими с 1915 г. «ввиду их бедственного положения»².

«Положение о призрении увечных воинов и их семей» (май 1919 г.) обозначило следующие меры и формы государственной социальной поддержки: пенсии и пособия; содержание нетрудоспособных в учреждениях общественного призрения, на курортах и санаториях; организация учебных мастерских для увечных, желающих обучиться ремеслу или приобрести прикладные знания; содержание (бесплатное) детей в учреждениях общественного призрения. К пенсии военно-увечным вводилась надбавка на содержание детей и временная 100%-я надбавка на дороговизну жизни³.

Ряд мероприятий был направлен на улучшение материального положения воинов и их семей. На заседании государственного экономического совещания 24 июля 1919 г. военный министр барон А. П. Будберг сообщал об увеличении окладов чинам боевого фронта. Для офицеров и солдат вводились равные надбавки: специальная боевая (25 %), внеочередная (25 %), на дороговизну (35 %). Выплаты первой надбавки начались с 1 июня, второй – с 1 марта 1919 г. Пенсии

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 98. Л. 73.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. 3850. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

инвалидам – солдатам обязательной службы и их семьям рассчитывали в соответствии с существующими законами о призрении, но в сравнении с прежними ставками ежемесячные выплаты увеличились с 8 до 187 руб. 50 коп. Для инвалидов, пострадавших в борьбе с советской властью, были введены пенсионные ставки в зависимости от потери трудоспособности. «Временные правила о пенсиях лицам, пострадавшим в борьбе с советской властью, и их семьям» от 1 марта 1919 г. разъясняли, что семья погибшего в борьбе с большевизмом должна получать то основное содержание, которое имел глава семьи, плюс квартирное пособие и прибавку на дороговизну жизни. Семьям солдат-добровольцев назначались пенсии не менее 300 руб. в месяц. Принимались срочные меры по возвращению семьям военнослужащих квартир военного ведомства, захваченных во время революции разными ведомствами и лицами. В наиболее крупных населенных пунктах планировалось учредить амбулатории для приема семей военнослужащих¹. В состав продовольственного пособия, выдаваемого солдатским семьям, был добавлен картофель (20 фунтов), а норма муки понижена на 28 фунтов. Согласно Инструкции Министерства внутренних дел от 27 ноября 1919 г. стоимость продовольственного пособия, принятая в расчете на содержание одного человека, составила 85 руб. 50 коп.²

Беженцы и бывшие военнопленные серьезно осложнили эпидемиологическую ситуацию в регионе. Постановлением Верховного правителя была создана межведомственная санитарно-эпидемиологическая комиссия, объединившая средства, кадры полевых военно-санитарных инспекций, санитарно-эпидемиологических частей³.

В связи с увеличением потока раненых в июне 1919 г. правительство объединило средства Временного главного управления Российского общества Красного Креста, эвакуационных учреждений, экономического общества офицеров⁴.

¹ Енисейский Вестник. – 1919. – 12 (30) августа. – С. 3.

² ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 23. Л. 2; ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 98. Л. 72 об.

³ ГА РФ. Ф. 3850. Оп. 1. Д. 12. Л. 84.

⁴ Там же.

С 1919 г. вопросы о беженцах полностью стали заботой Российского общества Красного Креста.

Придерживаясь принципа «преемственности в праве», Временное Российское правительство Верховного правителя адмирала Колчака не отменило законодательные акты, принятые Временным Сибирским правительством, а попыталось их углубить и развить. Так, существенно упорядочено было «Положение о выплате пособий семьям военнослужащих»; для раненых военнослужащих предусматривалось санаторно-курортное лечение в сибирских здравницах¹; в развитие Постановления о пенсиях вдовам и сиротам рядовых бойцов была разработана «Инструкция о назначении пособий родителям убитых на войне или умерших в связи с прохождением службы солдат и о призрении беспризорных сирот их»².

Правительство поддерживало благотворительную деятельность частных лиц, общественных организаций, сохранившихся несмотря ни на что. В Минусинске, Ачинске, Красноярске и других сибирских городах с весны 1919 г. начали создаваться так называемые Комитеты помощи армии. Данные организации позиционировали себя как непосредственные помощники нового правительства: «Комитет помощи армии является той общественной организацией, которая, привлекая в свои ряды всех честных и болеющих душой за родину граждан, поможет правительству обеспечить армию всем необходимым»³. Работа организаций планировалась при непосредственном контакте с местными предприятиями и кооперативами. Так, в Красноярске 28 сентября 1919 г. на общем собрании Объединенного губернского комитета помощи армии присутствовали представители от 21 организации, в том числе церковно-приходских комитетов, дамского комитета Красного Креста, дамского комитета торгово-промышленного класса⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 3850. Оп. 1. Д. 12. Л. 96–97.

² ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 889. Л. 125–126 об.

³ Народный вестник. – 1919. – 21 (8) июля. – С. 3.

⁴ Енисейский Вестник. – 1919. – 12 (30) августа. – С. 3.

Активно работали в Красноярске Дамский городской комитет помощи беженцам, Польский военный союз (поддерживал увечных воинов поляков), Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны¹.

Распространенной формой благотворительности в этот период являлись специальные вечера, концерты, сборы от которых шли в фонд нуждающихся². Участниками благотворительных акций становились сочувствующие режиму или отдельным социально уязвимым группам населения. Например, представители торгово-промышленных кругов, купеческих обществ жертвовали для больных и раненых воинов³, учащиеся иркутских женских гимназий – училищу слепых, малообеспеченным ученикам, раненым воинам⁴, Енисейский губернский союз кооперативов – беженцам⁵.

За сравнительно короткий период благотворительные мероприятия приобрели относительно устойчивый характер. Для крупных промышленников, коммерсантов они стали «добровольно-принудительными». Была усилена централизация общественных благотворительных организаций, упразднен Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, при Верховном правителе создан Центральный комитет общественных организаций. Большинство местных санитарных, медицинских учреждений было передано Временному главному управлению Российского общества Красного Креста, в ведении которого находились до его самоликвидации 30 января 1920 г.

1 апреля 1919 г. Совет министров утвердил Положение о Сибирском военно-благотворительном комитете имени Верховного правителя адмирала Колчака (прил.7). Именные благотворительные комитеты и общества соответствовали религиозным идеалам русского народа, общей идее сакрализации режима. Именной комитет, созданный по инициативе А. В. Колчака и функционирующий

¹ ГАРФ. Ф. 7555. Оп.1. Д. 1. Л. 144.

² ГАРФ. Ф. 149. Оп. 3. Д. 14. Л. 6; ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 118. Л. 35, 36.

³ Енисейский Вестник. – 1919. – 7 (20) февраля. – С. 3.

⁴ ГАИО. Ф. Р-2. Оп.1. Д. 118. Л. 35, 36.

⁵ Енисейский Вестник. –1919. – 9 (22) февраля. – С. 2.

под его руководством, призван был содействовать обеспечению лиц, утративших в борьбе с большевиками сполна или частично трудоспособность во время пребывания в действующей армии, оказывать поддержку их семьям¹.

В состав Комитета на правах действительных членов вошли министры (военный, морской, внутренних дел), управляющий делами Верховного правителя и Совета министров, главноуполномоченный Временного главного управления Российского общества Красного Креста, а также лица по назначению Верховного правителя. Из лиц, оказавших особые услуги Комитету, был сформирован штат членов-соревнователей, утвержденный А. В. Колчаком. Все они безвозмездно несли обязанности по сбору средств и их распределению среди нуждающихся².

19 апреля 1919 г. А.В. Колчак передал в фонд комитета: 1 млн руб., врученных ему взаимобразно 5 декабря 1918 г. представителем Союза маслодельных артелей; 1 млн руб., переданных в его распоряжение 22 февраля 1919 г. Екатеринбургским биржевым комитетом от имени торгово-промышленного класса Екатеринбурга; 100 тыс. руб., полученных 16 марта 1919 г. от имени временной дирекции Русского для внешней торговли банка; более 172 тыс. руб., врученных 8 апреля 1919 г. супругой министра юстиции З. А. Старынкевич от устройства благотворительного вечера на нужды армии³.

9 июля 1919 г. было принято «Положение о местных отделах Сибирского военно-благотворительного Комитета имени Верховного правителя адмирала Колчака». Согласно этому документу в каждом губернском (областном) городе учреждался губернский (областной) отдел Комитета. Действительными членами отдела Комитета являлись управляющий губернией, заведующий отделом призрения при управляющем губернией, председатель губернской земской управы, городской голова губернского города, управляющий казенной палатой, начальник управления государственным имуществом, управляющий губернским или

¹ ГАРФ. Ф. 3850. Оп. 1. Д. 12. Л. 59.

² Там же. Д. 13. Л. 3.

³ Там же. Д. 1. Л. 171.

областным контролем, воинский начальник, председатели Биржевого комитета и Торгово-промышленного союза, представители всех благотворительных организаций губернского города и местного отдела Временного главного управления Российского общества Красного Креста. Они осуществляли свою работу по выработанной Сибирским военно-благотворительным Комитетом схеме: содействие лицам, получившим увечья в борьбе с большевистской властью; открытие «Бюро труда»; открытие учреждений под покровительством Сибирского военно-благотворительного Комитета по призрению различного рода лиц и т. п. Вступить в организацию предлагалось всем благотворительным, торгово-промышленным, земским, кооперативным и прочим учреждениям с уплатой единовременного (1 000 руб.) или ежегодного (100 руб.) взноса¹.

В. М. Рынков на основе анализа периодики оценил создание Сибирского военно-благотворительного комитета имени Верховного правителя адмирала Колчака как чисто пропагандистскую акцию². Однако журналы заседаний Комитета (они проходили раз в месяц) позволяют говорить о том, что его члены успешно изыскивали средства на нужды армии как от частных лиц, так и от предпринимателей. Комитет утвердил опросный лист для обращающихся за помощью и осуществлял среди них распределение собранных средств, поощрял благотворителей, филантропические инициативы. В июне 1919 г. члены Комитета проанализировали работу отдела призрения Министерства внутренних дел, указали на серьезные недостатки в его деятельности и даже рекомендовали конкретные мероприятия по их устранению³. Но значительный вклад в организацию социальной помощи Комитет не внес не только из-за кратковременного периода существования режима, но и потому, что не успел создать разветвленную сеть своих первичных организаций.

Таким образом, политика антибольшевистских правительств была социально ориентированной и характеризовалась следующими принципами: обще-

¹ ГАРФ. Ф. 3850. Оп.1. Д. 1. Л. 171 об.

² Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). – Новосибирск, 2008. – С. 306.

³ ГАРФ. Ф. 3850. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об., 2, 19 об., 27 об., 28 об.

доступность и всеобщность социальной помощи населению; создание государственных и общественных структур, ответственных за реализацию социальной политики. Однако из-за дефицита средств, политической нестабильности, отсутствия государственной финансовой поддержки благотворительных организаций, плохо организованного учета нуждающихся категорий населения декларируемая политика реализовывалась фрагментарно и непоследовательно.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие обобщения.

1. При общей оценке социальной политики Временного правительства следует учитывать, что она была результатом политического компромисса и в силу малого периода ее осуществления не могла дать немедленных социальных результатов. Она складывалась под давлением чрезвычайных обстоятельств; средства выделялись на экстренную помощь. Временное правительство наметило «английский тип государственного призрения»¹, при котором вся конкретная деятельность принадлежала общественным организациям, а на центральном ведомстве лежали задачи регистрации, объединения деятельности отдельных учреждений, финансирования». В этом направлении правительству удалось провести определенную работу по систематизации разных по происхождению видов социальной помощи; решения его специально обозначались как «временные». Стиль (способ) принятия решений в области социальной политики можно характеризовать как демократический (делегирования в комиссии, обсуждения на совещаниях, передача управленческих функций выборным органам). Правительство имело в качестве программной перспективы систему государственного обеспечения инвалидов, детей и других категорий нуждающихся. Намечившиеся либерально-демократические преобразования прошли стадию разработки и начальной реорганизации. Однако прогрессивное законодательство стало опережать возможности практического применения правовых норм.

¹ Коваленко Н. А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (Февраль – октябрь 1917 г.); МГУ им. М. В. Ломоносова; Ин-т гос. упр. и социал. исслед. – М., 2000. – С. 264.

Идеи и практика деятельности Временного правительства помогли уже советскому Временному правительству (Совету народных комиссаров) создать новый тип социальной помощи – систему социального обеспечения.

2. В период революции деятельность в области социальной помощи в городах не могла быть развернутой, поскольку сдерживалась обстоятельствами подготовки и проведения выборов по новой системе. Главные силы были направлены на помощь «жертвам войны», прежде всего семьям мобилизованных. Общая бедность населения и чрезвычайный кризис делали планомерную разработку и реализацию социальной политики трудно выполнимыми.

3. Основное внимание и Временное Сибирское правительство, и Временное Российское правительство Верховного правителя адмирала Колчака уделяли социальной поддержке военнослужащих и членов их семей, инвалидов, пострадавших в борьбе с большевизмом, беженцев, заполонивших восточные окраины страны в целях «переждать смутное время». Такая избирательность была обусловлена условиями гражданской войны. Благотворительные акции, охватывавшие разные слои населения, свидетельствовали, что в годы гражданской войны, несмотря на ее разрушительный характер и дифференциацию общества, все еще поддерживались социальные традиции сочувствия, сопереживания к обездоленным людям. На фоне кризиса, сопровождавшегося падением жизненного уровня широких слоев населения, требовались чрезвычайные меры. Предлагаемые антибольшевистскими правительствами компромиссные решения не могли удовлетворить участников социальных отношений, что привело к краху правительственной программы социального сотрудничества. Не получил подтверждения тезис о том, что «каждый новый режим в России радикально отрицает предшествующий, разрывая преемственность правовых гарантий»¹. На материалах Енисейской и Иркутской губерний просматривается преемственность и сходство в социальной политике царского, Временного, антибольшевистских правительств. Разрыв правовых гарантий нуждающимся категориям населения про-

¹ Медушевский А. Н. Понятие русской революции: идеология, институты и формы социальной мобилизации в XX веке // ОНис. – 2017. – № 4. – С. 101.

декларировала и осуществила советская власть, окончательно утвердившаяся в регионе только в январе 1920 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщающие выводы исследования сведены к следующему.

Тенденции становления и развития системы социальной помощи в Восточной Сибири в целом и ее административно-территориальных образованиях (Иркутской и Енисейской губерниях, Якутской и Забайкальской областях) в частности не противоречили общероссийским, но связанные с ними нововведения и перемены распространялись неравномерно, ощущались порой весьма посредственно, имели количественные (рост ресурсов, числа субъектов помощи, групп социального риска и т. п.) и качественные (их состав, характер, сила воздействия, интенсивность и т. п.) отличия, в том числе внутрорегиональные и межпоселенческие, обусловленные комплексом особенностей указанных территорий (специфический социальный состав населения, слабовыраженные крепостнические тенденции, неразвитая промышленность и транспортная сеть, географическая отдаленность от экономических и культурных центров страны; социально-территориальная изолированность населенных пунктов друг от друга; большие масштабы территории; низкая плотность населения; наличие института генерал-губернаторства; отсутствие земского общественного управления и др.);

В развитии системы социальной помощи в специфически конкретных сибирских условиях (декабрь 1784 г. – январь 1920 г.) выделяются три периода: 1) декабрь 1784–1860 г.; 2) 1861 – февраль 1917 г.; 3) март 1917 – январь 1920 г., обусловленные в значительной степени государственной политикой, общим ходом исторического процесса, спецификой региона и характером реализуемой модели помощи.

В целом отмечается более позднее начало создания институционально-организованных структур (субъектов помощи) в Восточной Сибири, что непосредственно связано со скоростью интеграции сибирских окраин в единое им-

перское пространство, распространения реформ и результатами административно-территориальных преобразований.

В начальный период (декабрь 1784–1860 г.) закладывались основы государственного и общественного призрения, на уровне региона шло формирование органов и учреждений системы социальной помощи. Несмотря на прогрессивный для своего времени взгляд на призрение как отрасль государственного устройства, приказы общественного призрения не стали учреждениями, ведающими все дела социальной жизни, хотя такие задачи на них возлагались. В Сибири они представляли собой центральные для губерний учреждения с ограниченным числом разнотипных заведений социальной сферы, основным контингентом которых были ссыльнопоселенцы. Ремесленные (работные) дома, богадельни, дома для умалишенных преследовали стремление закрыть источник появления деклассированных элементов в обществе. Так называемая закрытая форма помощи была связана с ограничением свободы и организацией принудительного труда, а помощь за рамками учреждений («открытая») замыкалась на выдаче жизненно необходимых лекарств наиболее беднейшим больным из привлеченных благотворительных средств. В силу малочисленности в Сибири дворянского и купеческого сословий правление приказов общественного призрения не являлось выборным, а комплектовалось «по назначению» из чиновников высшей губернской администрации.

Ограниченный по «должности» и сословию состав правления имели региональные отделения ВУИМ, работа которых способствовала решению проблемы детства, которой приказы общественного призрения в дореформенное время практически не занимались.

В Восточной Сибири, как и в стране в целом, дифференциация и значительное обогащение различных компонентов социальной помощи произошло в период 1861 – февраль 1917 г. Этот этап в целом оценивается как прогрессивный. Новые потребности развития страны обусловили интенсивную модификацию концептуальных основ социальной помощи, ее базовых ценностей, передачу части социальных функций органам и учреждениям земского (в Сибири их не

было), городского и крестьянского управлений, приходским попечительствам при православных церквях. Развивались и элементы гражданского общества, к числу которых относились, в первую очередь, частные благотворительные общества. Между тем децентрализация системы помощи, усиление общественного начала, новые принципы и прогрессивные подходы к решению социальных проблем, и другие проявления являлись ответной реакцией на усугубление жизненных ситуаций населения, усложнение и рост динамики социальных процессов, трансформации социальной структуры общества, общественного сознания и т. п. В начале XX в. особую остроту и болезненность этим процессам придавали Русско-Японская и Первая мировая войны. В развитии системы социальной помощи на уровне исследуемого региона на протяжении второго периода (1861 г. – февраль 1917 г.) условно выделены три этапа: 1) 1861–1870-е гг.; 2) 1880-е гг. – до начала Русско-японской войны; 3) 1904 г. – февраль 1917 г.

Первый из них характеризуется началом децентрализации системы помощи. Новую (городскую) форму помощи дополнили относительно архаичные по структуре и содержанию сословная, общинная и приходская благотворительности, сохранившиеся в неземских губерниях приказы общественного призрения, получившая новый импульс развития частная благотворительность. Децентрализация системы социальной помощи позволяла обеспечить большую гибкость и эффективность управления, лучше знать потребности населения, привлечь к решению социальных проблем более широкие слои общества, чем это было прежде. Второй (1880-е гг. – до начала Русско-японской войны) этап отмечен реорганизацией (1895 г.) приказов общественного призрения, усилением роли общественной и частной благотворительности, количественными (рост числа благотворительных обществ и заведений, объема финансирования и др.) и качественными (расширение целевых групп, форм, средств и видов помощи) изменениями, третий (1904 – февраль 1917 гг.) – их нарастанием, перераспределением роли субъектов помощи, групп клиентов и их потребностей в экстремальных условиях Русско-японской и Первой мировой войн, революции (1905–1907 гг.).

Особенностью Сибирского региона в деле социальной помощи являлось отсутствие земского самоуправления, на фоне чего в условиях огромных расстояний оставалась во всех сферах, в том числе и в области социальной помощи, значительной регулирующая роль государственных структур. Здесь продолжали действовать при губернских органах приказы общественного призрения (в Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерниях). Они занимались главным образом больницами, фельдшерскими пунктами, повивальными школами и т. п. Приказы не соответствовали новым задачам социальной поддержки нуждающегося населения, выявившимся на начальной стадии индустриального развития, движения значительных переселенческих масс в Сибирь и др.

Сложно встраивались в систему социальной помощи органы крестьянского самоуправления, образованные после 1861 г. Они широко практиковали традиционные формы помощи (милостыня и «кормление по домам»); устройство «домов призрения» сдерживали крайне ограниченные финансовые возможности и «неприменимость к условиям крестьянской жизни» заведений закрытого типа. Многие неимущие и неспособные к труду, за исключением калек, предпочитали кормиться подаванием, чем жить «не на свободе»; основной контингент сельских богаделен составляли ссыльнопоселенцы.

Решение проблемы нищенства в сибирском обществе XIX – начала XX в. определялось двумя противоречивыми тенденциями: во-первых, сохранением среди населения обычая подавать милостыню; во-вторых, становлением организованной помощи нуждающимся со стороны государственных, местных административных и общественных организаций

Нерегламентируемые государством отчисления городов на социальную помощь были мизерными, не удовлетворяли насущные потребности, определялись интересами членов городских дум и управ. Часто единственным источником удовлетворения нужд беднейших жителей городов являлись благотворительные капиталы, находящиеся в ведении городских общественных управлений, но они различались объемом. Например, благотворительный капитал Ир-

кутска превышал аналогичный капитал Красноярска более чем в 6 раз, а Красноярский был больше Канского в 636 раз.

Городские думы и управы продолжали расходовать часть средств на такие традиционные формы помощи, как раздача вещей или пособий без проверки семейного или имущественного положения людей перед праздниками Пасхи и Рождества. Схема их работы была ориентирована на локальное преодоление уже имевшихся социальных проблем, за помощью в решении которых к ним обращались люди.

Городские участковые попечительства как новая форма работы по профилактике бедности из всех восточно-сибирских городов были устроены только в Иркутске, но воспринимались как «досадная карикатура» на эталонную (Эльберфельдскую) систему. Понимания комплексного реабилитационного эффекта проводимой работы на достаточность и необходимость помощи, эффективное использование кадровых и материальных ресурсов в сибирском обществе в полной мере не произошло. Городские самоуправления, получившие, казалось бы, верных союзников (Синельниковское общество благотворителей и попечения сирот в Красноярске, благотворительное общество «Утоли мои печали» в Иркутске) для организации участковых попечительств о бедных, не утруждали себя этим сотрудничеством и материальной поддержкой независимой филантропии. Иркутск иллюстрирует пример нездоровой конкуренции муниципалитета с благотворительным обществом «Утоли мои печали» в этом деле. Опыт Красноярска показал, что отсутствие финансирования со стороны города стало причиной отказа Синельниковского общества от прогрессивных методов по оказанию помощи малоимущим. Напротив, Якутск демонстрирует, что при поддержке областной администрации работа благотворительного общества имела прогрессивный характер. В городах Восточной Сибири нарушалось строгое соблюдение основополагающих принципов Эльберфельдской системы, обеспечивающих ее устойчивость и гибкость, комплексный характер помощи. Не наблюдаем мы и заинтересованного участия всех слоев населения в деле профилактики бедности.

Немногочисленные благотворительные общества возникали в результате творческой активности населения, его рядовых, низовых слоев. По мере расширения средств в связи с общественной потребностью они открывали и содержали заведения дешевого или бесплатного питания, приюты, убежища для детей, ночлежные дома, дома трудолюбия для взрослых. Ключевым моментом для реализации цели того или иного общества являлся вопрос обеспечения потребности в финансовых и материальных ресурсах. Успех привлечения благотворительных пожертвований во многом зависел от характера деятельности организации, ее известности и благоприятного имиджа, личности руководителя.

В пореформенное время представители разных социальных групп получили возможность воздействовать на общественные процессы через церковно-приходские попечительства. Но колоссальные размеры территорий церковных приходов в Сибири, удаленность центров мешали консолидации вокруг них общественных сил.

Попечительскую деятельность православной церкви и ее приходских общин можно условно разделить на два направления: помощь нуждающимся священникам и их семьям и помощь нуждающимся прихожанам и другим людям. Поскольку забота о нуждающихся могла носить факультативный характер, то на практике средства направлялись большей частью на поддержание церквей.

В годы Русско-японской войны призыв многих отцов семейств и годных к военной службе сыновей резко снизил семейные доходы, а женский труд не позволил в полной мере компенсировать потерянные заработки. В условиях роста цен на товары первой необходимости, ухудшения качества медицинской помощи, обострения жилищного вопроса, а также при негативном воздействии естественных (природных) факторов снизился уровень жизни и социальный статус значительной части населения Сибири, что объективно привело к социальной напряженности. Среди населения усилилось недовольство и социальная агрессия. Влияние инфляционных процессов на уровень жизни семей воинов отчасти преодолевалось тем, что при расчете пайков на местах учитывался рост цен на

продовольствие, но действие этой меры снижалось из-за нарушения правил назначения и сроков выплаты пособий.

В ходе Русско-японской войны законодательство в сфере социальной помощи было ориентировано на закрепление, упорядочение и небольшую корректировку ранее сложившейся нормативно-правовой базы. Тем не менее были сделаны первые юридические попытки скоординировать деятельность исполнителей социальных задач – административных и благотворительных организаций, ввести государственное ассигнование и распределение денежных средств в помощь семьям фронтовиков. Нельзя не согласиться с мнением Н. Л. Пушкаревой и П. П. Щербинина, что отсутствие продуманной системы распределения и контроля за выделенной на указанные цели денежной массой привело к тому, что деньги дошли лишь до части семей участников боевых действий¹. Пробелы в сфере правового регулирования не только снизили эффективность помощи, но и обернулись компрометацией.

В годы Первой мировой войны уровень и характер вовлечения населения в работу благотворительных обществ претерпел положительные количественные и качественные изменения. В начальный этап войны увеличилось не только число общественных организаций, но и совокупное количество людей, втянутых в сферу филантропии. Общественные организации, вызванные потребностями военного времени, можно классифицировать по следующим признакам: 1) географическому (масштабу деятельности организации) – всероссийские, региональные, местные; 2) целевому (по объекту помощи или категории жертв войны: беженцы и высленцы, раненые и увечные воины, семьи призванных на войну и т. п.; 3) национальному (еврейские, польские, латышские, литовские и межнациональные организации).

В имперский период Первой мировой войны был расширен состав казенного пособия и пересмотрена его норма для детей. Из средств государственного

¹ Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. № 2. – С. 148.

казначейства выделялись кредиты на беженцев и семей мобилизованных, распределением которых на местах занимались специально организованные структуры при губернских, городских и волостных правлениях. Благотворительные организации, сельские и волостные общества, приходские попечительные советы, дамские комитеты по мере возможности оказывали не предусмотренную законом, но жизненно необходимую помощь, в том числе категориям, которые под объект государственной поддержки не попадали (выселенцы, так называемые гражданские жены). Сохранились прежние каналы и способы привлечения денежных средств, порядок назначения пособий. Помощь порождала у ряда получателей иждивенчество.

В годы Первой мировой войны православные приходы занимались регистрацией нуждающихся в помощи, выдавали денежные и натуральные пособия хлебом, мукой, чаем, топливом. Помощь была экстренно-разовой и ежемесячной. Оказывали и помощь трудом в период сельскохозяйственных работ. Для координации и объединения в попечительской деятельности начали образовываться попечительские советы, объединявшие несколько приходов и светских благотворительных организаций уездных и волостных, хотя число попечительств сократилось, их деятельность в области социальной помощи становилась более рациональной.

В период март 1917 – январь 1920 г. отчетливо проявилась переориентация деятельности от милосердия, индивидуальной и общественной благотворительности (хотя они и сохранились в определенных размерах) к решению крупных социальных проблем радикальными способами. Система помощи (общественное призрение) претерпела изменения в сторону усиления государственного начала, что определило создание в мае 1917 г. Министерства государственного призрения, в ноябре того же года – Народного комиссариата государственного призрения. Начало же фактической ликвидации системы общественного призрения ознаменовал декрет Совета народных комиссаров от 26 апреля 1918 г. «О переименовании Народного комиссариата государственного призрения в Народный комиссариат социального обеспечения», обусловленный идейно-политическими

установками новой власти на построение социалистического общества, согласно которым после революции исчезает потребность в «искусственной благотворительности» как особом откупе господствующих классов в пользу эксплуатируемых ими трудящихся масс. Генерируемые властными структурами способы создать новые основы функционирования и развития системы социальной помощи, приняли характер спонтанного приспособления ее элементов к той чрезвычайной ситуации, которую переживало общество. Анализ исторической действительности дает основание говорить о регрессивных изменениях системы социальной помощи в данный период. Отмеченные особенности были присущи всей стране, однако в отношении изучаемого региона нужно отметить некоторую специфику. Если на европейской части страны уже с конца апреля 1918 г. внедрялась новая модель помощи – государственное социальное обеспечение, то в Сибири, где действовал режим антибольшевистских правительств, поддерживалась система государственного призрения. Последняя была подвергнута ревизии кратковременно (с апреля по июнь 1918 г.) и новой практикой не закреплена. В целом третий период (март 1917 г. – январь 1920 г.) характеризуется внутренней противоречивостью. В нем выделяются три этапа: 1) (март – октябрь 1917 г.); 2) (ноябрь 1917 г. – май 1918 г.); 3) (июнь 1918 г. – январь 1920 г.)

Главный итог развития системы социальной помощи в исследуемый период состоял в том, что она представляла собой развивающееся явление, вбирала передовые для своего времени идеи, опыт и стремление улучшить ситуацию. По мере поступательного развития общества возрастала роль государства в решении социальных вопросов, менялись формы и характер помощи: от организации богаделен и сиротских приютов до трудовой, правовой помощи, проявилось стремление к реализации политики социальных гарантий. В начале XX в. были предприняты попытки координации деятельности основных субъектов помощи, введены государственные дотации (семьям фронтовиков, беженцам), выравнивающие возможности различных в экономическом развитии регионов.

Однако многие решения по отдельным случаям представляли собой «решения по усмотрению», определяемые местными властями по собственным пра-

вилам. Каких-либо четких и универсальных критериев по которым можно было проводить отбор получателей, не существовало, поэтому помощь бедным нередко принимала субъективный характер, допускалась социальная эксклюзия. Пробелы и (или) просчеты государственного регулирования в сфере стандартов общественного призрения оборачивались не только сдерживанием прогрессивных изменений, но и их компрометацией.

Заведения, необходимые для социальной жизни нуждающихся (богадельни, приюты и т. п.) учреждали независимые носители благотворительной помощи, но в этих случаях нередко ожидалась финансовая поддержка со стороны органов общественного самоуправления. Причиной обращения частного или общественного сектора к той или иной социальной проблеме чаще всего являлся соответствующий «пробел» в системе помощи на государственном или местном уровнях. Общественные объединения точнее и оперативнее определяли потребности в социальных услугах, учитывая специфику запросов различных социальных групп. В силу своих организационных особенностей и взаимодействия с социальным окружением они имели возможность влиять на формирование общественного мнения по социально значимым проблемам.

Накопленный опыт системной помощи в Восточной Сибири убеждает в том, что решение социальных проблем не сводилось исключительно к набору функций, выполняемых официальными административными органами. Оно являлось сложным групповым действием, в котором участвовали как представители государственных структур и общественных организаций, так и целевые группы, а также отдельные частные лица. В критические периоды общественных перемен – неурожаев, наводнений, пожаров, экономических спадов, войн, когда резко возрастало число нуждающихся, – запускались компенсационные механизмы, государство, церковь, общественные организации, отдельные благотворители интенсифицировали помощь, объединяли усилия (и даже иногда конкурировали) для организации социальной поддержки конкретных групп пострадавших. Успех такого взаимодействия во многом определялся общим представлением о путях решения социальной проблемы, привлечением к руководству

официальных или частных лиц, которые могли оказать прямое или косвенное влияние на развитие ситуации. Поэтому значение и большую роль имели ключевые фигуры, их профессиональные компетенции (позиция в административной иерархии, финансовые возможности, специфические знания, навыки, действия или другие способности), либо их харизма, заинтересованность в выполнении поставленных задач, способность подтолкнуть, ускорить нужное в данный момент дело.

Нередко результат работы того или иного благотворительного общества или заведения зависел не столько от уровня финансирования (хотя это важный фактор) и указаний властей, сколько от профессиональных и личных способностей причастных к работе данных структур людей, их инициативности и общей порядочности.

По мере возрастания социальных проблем расширялись масштабы, содержание и формы помощи. В целом система социальной помощи определяется как паллиативная, сконцентрированная на проблеме крайней бедности, решение которой в Восточной Сибири в период (декабрь 1784 – январь 1920 г.) определялось двумя противоречивыми тенденциями: 1) сохранением у значительной части населения привычного стереотипа о милостыни как действенной форме помощи; 2) созданием системной, организованной на рациональных началах, помощи, опосредованной специальными социальными институтами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВПИ – Ведомство православного исповедания

ВСГ – Всероссийский союз городов

ВУИМ – Ведомство учреждений императрицы Марии

ГА РФ – государственный архив Российской Федерации

ГАЗК – государственный архив Забайкальского края

ГАИО – государственный архив Иркутской области

ГАКК – государственный архив Красноярского края

ЕОПЕ – Енисейское общество пособия бедным евреям

ИЕКПБ – Иркутский еврейский комитет помощи беженцам

КОПБЕ – Красноярское общество помощи бедным евреям

МВД – Министерство внутренних дел

МНП – Министерство народного просвещения

НАРС (Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия)

ПОДТиРД – Попечительство о домах трудолюбия (с 1906 г. – трудовой помощи)
и работных домах

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

ХПЕОП – хозяйственное правление Еврейского общества по оказанию помощи
выселенцам евреям в Енисейском уезде

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

законодательные и нормативные акты

1. Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины Вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи». – [М.]: [Сенатская тип.], [1775]. – [10], 215 с.

2. Высочайше утвержденное Городовое положение. № 8708. 11 июня 1892 г. // ПСЗ РИ. Собр. третье: в 33 т. Т. XII (12). 1892. От № 8215–9216 и дополнения. – СПб.: [б. и.], 1895. – С. 430–456.

3. Высочайше утвержденное Городовое положение. № 48498. ¹⁶/₂₂ июня 1870 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе: в 55 т. Т. XLV (45). Отд. первое. 1870. – От № 47862–48529 и дополнения. – СПб.: [б. и.], 1874. – С. 821–839.

4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Официальное издание. – М.: Изд-во «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 2011. – 64 с.

5. О дозволении генерал-губернаторам самим разрешать Приказы общественного призрения на употребление в год для исправления зданий до 5 000 рублей. № 30031. 20 августа 1824 г. // ПСЗ РИ с 1649 г.: в 45 т. Т. XXXIX (39). 1824. – СПб.: печатано в тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 489–490.

6. О дозволении княгине Васильчаковой учредить близ Киева Свято-Троицкий мужской общежительный монастырь с благотворительными заведениями, и о предложении на будущее время учредителям монастырей учреждать при оных заведения с целью благотворительной или воспитательной. № 43159. 6 апреля 1866 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе: в 55 т. Т. XLI (41). Отд. первое. 1866. От № 42861–

43602. – СПб.: В тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1868. – С. 332.

7. О милостях, дарованных в день Святого крещения наследника цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича. Манифест. № 25014. 11 августа 1904 г. // ПСЗ РИ. Собр. третье: в 33 т. Т. XXIV (24). Отд. I. От № 23839–25604 и дополнения. – СПб.: [Гос. тип.], 1907. – С. 856–871 .

8. О правилах для учреждения Православных церковных братств. № 40863. 8 мая 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе: в 55 т. Т. XXXIX (39). Отд. первое. 1864. От № 40457–41318. – СПб.: в тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – С. 409–410.

9. О призрении нижних воинских чинов и их семейств. № 37507. 25 июня 1912 г. // ПСЗ РИ. Собр. третье: в 33 т. Т. XXXII (32). 1912. Отд. первое. От № 36391–38603 и дополнения. – Пг.: Гос. тип., 1915. – С. 935–945.

10. О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу. № 57503. 23 июня 1877 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе: в 55 т. Т. XLI (41). Отд. первое. 1877. От № 56794–57528. – СПб.: В тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1879. – С. 751–755.

11. О свидетельстве денежной казны приказов общественного призрения. № 18593. 21 июля 1778 г. // ПСЗ РИ с 1649 г.: в 45 т. Т. XXV (25). 1798–1799. – СПб.: печатано в тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 308.

12. Об обязанности учредителя богоугодного заведения делать при учреждении оною положение, которым бы таковое на будущие времена в содержании своем было обеспечено. № 24142. 1 марта 1810 г. // ПСЗ РИ с 1649 г.: в 45 т. Т. XXXI (31). 1810–1811. – СПб.: печатано в тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 79–80.

13. Об улучшении благосостояния и облегчения положения крестьянского населения. Манифест. № 26871. 3 ноября 1905 г. // ПСЗ РИ. Собр. третье в 33 т.

Т. XXV (25). Отд. I. От № 25605–27127 и дополнения. – СПб.: [Гос. тип.], 1908. – С. 790.

14. Об учреждении госпиталей и других богоугодных заведений. № 24362. 30 сентября 1810 г. // ПСЗ РИ с 1649 г.: в 45 т. Т. XXXI (31). 1810–1811. – СПб. печатано в тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 366–367.

15. Положение о приходских попечительствах при православных церквях. № 41144. 2 августа 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе: в 55 т. Т. XXXIX (39). Отд. первое. 1864. От № 40457–41318. – СПб.: В тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – С. 688–691.

16. Положение об обеспечении нужд беженцев (30 августа 1915 г.) // Законы и распоряжения о беженцах. Вып. первый; 2-е изд., доп. – М.: Городская тип., 1916. – XII, 103 с.

17. Руководящие положения по устройству беженцев. – Пг.: Тип. Министерства внутренних дел, 1916. – [1], 16 с.

18. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. – Пг.: Гос. тип., 1917. – VI, 2, 555 с.

19. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. 5 мая – 24 июля 1917 г. Ч. 1. Отделы I–VIII / сост. Отделением Свода Законов Государственной Канцелярии. – Пг.: Первая гос. тип., 1918. – VII, 799 с.

20. Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. XIII. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. Тетрадь 2. Уставы об общественном призрении. – [СПб.]: В тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. – 296 с.

21. Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. XIII. Издание 1892 г. Устав о общественном призрении. – СПб.: [Б. м.], [б. г.] – 190 с.

22. Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. XIII. Устав о общественном призрении. Издание 1915 г. – Пг.: [Б. м.], [б. г.] – [243] с.

23. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. – Пг.: Тип. Правительствующего Сената, 1915. – Отдел 1. № 1–373; Отдел 2. № 1–171.

24. Узаконения, касающиеся деятельности Алексеевского Главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией. – СПб.: Гос. тип., 1908. – 34 с.

25. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. № 14392. 7 ноября 1775 г. // ПСЗРИ с 1649 г.: в 45 т. Т. XX (20). 1775–1780. – СПб.: печатано в тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 229–304.

сборники документов и материалов

1. Антология социальной работы: в 5 т. Т. 1. История социальной помощи в России / сост. М. В. Фирсов. – М.: Сварогъ – НФВ СПТ, 1994. – 288 с.

2. Антология социальной работы: в 5 т. Т. 2. Феноменология социальной патологии / сост. М. В. Фирсов. – М.: Сварогъ – НФВ СПТ, 1995. – 400 с.

3. Благотворительность и социальное попечение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): сб. документов / Т. А. Катцина (отв. ред. и сост.), Е. А. Иванова, Т. И. Мирошникова; Краснояр. гос. торгово-эконом. ин-т. – Красноярск, 2009. – 352 с.

4. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени: сб. законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату и министрам, Высочайших повелений, постановлений Совета Министров, Военного и Адмиралтейств-Совета, инструкций и распоряжений министров, изданных во время войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с приложением предметного указателя: [в 2 т.]. Т. 1. Июль 1914 г. – апрель 1915 г. / сост. С. М. Левин. – Пг.: Издание кн. маг. Н. К. Мартынова, комиссионера гос. тип., 1915. – XXVIII, – 728 с.

5. Город у Красного яра: Документы и материалы по истории Красноярска первой половины XIX в. / сост. и автор комментариев Г. Ф. Быконя. – Красноярск: Книжное изд-во, 1986. – 320 с.

6. Городовое положение 11 июня 1892 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. присяж. пов.

М. И. Мыш; 3-е изд., испр. и доп. Издание неофициальное. – СПб.: Типо-литография наследников И. А. Фролова, 1897. – XVI, 887 с.; 25.

7. Законы и правила о ссыльнопоселенцах и их семействах. Составил якутский губернатор И. И. Крафт. – Якутск: Областная тип., 1912. – [6], 82 с.; 23.

8. Красноярский край в истории отечества: в 4 кн. Кн. первая. 1890–1917 / отв. сост. А. А. Григорьев, С. А. Минина; А. А. Бабий и др. – Красноярск: Кн. изд-во, 1996. – 400 с.

9. Ленинские декреты о социальном обеспечении / сост. М. Л. Захаров, В. В. Караваев, А. Н. Колесников, Я. М. Фогель; отв. ред. В. П. Барыбин. – М.: Юридическая литература, 1972. – 208 с.

10. Организация социальной помощи в Енисейской губернии в условиях социальных катаклизмов. Документы и материалы (1914–1921 гг.): хрестоматия для студентов вузов / сост. Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит, К. А. Тишкина, Н. В. Пашина; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – 292 с., ил.

11. Положение о детских приютах 27 декабря 1839 г. Ведомства учрежденной императрицы Марии. Дополненное по 1 сентября 1884 г. новыми узаконениями и измененным сводом всех вышедших со времени открытия приютов (1840 г.) нигде еще не печатавшихся разъяснений, циркуляров и проч. / сост. П. Горбунов. – СПб.: Тип. и лит. А. Пожаровой, 1884. – [2], VI, 178 с.

12. Рудин Н. Пенсии и пособия солдатам, вдовам и сиротам нижних воинских чинов: сб. законоположений, инструкций и правительственных распоряжений, последовавших по 20 апреля 1915 г. о призрении нижних воинских чинов и их семейств, с законодательными мотивами, постатейными разъяснениями и приложениями; Издание Юридического книгоиздательства «Сотрудник». – Петроград: Тип. Д. П. Вейсбрута, 1915. – 144 с.

13. Смена модели и практик социальной помощи в Приенисейской Сибири (1904–1921 гг.): хрестоматия для студентов вузов / сост.: Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева; Сиб. федер. ун-т; гос. архив Краснояр. края. – Красноярск, 2017. – 279 с.

14. Социальное попечение в Сибири (XIX – начала XX в.) в документах и материалах: учеб. пособ./ отв. ред. и сост. Т. А. Катцина; сост. О. М. Долидович, В. Г. Седельников; Сиб. федер. ун-т; филиал РГСУ в г. Красноярске. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 276 с.

архивные материалы

Архив города Ачинска

1. Ф. 6. Ачинская городская дума.

Оп. 1. Д. 43а.

2. Ф. 17. Ачинский уездный комитет помощи беженцам империалистической войны (1915–1918 гг.).

Оп. 1. Д. 3; 5; 11.

Архив города Енисейска

3. Ф. 1. Благочинный градо-Енисейских церквей.

Оп. 1. Д. 69; 161.

4. Ф. 9. Енисейская городская управа.

Оп. 1. Д. 1.

Государственный архив Иркутской области (г. Иркутск)

5. Ф. 24. Главное управление Восточной Сибири Министерства внутренних дел Российской империи, г. Иркутск Иркутской губернии (1822–1887).

Оп. 1. Д. 74; 638.

Оп. 9. Д. 164.

6. Ф. 25. Канцелярия Иркутского генерал-губернатора Министерства внутренних дел Российской империи, г. Иркутск Иркутской губернии (1887–1917 гг.).

Оп. 1 Д. 632.

7. Ф. 32. Иркутское губернское управление.

Оп. 1. Д. 2350.

Оп. 9. Д. 1.

8. Ф. 33. Иркутский приказ общественного призрения Иркутского губернского управления, г. Иркутск Иркутской губернии 1849–1916 гг.

Оп. 1. Д. 2; 3; 43; 44; 161.

9. Ф. 91. Иркутское городское полицейское управление.

Оп. 1. Д. 720.

10. Ф. 120. Иркутское отделение Комитета помощи семьям лиц, призванных на военную службу Комитета императрицы Елизаветы, г. Иркутск Иркутской губернии [1914–1917 гг.].

Оп. 1. Д. 3.

11. Ф. 216. Иркутский комитет Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам Главного комитета Всероссийского союза городов, г. Иркутск Иркутской губернии 28.10.1914–1918.

Оп. 1. Д. 4; 27.

12. Ф. Р-2. Управляющий Иркутской губернией Всероссийского Временного правительства: 11 июля 1918 – 04 января 1920 г.

Оп. 1. Д. 55; 118.

Государственный архив Забайкальского края (г. Чита)

13. Ф. 12. Комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну 1914–1920.

Оп. 1. Д. 23.

14. Ф. 22. Комитет по оказанию помощи жителям Забайкалья, пострадавшим от наводнения, г. Чита (1897–1898).

Оп. 1. Д. 1; 6.

15. Ф. 57. Забайкальский областной комитет по обеспечению нужд беженцев, г. Чита (1915–1920).

Оп. 1. Д. 1; 7; 22.

Оп. 2. Д. 2.

16. Ф. 116. Забайкальское областное попечительство детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии, г. Чита.

Оп. 1. Д. 9; 15; 16.

Государственный архив Красноярского края (г. Красноярск)

17. Ф. 118. Попечительный комитет Красноярского городского Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот.

Оп. 1. Д. 1; 2.

18. Ф. 132. Комитет Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам.

Оп. 1. Д. 2; 3.

19. Ф. 161. Городская управа.

Оп. 1. Д. 197; 242; 246; 257; 889; 890.

Оп. 2. Д. 63; 69; 122; 609; 722; 2222; 2291.

Оп. 3. Д. 98; 100.

20. Ф. 173. Красноярская городская дума.

Оп. 1. Д. 63; 67; 437.

21. Ф. 277. Анциферовское волостное правление.

Оп. 1. Д. 2387.

22. Ф. 522. Енисейский приказ общественного призрения.

Оп. 1. Д. 7; 9; 33; 57; 88; 99; 122; 130; 150; 161; 167; 230; 228; 274.

Оп. 2. Д. 167.

23. Ф. 595. Енисейское губернское управление.

Оп. 1. Д. 3; 1039; 1067; 3510; 4048-А; 4389; 5113; 5496; 5723; 5822.

Оп. 13. Д. 169; 978.

Оп. 23. Д. 126.

Оп. 25. Д. 40.

Оп. 29. Д. 202.

Оп. 34. Д. 121; 313; 424; 1018.

Оп. 48. Д. 955; 1112.

Оп. 50. Д. 4724.

Оп. 52. Д. 396.

24. Ф. 628. Енисейское губернское по городским делам присутствие Енисейского губернского управления.

Оп. 1. Д. 34.

25. Ф. 674. Енисейская духовная консистория.

Оп. 1. Д. 7430; 7995.

26. Ф. 817. Красноярская уездная земская управа.

Оп. 1. Д. 2а; 41; 57; 113; 280.

27. Ф. 892. Бельская волостная земская управа.

Оп. 1. Д. 1.

28. Ф. 904. Енисейская губернская управа.

Оп. 1. Д. 24; Д. 35; Д. 70; Д. 70а.

29. Ф. Р-1813. Енисейский губернский комиссар Временного Российского правительства.

Оп. 2. Д. 26.

Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)

30. Ф. 1779. Канцелярия Временного правительства.

Оп. 1. Д. 2.

31. Ф. 6787. Министерство государственного призрения Временного правительства.

Оп. 1. Д. 1; 2; 6; 14; 35; 102.

32. Ф. А-413. Министерство социального обеспечения РСФСР.

Оп. 2. Д. 151; 597.

33. Ф. А-3931. Центральный исполнительный комитет Всероссийского союза помощи увечным воинам.

Оп. 1. Д. 8.

34. Ф. Р-144. Государственное Совецание.

Оп. 5. Д. 66.

35. Ф. Р-149. Енисейское губернское управление, г. Красноярск: 1918 – 1920.

Оп. 1. Д. 10; 55. Оп. 3. Д. 14.

36. Ф. Р-176. Совет министров Российского правительства.

Оп. 5. Д. 43.

37. Ф. Р-3850. Сибирский благотворительный комитет имени Верховного правителя адмирала Колчака (Российское правительство).

Оп. 1. Д. 1; 12; 13.

38. Ф. Р-7555. Польский военный союз в Красноярске.

Оп. 1. Д. 1.

Национальный архив Республики Саха (Якутия), г. Якутск.

39. Ф. 477-и. Якутское мещанское управление.

Оп. 1. Д. 28; 50.

Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)

40. Ф. 13273. Отдел по устройству беженцев (СОБЕЖ).

Оп. 1. Д. 49.

Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)

41. Ф. 1287. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел.

Оп. 12. Д. 227.

периодические издания

1. Варшавские университетские известия (Варшава).

1896. – № 4; № 5.

2. Вестник благотворительности (Санкт-Петербург).

1900. – № 12.

3. Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы (Санкт-Петербург).

1896. – Вып. 10.

4. Вестник права (Санкт-Петербург).

1899. – № 5 (Май).

5. Вестник Иркутского городского общественного управления (Иркутск).

1914. – № 6–7; № 9–10.

1915. – № 1–2; № 9–12.

1916. – № 3–4.

6. Вестник Красноярского городского общественного управления (Красноярск).

1915. – № 1; № 3.

1915. – № 2–3.

7. Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии (Красноярск).

1915. – № 1; № 2; № 3.

1916. – № 5–2; № 7–4.

8. Восточное обозрение (Иркутск).

1883. – 16 июня; 23 июня.

1897. – 15 января.

1904. – 16 марта.; 6 апреля; 9 мая; 20 мая.

9. Енисей (Красноярск).

1897. – 3 декабря.

1899. – 27 марта.

1900. – 21 апреля; 30 июля; 10 октября.

10. Енисейские губернские ведомости (Красноярск).

1915. – 19 мая.

11. Енисейские епархиальные ведомости (Красноярск).

1900. – № 9; № 12.

1914. – № 4; № 18; № 24.

1915. – № 20; № 22.

1916. – № 13; № 15.

12. Енисейский Вестник (Красноярск).

1919. – 7 (20) февраля.; 9 (22) февраля; 4 (17) апреля.; 12 (30) августа.

13. Живописная Россия. Бесплатное ежемесячное приложение к журналу «Новь» на 1885 г.(Санкт-Петербург).

1885. – № 1–6.

14. Журнал министерства внутренних дел (Санкт-Петербург)

1844. – Кн. 5.
1845. – Кн.10.
1851. – Кн. 10; Кн. 11.
15. Журнал юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. (Санкт-Петербург).
1898. – Кн. пятая. Май.
16. Известия Иркутской городской думы (Иркутск).
1899. – Т 3. № 19; № 23.
1901. – Т. 3. № 23–24.
1909. – Т. 3. – № 19–20.
1911. – Т. 1. – № 5–6.
17. Иркутская жизнь (Иркутск).
1914. – 28 сентября.
1915. – 11 января; 15 декабря.
18. Иркутские губернские ведомости (Иркутск).
1904. – 14 мая; 12 июня.
1916. – 31 марта.
19. Иркутские епархиальные ведомости (Иркутск).
1865. – № 8; № 33; № 34; № 35; № 40; № 43; № 44.
1866. – № 3; № 42.
1874. – № 9; № 12.
20. Камско-Волжская газета.
1873. – 11 июля.
21. Летопись войны с Японией (Санкт-Петербург).
1905. – Т. 82–83.
22. Народный вестник (Томск).
1919. – 21 (8) июля.
23. Православное Забайкалье.
2013. – 18 января.
- Призрение и благотворительность в России (Санкт-Петербург).

1915. – № 3-4; № 5.
1916. – № 5.
24. Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям.
1874. – № 9.
25. Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание (Москва).
1896. – Кн. VI.
1915. – Кн. X.
26. Сельский вестник. Воскресное прибавление (Санкт-Петербург).
1910. – 31 октября. .
27. Сибирская деревня (Красноярск).
1914. – 10 октября.
1917. – 9 июля.
28. Сибирская жизнь (Томск).
1904. – 16 марта; 13 мая; 19 мая; 10 июля; 15 августа; 20 августа; 28 сентября; 1 октября.
1905. – 18 февраля; 5 марта; 15 мая.
29. Сибирские записки (Красноярск).
1916. – № 3.
30. Сибирский вестник (Санкт-Петербург).
1904. – 10 февраля.
31. Сибирский наблюдатель (Томск).
1904. – Кн. 3 (март); Кн. 5 (май); Кн. 7–8 (июль–авг.).
1901. – Кн. 6 (июнь); Кн. 7 (июль); Кн.8 (август).
1905. – Кн. 3 (март).
32. Сибирь (Иркутск).
1914. – 30 декабря.
1915. – 11 января; 2 ноября; 22 ноября; 25 ноября; 26 ноября.
1916 г. – 13 августа.
33. Тамбовские епархиальные ведомости (Тамбов).

1897. – № 38.

34. Трудовая помощь (Санкт-Петербург).

1897. – № 1.

1898. – № 3; № 9.

1899. – № 9; № 10.

1900. – № 12.

1901. – № 9; № 10.

1908. – № 5.

1909. – № 3; № 9.

1910. – № 7; № 8.

1911. – № 3; № 4; № 8.

1913. – № 6.

1914. – № 3–4; № 6.

1915. – № 5.

1917. – № 7.

35. Якутские епархиальные ведомости (Якутск).

1914. – № 23; № 24.

36. Якутские областные ведомости (Якутск).

1914. – 1 декабря; 16 декабря.

1915. – 28 марта.

опубликованная делопроизводственная документация

(организационно-распорядительная, текущая, отчетно-информационная)

1. Беженцы и выселенцы. Отдельные оттиски из № 17 Известий Всероссийского Союза Городов. – М.: Московская городская тип., 1915. – 104 с.

2. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: доклад Главным комитетам уполномоченного, председателя отдела М. М. Щепкина, март 1916 г. / Всероссийские земский и городской союзы, Отдел по устройству беженцев. – [М.]: Московская гор. тип., 1916. II, 98 с.

3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 гг. – СПб.: Синодальная тип., 1898. – XIV, 427, – 159 с.

4. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1900 г. – СПб.: Синодальная тип., 1903. – [2], VI, 387, –83 с.

5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1901 г. – СПб.: Синодальная тип., 1905. – VII, 337, 73 с.

6. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. – СПб.: Синодальная тип., 1910. – XII, 304, – 268 с.

7. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1910 г. – СПб.: Синодальная тип., 1913. – X, 338, – 131 с.

8. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1914 г. – СПб.: Синодальная тип., 1916. – X, 328, –144 с.

9. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1885 г. – СПб.: в Синодальной тип., 1887. – IX, 292, 127.

10. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 гг. – СПб.: Синодальная тип., 1893. – XIV, 511, [3], – 235 с.

11. Городские попечительства о бедных в Москве (Очерк первого десятилетия их деятельности): 1895–1904 гг. / [сост. Д. И. Гомберг]. – М.: Моск. гор. обществ. управление, 1908. – [2], V, – 137 с.

12. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1870 г. – СПб.: В Синодальной тип., 1871. – [2], VIII, 284, 125 с.

13. Извлечение из Всеподданейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1875 г. – СПб.: в Синодальной тип., 1876. – [2], VI, 286, 125 с.

14. Извлечение из Всеподданейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1880 г. – СПб.: В Синодальной тип., 1882. – [2], VI, 208, 125 с.

15. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1883 г. – СПб.: В Синодальной тип., 1885. – VIII, 424, 127 с.

16. Инструкция для участковых попечителей Красноярского Синельниковского благотворительного общества. – Красноярск: Тип. А. Д. Жилина, [б. г.]. – 7 с.

17. Нищенство и борьба с ним: Материалы для подготовительной комиссии для разработки вопроса по реорганизации борьбы с нищенством в Санкт-Петербурге, образованной Санкт-Петербургской городской Думой 28 января 1911 г. / [К. И. Ануфриев]. – СПб.: Городская тип., 1913. – X, 248 с.

18. Нищенство, как предмет попечения церкви и государства: Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Новороссийского университета 30 августа 1885 г. профессором протоиреем Ал. Кудрявцевым. – Одесса: Тип. Одесского вестника, 1885. – [2], 89 с.

19. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. – СПб.: Синодальная тип., 1901. – XVIII, 8, – 727 с.

20. Отчет Иркутского Благотворительного общества для пособия бедным евреям за 1911 г. – Иркутск: Электро-тип. Р. М. Мейерович, 1912. – 40 с.

21. Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1906 г. по 1 октября 1907 г. – Якутск: [б.и.], [1907]. – 12 с.

22. Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1908 г. по 1 октября 1909 г. (девятнадцатый год деятельности). – Якутск: Типография Якутского областного управления, [1909]. – 12 с.

23. Отчет комитета Якутского Благотворительного Общества за время с 1 октября 1910 г. по 1 октября 1911 г. (двадцать первый год деятельности). – Якутск: [б. и.], [1911]. – 11 с.

24. Отчет Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечения о сиротах за 1890 г. – Красноярск: Тип. Ал. Д. Жилина, 1891. – 27 с.

25. Отчет Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечения о сиротах за 1891 г. – Красноярск: Тип. Ал. Д. Жилина, 1892. – 45 с.

26. Отчет Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот за 1893 г. – Красноярск: Тип. Ал. Д. Жилина, 1894. – 37 с.

27. Отчет Красноярской городской управы за 1907 г.. – Красноярск: Тип. М. И. Абалакова, 1908. – [242] с.

28. Отчет Красноярской городской управы за 1911 г. – Красноярск: Тип. б. М. И. Абалакова, 1912. – 282 с.

29. Отчет о денежных оборотах городских касс за 1899 г.; Издание хозяйственного Департамента МВД. – СПб.: Тип. МВД, 1902. – 180 с.

30. Отчет о деятельности Иркутского благотворительного общества за 1889 г. (1-й год по преобразовании общества). – Иркутск: Губернская тип. – 1890. – 35 с.

31. Отчет о деятельности Иркутского благотворительного общества за 1891 г. – Иркутск: Губернская тип., 1894. – 51 с.

32. Отчет о деятельности Иркутского Римско-Католического благотворительного общества за 1908-й г. (11-й год с основания общества). – Иркутск: тип. М. П. Окунева, 1909. – 24 с.

33. Отчет о деятельности Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Первый год. С 1-го октября 1914 г. по 1-е октября 1915 г. – Пг.: Тип. «Виктория», 1916. – 104 с.

34. Отчет о деятельности Тобольского Дамского Комитета Красного Креста за время с 7-го февраля 1904 г. по 1-е января 1905 г. – Тобольск: Губ. тип., 1905. – 42 с.

35. Отчет по призрению семейств запасных и ратников государственного ополчения, призванных на действительную службу в Русско-японскую войну

(февр. 1904 г. – окт. 1906 г.) / сост. Главное управление по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1907. – 131 с.

36. Отчет приходского Попечительства при градо-Красноярской Покровской церкви с 10 августа 1903 г. по 1-е января 1905 г. – Красноярск : тип. Ал. Д. Жилина, 1905. – 28 с.

37. Отчет совета отдела трудовой помощи Якутского благотворительного общества за время с октября 1912 г. по 1-е октября 1913 г. – [Якутск]: Тип. Якутского областного управления, [Б.г.] – 8 с.

38. Отчет Якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908). – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1908. – II, 5 – 106 с.

39. Протоколы первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в г. Красноярске 15–17 июня 1915 г. – Красноярск: Электро-тип. епархиального братства, 1915. – 117 с.

40. Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. – Иркутск: Электро-тип. И. А. Белоголового, 1916. – 89 с.

41. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова: (записи заседаний и переписка) / С.-Петербурб. фил. ин-та Рос. ист. РАН; редкол.: Б. Д. Гальперина (гл. ред.) и др. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 558 с.

42. Стенографический отчет. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия IV. Заседание десятое. Пятница, 14 августа 1915 г. – [Пг.]: Гос. тип., [1915]. – Стб. 795–856.

43. Труды Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г.: в 2 ч. Ч. 2. Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению. – СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1910. – 873 с. разд. паг.

44. Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11–16 мая 1914 г.: в 2 т. Т. 2. Материалы. – Пг.: тип. В. Безобразов и К^о, 1914. – [4], II, 538 с.

45. Устав Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий. – Пг.: Тип. «Виктория», 1915. – 8 с.

46. Церковно-благотворительные учреждения вызванные крестьянской реформой 1861 г. Речь, произнесенная в годичном собрании Юридического Общества при Новороссийском университете, 19 февраля 1882 г., А. Н. Кудрявцевым. [б.м.], [1882]. – 15 с.

обзоры, справочные, статистические и юбилейные издания

1. Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России; издание Светлейшей княгини О. Ф. Имеретинской под ред. П. И. Лыкошина: т. 1. Ч. II: Благотворительность государственная. – СПб.: Санкт-Петербургская электропечатня., 1901. – 330, [4] с.

2. Благотворительность в России. Составлено по Высочайшему повелению Собственной Его Императорского Величества по учреждениям Императрицы Марии. Т. II. Список благотворительных учреждений. Ч. II. Губернии и области: Олонецкая – Ярославская, Привислинские, Кавказа, Средней Азии и Сибири. II. Дополнительный список благотворительных учреждений. – СПб.: [б. и.], [не позднее 1907]. – 938 с., IV.

3. Благотворительные учреждения Томской губернии: очерк / сост. по распоряжению Томского губернатора, чиновником особых поручений Томского общего губернского управления [С.] Соболевым. – Томск : Губернская тип., 1895. – III, 75, [6] с.

4. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 4 т. Т. 2. Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел. Министерство юстиции. Министерство финансов. Министерство торговли и промышленности. Государственный контроль / отв. сост. Д. И. Раскин; Федер. арх. служба России; Рос. гос. ист. арх.; Гос. арх. РФ. – СПб.: Наука, 2001. – 259, [1] с.

5. Детские приюты Ведомства учреждений имп. Марии. (1839–1889 г.): К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских приютах 27 декабря 1839 г. – СПб.: [б. и.], 1889. – [2], IV, 391 с.
6. Ежегодник России. 1904 г. (Год первый); Центральный статистический комитет МВД. – СПб.: Тип. князя В. П. Мощерского, 1905. – VI, 405 с.
7. Иркутский сиропитательный дом Елисаветы Медведниковой и учрежденный при нем банк: ч. 1: Сиропитательный дом. 1838–1888 гг. С фотогравюрами и планом; издание Совета Иркутского Сиропитательного Дома. – Иркутск: Тип. газеты «Сибирь», 1888. – 235 с.
8. Исторический очерк законодательных мер по общественному призрению / [Маргулис М. Г.]. – [Одесса]: Тип. Одесского листка, [1894]. – 34 с.
9. Коновалов, П. Н. К 50-летию Красноярского Владимирского детского приюта Ведомства учреждений императрицы Марии / П. Н. Коновалов. – Красноярск: [б. и.], [1899]. – 3 с.
10. Краткое описание приходов Енисейской епархии. Репринтное воспроизведение издания 1916 г. – Красноярск: КО РФК ХТО «Краевед», 1995. – 244 с.
11. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 2. – М.: Тип. В. В. Исленьева, 1890. – VIII, 320, 25 с.
12. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 4: Енисейская губерния, вып. 2 / сост. В. Ю. Григорьев [и др.]. – Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1893. – 176, 55, 129 с.
13. Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. – СПб.: Синодальная тип., 1901. – VIII, 8, 727 с.
14. Обзор Енисейской губернии за 1870 г. – Красноярск: Енисейская губ. электро-тип., [1871]. – 87 с.
15. Обзор Енисейской губернии за 1871 г. – Красноярск: [б. и.], [1872]. 43, [37] с.: табл.

16. Обзор Енисейской губернии за 1875 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Красноярск: [б. и.], [1876]. 52, [29] с.: табл.
17. Обзор Енисейской губернии за 1880 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Красноярск: Тип. Гоштовтта и К, 1881. – 96 с., прил.
18. Обзор Енисейской губернии за 1885 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Красноярск: Тип. губ. правл., 1886. – [4], [24] с.: табл.
19. Обзор Енисейской губернии за 1891 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Красноярск: Тип. губ. правл., 1892. – 42 с., прил.
20. Обзор Енисейской губернии за 1895 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. – Красноярск: Тип. Енисейского губ. управл., 1896. – [4], 58, [55] с.: табл.
21. Обзор Иркутской губернии за 1892 г. – Иркутск: губернская тип., 1893. – [1], 41, [29] с.
22. Обзор Иркутской губернии за 1895 г. – Иркутск: губернская тип., 1896. – [1], 35, [41] с.: табл.
23. Обзор Иркутской губернии за 1898 г. – Иркутск: губернская тип., 1899. – [1], 35, [41] с.: табл.
24. Обзор Иркутской губернии за 1900 г. – Иркутск: губернская тип., 1901. – [1], 50, [31] с.: табл.
25. Обзор Иркутской губернии за 1905г. – Иркутск: Губ. тип, [1907]. – [1], 41, [27] с.
26. Обзор Иркутской губернии за 1913 г. – Иркутск: Губ. тип [1915]. – [2], 90, [39] с.
27. Обзор Иркутской губерний за 1885 г. – Иркутск: Губ. тип., 1886. – [1], 35, [14] с.
28. Обзор учреждения в России православных монастырей, со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1869). Сост. Н. Григорович, член и делопроизводитель Комиссии, Высочайше учрежденной при Святейшем Синоде для разбора дел, хранящихся в его архиве. – СПб.: в Синодальной тип., 1869. – 230 с.

29. Обзор хозяйства города Красноярска за январь – март 1902 г. – [Красноярск]: [б. и.], 1902. – 18 с.
30. Обзор хозяйства города Красноярска за январь – март 1903 г. – Красноярск: [б. и.], 1903– № 1 (15 апр.). – 63 с.
31. Обозрение городского самоуправления // Журнал юридического общества. – 1898. – Кн. пятая. Май. – С. 177.
32. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. Т. 1. – СПб.: паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. – [4], XXII, 268, 89 с.: картогр., диагр.
33. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. Т. 2. – СПб.: паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. – [6], LX, 417 с.
34. Отчет о денежных оборотах городских касс за 1899 г.; Издание хозяйственного Департамента МВД. – СПб.: Тип. МВД, 1902. – 180 с.
35. Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г. Издание Енисейского губернского статистического комитета. – Красноярск: Енисейская губ. тип., 1903. – [216] с.
36. Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г. Издание Енисейского губернского статистического комитета. – Красноярск: Енисейская губ. тип., 1905. – XIV, 281 с.
37. Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 г: составлена под ред. и. д. секретаря Енисейского губернского статистического комитета, действительного члена Комитета Н. В. Доброхотова. – Красноярск: Енисейская губ. тип., 1907. – [345] с.
38. Памятная книжка Забайкальской области на 1901 г. – Чита: Забайкальский областной статистический комитет, 1901. – [438] с.
39. Памятная книжка Иркутской губернии на 1903 г.; Издание губернского статистического комитета. – Иркутск: губернская типография, [1902]. – 256 с.
- 40.
41. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. Издание Центрального статистиче-

ского комитета Министерства внутренних дел: 1904. LXXIII. Енисейская губерния. – [СПб.]: [б. и.], 1904. – [4], X, 185 с.

42. Россия в конце XIX в. / под общ. ред. В. И. Ковалевского. – СПб.: Тип. акц.об-ва Брокгауз-Ефрон, 1900. – 968 с.

43. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). – М.: Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики, 1925. –104 с.

44. Сведение о числе заседаний состоящих при Иркутских городских Думе и Управе комиссий за ноябрь месяц 1899 г. // Известия Иркутской городской думы 1899 г. – Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1899. – Т. 3. № 23. – С. 562–564.

45. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019. Стат. сб. / [ред. кол.: К. Э. Лайкам, Е. Б. Фролова]; Росстат. – М.: [б. и.], 2019. – 352 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212>.

46. Статистика Российской империи. XXVII. Волости и населенные места 1893 года. Вып. 9. Якутская область; Издание Центрального статистического комитета МВД. – СПб.: Тппо-литография Ю. Я. Римона, 1894. – [2], 30, 13, [1] с.

47. Статистика Российской империи. XXVII. Волости и населенные места 1893 года. Вып. 9. Якутская область; Издание Центрального статистического комитета МВД. – СПб.: тппо-литография Ю. Я. ,Римона, 1894. – [2], 30, 13, [1] с.

48. Статистический ежегодник России. 1915 г. (год двенадцатый); издание Центрального статистического комитета МВД. – Пг.: [б. и.], 1916. – [334] с.

49. Статистический обзор Енисейской губернии за 1901 г. – Красноярск: Тип. Енисейского губ. управл., 1902. – [4], 56 с., табл.

50. Статистический обзор Енисейской губернии за 1905 г. – Красноярск: Тип. Енисейского губ. управл., 1906. – [4], 85, [51] с.: табл.

51. Статистический обзор Енисейской губернии за 1910 г. – Красноярск: Енисейская губ. тип., 1911. – [4], 84, [49] с.: табл.

52. Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 г. – Красноярск: Енисейская губ. электро-тип., 1916. [2], 92, [63] с.: табл.

53. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действитель-

ным статским советником [Ю. А.] Гагемейстером: в 3 ч. Ч. 2. – СПб.: тип. II Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1854. – 697, VI, II с., [35] л. табл.

54. Статистическое обозрение Сибири, составленное статским советником [М.Н.] Баккаревичем на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и достоверных источников. Напечатано по Высочайшему повелению. – СПб.: Тип. Шнора, 1810. – XIX, [1], 361, [3] с., 5 л. табл.

летописи, хроники

1. Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). С предисловием, добавлением и примечаниями И. И. Серебренникова. – Иркутск: паровая тип. И. П. Казанцева, 1911. – 418 с.

2. Иркутские повествования. 1661–1917 гг.: в 2 т. / авт.-сост. А. К. Чернигов. – Иркутск: Оттиск, 2003. Т. 1–2.

3. Кытманов, А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. /вступ. ст. Л. П. Бердникова [Таежная старина Александра Кытманова]. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 888 с.

4. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919 / Л. А. Кутимова, И. В. Нам, Н. И. Наумова, В. А. Сафонов; под ред. Э. И. Черняка. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 298 с.

5. Приклонский, В. Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным данным / В. Л. Приклонский. – Красноярск: тип. Енисейского губернского управления, 1896. – 205, XVII с.

6. Романов, Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Н. С. Романов; [автор вступит. ст. Н. В. Куликаускене; под ред. С. Ф. Коваля]. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993. – 542, [2] с.

7. Щеглов, И. В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири: 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов. – Сургут: Акционерный Информационно-издательский Концерн «Северный дом», 1993. – 463 с.

мемуары

1. Из бумаг Н. В. Исакова. [Вып. 3]. По вопросу об отношении государства к общественному призрению; Редакция «Детской помощи». – М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1894. – 28 с.
2. Керенский, А. Ф. Россия на историческом повороте (продолжение) / А. Ф. Керенский // Вопросы истории. – 1990. – № 12. – С. 131–153.
3. Лемке, М. К. 250 дней в царской ставке: (25 сентября 1915 г. – 2 июля 1916 г.) / М. К. Лемке. – СПб.: Гос. изд-во, 1920. – XVIII, 859 с.
4. Миндаровский, М. П. Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 г. Город Енисейск / М. П. Миндаровский. – Рукописный подлинник [декабрь 1924]. – Енисейский краеведческий музей им А. И. Кытманова. Оф. 7085. Д. 172.–300 с.
5. Преосвященный Никодим, епископ Енисейский и Красноярский. Дневники [публикацию подготовила О. П. Аржаных]. – Красноярск: Культурно-исторический музей «Некрополь», 1987. – 32 с.

Литература

статьи, монографии, учебные труды

1. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, О. Н. Богатырева и др.; отв. ред. И. А. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с.
2. Александрова, О. А. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности / О. А. Александрова, А. В. Ярашева // Народонаселение. – 2018. – Т. 21. – № 1 (январь–февраль). – С. 3–21.
3. Андерсон В. Несколько цифр из деятельности церковно-приходских попечительств / В. Андерсон // Трудовая помощь. – 1908. – № 5. – С. 31–36.
4. Андюсев, Б. Е. Сибирское краеведение: учеб. пособие для учащихся и студентов / Б. Е. Андюсев. Красноярск: РИО КГПУ, 1999. –180 с.
5. Аншелес, И. И. Классовая борьба и её отражение в программах русских политических партий / И. И. Аншелес. – М.: Начало, 1917. – 38 с.

6. Асташов А. Б. Преступление и право в русской армии (1914 – февраль 1917 гг) / А. Б. Асташов // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – 3(18). – С. 52–78.
7. Бадя, Л. В. Отечественный опыт преодоления бедности методами трудовой помощи (XVIII – начало XX в.): монография / Л. В. Бадя. – М.: АНО СПО «СОТИС», 2008. – 220 с.
8. Бадя, Л. В. Системный подход к чтению курса «История социальной работы в России» / Л. В. Бадя // Системный подход в социальной работе: методологический семинар / Сост.-ред. В. В. Колков. – М.: Ин-т социальной работы, 1997. – С. 134–142.
9. Бакшт, Д. А. Власть атрофирована, и мы находимся на краю бездны» О состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П.П. Заварзина. 1916 г. / Д. А. Бакшт, Т. А. Катцина // Исторический архив. – 2017. – № 1. – С. 33–56.
10. Бахтурина, А. Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: немцы-колонисты и российское общество в годы «Германской» войны / А. Ю. Бахтурина // Новый ист. вестн. – 2013. – № 1. – С. 6–32.
11. Баяндин, В. И. Новобранцы Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в./ В. И. Баяндин // Сибирь в войнах начала XX в.. Материалы Сибирского ист. форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. – С. 44–48.
12. Беглов, А. Л. Приходские попечительства при православных церквях российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности / А. Л. Беглов // Российская история. – 2014. – № 6. – С. 104–127.
13. Белова, И. Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания И. Б. Белова // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. – 2013. – № 12. – С. 51–62.
14. Белявский, Н. Н. Полицейское право: Курс лекций / Н. Н. Белявский. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, [1904]. – 334 с.

15. Бензин, В. М. Церковно-приходская благотворительность на Руси / В. М. Бензин. – СПб.: Гос. тип., 1907. – 120 с.
16. Бибикова, В. В. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования Енисейской губернии в XIX – начале XX в. / В. В. Бибикова. – Красноярск: ПИК «Офсет», 2004. – 208 с.
17. Блинов, Н. В. К общественному движению в Сибири / Н. В. Блинов // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. – Вып. 2. – Томск, 1992. – С. 3–23.
18. Бобкова, Г. И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.): монография / Г. И. Бобкова. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 219 с.
19. Бобровников, В. Г. Социальные преобразования Временного правительства (март – октябрь 1917) / В. Г. Бобровников // PRIMO ASPECTU. Известия ВолгГТУ. – 2014. – Т. 16. – № 5 (132). – С. 67–70.
20. Бойко, В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории: монография / В. П. Бойко / под. ред. В. П. Зиновьева. – Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009. – 308 с.
21. Бойко, В.П. Социально психологические особенности сибирской буржуазии второй половины XIX в. (по мемуарным источникам) / В. П. Бойко // Вопросы истории дореволюционной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – С. 99–106.
22. Большакова, О. В. Власть и политика в России XIX– начала XX в.: американская историография / О. В. Большакова; отв. ред. Л.Г. Захарова. – М.: Наука, 2008. – 263 с.
23. Боханов, А. Н. Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. – М.: Наука, 1989. – 188 с.
24. Бочанова, Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX - начале XX в. / Г.А. Бочанова, Л.М. Горюшкин, Г.А. Ноздрин; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, М-во высш. образования РФ. Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : Изд-во СО РАН : Фил. «ГЕО», 2000. – 210, [2] с.

25. Брэдли, Д. Общественные организации в царской России : наука, патриотизм и гражданское общество / Д. Брэдли ; пер. с англ. яз. М. Н. Карпец. – М.: Новый хронограф, 2012. – 447, [2] с.

26. Булгакова, Л. А. Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 183–214.

27. Булгакова, Л. А. Положение солдатских семейств в 1917 году (По материалам правительственной корреспонденции) / Л. А. Булгакова // Новейшая история Отечества XX–XXI век. Вып. 2. – Саратов: Наука, 2007. – С. 68–84.

28. Булгакова, Л. А. Предисловие / Л. А. Булгакова // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования / отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – С. 4–13.

29. Булгакова, Л. А. Привилегированные бедняки: Помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // На пути к революционным потрясениям: Из истории России второй половины XIX – начала XX в.: материалы конференции памяти В. С. Дякина, 24–25 мая 1999 г. / ред. Р. Ш. Ганелин, Б. Б. Дубенцов, И. В. Лукоянов. СПб., Кишнев : Nestor-Historia, 2001. – С. 429–493.

30. Быкасова, Л. В. Ценностно-мотивационная структура благотворительной деятельности в Западной Сибири XIX начала XX в. / Л. В. Быкасова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2007. – № 298. – С. 91–95.

31. Быконя, Г. Ф. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX вв.) / Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова, Л. П. Бердников. – Красноярск: изд-во Краснояр. ун-та, 1990. – 300, [3] с.

32. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки принимающей социологии: в 4 т. / М. Вебер. – М.: Высшая школа экономики, 2016–2019.

33. Великая Отечественная война и церковная жизнь: исторические очерки д-ра церковной истории С. Г. Рункевича; Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг.: [б. и.], 1916. – 336 с.

34. Верт, О. Общественные работы как трудовая помощь нуждающимся / О. Верт // Трудовая помощь. – 1898. – № 3. – С. 218–239.
35. Винокуров, А. Н. Социальное обеспечение (от капитализма к коммунизму) / А. Н. Винокуров. – М.: НКСО, [1919]. – 14 с.
36. Власов, П. В. Благотворительность и милосердие в России / П. В. Власов. – М.: ЗАО Изд-во Центрополиграф, 2001. – 443 с.
37. Власова, А. В. История церковной благотворительности на Урале: 1861–1917 гг. / А. В. Власова. – Челябинск: Изд-во УрСЭИ АТиСО (Уральский социально-экономический институт, Академия труда и социальных отношений), 2009. – 226 с.
38. Волчкова, Л. Т. Стратегии социологического исследования бедности / Л. Т. Волчкова, В. Н. Минина // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 49–56.
39. Вонлярлярский, В. Городские попечительства о бедных в Москве / В. Вонлярлярский // Русская мысль. – 1896. – Кн. VI. – С. 80–91.
40. Воробьева, Э. А. «Проклятая» или «народная»? Парадоксы восприятия русско-японской войны в русском обществе / Э. А. Воробьева // История в подробностях. – 2014. – № 2 (44). – С. 56–62.
41. Воробьева, Э. А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.: монография // Э. А. Воробьева. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2020. – 252 с.
42. Воропанов, В. А. Организация имперской системы правосудия в Тобольском наместничестве (1782–1796 гг.) / В. А. Воропанов // Северный регион: наука, образование, культура. – 2009. – № 1(19). – С. 30–42.
43. Воропанов, В. А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа): монография / В.А. Воропанов; Челябинский институт (филиал) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы». – Челябинск: ЧИ УрАГС, 2008. – 606 с., табл.

44. Гаврилина, Н. А. Благотворительность в России как фактор социальной стабилизации в условиях рыночных трансформаций в XVII–XIX вв.: монография / Н.А. Гаврилина; М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого». – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. – 117 с.

45. Гаврилова Н. И. Массовые благотворительные акции как форма развития общественной инициативы горожан второй половины XIX – начала XX в. (на примере городов Иркутской губернии) // Гражданское общество в России. История и современность: материалы Междунар. научно-практич. конф. Санкт-Петербург, 8–9 октября 2009 г. / науч. ред. Т. И. Сидненко; в 2 т. Т. 1. – СПб., 2009. – С. 136–146.

46. Гаврилова, Н. И. Владимир Михайлович Посохин: социальный портрет сибирского предпринимателя начала XX в. / Н. И. Гаврилова // Историко-экономические исследования. – 2010. – Т. 11. – №1. – С. 60–74.

47. Гаврилова, Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в: монография / Н. И. Гаврилова. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2014. – 308 с.

48. Гаврилова, Н. И. Реализация реформ городского самоуправления в последней трети XIX в. в малых городах Иркутской губернии: интерпретация законодательных инициатив и повседневных практик горожан / Н.И. Гаврилова // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. – 2013. – № 2. (5) – С. 39–46.

49. Гаврилова, Н. И. Участие горожан Иркутской губернии в благотворительных обществах 2-й половины XIX в.: проблемы реализации социальных ожиданий // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования. 2005/2006. – СПб.: Журнал «Звезда», 2007. – С. 135–146.

50. Гаген, В. А. Право бедного на призрение: т. 1: История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии / В. А. Гаген. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. – [4], VI, [2], 649 с.

51. Галиулина, С. Д., Теоретико-методологические основы формирования социальной защиты в Российской империи / С. Д. Галиулина, Т. И. Кобякова, Н. Л. Сунцова, Д. И. Герасимова // Вестн. Томского гос. ун-та. История. – 2018. – № 54. – С. 110–114.

52. Гельфер, А. А. Пролетарская революция и социальное обеспечение трудящихся (Закон 31 октября 1918 г.) / А. А. Гельфер. – Пг.: Народный комиссариат труда, 1919. – 44 с.

53. Георгиева, Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников / Н. Г. Георгиева // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2016. – № 1. – С. 7–19.

54. Герье, В. И. Опыт городского попечения о бедных / В. И. Герье // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. – 1896. – Вып. 10. – С. 566–585.

55. Герье, В. Что такое дома трудолюбия / В. Герье // Трудовая помощь. – 1897. – № 1. – С. 1–43.

56. Гогель, С. К. Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению / С. К. Гогель // Трудовая помощь. – 1909. – № 3. – С. 275–285.

57. Головин, Н. Н. Военные усилия России в мировой войне; в 2 т. Т. 1 / Н. Н. Головин. – Париж: Т-во объединенных издателей, 1939. – 211с, 10 л.

58. Голосенко, И. А. Нищенство в России (Из истории дореволюционной социологии бедности) / И. А. Голосенко // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 18–25.

59. Гончаров, Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX в. / Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – 383 с.

60. Гончаров, Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в.: по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири / Ю. М. Гончаров. – 2-е изд. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН; Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2003. – 243 с.

61. Гончаров, Ю. М. Модернизационные процессы в сибирской городской семье во второй половине XIX–начале XX в. / Ю. М. Гончаров // Сибирское об-

щество в контексте модернизации. XVIII– XX вв.: Сб. материалов конференции [22–23 сентября 2003 г.] / под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. – Новосибирск, РИЦ НГУ, 2003 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/modern/012.html>.

62. Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX в.: научное издание / Ю. П. Горелов; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 385 с.

63. Горелов, Ю. П. Особенности проведения мобилизаций на территории Сибири в войнах начала XX в. / Ю. П. Горелов, Н. Д. Ростов // Ползуновский вестник. – 2003. – № 3–4. С. 96–104.

64. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917) / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1976. – 344 с.

65. Григорьев, В. А. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.) / В. А. Григорьев. – СПб.: Русская скоропечатня, 1910. – VIII, [I]. 387 с.

66. Григорьева, И. А. Сто лет трансформации социальной политики в России / И. А. Григорьева // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15. – № 4. – С. 497–514.

67. Гринин, Л. Е. Модернизация и модернизационные ловушки в процессе развития / Л. Е. Гринин // Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI в. / под ред. Л. Е. Гринина. – М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. – С. 51–86.

68. Громыко, М. М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII в. / М. М. Громыко // История СССР. – 1971. – № 3. – С. 58–71.

69. Дагаев, И. В. Общественное призрение в Томске / И. В. Дагаев // Трудовая помощь. – 1913. – № 6. – С. 36–46.

70. Дагаев, Н. Городские попечительства о бедных в Томске / Н. Дагаев // Трудовая помощь. – 1914. – № 6. – С. 37–57.

71. Дагаев, Н. Сибирь и нужды войны / Н. Дагаев // Трудовая помощь. – 1915. – № 5. – С. 450–474.

72. Дегальцева, Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.): монография / Е. А. Дегальцева. – Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2002 (ИВЦ БТИ АлтГТУ). – 287 с.

73. Дегтярев, Г. П. От общественного призрения к социальному обеспечению и социальной защите / Г. П. Дегтярев // Пенсия. – 1998. – № 3 (18). – С. 3–8.

74. Дементьев, А. П. Социальная политика комитетов общественной безопасности и советов в Енисейской губернии (март – май 1917 г.) / А. П. Дементьев, Т. А. Катцина // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 10. – С. 31–42. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.10.24175 [Электронный ресурс]. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24175.

75. Дерюжинский, В. Ф. Заметки об общественном призрении / В. Ф. Дерюжинский. – М.: Кн. магазин Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1897. – 115 с.

76. Ди-Сеньи, Н. Эльберфельдская система призрения бедных / Н. Ди-Сеньи // Призрение и благотворительность в России. – 1914. – № 3–4. – С. 210–226.

77. Долидович, О. М. Женщины Сибири во второй половине XIX – начале XX в. (Демографический, социальный, профессиональный аспекты) / О. М. Долидович, В. И. Федорова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2007. – 232 с.

78. Долидович, О. М. Становление системы социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в советской России (12 ноября 1917 г. – 11 марта 1918 г.) / О. М. Долидович, Т. А. Катцина // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9. – № 2. – С. 255–276.

79. Доренко, К. С. История возникновения социальной политики в современных государствах / К. С. Доренко // Право и управление. XXI в. – 2011. – № 3 – С. 46–55.

80. Дриль, Д. А. Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними / Д. А. Дриль // Трудовая помощь. – 1898. – № 9. – С. 228–261.

81. Дружинин, Н. М. Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) / Н. М. Дружинин. – М.: Наука, 1964. – 519 с.

82. Дружинкина, Н. Г. Церковно-приходские благотворительные общества Петербурга в свете церковно-государственных отношений в конце XIX – начале XX в. // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования / отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С. 264–278.

83. Дулов, А. В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX вв.: [монография]: в 2 ч. / А. В. Дулов, А. П. Санников; Межрегион. ин-т обществ. наук при Иркут. гос. ун-те. – Иркутск: Межрегиональный ин-т общественных наук при Иркутском гос. ун-те, 2006. – Ч. 1–2.

84. Дуплий Е. В. Приказы общественного призрения в России: правовые, организационные и финансово-экономические основы деятельности (1775–1864 гг.): комплексное исследование института первых региональных структур социальной помощи и поддержки: монография: в 2 ч. Ч. 1 / Е. В. Дуплий. – М.: отпечатано с готового оригинал макета в авторской редакции в тип. «Медина-принт», 2005. – 124 с., ил.

85. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Б. Гофмана, примеч. В. В. Сапова. – М.; Канон, 1996. – 432 с.

86. Еремин, И. А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): учебное пособие для студентов [историч. факультетов] вузов / И. А. Еремин; Алтайская гос. пед. академия. – Барнаул, 2010. – 293 с.

87. Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.) / Н. П. Ерошкин. – М.: Мысль, 1981. – 252 с.

88. Еськов, Г. С. Социальная направленность программных документов политических партий России в начале XX в. / Г. С. Еськов // Российский журнал социальной работы. – 1996. – № 1. – С. 45–51.

89. Жиромская, В. Б. Российские дети в конце XIX – начале XXI в.: историко-демографические очерки / В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец; Институт российской истории Российской академии наук; Научный совет Российской акаде-

мии наук по исторической демографии и исторической географии. – М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 223, [1] с.

90. Залеский, В. Ф. Системы призрения бедных в законодательстве и практике главнейших западноевропейских государств / В. Ф. Залеский. – Казань: Электрич. тип. Л. П. Антонова, 1912. – 311 с.

91. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки / составлена для высочайше учрежденной комиссии по пересмотру законов о призрении бедных членом комиссии В. И. Герье. – [СПб.]: Гос. тип., 1897. – [2], 110 с.

92. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 г., составленные статским советником И.[С.] Пестовым. – М.: Университетская тип., 1833. – [2], 298, X с.

93. Зиновьев, В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному / В. П. Зиновьев // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII– XX вв.: Сб. материалов конференции [22–23 сентября 2003 г.] / под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/modern/020.html>.

94. Златина, М. А. Организация помощи еврейским беженцам в Российской империи в первые месяцы Первой мировой войны по материалам прессы (июль – октябрь 1914 г) / М. А. Златина // Известия Российского гос. педагогич. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 30–35.

95. Зумпф, А. Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России / А. Зумпф // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 58–80.

96. Иваненко, В.А. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты / В.А. Иваненко, В.С. Иваненко. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 404 с.

97. Иванов, П. Попечение о бедных, как право древнерусской церкви / П. Иванов // Трудовая помощь. – 1911. – № 4. – С. 337–356.

98. Ипполитов, С. С. «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты / С. С. Ипполитов, В. В. Минаев // Новый исторический вестник. – 2013. – № 3(37) – С. 27–45.

99. Ипполитов, С. С. Демографические проблемы Сибири и Дальнего Востока России в условиях экономического кризиса в годы гражданской войны / С. С. Ипполитов, В. В. Минаев // Экономический журнал. – 2015. – № 2 (38). – С. 162-182.

100. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Очерк, отредактированный и изданный иркутским городским головой В. П. Сукачевым. – М.: Типо-литография Высочайше утвержденного товарищества И. Н. Кушнерев и К, 1891. – [2], 271 с.

101. Иркутская епархия в XVIII – начале XX в.: учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.]; науч. ред.: А. В. Дулов, А. П. Санников. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 209 с.

102. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А. В. Гимельштейн, Л. . Дамешек, Ю. А. Зуляр и др. ; гл. ред. [Л. М. Дамешек]. – Иркутск: ВостСибкнига, 2012. – 800 с.

103. Ирошников, М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. – январь 1918 г.: монография / М. П. Ирошников. – М.; Л.: Наука, 1966. – 298 с.

104. Исторический опыт социальной работы в России / под общ. ред. Л. В. Бадя. – М.: Тип. ХОЗО МВД Республики Коми, 1994. – 256 с.

105. История Министерства внутренних дел. Восьмая, дополнительная книга. История распоряжений по расколу / [соч.] докт. прав и философии Н. Варадинова. – СПб.: в тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1863. – V, IV, 636 с.

106. История Министерства внутренних дел: [Ч. 1–3] / [соч.] докт. прав и философии Н. Варадинова. – СПб., 1858–1863.

107. История общественного самоуправления Сибири второй половины XIX – начала XX в. / Анкушева К. А., Бочанова Г. А., Дегальцева Е. А. и др.; отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. – 352 с.

108. Карнишина, Н. Г. Церковные реформы в России второй половины XIX в. / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитар. науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 34–40.

109. Катцина, Т. А. Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов в Сибири (конец XIX — начало XX в.): реализация социальных ожиданий / Т. А. Катцина // Былые годы (Российский исторический журнал). – 2017. – № 44 (2). – С. 533–541. – DOI: 10.13187/bg.2017.2.533.

110. Катцина, Т. А. «Нуждаемся во всем...»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири / Т. А. Катцина // Вестн. Краснояр. гос. педагогич. ун-та им. В. П. Астафьева. – 2013. – № 4 (26). – С. 219–222.

111. Катцина, Т. А. Благотворительность в православных приходах Енисейской епархии во второй половине XIX – начале XX в. / Т. А. Катцина // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004/2005 / Б.В. Ананьич, С.А. Басов, В.М. Воронков и др. (сост. и науч. ред.). – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – С. 152–160.

112. Катцина, Т. А. Благотворительные инициативы Русской православной церкви в годы Первой мировой войны / Т. А. Катцина // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 г.: доклады и выступления участников V Междунар. научно-практич. конфер. (Москва, 26–28 ноября 2015 г.) / ред. совет С.С. Степанов, А.Р. Ханукаева, Г. Д. Шкундин. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2016. – С. 368–374.

113. Катцина, Т. А. Благотворительные общества Енисейской губернии: состав, структура, практическая деятельность и ее мотивы (вторая половина XIX – начало XX в.) / Т. А. Катцина // Благотворительность в России 2003/2004. Исторические и социально-экономические исследования / Б. В. Ананьич, С. А. Басов,

В. М. Воронков и др. (сост. и науч. ред.). – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004. – С. 92–104.

114. Катцина, Т. А. Возможности и перспективы применения методов информатики при изучении истории социальной помощи жертвам войн начала XX в. / Т. А. Катцина // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: Россия в Первой мировой войне. Вып. 5. – М.: Квадрига, 2016. – С. 65–72.

115. Катцина, Т. А. Выселение русских подданных еврейского происхождения из прифронтовых районов в Восточную Сибирь в годы Первой мировой войны (1914 – сентябрь 1917 г.) // Этнические меньшинства в истории России: материалы Второй междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 05–06 ноября 2021 г.) / отв. ред. В. Н. Шайдуров. – СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2021. – С. 77–83.

116. Катцина, Т. А. Городские участковые попечительства о бедных в Восточной Сибири: организационно-правовой аспект (конец XIX в.) / Т. А. Катцина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (21). Часть 2. – С. 69–71.

117. Катцина, Т. А. Государственная политика и опыт иркутского городского самоуправления в области попечения о бедных (конец XIX – начало XX в.) / Т. А. Катцина // Традиции местного самоуправления в России: к 150-летию земской реформы и земских выборов: сб. материалов Всеросс. науч. конф. (Пушкин, 30 мая 2014 г.) / под общ. ред. В. Н. Скворцова, В. П. Журавлева; отв. ред. В. А. Веремenco. – СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2014. – С. 104–109.

118. Катцина, Т. А. Государственная политика и опыт местных властей Восточной Сибири в организации помощи солдатским семьям (август 1914 г. – октябрь 1917г.) / Т. А. Катцина // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 6. – С. 674–680. DOI: 10.7256/2222-1972.2016.6.20752.

119. Катцина, Т. А. Государственно-общественные институты социального попечения в Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.) А. / Т. А. Катцина // Ученые записки Российского гос. социал. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 96–104.

120. Катцина, Т. А. Деятельность органов городского самоуправления Сибири в области социального попечения (1870–1917 гг.) / Т. А. Катцина // Гражданское общество в России. История и современность: материалы междунар. науч.-практич. конф. В 2 т. Т. 1. (Санкт-Петербург, 8–9 октября 2009 г.) / науч. ред. д. и. проф. Т. И. Сидненко. – СПб.: Изд. отдел Государственной полярной академии, 2009. – С. 217–225.

121. Катцина, Т. А. Изучение благотворительных организаций в истории Сибири начала XX в. / Т. А. Катцина // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения. В 2 т. Т. 1: материалы (Иркутск, 1 марта – 30 июня 2016 г.) / А. В. Аргучинцев (гл. ред.), Ю. А. Зуляр (науч. ред.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – С. 256–261.

122. Катцина, Т. А. Исторический опыт учебно-воспитательных практик для детей беженцев Первой мировой войны (на примере Енисейской губернии Российской империи) / Т. А. Катцина, Н. В. Пашина, Л. Э. Мезит, Е. В. Потапова // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2019. – 53(3). – С. 1394–1402. – DOI: 10.13187/bg.2019.3.1394.

123. Катцина, Т. А. Источники изучения социальной поддержки населения Восточной Сибири в условиях войн и революций начала XX в. / Т. А. Катцина // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы III Всеросс. науч. конфер. (Самара, 8–9 декабря 2016 г.). Вып. 3 / под ред. Е. Ю. Семеновской; ред. кол.: А. Б. Бирюкова, А. В. Богачев, С. Ю. Митрофанова. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. – С. 29–33.

124. Катцина, Т. А. К истории исследования российской благотворительности / Т. А. Катцина // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитарн. науки. – 2006. – № 3. – С. 38–40.

125. Катцина, Т. А. Меры социальной помощи населению Енисейской губернии антибольшевистскими правительствами (июнь 1918 г. – декабрь 1919 г.) /

Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2018. – Т. 20. – № 4 (181). – С. 78–91. – DOI:10.15826/izv2.2018.20.4.067.

126. Катцина, Т. А. Неимущие Сибири в XIX в. / Т. А. Катцина // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: в 4 т. Т. 1. Материалы (Иркутск, 1 марта – 1 июня 2011 г.) / А. И. Смирнов (гл. ред.), Ю. А. Зуляр (науч. ред.); ФГБОУ ВПО «ИГУ». – Иркутск: ИГУ, 2011. – С. 197–202.

127. Катцина, Т. А. Общественная благотворительность в Енисейской губернии в третьей четверти XIX – начале XX в. / Т. А. Катцина // Ученые записки Московского гос. социал. ун-та. – 2003. – № 6. – С. 97–101.

128. Катцина, Т. А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): монография / Т. А. Катцина. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 200 с.

129. Катцина, Т. А. Общественные кампании как способ решения социальных проблем в послереволюционные годы на территории Енисейской губернии / Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит // Вест. Томск. гос. ун-та. История. – 2018. – № 51. – С. 54–59. – DOI: 10.17223/19988613/51/7.

130. Катцина, Т. А. Опыт организации помощи семьям воинов в годы Первой мировой войны (на примере приходских попечительных советов Восточной Сибири) / Т. А. Катцина // Социальное служение Русской Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы междунар. научно-практич. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 июня 2015 г.). – СПб.: СПбГИПСР, 2015. – С. 73–76.

131. Катцина, Т. А. Опыт разработки базы данных «Организации помощи жертвам войн начала XX в.» / Т. А. Катцина, В. А. Помазан // Перспективы науки. – 2013. – № 11 (50). – С. 59–63.

132. Катцина, Т. А. Опыт разработки базы данных по истории частных благотворительных обществ дореволюционной Сибири / Т. А. Катцина // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. науч. ст. Всерос. науч. конфер. (Барнаул, 11–12 октября 2019 г.) / под ред. В. А. Скубневского, Д. С. Боброва. – СПб.: «Азбука», 2019. – С. 187–194.

133. Катцина, Т. А. Организационно-экономические основы социальной политики имперской России (на материалах Енисейской губернии) / Т. А. Катцина // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года: Материалы. Иркутск, 22 апреля 2008 г. / А. И. Смирнов (гл. ред.); ред. кол. – Иркутск, 2008. – С. 283–289.

134. Катцина, Т. А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны / Т. А. Катцина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2 (32). – С. 68–79.

135. Катцина, Т. А. От общественного призрения к социальному обеспечению / Т. А. Катцина // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. участников междунар. семинара (Саратов, 18–19 марта 2005 г.) / под ред. П. . Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. – С. 89–102.

136. Катцина, Т. А. Под девизом: «Вся Сибирь идет!» (Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий) / Т. А. Катцина // Сб. тезисов: Сибирский исторический форум «Сибирь в войнах начала XX в.» (Красноярск, 3–6 декабря 2013 г.) / ред. В. Г. Дацышен. – Красноярск: ООО «ЗНАК», 2013. – С. 140–142.

137. Катцина, Т. А. Положение и социальная помощь выселенцам Первой мировой войны (на примере Восточной Сибири) / Т. А. Катцина // Вестник военно-исторических исследований: междунар. сб. науч. трудов / под ред. С. В. Белоусова. – Пенза: Гуманитарный учебно-методич. и научно-издат. центр, 2012. – № 4. – С. 142–146.

138. Катцина, Т. А. Предпосылки и тенденции формирования системы социального обеспечения в России (1917–1921 гг.) / Т. А. Катцина // 1917 г. в российской и мировой истории: материалы междунар. конфер. (Красноярск, 14–15 ноября 2007 г.) / отв. ред. В. В. Гришаев. – Красноярск: ООО Изд-во «Красноярский писатель», 2007. – С. 366–372.

139. Катцина, Т. А. Сибиряки в добровольных организациях, вызванных потребностями Первой мировой войны / Т. А. Катцина // Былые годы (Российский исторический журнал). – 2014. – № 31 (1). – С. 62–66.

140. Катцина, Т. А. Современные исследования истории благотворительности в России: трактовки, подходы, результаты и перспективы / Т. А. Катцина // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2004. – № 6. – С. 135–139.

141. Катцина, Т. А. Социальная политика Временного Сибирского правительства: идеи и опыт реализации (июнь – ноябрь 1918 г.) / Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира: Сб. материалов Всерос. научно-практич. конфер. (Новосибирск, 8–9 ноября 2018 г.) / отв. ред. Д. А. Цыплаков. – Новосибирск: (Обь), 2019. – С. 190–194.

142. Катцина, Т. А. Социальное попечение в первой четверти XX в. (на материалах Енисейской губернии) / Т. А. Катцина // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. – № 2. – С. 259–268.

143. Катцина, Т. А. Становление приходских православных попечительств в Восточной Сибири (1864–1914 гг.) / Т. А. Катцина // Человек в российской повседневности: история и современность: сб. VIII Междунар. науч. конфер. (Пенза, 25–26 марта 2015 г.) / под науч. ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. – Пенза: РИО ПГСХА, 2015. – С. 38–42.

144. Катцина, Т. А. Становление системы социального обеспечения в Восточной Сибири в 1917–1921 гг. / Т. А. Катцина // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв.: материалы междунар. науч. конфер. (Саратов, 26–27 мая 2016 г.) / ред. Е. Б. Дудникова, Н. В. Шалаева, Е. И. Демидова; отв. ред. В.Я. Романченко. – Саратов: ООО «Амироит», 2016. – С. 195–199.

145. Катцина, Т. А. Структура управления, принципы организации и деятельность Владимирского детского приюта в дореволюционном Красноярске // Т. А. Катцина // Отечественный журнал социальной работы. – 2008. – № 2. – С. 41–44.

146. Катцина, Т. А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе XIX – начала XX в. / Т. А. Катцина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2010. – № 3. – С. 5–16.

147. Катцина, Т. А. Управление и финансовые основы деятельности приказов общественного призрения Восточной Сибири (конец XVIII – начало XIX в.) / Т. А. Катцина, А. С. Асочаков // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2004. Вып. 6. – С. 252–257.

148. Катцина, Т. А. Финансовые основы частных благотворительных обществ Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / Т. А. Катцина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7 (13). Часть 2. – С. 98–102.

149. Катцина, Т. А. Церковно-приходские попечительства Восточной Сибири: роль и место в системе социального попечения / Т. А. Катцина // Социокультурное освоение Сибири: материалы Сибирского историч. форума (Красноярск, 2–5 декабря 2014 г.) / ред. кол. проекта: С. А. Пономаренко, А. М. Клешко, А. Б. Казицин, Л. Э. Мезит, О. Р. Сордия, Е. А. Иванова. – Красноярск: Резонанс, 2015. – С. 220–223.

150. Катцина, Т. А. Эльберфельдская система как образец реализации социальной политики на коммунальном уровне во второй половине XIX в. / Т. А. Катцина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9 (59). Часть 1. – С. 92–94.

151. Катцина, Т. А. Социальная помощь беженцам Восточной Сибири в период Первой мировой войны / Т. А. Катцина // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность: IV Междунар. научно-практич. конф.: сб. статей (Пенза, апрель 2008 г.) / под общ. ред. С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. – Пенза: РИО ПГСХА, 2008. – С. 114–117.

152. Катцина, Т. А. Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914 – 1921 гг.): региональный аспект / Т. А. Катцина // Революция 1917 г.: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири: материалы Сибирского историч. форума (Красноярск, 25–26 октября 2017 г.) / ред. кол. проекта: С. А. Поно-

маренко, А. М. Клешко, А. Б. Казин, Л. Э. Мезит, О. Р. Сордия, Е. А. Иванова. – Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2017. – С. 111–116.

153. Климова, С. В. Христианский смысл милосердия / С. В. Климова // Благотворительность и милосердие: сб. науч. трудов / под ред. В. Н. Яворской. – Саратов: Изд-во Поволжского филиала Российского учебного центра, 1997. – С. 80–89.

154. Коваленко, Н. А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (Февраль – октябрь 1917 г.). / Н. А. Коваленко; МГУ им. М. В. Ломоносова; Ин-т гос. упр. и социал. исслед. – М.: Университетский гуманитарный лицей, 2000. – 347 с.

155. Ковальченко, А. Д. Методы исторического исследования / А. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп.; Отделение историко-филологических наук. – М.: Наука, 2003. – 486 с., ил.

156. Козлов, В. П. Статус истории в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. / В. П. Козлов // Всемирная история и Восток: Сб. статей; В. П. Алексеев, Г. М. Бонгард-Левин, А. С. Ипатова и др. (ред. кол.). – М.: Наука, 1989. – С. 203–222.

157. Коллонтай, А. М. Общество и материнство: 1-е Государственное страхование материнства / А. М. Коллонтай. – Пг.: Жизнь и Знание, 1916. – 641 с.

158. Коллонтай, А. М. Социальные основы женского вопроса / А. М. Коллонтай. – СПб.: Изд-во т-ва «Знание», 1909. – 431 с.

159. Комарова Т. С. Тем, кто в забвенье брошен судьбой: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны / Т. С. Комарова. – Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. – 120 с.

160. Комарова, Т. С. «На сопках Маньчжурии...» (Енисейская губерния в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.) / Т. С. Комарова. – Красноярск: ИП Азарова Н. Н., 2013. – 220 с.

161. Комлева, Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX вв.) / Е. В. Комлева. – М.: Academia, 2006. – 384 с.

162. Кони, А. Ф. Задачи трудовой помощи / А. Ф. Кони. – СПб.: Гос. тип., 1897. – 15 с.

163. Красноперов, Е. И. Благотворительность, как один из факторов экономического благосостояния и прогресса / Е. И. Красноперов. – Пермь: Тип. наследников П. Ф. Каменского, 1892. – 31 с.

164. Красноярье: пять веков истории: учебное пособие по краеведению / Н. И. Дроздов (рук.) и др.: в 3 ч. Ч. 1. Край с древнейших времен до 1916 г. – Красноярск: Группа компаний «Платина», 2005. – 240 с.

165. Красовский, Л. В. Местопрizrение по действующему русскому законодательству / Л. В. Красовский // Трудовая помощь. – 1909. – № 9. – С. 358–385.

166. Ксенофонтов, И. К. Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР / И. К. Ксенофонтов. – М.: Взаимопомощь, 1925. – 62 с.

167. Куанчалева, Л. Ш. Губернская реформа в России на рубеже XVIII–XIX вв. / Л. Ш. Куанчалева // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 1 (21). – С. 212–216.

168. Кубицкий, С. И. Благотворительность: теория, история, современность: моногр. / С. И. Кубицкий, Л. Ф. Бабкина, А. В. Власова. – Челябинск : Фотохудожник, 2005. – 159 с., [6] л.

169. Куликов, С. В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы / С. В. Куликов // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 45–60.

170. Куликов, С. В. Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) / С. В. Куликов // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С. 369–396.

171. Курцев, А. Н. Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. / А. Н. Курцев // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. – 2008. – № 3(13). – С. 82–92.

172. Лаврененко, Л. Я. Социокультурная природа благотворительности и формы ее реализации (история становления и развития) / Л. Я. Лавриненко. – М.:

Изд-во Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2000. – 132 с.

173. Лазарева, С. И. Организация городских попечительств – новый этап в развитии городского общественного призрения на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) / С. И. Лазарева // Россия и АПР. – 2010. – № 1. – С. 5–13.

174. Лебина, Н. Б. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е гг. / Н. Б. Лебина, П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – С. 21–67.

175. Левенстим, А. А. Нищенство в современной России (Несколько слов о его причинах и развитии) / А. А. Левенстим // Вестн. права. – 1899. – № 5 (Май). – С. 120–137.

176. Лен, К. В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции / К. В. Лен // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29): История. Социология. – С. 6–16.

177. Ленин, В. И. Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих / В. И. Ленин // Полное собр. соч.: в 55 т. Т. 21. Декабрь 1911 – июль 1912 г.; 5-е изд. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1968. – С. 146–149.

178. Линденмайер, А. Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения российской благотворительности / А. Линденмайер // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования / отв. ред. Л. А. Булгакова. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С. 95–107.

179. Линденмайер, А. Тенденции и перспективы современного изучения истории российской благотворительности / А. Линденмайер // Династия Романовых: традиции благотворительности и меценатства: Междунар. науч. конф.: Тез. докладов. Москва, 4–6 июня 2013 г./ Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; [сот. Н. Ф. Гриценко]. – М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. – 11–12.

180. Литягина, А. В. Уровень религиозности населения Западной Сибири (1861–1917 гг.) / А. В. Литягина // Вопросы истории. – 2006. – № 9. – С. 117–124.

181. Лони́на, С. Л. Формирование системы соотношения властей на территории Восточной Сибири в пореформенный период (1860 – 1917 гг.): монография / С. Л. Лони́на; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. – Красноярск, 2014. – 120 с.

182. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны; пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 304 с.

183. Луков, Е. В. Политика антибольшевистских правительств Сибири в области государственного призрения / Е. В. Луков // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И. М. Разгона. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 182–194.

184. Максимов, Е. [Д]. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним / Е. [Д]. Максимов // Вестник благотворительности. – 1900. – № 12. – С. 17–38.

185. Максимов, Е. Д. Городские общественные управления в деле помощи бедным / Е. Д. Максимов. – СПб.: Гос. тип., 1905. – [4], 224 с.

186. Максимов, Е. Д. Законодательные вопросы попечения о нуждающихся / Е. Д. Максимов. – СПб.: Гос. тип., 1907. – 68 с.

187. Максимов, Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России / Е. Д. Максимов. – СПб. [Б. и], 1894. – 277 с.

188. Максимов, Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения / Е. Д. Максимов. – СПб.: Гос. тип., 1903. – 137, [2] с.

189. Максимов, Е. Д. Очерк земской деятельности в области общественного призрения / Е. Д. Максимов. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895. – [4], 105 с.

190. Максимов, Е. Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1901. – № 9. – С. 532–555.

191. Максимов, Е. Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1901. – № 10. – С. 728–767.

192. Максимов, Е. Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним / Е. Д. Максимов. – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1901. – [2], 136 с.

193. Малека, Ю. Н. Социальная деятельность Российского государства: исторический аспект управления процессами (XVIII–начало XX вв.): монография / Ю. Н. Малека. – М.: Изд-во МГСУ, 2003. – 395 с.

194. Мантурова, С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. / С. Ч. Мантурова; М-во образования и науки Российской Федерации, Вост.-Сиб. гос. технол. ун-т. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2005 (ОАО Респ. тип. РБ). – 230 с.

195. Маркс, К. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений / К. Маркс, Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в 3 т. Т. 1. – М.: Издательство политической литературы, 1979. – С. 4–76

196. Медушевский, А. Н. Понятие русской революции: идеология, институты и формы социальной мобилизации в XX в. / А. Н. Медушевский // ОНис. – 2017. – № 4. – С. 98–113.

197. Менделеев, Д. И. К познанию России / Д. И. Менделеев; 6-е изд. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. – 158 с.

198. Местное самоуправление в истории России XIX – начала XX в.: сб. материалов регион. науч. конф. «Проблемы самоуправления в истории Сибири XIX – начала XX вв.». Новосибирск, 30 июня 2004 г. – Новосибирск, 2004. – 206 с.

199. Мешалкин, П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX вв. / П. Н. Мешалкин. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1995. – 160 с.

200. Миронов, Б. Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России / Б. Н. Миронов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XI. – № 3. – С. 183–195.

201. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества

и правового государства: в 2 т. Т. 1. / Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. – 550 с.

202. Михалев, Н. А., Беженцы Первой мировой войны в Российской империи; численность, размещение, состав / Н. А. Михалев, С. А. Пьянков // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4 (49). – С. 95–105.

203. Морозан, В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / В. В. Морозан. – СПб.: Крига, 2004. – 400 с.

204. Мушинский, К. А. Устройство общественного призрения в России / К. А. Мушинский. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1862. – [2], 64 с., 11 л.

205. Мюнстерберг, Э. Призрение бедных: Руководство к практической деятельности в области попечения о бедных / Э. Мюнстерберг / пер. с нем. А. И. Браудо и В. А. Гагена. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – XII, 332, LV с.

206. Нагорная, О. С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922) / О. С. Нагорная. – М.: Новый хронограф, 2010. – 440 с.

207. Нам, И. В. Польские беженцы Первой мировой войны /И. В. Нам // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX в. в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири : сб. науч. тр. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2015. – С. 274–284.

208. Нардова, В. А. Органы городского самоуправления в системе самодержавного аппарата власти в конце XIX – начале XX в. / В. А. Нардова // Реформы или революция? Россия 1860–1917. Материалы международного коллоквиума историков, 4–7 июня 1990 г. / В. С. Дякин, отв. ред. – СПб.: Наука, Санкт-Петербург. отд-ние, 1992. – С. 55–66.

209. Нефедов, С. А. Концепция демографических циклов: [монография] / С. А. Нефедов; Российская акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т истории и археологии. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. – 141 с.

210. Никольский, Н. А. Об общественной благотворительности и ее органах – приходских попечительствах / Н. А. Никольский. – [М.]: Университетская тип., 1876. – 48 с.

211. Ноздрин, Г. А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. / Г. А. Ноздрин // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2005. – Вып. 288. – С. 143–150.

212. О общественном призрении в России: [в 4 ч.]. – СПб.: [Б.и.], 1818–1831.

213. Об общественном призрении и благотворительности в Польских губерниях / [бар. О. Буксгевден]. – [М.]: Тип. А. И. Снегиревой, ценз. 1894. – 9 с.

214. Образ «инородцев» на страницах периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.): монография / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Е. А. Сенина [отв. ред. Л. М. Дамешек]. – Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2004. – 320 с., табл.

215. Окольский, А. С. Эльберфельдская система призрения бедных / А. С. Окольский // Варшавские университетские известия. – 1896. – № 4. – С. 1–16.

216. Окольский, А. С. Эльберфельдская система призрения бедных / А. С. Окольский // Варшавские университетские известия. – 1896. – № 5. – С. 17–38.

217. Орехова, Н. А. Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX вв.) / Н. А. Орехова, Я. М. Кофман // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. – Вып. 5 (27). – Красноярск: Красноярский писатель, 2009. – 328 с., илл.

218. Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам / соч. адъюнкта по каф. законов гос. благоустройства и благочиния в С.-Петербур. ун-те, д-ра прав. Н. [Ф.] Рождественского. – СПб.: тип. Н. Греча, 1840. – [4], XII, 465 с.

219. Охотский, Е. В. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат / Е. В. Охотский, В. А. Бочурская // Труд и социальные отношения. – 2012. – № 5 (95). – С. 30–44.

220. Павлова, И. П. Право на помощь: разработка законодательства о социальной помощи в период деятельности Временного правительства (март – ок-

тябрь 1917 г.) / И. П. Павлова, Т. А. Катцина // История государства и права. – 2017. – № 8. – С. 53–58.

221. Павлова, И. П. Инвалиды Первой мировой войны: государственная помощь и благотворительная поддержка / И. П. Павлова // Инвалиды Первой мировой войны. Исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Междунар. научно-практич. конфер. – М., 2013. – С. 17–21.

222. Павлова, И. П. Организационные и правовые основы социального попечения в России на рубеже XIX–XX вв: монография / И. П. Павлова. – СПб.: Нестор, 2003. – 206 с.

223. Павлова, И. П. Органы местного самоуправления в период революции 1917 г. и проблемы организации социальной помощи / И. П. Павлова, П. А. Павлов // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2017. – № 1. – С. 228–237.

224. Павлова, И. П. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март – октябрь 1917 г.) / И. П. Павлова, Т. А. Катцина // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 134–140.

225. Павлова, И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны/ И. П. Павлова; Краснояр. гос. аграрн. ун-т. – Красноярск, 2003. – 152 с.

226. Павлова, И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX в. / И. П. Павлова; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2003. – 249 с.

227. Павлова, И. П. Эльберфельдская система социальной помощи неимущим: от добровольчества к профессионализму / И. П. Павлова // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 14. № 3. – С. 363–376.

228. Паликова, Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие) / Т. В. Паликова / науч. ред. З. С. Бочарова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 312 с.

229. Папков, А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России / А. А. Папков. – М.: Т-во типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1900. – 51 с. Отд. оттиск из журнала «Русский вестник».

Папков, А. А. Упадок православного прихода. (XVIII–XIX): Историческая справка / А. А. Папков. – М.: Т-во типо-литографии Вл. Чичерин в Москве, 1899. – 163 с. Отд. оттиск из журнала «Русский вестник».

230. Педан, С. А. Государственное и общественное призрение в России: историко-правовое исследование / С. А. Педан, Н. А. Виноградов; Федеральное агентство морского и речного трансп., Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Санкт-Петербургский гос. ун-т водных коммуникаций». – СПб.: ФГОУ ВПО СПГУВК, – 2008. – 250, [1] с.

231. Побережников, И. А. Фронтирная модернизация на Востоке Российской империи: региональные вариации / И. А. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4 (61). – С. 72-80.

232. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М.: РОССПЭН, 2006. – 237, [2] с.

233. Побережников, И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции / И. В. Побережников // Проблемы истории России. – Екатеринбург: Волот, 2001. – Вып. 4: Евразийское пограничье. – С. 217–246.

234. Погребняк, А. И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии: учеб. пособ. / А. И. Погребняк; Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т. – Красноярск, 2002. – 432 с.

235. Полицейское право: пособие для студентов / Дерюжинский В. Ф.; 4-е изд. – Петроград: Сенатская типография., 1917. – 522 с.

236. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. – М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 419 с.

237. Права человека и правовое социальное государство в России: монография / Н. А. Воронина, А. С. Запесоцкий, В. А. Карташкин; отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 400 с.

238. Правда о евреях. Война и евреи. Дело о шпионстве. Выселение. – Иркутск: элетротипография А. Белоногова, 1915. – С. 54

239. Призрение бедных и благотворительность / [соч.] П. И. Георгиевского орд. проф. Имп. С.-Петербур. ун-та. – СПб.: тип. Морского министерства, 1894. – [6], 118 с.

240. Профессиональное нищенство, его причины и формы: бытовые очерки А. [А.] Левенстима. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – [4], IV, 161 с.

241. Профессиональные группы и общества как акторы российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.) / С. Я. Бугаева, Л. А. Дашкевич, Е. Ю. Казакова-Апкаримова и др.; Отв. ред. И. В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 148 с.

242. Прыжов, И. Г. История нищенства, кабачества и кликушества на Руси / И. Г. Прыжов / вступ. ст. и коммент. М. Альтмана. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997. – 240 с.

243. Пудовкина, И. М. Деятельность русской православной церкви в кризисный период 1900–1918 гг. на примере Пермской епархии / И. М. Пудовкина // Вестник Пермского государственного технического университета. Культура. История. Философия. – 2010. – № 2. – С. 119–135.

244. Пушкарева, Н. Л. Организация призрения семей нижних чинов в годы первой мировой войны / Н. Л. Пушкарева, П. П. Щербинин // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. № 2. – С. 147–162.

245. Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность: научный доклад / под ред. к.э.н. В. Назарова и А. Пошарац. – М.: Научно-исследовательский финансовый институт; Всемирный банк, 2017. – 143 с.

246. Рассуждение о мерах правительства к сохранению жизни и здоровья народа, сочиненное Николаем Рождественским для получения степени доктора законовещения. – СПб.: в тип. Н. Греча, 1836. – [2], 121 с.

247. Римский, С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ [Текст]: (Церковные реформы в России 1860–1870-х гг.) / С. В. Римский; Крутицкое Патриаршее Подворье. – М.: Об-во любителей церковной истории, 1999. – 567 с.

248. Римский, С. В. Церковная реформа 60–70-х гг. XIX в. / С. В. Римский // Отечественная история. – 1995. – № 2. – С. 163–171.

249. Римский, С. В. Церковная реформа Александра II / С. В. Римский // Вопросы истории. – 1996. – № 4. – С. 32–48.

250. Ромм, М. В. Понятийный аппарат отечественного призрения: генезис, специфика, традиция / М. В. Ромм // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: Науч. кн.: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. – С. 229–234.

251. Ростов, Н. Д. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // Н. Д. Ростов, Ю. П. Горелов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2015. – № 4 (17). – С. 86–89.

252. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. Соч. В. [Н.] Лешкова. – М.: В Университетской тип., 1858. – II, III, 612 с.

253. Русский нищий. Сочинение епископа Енисейского и Красноярского Никодима. – СПб.: тип. Департамента уделов, 1864. – 128 с.

254. Рынков, В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918–1919 г.) / В. М. Рынков; отв. ред. В. А. Ильиных; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2008. – 438, [2] с.

255. Свердлова, А. Л. К истории общественного призрения в России / А. Л. Свердлова // Социс. – 1997. – № 9. – С. 89–92.

256. Севостьянова, Е. В. Благотворительность и призрение в городах Забайкальской области в период Первой мировой войны: взаимодействие власти и общества / Е. В. Севостьянова // Политика и общество. – 2020. – № 3. – С. 24–35. – DOI 10.7256/2454-0684.2020.3.33992.

257. Севостьянова, Е. В. Благотворительность и призрение в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области в период Первой мировой войны: специфика локальной практики / Е. В. Севостьянова // Укрепление единства российской на-

ции и этнокультурное развитие народов Забайкалья: материалы Междунар. научно-практич. конф. (Чита, 16 мая 2019 г.). – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2019. – С. 103–106.

258. Севостьянова, Е. В. Комиссии Елизаветинского благотворительного комитета в сельских поселениях Забайкалья в годы Первой мировой войны / Е. В. Севостьянова // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы Междунар. научно-практич. конф., посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол (Чита, 18 сентября 2019 г.). – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2019. – С. 185–188.

259. Севостьянова, Е. В. Мобилизация в повседневной жизни населения Забайкальской области в период «китайских осложнений» (1900–1901 гг.) / Е. В. Севостьянова // Социодинамика. – 2021. – № 4. – С. 22–47. – DOI: 10.25136/2409-7144.2021.4.32551. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32551.

260. Серошевский, В. Ссылка и каторга в Сибири / В. Серошевский // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1908. – С. 201–233.

261. Сибирские владыки: в 5 кн. Кн. 1. Начало / [ред. С. Щеглов]. – Красноярск: Красноярское Воскресение, 2005. – 139, [1] с., [2] л. ил.

262. Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. П. Зиновьев и др.; отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

263. Синова, И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения: монография / И. В. Синова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – 287 с., [8] л.

264. Скопа, В. А. Развитие статистики в системе общественных организаций и городского самоуправления в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. / В. А. Скопа // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX вв.: сб. материалов регион. науч. конф. «Проблемы самоуправления в истории Сибири XIX–XX вв.». Новосибирск, 30 июня 2004 г. – Новосибирск, 2004. – С. 112–121.

265. Скубневский, В. А. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в.: монография / В. А. Скубневский, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров; М-во общ. образования РФ. Алт. гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – 240 с.

266. Смит, Т. Благотворительность и помощь в Европе: современный период / Smith T. Charity and Poor Relief: The Modern Period; пер. с англ. А. Желтова; под ред. Б. Останина / Т. Смит // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004/2005. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – С. 171–192.

267. Соболева, Н. А. Общественное призрение и благотворительность: из истории понятий / Н. А. Соболева // Вестн. Томск. гос. ун-та. Гум. науки. История. – 2008. Вып. – 2 (58). – С. 420–426.

268. Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. – 432 с.

269. Соколов, А. Р. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX вв. Повседневная жизнь Российского императорского двора. / А. Р. Соколов, И. В. Зимин. – М.; СПб.: Центрполиграф: Русская тройка – СПб., 2015. – 604 с.

270. Соколов, А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.) / А. Р. Соколов. – СПб.: Лики России, 2006. – 648 с.

271. Соколов, А. Р. Российская благотворительность в XVIII–XIX в. К вопросу о периодизации и понятийном аппарате / А. Р. Соколов // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 147–158.

272. Соколов, А. Р. Российская благотворительность в русском общественном сознании: дореволюционная историография благотворительной деятельности и благотворительных учреждений / А. Р. Соколов. – СПб.: Гиперион, 2005. – 281, [2] с.

273. Соломон, А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения: Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки / А. П. Соломон. – СПб.: тип. С.-Петербур. тюрьмы, 1900. – [2], XII, 342, 53 с.

274. Сорвина, А. С. Инновационные идеи истории социальной работы в России и их использование в современных условиях / А. С. Сорвина // Проблемы социальной работы в России. (Материалы Первой национальной конференции.) – М.: Институт социальной работы, 1995. – С. 60–67.

275. Сорокин, П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / П. А. Сорокин; вст. ст., сост., комм., подготовка к печати В. В. Сапова и В. С. Сычевой. – М.: Academia: LVS, 2003. – XII, 684 с.

276. Сорокин, П. А. Социальная мобильность / П. А. Сорокин; пер. с англ. М. В. Соколовой; под общ. ред. В. В. Сапова. – М.: Academia: LVS, 2005. – 588 с.

277. Сорокин, П. А. Социальная стратификация и мобильность / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. С. А. Сидоренко, А. Ю. Согомонов. – М. Политиздат, 1992. – С. 295–424.

278. Сорокин, П. А. Социология революции / предисл. И. Ф. Курас, И. И. Лукинов, Т. И. Деревянки. – М.: «Книга по требованию», 2015. – 700 с.

279. Социальная политика: парадигмы и приоритеты: монография / В. М. Капицын, А. А. Акмалова, Г. И. Рузавин и др.; В. И. Жуков (ред.). – М.: Союз, 2000. – 312 с.

280. Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX в.: монография / И. П. Павлова, Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит, О. М. Долидович. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2016. – 316 с.

281. Социальное обеспечение за пять лет (30 апреля 1918 г. – 30 апреля 1923 г.); Издательство НКСО. – М.: тип. «Мосполиграф», 1923. – 44 с.

282. Социальное служение русской православной церкви: вопросы истории, теории, практики / С. Г. Зубанова, И. И. Степанов, Н. Д. Патюлина и др.; отв. ред. А. А. Дорская. – М.: Изд-во «Лика», 2013. – 463 с.

283. Сперанский, А. В. Модернизационная парадигма в изучении истории России: проблемы и дискуссии / А. В. Сперанский, П. А. Сперанский // История и современное мировоззрение. – 2019. № 3. С. 19–27.

284. Сравнительная статистика в России / сост. П. [В.] Павлов; издание Русской книжной торговли. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. – 194 с.

285. Старцев, А. В. Благотворительность и меценатство предпринимателей Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / А. В. Старцев // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2002 / сост. и науч. ред. О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. – СПб.: «Лики России», 2003. – С.85–97.

286. Степанов, А. П. Енисейская губерния: в 2 ч. – Ч. 2. / А. П. Степанов – СПб.: В тип. Конрада Вингебера, 1835. – II, 139, [3], XIV с.

287. Степанский, А. Д. История общественных организаций дореволюционной России: учебное пособие / А. Д. Степанский. – М.: МГИАИ, 1979. – 81 с.

288. Степанский, А. Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: пособие по спецкурсу / А. Д. Степанский. – М.: МГИАИ, 1982. – 91 с.

289. Струк, Н. К. Помощь государства малоимущим крестьянам Восточной Сибири в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Н. К. Струк // Дуловские чтения 1992 г. Тезисы докладов и сообщений (Иркутск, 16–17 октября 1992 г.). – Ч. 1. – Иркутск, 1992. – С. 79–82.

290. Студёнова, Е. Г. Социальная помощь: монография / Е. Г. Студёнова. – М.: ИДПО ДТСЗН, 2018. – 168 с.

291. Суржикова, Н. В. Российское беженство 1914–1922 гг. а контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий / Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев, С. А. Пьянков // Вестн. Пермского ун-та. – 2012. – 3 (20). – 140–152.

292. Суржикова, Н. В. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.): монография / Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев, С. А. Пьянков. – Екатеринбург–Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – 493 с.

293. Сухоруков, М. М. Модели социальной деятельности России в переходный период (февраль 1917–1921 гг.) / М. М. Сухоруков // Социальная работа в России: прошлое и настоящее: Сб. ст. и материалов / под ред. Л. В. Бадя. – М.; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1998. – С. 204–220.

294. Тевлина, В. В. Образование в области социальной работы в России: история, тенденции, опыт / В. В. Тевлина. – Архангельск: Издательский центр СГМУ, 2002. – 398 с.

295. Тевлина, В. В. Реформирование социальной деятельности в России в XIX – начале XX в. / В. В. Тевлина. – Архангельск: Поморский университет, 2005. – 95 с.

296. Тевлина, В. В. Российская империя и Запад: интеграция социальной политики: монография / В. В. Тевлина. – Архангельск: Солти, 2008. – 308 с.

297. Тевлина, В. В. Система социальной помощи населению в период формирования советского государства (1918–1930-е гг.) / В. В. Тевлина // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С. 397–414.

298. Терскова, А. А. Общественная деятельность приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Енисейской епархии) // Эпоха науки. – 2015. – № 4. – С. 609–614.

299. Терскова, А. А. Общественная и просветительская деятельность священнослужителей в приходах во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Енисейской губернии) / А. А. Терскова // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2010. – № 4–2 (68). – С. 215–219.

300. Тишкина, К. А. Организация работы в 1914–1918 гг. региональных отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам (на примере Алтайского округа) / К. А. Тишкина // Проблемы истории и историографии: сб. докладов межвузовской научной конференции; Санкт-Петербургский гос. электротехнич. ун-т «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). – СПб., 2015. Т. 3. – С. 168–172.

301. Толочко, А. П. Местное управление Российской империи по «Учреждениям для управления губерний» 1775 г. / А. П. Толочко, И. А. Коновалов // Вестн. Омского ун-та. Сер. Историч. науки. – 2018. – № 4 (20). С. 93–99. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.93-99.

302. Торопкин, С. А. Пенсии по инвалидности в самодержавной России / С. А. Торопкин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – №4 (32). – С. 62–69.

303. Травин, Д. Европейская модернизация: [в 2 кн.] / Д. Травин, О. Марганя. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 665, [7]; 572, [4] с.

304. Тригуб, Г. Я. Участие городских самоуправлений Забайкальской области в призрении населения (последняя четверть XIX – начало XX в.) / Г. Я. Тригуб // Ойкумена. – 2009. – № 4. – С. 65–71.

305. Туман-Никифорова, И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX – начало XX вв.): монография / И. О. Туман-Никифорова; Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т. – Красноярск, 2003. – 182 с.

306. Туманова, А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. / А. С. Туманова. – М.: Новый хронограф, 2008. – 328 с.

307. Туманова, А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) / А. С. Туманова. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 327 с. ил.

308. Тяжельникова, В. С. В поисках технологии исторического знания / В. С. Тяжельникова // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – С. 75–89.

309. Ульянова, Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX в. / Г. Н. Ульянова – М.: Наука, 2005. – 415 с.

310. Ульянова, Г. Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX в. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества / Г. Н. Ульянова // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: ИРИ РАН, 2000. – С. 164–217.

311. Ульянова, Г. Н. Законодательство о благотворительности в России. Конец XVIII – начало XX вв. / Г. Н. Ульянова // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 17–32.

312. Ульянова, Г. Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России / Г. Н. Ульянова // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г. А. Бордюкова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – С. 397–416.

313. Ульянова, Г. Н. История российской благотворительности в освещении историографии XIX–начала XX вв. / Г. Н. Ульянова // Вопросы истории. – 2006. – № 1. – С. 161–166.

314. Ульянова, Г. Н. Новейшая американская историография российской благотворительности / Г. Н. Ульянова // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 108–118.

315. Ульянова, Г. Н. Призрение, благотворительность и социальное обеспечение в 1917 – 1918 гг. в политике Временного правительства и Совнаркома / Г. Н. Ульянова // Великая российская революция, 1917: Сто лет изучения: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 09–11 октября 2017 г.); Ин-т Российской истории РАН (Москва) – М., 2017. – С. 487–496.

316. Ульянова, Г. Н. Рецензия на книгу А. Лиденмайер «Бедность не порок. Благотворительность, общество и государство в имперской России» / Г. Н. Ульянова // Вопросы истории. – 1998. – № 2. – С. 167–170.

317. Ульянова, Г. Н. Церковноприходские попечительства как структурная единица благотворительности внутри местного сообщества в позднеимперской России / Г. Н. Ульянова // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2003/2004. Санкт-Петербург: издательство им. Н. И. Новикова, 2004. – С. 166–176.

318. Устройство общественного призрения в России [статья написана из дел и документов второго отделения хозяйственного Департамента, начальником отделения К. Мушинским]. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1862. – 64 с.: прил.

319. Учебник науки полицейского права / И. Т. Тарасов. – Вып. 1. – М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1891. – 377 с.

320. Федоров, А. Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920-х

гг. (на материалах Центрального Промышленного района) / А. Н. Федоров // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 69 – 86.

321. Фёдорова, В. И. Енисейская губерния 1861–1917 гг.: Экономика. Общество. Культура: монография / В. И. Фёдорова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2016. – 344 с.

322. Фирсов, М. В. Введение в теоретические основы социальной работы (историко-понятийный аспект) / М. В. Фирсов. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 152 с.

323. Фирсов, М. В. История социальной работы в России: учеб. пособие для студентов вузов / М. В. Фирсов. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 247 с.

324. Фирсов, М. В. История социальной работы: учеб. пособие по направлению подготовки «Социальная работа» / М. В. Фирсов. – М.: КНОРУС, 2019. – 396 с.

325. Фирсов, М. В. Методологические проблемы историографии социальной работы / М. В. Фирсов // Российский журнал социальной работы. – 1996. – № 1. – С. 38–45.

326. Фролов, Г. И. Развитие и устройство общественного призрения в империи / Г. И. Фролов // Журнал Министерства внутренних дел. – 1844. – Кн. 5. – С. 407–447.

327. Фролов, Г. И. Частные благотворительные заведения и общества в Империи / Г. И. Фролов // Журнал Министерства внутренних дел. – 1845. – Кн. 10. – С. 3–42.

328. Фудель, И. К. К реформе приходских попечительств / свящ. И. К. Фудель; 2-е изд. – М.: Университетская тип., 1894. – 16 с.

329. Ханыков, Я. В. Исторический очерк правительственных мер по части общественного призрения в России / Я. В. Ханыков // Журнал Министерства внутренних дел. – 1851. – Кн. 10. – С. 60–109.

330. Ханыков, Я. В. Исторический очерк правительственных мер по части общественного призрения в России / Я. В. Ханыков // Журнал Министерства внутренних дел. – 1851. – Кн. 11. – С. 211–266.

331. Харусь, О. А. Сибиртет как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны / О. А. Харусь // Сибирь в войнах начала XX в.: сб. материалов Сиб. историч. форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. – Красноярск: Резонанс, 2014. – С. 96–100.

332. Цысь, О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. / О. П. Цысь. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. гуманитар. ун-та, 2008. – 270 с.

333. Черняк, Э. И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Э. И. Черняк. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 238 с.

334. Шайдуров, В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири. XIX – начала XX в. / В. Н. Шайдуров. – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. – 260 с.

335. Шайдуров, В. Н. Повседневная жизнь евреев Юга России в начальный период Первой мировой войны на страницах региональной печати / В. Н. Шайдуров, А. П. Кузнецова, А. В. Образцов // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): сб. материалов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 марта 2017 г.). – СПб: Культурно-просветительское товарищество, 2017. – С. 336–339

336. Шахеров, В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в.: монография / В. П. Шахеров ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Иркутский гос. ун-т». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 256 с., [9] л.

337. Шиловский, М. В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 г. на внутреннюю жизнь Сибири / М. В. Шиловский // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 12–16.

338. Шиловский, М. В. Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь / М. В. Шиловский / отв. ред. В. П. Зиновьев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Институт истории. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 330 с.

339. Шиловский, М. В. Повседневная среда обитания городской интеллигенции Сибири в XIX – начале XX в. / М. В. Шиловский // Города Сибири XVIII – начала XIX в.: Сб. науч. ст. / под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. – С. 88–101.

340. Шишкин, В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой половине XX в. // Власть и общество в Сибири в XX в.: сб. науч. статей / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2010. – С. 3–36.

341. Шкурин, М. Эквивалентность церковных преобразований контексту великих реформ. К 150-летию отмены крепостного права в России / М. Шкурин // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. – 2011. – № 1 (54). – С. 137–180.

342. Шульге, Д. «История социальной работы в Восточной Европе в 1900–1960 гг.». Обзор международного сравнительного исследовательского проекта (пер. с англ. Н. А. Бексаевой), под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой / Д. Шульге // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: Науч. кн.: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. – С. 28–45.

343. Щапов, Я. Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию / Я. Н. Щапов // Россия в XX в. Истории мира спорят. [Сб. ст.] [Редкол.: И.Д. Ковальченко (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1994. – С. 84–88.

344. Щербинин, П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: монография. – Тамбов: «Изд-во Юлис», 2004. – 508 с.

345. Щербинин, П. П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. / П. П. Щербинин // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – № 9 (125). – С. 334–341.

346. Щербинин, П. П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX в. / П. П. Щербинин // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 222–233.

347. Щербинин, П. П. Повседневная жизнь детей и подростков в годы Первой мировой войны, 1914–1918.: монография / П. П. Щербинин; М-во образования и науки Рос. Федерации, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов: Принт-Сервис, 2017. – 259 с.

348. Щетинина, А. С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) / А. С. Щетинина // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2007. – № 4–2 (56). – С. 177–182.

349. Экономическая наука и социальное государство: сб. материалов Круглого стола в рамках программы III Московского экономического форума (Москва, 26 марта 2015 г.) / отв. ред. О. А. Александрова, ред.-сост. Ю. С. Ненахова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 165 с.

350. Энгельс, Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии» / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в 3 т. Т. 1. – М.: Издательство политической литературы, 1979. – С. 539–548.

351. Юрганова, И. И. Инкорпорация Якутского края в Российскую империю на примере христианизации / И. И. Юрганова // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. – 2012. – Т. 9. № 2. – С.95–98.

352. Юрганова, И. И. Опыт гражданских инициатив в Якутии: храмо-строительство и социальная деятельность православных приходов / И. И. Юрганова // Гражданское общество в эпоху глобализации: сб. мат-лов всеросс. науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во СПб академ. ун-та, 2016. – С. 93–98.

353. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. / Н. М. Ядринцев. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.

354. Якимец, В. Н. Теория и практика межсекторного социального партнерства в России / В. Н. Якимец // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2005/2006. – СПб.: Журнал «Звезда», 2007. – С. 383–403.

355. Якубсон, Е. В. Городские попечительства о бедных в столице и провинции на рубеже XIX–XX вв. / Е. В. Якубсон // Вестн. Моск. гос. област. ун-та. Сер. История и политические науки. – 2010. № 4–5. – С. 54–57.

356. Ярская, В. Н. Благотворительность и милосердие как социокультурные общечеловеческие ценности / В. Н. Ярская // Благотворительность и милосердие: Сб. науч. трудов / под ред. В. Н. Яворской. – Саратов: Изд-во Поволжского филиала Российского учебного центра, 1997. – С. 36–53.

357. Amthor, R. C. Die Geschichte der Berufsausbildung in der Sozialen Arbeit: auf der Suche nach Professionalisierung und Identität / R. C. Amthor. – Weinheim: Juventa Verlag GmbH, 2003. – 656 p.

358. Berger, G. Die ehrenamtliche Tätigkeit in der Sozialarbeit – Motive, Tendenzen, Probleme – dargestellt am Beispiel des Elberfelder Systems / G. Berger. – Frankfurt/M., Bern, Las Vegas, 1979. – 323 p.

359. Boeckh, J. Sozialpolitik in Deutschland. Eine systematische Einführung / J. Boeckh, E-U. Huster, B. Benz. – Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2004. – 491 p.

360. Bradley, J. The Moscow Workhouse and Urban Welfare Reform in Russia. / J. Bradley // Russian Review. – 1982. vol. 41, no. 4, pp. 427–444.

361. Freeze, G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform / G. L. Freeze. – Princeton: Princeton University Press, 1983. – XXXII, 507 p.

362. Frohman, L. Poor Relief and Welfare in Germany from the Reformation to World War I / L. Frohman. – New York: Cambridge University Press, 2008. – X, 257 p.

363. Gatrell, P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I / P. Gatrell. – Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1999. – [XI], 318 p.

364. Hennock, E. P. The Origin of the Welfare State in England and Germany, 1850–1914: Social Policies Compared / E. P. Hennock. – New York: Cambridge University Press, 2007. – XVII, 381 p.

365. Katcina, T. A. Das Elberfelder System in Ostsibirien. Idee und Realität um die Jahrhundertwende / T. A. Katcina // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 2013. – Band 61. Heft 3. – PP. 386–410.

366. Kattsina, T. A. «An Attractive Idea of Parochial Boards of Trustees ...» (based on the documents from Eastern Siberian dioceses dated 1914–1917) / T. A. Kattsina // *Bylye Gody*. – 2016. – № 42 (4). – PP. 1346–1352.

367. Kattsina, T. A. The «Vast process of social construction...» in Siberia during World War I (1914–1918) / T. A. Kattsina // *Terra Sebus*. – 2014. Special Issue. Russian studies. From the early middle ages to the present day. – PP. 245–258.

368. Kattsina, T. A. The Organization of Social Support of the Population of Siberia in the Years of Russian-Japanese War (1904–1905) / T. A. Kattsina // *Bylye Gody*. – 2015. – No 37(3). – PP. 663–669.

369. Kattsina, T. A. The Study of Public Assistance Boards in Domestic Historiography / T. A. Kattsina // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2011. – № 4. – PP. 1008–1017.

370. Kattsina, T. A. Between the Front Line and the rear: The position of The Jewish Evacuees of the First World War in Eastern Siberia in the Russian Empire / T. A. Kattsina L. E. Mezit // *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. – 2019. – 23(1). – PP. 85–95.

371. Kattsina, T. A. The Development of Government and Public Assistance for Disabled Veterans in 1914–1921 (Evidence from Yenisseyskaya Province in Russia) / T. A. Kattsina L. E. Mezit // *Terra Sebus*. – 2019. – Vol. 11. – PP. 447–460.

372. Lindenmeyr, A. Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia / A. Lindenmeyr. – Princeton: Princeton University press, 1996. – 336 p.

373. Lindenmeyr, A. “The First Woman in Russia”: Countess Sofia Panina and Women’s Political Participation in the Revolutions of 1917 / A. Lindenmeyr // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. – 2016. – № 9. – PP. 158–181.

374. Lindenmeyr, A. Russian Experiment in Voluntarism: The Municipal Guardianships of the Poor, 1894–1914 / A. Lindenmeyr // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1982. – Band 30. – Heft 3. – PP. 449–451.

375. Lohr, E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I / E. Lohr // *Russian Review*. – 2001. – Vol, 60. № 3 (Jul.). – PP. 404-419.

376. Madison, B. Q. Social Welfare in Soviet Union. – Stanford: Stanford University Press, 1968. – XXVI, 298 p.

377. Robbins, R. G. Famine in Russia, 1891–1892. The imperial government responds to a crisis / R. G. Robbins. – New York: Columbia University Press, 1975. – 259 p.

378. Sachße, C. Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland, Bd.2. Fürsorge und Wohlfahrtspflege 1871 bis 1929 / C. Sachße, T. Florian. – Stuttgart: Kohlhammer W., GmbH, 1988. – 272 pp.

379. Sachße, C. Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. Bd. 1. Vom Spätmittelalter bis zum 1. Weltkrieg. Auflage : 2. / C. Sachße, T. Florian. – Stuttgart: Kohlhammer, 1998. – 384 p.

380. Wcislo, F. W. Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914 / F. W. Wcislo, – Princeton (N. J): Princeton University Press, 1990. – XVIII, 347 p.

381. Жванко, Л. М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 гг.): монографія / Л. Н. Жванко. – Харків : Віровець А. П. «Апостроф», 2012. – 568 с.

диссертации и авторефераты диссертаций

1. Блинов А. В. Реализация государственной политики по управлению учебными заведениями Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (XIX – начало XX в.): дисс. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Блинов; Алтайский гос. соц. ун-т. – Барнаул, 2019. – 685 с.

2. Быкасова, Л. В. Благотворительность в Западной Сибири конца XVIII – начала XX вв. как историко-культурный феномен: автореф. дисс. ... канд. культурологии: 24.00.03 / Л. В. Быкасова; Кемер. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово, 2006. – 24 с.

3. Волков В. [В]. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи: дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.00 / В. [В]. Волков; Ун-т Кембридж. – Великобритания, 1995. – 192 с.

4. Гаврилова, Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. И. Гаврилова; Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 2002. – 499 с.

5. Горелов, Ю. П. Вклад сибиряков в защиту отечества войнах начала XX века : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ю. П. Горелов; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2004. – 40 с.

6. Грицаева, А. Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) (опыт помощи пострадавшим от военных действий): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Грицаева. – М., 2008. – 17 с.

7. Дуплий, Е. В. Становление и развитие приказов общественного призрения в России (1775–1864 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Дуплий; Российский гос. соц. ун-т. – М.: [б. и.], 2004. – 260 с.

8. Ермакова, Е. Е. Зарождение и становление институтов гражданского общества в Енисейской губернии. 1880–1916 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. Е. Ермакова; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2005. – 27 с.

9. Катцина, Т. А. Общественное призрение в Енисейской губернии (1822 – 1917 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. А. Катцина; Краснояр. гос. педагогич. ун-т. – Красноярск, 2002. – 175 с.

10. Коробейников, Ю. В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления России в 1864–1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. В. Коробейников; Северо-Кавказ. гос. технич. ун-т. – Ставрополь, 2003. – 320 с.

11. Кузьменко, А. С. Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 – феврале 1917 гг.: на примере Енисейской и Иркутской губерний: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. С. Кузьменко; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2010. – 23 с.

12. Кускашев, Д. В. Исторический опыт деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии в социально-хозяйственной сфере: 1870–1914 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. В. Кускашев; Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова. – Абакан, 2003. – 185 с.

13. Лони́на, С. Л. Становление и развитие городского самоуправления в Восточной Сибири в 1870–1917 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. Л. Лони́на; Краснояр. гос. пед. ун-т. Красноярск, 2002. – 24 с.

14. Мамкина, И. Н. Развитие системы общего образования Восточной Сибири в условиях модернизации во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / И. Н. Мамкина; Иркут. гос. ун-т, 2017. – Иркутск, 2017. – 482 с.

15. Манту́рова, С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в Забайкалье: историко-культурные практики во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. ... д-ра ист. наук: 24.00.01 / С. Ч. Манту́рова; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2005. – 371 с.

16. Нагайцева, Н. Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX в.: Исторический аспект: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Н. Д. Нагайцева; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2002. – 233 с.

17. Павлова, И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / И. П. Павлова; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 42 с.

18. Пашенцев, Д. А. Благотворительная деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. А. Пашенцев ; Моск. социальный ун-т. – М., 1995. – 24 с.

19. Полуаршинов А. В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 – февраль 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Полуаршинов; Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2005. – 177 с.

20. Попов, Н. М. Социальная политика городских самоуправлений Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук:

07.00.02 / Н. М. Попов; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2006. – 191 с.

21. Рождественская, Н. Ю. Нищенство и благотворительность в Костромской и Ярославской губерниях в конце XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Ю. Рождественская; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2004. – 293 с.

22. Романов, А. А. Деятельность органов городского самоуправления по развитию социально-экономической инфраструктуры Москвы в последней трети XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Романов; Гос. ун-т упр. – М., 2010. – 278 с.

23. Рынков, В. М. Социальная политика антибольшевистских правительств на Востоке России (июнь 1918 – октябрь 1922 г.): дисс. ... д-ра ист. наук / В. М. Рынков. – Екатеринбург, 2021. – 625 с

24. Севастьянова, Е. В. Общественная инициатива и культурная жизнь Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02 / Е. В. Севастьянова; Иркут. ун-т. – Иркутск, 1995. – 26 с.

25. Соколов, А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. Р. Соколов; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2006. – 39 с.

26. Степанский, А. Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: дисс. ... д-ра ист.: 07.00.02 / А. Д. Степанский ; – М., 1982. – 395 с.

27. Сухоруков, М. М. Системно-функциональный подход к моделированию социальной деятельности в России: историко-управленческий аспект (1917–1995 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00. 02 / М. М. Сухоруков; Москов. социал. ун-т. – М., 1996. – 27 с.

28. Терскова, А. А. Русская Православная Церковь и ее деятельность в Енисейской губернии : 1861 г. – февраль 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Терскова; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Красноярск, 2012. – 236 с.

29. Тишкина, К. А. Деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и гражданской войн: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. А. Тишкина; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2018. – 296 с.

30. Трускавецкая, В. А. Городское хозяйство губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. А. Трускавецкая; Иркутский гос. ун-т. Иркутск, 2005. – 25 с.

31. Фирсов, М. В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / М. В. Фирсов; Моск. социальный ун-т. – М., 1997. – 59 с.

32. Чернецов, Н. В. Генезис и эволюция социального призрения в России (X–XIX вв.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. В. Чернецов; Моск. социальный ун-т. – М., 1996. – 181 с.

33. Шарин, В. И. Система социальной помощи и организационно-экономические механизмы ее реализации: дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / В. И. Шарин; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос.Федер. – М., 2003. – 48 с.

34. Щукин, И. А. История купечества Восточной Сибири в XIX в.: формирование и социальное положение: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. А. Щукин; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2000. – 207 с.

35. Юрганова, И. И. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII – нач. XX вв.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / И. И. Юрганова ; Иркутский гос. ун-т. – Иркутск, 2017. – 460 с.

36. Юргина, И. Н. Учреждения социальной помощи в Тверской губернии второй половины XIX – начала XX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. Н. Юргина; Орлов. гос. ун-т. – Тверь, 2010. – 225 с.

депонированные научные работы

1. Катцина Т. А. Из опыта деятельности приказа общественного призрения на территории Енисейской губернии (1823–1895 гг.). – Красноярск: СибГТУ, 2001. – 33 с. – Рукоп. деп. в ИНИОН РАН 18. 12. 2001. – № 56881.

энциклопедические и справочные издания

1. Большая советская энциклопедия: в 51 т. Т. 5. Берзна – Ботокуды / гл. ред. С. И. Вавилов; [2-е изд.]. – М.: Большая советская энциклопедия, 1950. – 652 с., ил.
2. Большая советская энциклопедия: в 65 т. Т. 6. Бессарабия – Больм. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М.: Советская энциклопедия, 1927. – 832 стлб., ил.
3. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 20 т. Т. 3. Беллинг – Бугульник / под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова. – СПб.: Тип. книгоиздательского т-ва «Просвещение», 1901. – [826] с.
4. Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 1. [А – Алжирские пираты] / под ред. полк. В. Ф. Новицкого и др. – СПб.: Т-во И. В. Сытина, 1911, [обл. 1910]. – XXII, 320 с.
5. Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011: биограф. справочник [Электронный ресурс]. – Иркутск, 2011. – URL: <http://www.pribaikal.ru/more/article/15202.html>.
6. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / под ред. В. А. Ламина. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. 1–3.
7. История Сибири: в 5 т. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма / гл. ред. А. П. Окладников. – Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1968. – 532 с.
8. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. Т. 4 (С–Я). Кн. 2 / под ред. Зиновьева В. П., Резуна Д. Я. – Новосибирск: РИ-ПЭЛ плюс, 1998. – 160 с.
9. Российская энциклопедия социальной работы / [Акимова Ю. А. и др.]; под общ. ред. Е. И. Холостовой. – М.: Дашков и К, 2016. – 1030 с.
10. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. А–Ж / под общ. ред. М. К. Азадовского [и др.]. – Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929. – XXX, 988 стб., 31 л. илл.
11. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. Л–Н / гл. ред. Б. З. Шумяцкий. – Новосибирск: Западно-Сибирский отдел ОГИЗ, 1932. – 804 стб., [30] с. илл.

12. Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о»: в 58 т. Т. 6. Биометрика – Брюан / под ред. проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского [и др.]. 7-е изд. – М.: Т-во ««Бр. А. и И. Гранат и К^о», [1911]. – 324 с.

13. Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о»: в 58 т. Т. 33. Поляновский мир – Пуазель / под ред. проф. В.Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского [и др.]. 7-е изд. – М.: Т-во ««Бр. А. и И. Гранат и К^о», 1916. – 420 с.

14. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. – Т. 25(49). Пряга–Просрочка отпуска / под ред. проф. И. А. Андреевского. – СПб.: Семеновская типо-литогр. (И.А. Ефрона), 1898. – 4, 478 с, 10 л. ил., карт.

15. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. – Т. IX (17). Гоа – Гравер / под ред. К. К. Арсеньева. – СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1893. – 476 с.

16. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. – Т. 41А (82). Яйцепровод – V / под ред. К. К. Арсеньева. – СПб.: Акционерное общество Брокгауз–Ефрон, 1904. – 6, IV, 577–956, 4 с., 6 л. ил., карт., 28 л.

электронные ресурсы

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1903488

2. Интернет проект «История архитектуры Красноярского края» [Электронный ресурс]. – URL: http://naov.ru/articles/81_istoriya-stroitelstva-spaskoyi-cerkvi-v-minusinske.html

3. ИРКИПЕДИЯRU. Энциклопедия и новости Приангарья. [Электронный ресурс]. – URL: http://irkipedia.ru/content/irkutskoe_general_gubernatorstvo.

4. Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. – [Электронный ресурс]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000179481>

5. Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях [Электронный ресурс]. – URL: <http://zaimka.ru/shilovsky-krutovskij>

6. Электронная библиотека «Наука права» [Электронный ресурс]. – URL: <https://naukaprava.ru/>

7. Электронная библиотека «Хроники Приангарья» [Электронный ресурс]. – URL: <https://i.irklib.ru/>

8. Электронная библиотека РУНИВЕРС [Электронный ресурс]. – URL: <https://runivers.ru/doc/>

9. Энциклопедия Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – URL: <http://encspb.ru/object/2804009224>

Таблица – Сведения о благотворительных заведениях на территории Восточной Сибири в XIX в.

№ п/п	Наименование учреждения	Год создания	Подчиненность (вышестоящая организация)	Недвижимость, капитал	Вместимость	Контингент	Специфика услуг	Шифр источника
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Енисейская губерния г. Красноярск								
1	Дом для умалишенных	1829	МВД, Енисейский приказ общественного призрения	Каменный одноэтажный дом, выстроенный на средства красноярского купца И. К. Кузнецова. Пожертвования частных лиц; доход от платных услуг	Штатное число мест – 14. Содержалось в 1865 г. 20 человек (11 лиц мужского пола и 9 женского)	Душевно-больные	Бесплатно содержались неимущие больные и лица, совершившие преступление в невменяемом состоянии, имущие – за плату, равную стоимости лечения в больнице приказа общественного призрения	1, л. 3, 6; 2, с. 116 (ст. 623–629); 3, л. 34
2	Дом для неизлечимо больных	1829	МВД, Енисейский приказ общественного призрения	Каменный одноэтажный дом, выстроенный на средства красноярского купца С. Я. Кузнецова. Пожертвования частных лиц	Штатное число мест – 10	Неизлечимо больные, исключительно неимущие	Создание условий, облегчающих страдания неизлечимо больным	1, л. 3, 6; 2, с. 115 (ст. 620–622)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3	Богадельня для гражданских лиц разного звания	[1830]	МВД, Енисейский приказ общественного призрения	Одноэтажный деревянный дом, с 1866 г. – два каменных одноэтажных дома. Пожертвования частных лиц; доход с платных услуг. В 1866 г. годовое содержание 20 человек составило более 1 730 руб., исключая расходы на медикаменты	Штатное число мест – 20 и 2 запасных. Содержалось в 1870 г. 24 человека, из них: поселенцев 15, мещан 3, крестьян 5, воинского звания 1	Убогие, увечные и престарелые обоего пола	Содержались за плату (или без нее) на основании Свода учреждений и уставов об общественном призрении	3, л. 44, 48, 55; 4, л. 31об.
4	Работный дом	[1826–1835]	МВД, Енисейский приказ общественного призрения	Состоял из шести отделений ремесленных и одного для чернорабочих. Функционировал за счет заработка ссыльнопоселенцев. В 1853 г. закрыт по предложению Сибирского Комитета	Нет сведений	Ссыльнопоселенцы	Имел целью дать неимущим возможность прокормиться собственной работой	2, с. 126–127 (ст. 690–695).; 6, с. 179–180
5	Владимирский детский приют	1848, 15 июля	ВУИМ; Енисейское губернское попечительство детских приютов	Недвижимое имущество стоимостью 21 тыс. руб., пожертвованное коллежским советником В.П. Голубковым. Капитал (пожертвования разных лиц) в 1848 г. – 14 961 руб., в 1866 г. – 40 563 руб. По данным за 1902 г.: собственный	Открылся на 30 мест как приют-ясли, но сразу принял на постоянное проживание 10 девочек-сирот. В 1850 г. фактическая	На дневное отделение принимали детей в возрасте 3–10 лет православно-вероисповедания, без различия званий, на	Приют сочетал функции воспитательного дома, яслей и школы одновременно. На полное содержание с целью воспитания, обучения грамоте, рукоделиям и домоводству прини-	7, с. 1–3; 8, с. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				дом стоимостью 31 тыс. руб.; капитал – 64 198 руб.; доход – 7 439 руб. (в том числе пожертвований – 3 204 руб., пособий от правительственных учреждений – 95 руб. и платы за пользование заведением – 1 101 руб.)	наполняемость – 39 детей (14 мальчиков и 25 девочек), приходящих на время занятий их родителей; 10 девочек проживали постоянно	постоянное проживание – девочек-сирот в возрасте от 7 до 17 лет.	мались дети жителей Енисейской губ. На бесплатное содержание – только сироты. Годовая плата (за счет родственников или благотворителей) в 1902 г. установлена для живущих постоянно – 85 руб., для приходящих – от 6 до 10 руб. Прием мальчиков в школу приюта продолжался до 1880 г.	
6	Богадельня для инвалидов и отставных чиновников	1870	Александровский комитет о раненых, Енисейский приказ общественного призрения	Нет сведений	Штатное число мест – 20. Фактическая наполняемость в 1870 г. – два человека	Инвалиды и отставные чиновники	Практически пустовала	4, л. 31об.; 5, л. 12
7	Приют-убежище для детей переселенцев	1889	МВД, Синельниковское благотворительное общество	Дом Синельниковского благотворительного общества. В 1902 г. доход составил 4 268 руб., включая пособие от городского управления (436 руб.), средства от продажи изделий	Фактическая наполняемость – 30 человек	Бездомные сироты в возрасте от 6 до 15 лет, православного вероисповедания	Полное содержание, воспитание, обучение грамоте, сапожному и портняжному ремеслам	8, с.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				воспитанников (553 руб.), пособие от Синельниковского общества 3 279 руб.)				
8	Городская богадельня им. Т. И. Щеголевой	1875	МВД	Открыто частным лицом (Т. И. Щеголевой). Собственный дом с постройками стоимостью 39 905 руб. Капитал 125 153 руб. Доход 5 328 руб. (в том числе пожертвования 15 руб. и от платы за пользование заведением 24 руб.)	60 человек Фактическая наполняемость в 1902 г. – 71 человек (25 мужчин и 46 женщин)	Престарелые, бездомные г. Красноярска, православного вероисповедания, купеческого, мещанского и других сословий, безработные	Полное содержание или за ежемесячную плату (6 руб. 25 коп.)	8, с.2-3
9	Столовая для бедных	1876	МВД, Синельниковское благотворительное общество	Располагалась в доме Синельниковского благотворительного общества. Доход 3 517 руб. (в том числе от продажи обедов 803 руб. и 2 715 руб. от Синельниковского общества)	Нет данных	Всем нуждающимся	Предоставлялись завтраки и обеды бесплатно или за умеренную плату	8, с.1
10	Приют для арестантских детей	1882	МЮ, Красноярский губернский Комитет Попечительного общества о тюрьмах	На содержание было выделено 1 700 руб. Комитетом	Нет данных	Дети арестантов	Призрение малолетних детей арестантов на время нахождения их родителей в тюрьме и круглых сирот, остающихся после смерти родителей-арестантов; мальчиков до 16 лет,	8, с.2

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
							девочек – до 18 лет	
11	Богадельня при Ильинской церкви с. Кекурское	1883	ВПИ	Открыто частным лицом. Собственный дом стоимостью 1 500 руб. Капитал 9 тыс. руб. Доходы 342 руб. (проценты с капитала)	10 человек	Престарелые и нетрудоспособные местные жители православного вероисповедания	Бесплатно предоставлялось проживание и содержание. При наличии свободных мест принимались жители других сел. Призревалося 8 мужчин	8, с. 3
12	Красноярский сиропитательный дом Т. И. Щеголевой	1894	МВД, Попечительский Совет	Собственный дом на Новобазарной площади стоимостью 7 тыс. руб. Капитал 102 400 руб. Доход 14 036 руб.	28 человек	Девочки (круглые сироты и полусироты), не моложе двух и не старше 15 лет, православного вероисповедания	В основном призревались дети жителей г. Красноярска. Получали полное бесплатное содержание, обучались грамоте, рукоделию в начальной школе при приюте.	8, с.2
13	Ночлежный дом	1895	МВД, Синельниковское благотворительное общество	Располагался в городском доме. Доход 489 руб. (в том числе плата за пользование заведением 259 руб. и 230 руб. от Синельниковского благотворительного общества)	В течение года было принято 11 891 мужчин и 1 037 женщин, в том числе 12 571 человек платно	Всем нуждающимся в ночлеге	Бесплатный ночлег или с платой (3 коп.) за ночлег, чай и кипяток	8, с.1

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14	Ольгинский приют трудолюбия для детей переселенцев	1899	Попечительство о домах трудолюбия и работных домах	Капитал 8 700 руб. доходы 3 489 руб. (в том числе от пожертвований 272 руб., пособия от различных учреждений 2 420 руб.)	11 мальчиков и 10 девочек	Бездомные и беспризорные дети	Призрелись и приобщались к труду дети крестьянских сословий, прибывших из европейской части России в Енисейскую губернию для проживания	8, с. 2
г. Ачинск								
15	Городская богадельня	1854	МВД, в ведении городской ратуши	Открыта на пожертвования частных лиц. Из городских средств ежегодно оплачивалось отопление и освещение. По данным за 1901 г.: капитал – 2 343 руб., стоимость недвижимого имущества – 1 250 руб.; доход – 202 руб., в том числе пособие от города – 103 руб.	Штатное число мест не установлено. В 1870 г. содержалось 7 человек	Престарелые и больные жители Ачинска, лица обоего пола, православно-го вероисповедания, мешчанского сословия, без различия рода и занятий	Бесплатное помещение и постельное белье, остальные расходы покрывались из собственных средств и добровольных пожертвований. На праздники Рождества и Св. Пасхи – выдавались бесплатные обеды за счет города	8, с. 3; 9, л. 76об.
16	Городской ночлежный приют	1892	МВД, Городское общественное управление	Открыто Городским общественным управлением, приют располагался в доме городского общества и содержался за его счет	30 бесплатных мест	Бесплатный ночлег нуждающимся	В отдельных комнатах проживали 15 мужчин и 2 женщины	8, с.3
Ачинский округ								
17	Волостная богадельня, с. Балахтинское	1846	МВД, в ведении Балахтинского	От волостного правления – собственный дом и ежегодное пособие (в	Штатное число мест – 12.	Престарелые калеки, слепые, глухоне-	Бесплатно предоставлялось помещение, содержание –	8, с. 3; 9, л. 77

1	2	3	4	5	6	7	8	9
			волостного правления	среднем 20 руб.) на освещение и отопление	В 1875 г. содержалось 9 человек, в 1901 г. – 52 (44 мужчины и 8 женщин)	мые поселенцы и крестьяне Балахтинской, Даурской и Тюльковской волостей	за счет подаяния	
18	Сельский ночлежный дом, с. Покровское	1853	МВД, в ведении Покровского сельского общества	Собственный дом сельского общества	Штатное число мест не устанавливалось. В 1901 г. пользовалось помещением 6 мужчин и 1 женщина	«Безразлично всем обращающимся в заведение, преимущественно престарелым»	Бесплатно предоставлялось место для ночлега	8, с. 4.
19	Сельский ночлежный дом, с. Ужур	конец 1860-х гг.	МВД, в ведении Ужурского волостного правления	Собственный дом волостного правления	Нет сведений	«Безразлично всем нуждающимся из ссыльных поселенцев Ужурской волости»	Бесплатно предоставлялось помещение для ночлега и уход в случае болезни	8, с. 4.
20	Комиссаровская богадельня, с. Назаровское	1868, 16 апреля	МВД, в ведении особого сельского комитета, действующего на основании Положения 28 марта 1868 г., утвержденного	Открыта на пожертвования частных лиц. На дату открытия: капитал – 7 260 руб.; недвижимое имущество (пожертвовал купец первой гильдии И. Н. Некрасов) стоимостью 980 руб.	Штатное число мест – 20. На дату открытия: 21 человек (из них 3 женщины), преимущественно поселенцы	Для всех жителей Енисейской губернии без различия сословий, но с предпочтением на поступление обывателей Назаровской во-	Имела особый устав	10, л. 30–31. 11, л. 222 – 223; 12, с. 34

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
			енисейским губернатором П. Н. Замятниным		(17 человек). В 1870 г. призревало 25 человек	лости		
21	Сельская богадельня, с. Шарыповское	1894	МВД, в ведении Шарыповского волостного правления	Собственный дом сельского общества. 175 руб. отпущено из волостных сумм	Призревало 7 мужчин	Престарелые старше 60 лет, православного вероисповедания, из ссыльных переселенцев Шарыповской волости	Предоставлялось бесплатно помещение и пища	8, с. 4.
г. Минусинск								
22	Городская богадельня при Спасском соборе	[1813 – 1814]	МВД, в ведении городской ратуши	Открыта на средства минусинского крестьянина Ф. Сомова. Капитал – 145 руб.	Рассчитана на 15 человек. В 1869 г. призревало 3 человека	Нет сведений	Бесплатно предоставлялось помещение, содержание – за счет подаяния	9, л. 76об. 13.
23	Мартьяновский детский приют	1902	МВД, Общество попечения о начальном образовании	Капитал 609 руб. Доход 1 353 руб. (в том числе от пожертвований 1 313 руб. и получено от Общества 20 руб.)	Рассчитан на 10 человек	Мальчики в возрасте от 6 до 15 лет, преимущественно сироты, дети местных жителей	Предоставлялось полное бесплатное призрение и обучение грамоте. Призривались 8 мальчиков	8, с.5
24	Городская богадельня	1897	МВД, Минусинское городское общественное управление	Капитал – 9 629 руб. доход – 2 017 руб. (в том числе от пожертвований – 454 руб.,	Рассчитана на 25 человек	Престарелые, больные, увечные, нетрудоспособные жители	Предоставлялось бесплатное полное призрение. Призревало 12 мужчин и 11 женщин	8, с.5

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				пособия от города – 365 руб.)		г. Минусинска		
Минусинский округ								
25	Сельская богадельня, с. Абаканское	1863	МВД, под надзором сельского старшины и попечительством крестьянина Ф.Г. Тархова	Открыта на средства крестьянина Ф. Г. Тархова. В 1901 г. капитал – 478 руб.; каменный дом стоимостью 1 525 руб.; доход 287 руб. (пожертвований 47 руб., средств крестьянского общества – 280 руб.)	Штатное число мест – 18. В 1867 г. числилось 9 человек, фактически проживало 6, так как 3 постоянно находились «в доме строителя богадельни», как требующие «более близкого и бдительного надзора»	Престарелые и увечные обою пола, не имеющие средств к существованию, крестьяне и ссыльнопоселенцы Абаканской волости	Бесплатно предоставлялось полное попечение; в первые пять лет из средств Ф. Г. Тархова, затем – из средств сельского общества	8, с. 6. 14, л. 1–9. 14–15 об.
26	Сельская богадельня, с. Тесинское	1864	МВД, в заведовании Тесинского волостного правления	Открыта на частные пожертвования. От волостного правления – собственный дом и ежегодное пособие (в среднем 60 руб.) на отопление и освещение	Комплект мест не устанавливался; по данным 1901 г. призревалось 8 человек	Престарелые от 50 лет, увечные крестьяне и ссыльнопоселенцы с. Тесинского	Бесплатно предоставлялось помещение, содержание – за счет подаяния	8, с. 6; 9, л. 76об. 15, л. 10
27	Сельская богадельня, с. Шушенское	1868	МВД, в ведении Шушенского волостного правления	Открыта на добровольные пожертвования крестьян Шушенской волости. Собственный дом крестьянского об	Штатное число мест – 8. В 1875 г. обслуживала 15	Престарелые (от 40 до 80 лет) и увечные ссыльнопоселенцы Шушен-	Полное обеспечение из средств волостного правления	8, с. 6. 14, л. 73об.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				щества	человек, в 1901 г. – 23	ской волости, не имеющие средств к существованию		16, с. 46
28	Сельская богадельня, с. Новоселовское	1875	МВД, Новоселовское правление	Открыта частным лицом. Стоимость дома – 1 018 руб., доход 325 руб. (в том числе от сельского общества 285 руб.), капитал 1 006 руб.	Рассчитана на 10 человек. Содержалось 16 мужчин и 3 женщины	Престарелые и увечные, слепые и глухонемые, не имеющие средств к существованию	Полное бесплатное содержание. Контингент богадельни составляли преимущественно крестьяне и лица из числа ссыльнопоселенцев Новоселовской волости	8, с. 6
29	Сельская богадельня, с. Каратузское	1897	МВД, сельское общество	Открыта сельским обществом. Содержалась на средства сельского совета (500 руб. в год)	Нет данных. Призрелись 12 мужчин и 3 женщины	Престарелые и больные члены местного сельского общества обоего пола	Бесплатно предоставлялось помещение. На содержание каждому выдавали от 1 до 4 руб. в месяц из средств сельского общества	8, с. 6
30	Приют-ясли, с. Новосельское	1902	МВД, Комитет богадельни	Открыт частным лицом. Располагался в его доме и содержался на его средства	Рассчитаны на 30 постоянно проживающих и 10 приходящих детей. Фактически содержались 12 мальчиков и 18 девочек	Малолетние дети преимущественно из семей крестьян, проживающих в с. Новоселовское	Ясли предоставлялись бесплатно на время полевых летних работ с 1 июля по 19 сентября	8, с. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Канский округ								
31	Сельская богадельня, с. Рыбинское	1857	МВД, в ведении Рыбинского волостного правления	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Освещение и отопление доставлялось сельским обществом, одежда и еда поступали от благотворителей	9, л. 77
г. Енисейск								
32	Богадельня	[ранее 1801]	В ведении Рождественского женского монастыря	Нет сведений	Штатное число мест не устанавливалось. В 1801 г. проживало 6 мужчин и 31 женщина, в 1802 г. 8 и 27 соответственно	Нет сведений	Нет сведений	17, с. 154, 156
33	Городская богадельня при Соборной церкви	1818	МВД, в ведении городской ратуши с 1846 г.	Открыта на средства Д.Д. Дементьева, содержалась им и его наследниками до 1846 г.	Штатное число мест – 7–10	Принимались только лица мещанского звания	В 1850-х гг., по причине ветхости здания, богадельня переведена в небольшой домик при Троицкой церкви. Вероятно, сгорела при пожаре 1869 г.	17, с. 187, 339, 453. 18, с. 144
34	Городская богадельня	1860 (1865)	МВД, в ведении городской ратуши	Собственный дом (пожертвован енисейским купцом второй гильдии Марамыгиным); основного капитала не имела	Комплектовалась на 40 мест	Бедные престарелые лица обоего пола, православного	Предоставлялось бесплатно помещение, на питание выдавалось по 1 пуду муки в месяц,	9, л. 76. 17, с. 454

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				Содержалась на городские доходы (ежегодное пособие в среднем – 330 руб.) и добровольные пожертвования частных лиц		исповедания, преимущественно местные жители мещанского сословия, без различия рода занятий	в праздники Св. Пасхи и Рождества – масло, пшено, крупчатка	19, л. 25
35	Александровский городской дом призрения	1869, 17 июля	МВД, под управлением особого Комитета, состоящего из городского головы, двух товарищей директора Общественного банка, двух членов от купеческого и мещанского обществ	Открыт на средства купцов и мещан г. Енисейска. Двухэтажный деревянный дом, принадлежащий И.П. Кытманову. Содержался на 15 % с прибыльной суммы Енисейского городского общественного банка, пожертвования частных лиц, пособие городского общества (ежегодно по 60 руб. на каждого воспитанника)	Штатное число мест – 20, после 1879 г. – 16	Мальчики из сирот и беднейших жителей православного вероисповедания г. Енисейска; принимались в возрасте от 7 до 14 лет	Предназначался для полного содержания, воспитания, обучения грамоте и ремеслам. Функционировал с 17 июля по 27 августа 1869 г. (пострадал во время пожара). Возобновил деятельность 17 августа 1873 г.	8, с. 4; 20, л. 121; 21, л. 4, 4об.
Енисейский округ								
36	Сельская богадельня, с. Казачинское	1861	МВД, в ведении Казачинского волостного правления	Открыта и содержалась на средства крестьянина Ив. Серебрякова	Штатное число мест не устанавливалось	Неспособные к труду и одержимые старческими болезнями лица обою пола	До 1867 г. попечителем был Ив. Серебряков, а после его отказа призремые пользовались только приютом, а содержались за счет подаяния	9, л. 76об.; 22, л. 45, 45об.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
37	Богадельня Кытманова, с. Анциферонское	1883	МВД, Анциферовское сельское общество	Открыта частным лицом. Капитал 8 223 руб. Доход 324 руб. (проценты с капитала)	10 человек. Фактически содержалось 5 человек, из них 4 мужчины	Бедные, безродные престарелые местные жители обоего пола, православно-го вероисповедания, крестьянского сословия	Предоставлялось полное бесплатное попечение	8, с.4
Иркутская губерния								
г. Иркутск								
38	Работный (ремесленный) дом (первоначально назывался конторой строения домов и разных ремесел)	1799	МВД (с 1802 г.), Иркутский приказ общественного призрения	Имел в своем распоряжении суконную фабрику в с. Тельминском, в Иркутске: 4 мастерские казармы, подсобные помещения. Содержался за счет заработка контингента. В 1853 г. закрыт по предложению Сибирского Комитета	Первоначально объединял до 100 ссыльных. Согласно именному списку за 1853 г. – 44 человека, а с детьми – 71	Ссылные из разряда ремесленников. В 1831 г. было разрешено каторжных отправлять в иркутский работный дом и состоящую при нем суконную фабрику	Предоставлял временное (на 6 лет) трудоустройство неимущим ссыльнопоселенцам. В мастерских выполнялись работы: столярные, оклейные, медные, кузнечные, слесарные, шорные, повозочные, малярные.	30, л. 87–89об.
39	Воспитательный дом	1808	МВД, в ведении Иркутского приказа общественного призрения	Основан на средства купца второй гильдии Н. С. Чупалова. Помещался при больнице в деревянном здании, впоследствии (1879 г.) уничтоженном пожаром	Нет сведений	Для детей подкидышей	Нет сведений	23, с. 255

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
40	Богадельня А. П. Трапезникова при Михаило-Архангельской (Харлампиевской) церкви	1814	Ведомство православного исповедания	Открыта на средства иркутского купца А. П. Трапезникова	Нет сведений	Престарелые лица женского пола, православного исповедания	Бесплатно предоставлялось помещение, отопление, каждой призреваемой ежемесячно выдавалось пособие 5 руб. на содержание (по сведениям 1906 г.)	24, с. 6; 28, с. 7
41	Сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой с состоящим при нем банком	1836, 21 апреля	До 1854 г. – под покровительством императрицы Александры Федоровны, затем – Ведомства учреждений императрицы Марии	Открыт по завещанию Е. М. Медведниковой на капитал, пожертвованный ее сыновьями: 20 тыс. руб. – на покупку дома, 50 тыс. руб. – на учреждение банка; содержался за счет доходов банка. Сначала размещался в арендованном здании, с июня 1840 г. – в собственном, каменном. Первоначальный капитал (15 тыс. руб.) к 1886 г. вырос до 1 400 тыс. руб., недвижимое имущество – до 400 тыс. руб.	Открывался для призрения 10 детей. В 1839 г. контингент составил 15 детей. Уставом 1845 г. комплектовался на 60 человек и 45 пансионеров с годовой платой 60 руб. за каждую	«Бедные дети женского пола, как благородного звания, так и всех свободных сословий»	Обучались «наукам соответственно их силам и понятиям, а также необходимым женским рукоделиям, чтобы они с выгодой могли бы поступить на продажу, доставляя заведению с этой стороны полное доверие». До 1856 г. применялось телесное наказание розгой (2–6 ударов)	24, с. 4; 25, с. 8, 9, 25, 33, 38, 80
42	Александринский детский приют	1852, 1 янв.	ВУИМ; Иркутское губернское попечительство детских приютов	Имущество в 1894 г.: деревянный дом стоимостью 25 тыс. руб., капитал – 97 тыс. руб.	72 постоянно проживающих и 28 приходящих девочек	Дети больных родителей принимались на полное попечение -	Обучение грамоте, кройке, шитью, кулинарному искусству, переплетному мастерству, письму	24, с. 1; 26, с. 146; 27, л. 11

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
							на пищушей машинке, садоводству, огородничеству и пению	
43	Богадельня П. Лаврентьева	1867	МВД	Открыта на средства (15 тыс. руб.) П. Лаврентьева; имела собственный дом. Содержалась на проценты с капитала, пожертвования частных лиц	Штатное число мест – 6	Престарелые и увечные иркутские мещане мужского пола	Бесплатно оказывалось полное призрение	23, с. 253; 27, л. 81
44	Богадельня	[1867]	МВД, Иркутский приказ общественного призрения	Располагалась в доме богадельни П.Лаврентьева. Содержалась на проценты с капитала, пожертвования частных лиц, плату за содержание	Штатное число мест – 40	Принимались «безразлично все престарелые, увечные, идиоты и слепые»	Оказывалось полное призрение бесплатно, а ссыльнопоселенцам – за плату	23, с. 253; 27, л. 81
45	Богадельня имени Сибирикова и Трапезникова для бедных жителей города	1873	МВД, Городская управа	Собственный капитал – 212 648 руб., дом с церковью и постройками стоимостью 53 519 руб. Доходы составляли 7 958 руб. (в то числе от городских и земских учреждений 2 562 руб.), расходы – 7 958 руб.	Рассчитана на 77 человек. Фактически содержалось 33 мужчины и 61 женщина.	Неспособные к труду, престарелые, имеющие психические отклонения, слепые, алкоголики из числа жителей города Иркутска и Иркутской губернии	Предоставлялось полное содержание и лечение. Но для их назначения требовался единовременный взнос (25 тыс. руб.) при поступлении	24, с.6

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
46	Воскресенская богадельня	1879	ВПИ, Епархиальное попечительство о призрении бедных духовного звания	Располагалась в доме при Тихвинской церкви	Фактически проживало пять женщин	Нуждающиеся лица духовного звания местной Епархии	Бесплатно предоставлялось жилье, на содержание выдавали от 30 до 40 руб. в год	24, с. 3
47	Троицкая богадельня	1879	ВПИ, Епархиальное попечительство о призрении бедных духовного звания	Располагалась в доме Троицкой церкви	Фактически проживало 4 мужчины, 6 женщин, 4 мальчика и 2 девочки	Заштатные священно-, церковнослужители, их вдовы и сироты	В бесплатное пользование предоставлялась квартира	24, с. 3
48	Городской ночлежный дом	1880	МВД, Иркутское городское общественное управление	Устроен после пожара 1879 г. Комитетом для пособия погорельцам г. Иркутска, затем передан в собственность города. На обустройство израсходовано 300 руб.	Штатное число мест – 100, но могло разместиться до 200 человек. Постоянно проживало – 53 человека	Нуждающиеся в ночлеге (в том числе больные и неимущие). Нижний этаж предназначался для постоянного проживания бесприютных семей, верхний – исключительно для временного пребывания	Кроме ночлега больным и неимущим бесплатно раздавались чай, сахар и хлеб	24, с. 6; 38, с. 47
49	Детский приют имени государыни императрицы Марии Федоровны	1883	ВУИМ, Иркутское губернское попечительство детских приютов	Собственный дом стоимостью 96 000 руб., основной капитал 117 700 руб., доход – 14 575 руб. (в том числе	Штатное число мест – 70, в том числе 25 платных (120	Девочки, дети бездомных местных жителей	Полное попечение, обучение грамоте и рукоделию	24, с.1

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				пожертвования 932 руб., пособия от правительственных учреждений 125 руб. и городских учреждений – 1 тыс. руб., платы за пользование заведением – 3 823, от продажи изделий – 223 руб.)	руб. в год.) и 45 бесплатно			
50	Дешевая столовая	1883	МВД, Благотворительно общество «Утоли мою печаль»	1 000 руб. ежегодно из средств Общества	Нет данных	Все бедные жители	Предоставление бесплатного питания	24, с. 2
51	Базановский воспитательный дом с родовспомогательным отделением	1884	ВУИМ, Иркутское Губернское попечительство детских приютов	Собственный дом с постройками стоимостью 150 000 руб., основной капитал – 618 654 руб. Доходы – 33 654 руб.	Штатное число мест в доме – 60 мест, в отделении – 16 койко-мест	Дети-подкидыши грудного возраста и роженицы	Полное попечение бесплатно или за плату с передачей в частные семьи для вскармливания, воспитания или усыновления. Из 302 мальчиков отдано в семьи – 167, из 401 девочки – 196. 803 роженицам оказана акушерская помощь бесплатно	24, с. 1
52	Архангельская богадельня	1884	ВПИ, Епархиальное попечительство о призрении бедных духовного звания	Расходы 2 534 руб. – из средств Попечительства	Нет данных	Нуждающиеся лица женского пола, духовного звания	Предоставлялось бесплатно помещение с отоплением, освещением, на ежемесячное содержание по 5 руб.	24, с. 3

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
53	Детский приют для девочек	1884	МВД, Благотворительно общество «Утоли мою печаль»	Доходы – 3 845 руб. (в том числе от различных учреждений – 120 руб., от Общества – 3 715 руб.)	Штатное число мест – 30	Малолетние девочки, в основном сироты	Предоставлялось полное бесплатное содержание, обучение грамоте, рукоделию и ведению хозяйства. Содержалось 38 девочек. Дети могли быть переданы на воспитание в семьи	24, с. 2
54	Богадельня им. Сукачевой	1885	МВД	Открыта частным лицом, на содержание расходуется ежегодно около 1 000 руб.	Рассчитана на 18 человек	Престарелые бедные женщины	Предоставлялось полное бесплатное обеспечение	24, с. 6
55	Тихоновская богадельня	1898	ВПИ, Епархиальное попечительство о призрении бедных духовного звания	Земля с постройками. Расходы 530 руб. из средств Попечительства	Фактически проживало 2 мужчины, 10 женщин, 2 мальчика и 3 девочки	Престарелые и сироты духовного звания Иркутской Епархии	Предоставлялось в бесплатное пользование помещение с отоплением и освещением	24, с. 3
56	Богадельня для престарелых и больных при еврейском молитвенном доме	1898	МВД	Располагалась в доме, принадлежащем молитвенному дому. Расходы 1 400 руб., отпущенные частными учреждениями и лицами	Рассчитана на 8–10 человек иудейского вероисповедания из жителей Иркутской губернии	Престарелые, увечные, слепые, глухонемые и больные хроническими заболеваниями	Полное бесплатное содержание	24, с. 6
57	Приют «Ясли»	1899	МВД, Благотворительно общество «Утоли мою печаль»	Доход 1 724 руб., в том числе пожертвования 1 776 руб., плата за пользование заведением	Штатное число мест – 30	Дети обою пола в возрасте до 8 лет	Дневное содержание за 5 коп. в день, но некоторые от платы были	24, с. 2; 38, с. 20.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				– 43 руб., от Общества – 1 492 руб.			освобождены	
58	Исправитель-но-воспитатель-ный приют для несовершенно-летних пре-ступников	1899	МЮ, Иркутское общество земле-дельческих ко-лоний и ремес-ленных приютов	Располагался в собст-венном доме на Писа-ревском переулке. Ка-питал – 19 337 руб., дом с усадьбой стоимо-стью 15 000 руб. Доход – 7 462 руб., в том числе пожертвования 144 руб., пособия от прави-тельства 2 918 руб., от продажи изделий – 2084 руб. Расходы – 7 462 руб.	Нет данных	Принимались мальчи-ки-преступники в возрасте 10-17 лет	Содержалось 36 мальчиков из числа жителей Иркутской губернии, Якутской и Забайкальской областей. Поступа-ли по приговору судебных учрежде-ний и по направле-нию административной власти. Воспитанники по-лучали религиозно-нравственное вос-питание и обуча-лись грамоте, сто-лярному, токарно-му и сапожному ремеслам	24, с. 5
Иркутский округ								
59	Богадельня, с. Тельминское	1862	Нет сведений	Содержалась на капи-тал, оставшийся от за-крытия Тельминской суконной фабрики.	По данным за 1910 г., со-держалось 6 человек (1 мужчина, 5 женщин)	Лица преста-релого воз-раста обоего пола	Престарелым вы-давалось ежеме-сячное пособие по 2 руб. 50 коп. (по сведениям 1910 г.)	31, с. 40, 41
60	Приют для аре-стантских де-тей, с. Алек-сандровское	1884	МЮ	Два собственных дома стоимостью 3 500 руб. Доход – 1 210 руб.	Фактически со-держалось 30 мальчиков и 12 девочек	Дети, родите-ли которых находятся в тьюрьме или	Бесплатное содер-жание, обучение грамоте и ремес-лам: столярному, токарному,	24, с. 67

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				(в том числе от правительственных учреждений 1 012 руб. и от продажи изделий 198 руб.)	Мальчики находились до достижения возраста 15 лет, девочки – 14 лет.	вышли из места лишения свободы, но не имеют средств для содержания детей	переплетному, портняжному и сапожному	
г. Верхолениск								
61	Богадельня	1820 (1882)	МВД, в ведении Верхолениского волостного правления	Открыта и содержалась на средства крестьян Верхолениской волости	По данным за 1910 г., содержалось 15 мужчин	Принимались безродные ссыльнопоселенцы Верхолениского округа мужского пола, не имеющие средств к существованию	Бесплатно предоставлялось помещение с отоплением и освещением, выдавался хлеб, но в остальном содержались подаяниями	24, с. 9; 31, с. 42, 43
Верхолениский округ								
62	Сельская богадельня, с. Ангинское	1800 (1840)	МВД, в ведении Качугского волостного правления	Дом крестьянского общества. Капитал отсутствовал	Штатное число мест – 15. В 1906 г. призревалося 12 мужчин	Престарелые и калеки, лица мужского пола из жителей с. Ангинское	Бесплатно предоставлялось помещение, призреваемые содержались подаяниями	24, с. 9
63	Сельская богадельня, с. Бирюлька	ранее 1810	ВПИ (с 1862 г.)	Дом крестьянского общества, стоимостью 150 руб.	В 1910 г. призревалося 7 мужчин	Престарелые и неспособные к труду жители села	Бесплатно предоставлялось помещение, содержались подаяниями	24, с. 9
64	Сельская богадельня, с. Ман-	1873	МВД	Открыта частным лицом. Расходы – 40 руб.	Рассчитана на 16 человек	Престарелые и увечные	Бесплатное помещение, ежедневное	24, с.9

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
	зурское				Содержалось 14 мужчин и 1 женщина	жители Манзурской волости	пособие по 5 коп.	
65	Богадельня для бедных Церковно-приходского попечительства, с. Турурское	1878	МВД	Нет данных	Нет данных	Престарелые, увечные, слепые крестьяне Тутурской волости	Бесплатно предоставлялось помещение	24, с.9
Балаганский округ								
66	Дом для призревания, с. Бельское	1839	Ведомство православно-го исповедания	Размещался в доме, принадлежащем церковному притчу	В 1910 г. призревалось 15 мужчин.	Ссыльнопоселенцы.	Бесплатно предоставлялось помещение, а содержание – за счет 25-копеечного сбора с поселенцев и подаяний	31, с. 42, 43. 32, с. 39
67	Сельская богадельня для недееспособных к физическому труду и немущих с. Верхнее-Острожное	1891	МВД, Общество крестьян Идинской волости	Нет данных	Призревалось 8 мужчин и 2 женщины	Умалишенные, престарелые, неспособные к труду переселенцы и безродные крестьяне, проживающие на Идинской волости, русским подданным обоего пола	Предоставлялось бесплатно помещение и выдавалось 2 руб. в месяц на продовольствие	24, с.8

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
68	Сельская богадельня, с. Верхне-Валайское	1895	МВД	Нет данных	Рассчитана на 3 человека	Престарелые, увечные, слепые, глухие, лица мужского пола из чернорабочих	Призревало 3 мужчины. Предоставлялось бесплатно помещение и пища	24, с.8
69	Сельская богадельня, с. Черемховское	1896	МВД, Черемховское сельское общество	На содержание израсходовано 595 руб.	Призревало 10 мужчин и 3 женщины	Престарелые, увечные, слепые крестьяне и ссыльные, принадлежащие к Черемховскому сельскому обществу	Полное бесплатное призрение	24, с.8
70	Сельская богадельня для престарелых, с. Земинское	1899	МВД, Зиминское сельское общество	На содержание израсходовано 233 руб.	Нет данных	Престарелые крестьяне и ссыльные из жителей села	Предоставлялось бесплатное помещение	24, с.8
г. Киренск								
71	Богодельня и родильный приют им. купца Д.А. Акулова	1902	МВД	Открыт частным лицом, основной капитал – 30 000 руб., 2 собственных дома стоимостью 2 000 руб.	Штатное число мест – 8	Престарелые и неспособные к труду граждане Киренска, христиане	Бесплатное содержание в богадельне. Родильный приют оказывал бесплатное родо-вспоможение больным	24, с.9
Нижеудинский округ								
72	Богодельня Церковно-приходского попечительства, с. Братское	1880	ВПИ	Доходы 6 руб. (в том числе 2 руб. получено от Попечительства), расход - 6 руб.	Рассчитана на 4 человека, содержалось 6 мужчин	Престарелые местные жители, православные	Предоставлялось бесплатное помещение	24, с.10

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
73	Богадельня Церковно-приходского попечительства, с. Тулун	1896	ВПИ	Открыта частным лицом. Собственный капитал – 5 379 руб., дом с постройками стоимостью 4 000 руб., расходы – 336 руб.	Рассчитана на 10 человек	Престарелые, увечные и слепые граждане обою пола из числа крестьян и переселенцев Тухуновской области	Полное бесплатное призрение. Призревало 6 мужчин и 4 женщины	24, с.10
Забайкальская область								
г. Чита								
74	Детский приют (Мариинский)	1859, 01 октября	Ведомство учреждений императрицы Марии, Забайкальское областное попечительство детских приютов	Первоначально размещался в трех квартирах, арендованных у купца [С.И.] Сумкина; с 1861 г. – в собственном здании. Стоимость недвижимого имущества – 23 тыс. руб.; капитал – 26 тыс. руб.	В среднем ежегодно призревало 40–42 девочки за счет приюта, 5 – за плату. В 1860 г. было 15 приходящих	Принимались в возрасте от 4 до 15 лет сироты и дети малообеспеченных родителей из числа местных жителей	Бесплатно или за плату (10 руб. в год) полное призрение, воспитание, обучение грамоте и рукоделию; допускались приходящие девочки. До 1865 г. принимались мальчики на начальное образование	26, с. 145; 33, с. 1 34, с. 8; 35, с. 70
75	Читинский арестантский детский приют	1889	МЮ, Забайкальское отделение Санкт-Петербургского общества попечения о ссыльнокаторжных	Капитал 18 524 руб., доход – 4 237 руб. (в том числе пожертвования 1 186 руб., пособия от правительственных учреждений 1 802 руб., от других учреждений 159 руб. и от Комитета 850 руб.)	Рассчитан на 40 человек. Призревались 17 мальчиков и 18 девочек	Дети арестантов и ссыльнокаторжных в возрасте до 15 лет, грудные дети с платой 15 руб. в месяц	Дети содержались бесплатно, обучались грамоте, мальчики изучали сапожное ремесло, девочки – рукоделие и домашнее хозяйство	33, с. 2

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
76	Детский приют	1893	МЮ, Забайкальское отделение Санкт-Петербургского общества попечения о ссыльнокаторжных	Расходы составляли средства Общества 10 670 руб.	Рассчитан на 80 человек. Призревало 39 мальчиков и 42 девочки	Дети ссыльнокаторжных Забайкальской области в возрасте от 6 до 14 лет	Полное бесплатное призрение, обучение грамоте, обучение мальчиков столярному, токарному, сапожному и портняжному ремеслам, девочек рукоделию и хозяйству	33, с.1–2
77	Дом трудолюбия	1897	ПОДТиРД	На содержание нуждающихся израсходовано 1 698 руб.	Помощь получили 5 428 человек	Все нуждающиеся в заработке, дети-сироты и неимущие престарелые женщины	Нуждающимся в заработке предоставлялась работа, больным оказывалась медицинская помощь, всем нуждающимся – ночлег	33, с. 1
г. Троицкосавск								
78	Городская богадельня	1841	МВД, Троицкосавская городская управа	Основной капитал – 8 900 руб., дом стоимостью 8 000 руб., доходы 1 645 руб. (в том числе от пожертвований 260 руб., пособие от городской управы 620 руб. и за пользование заведением 134 руб.)	Рассчитана на 30 человек. Фактически содержалось 11 мужчин и 28 женщин	Престарелые, увечные, не имеющие средств к существованию	Местные жители принимались бесплатно или за плату 30 руб. в год на полное призрение.	33, с. 5
79	Александровская богадельня	1844	МВД, Иркутский приказ общественного призрения	Каменное здание, выстроенное на средства кяхтинского купца первой гильдии А.И. Котельникова; оценивалось в 8 тыс. руб.	Комплектовалась на 18 мест, фактически содержалось 30 человек и бо-	Неимущие, престарелые и увечные жители обоюпола Троицкосавска,	Содержались бесплатно или за плату (30 руб. в год); в случае необходимости получали медицинскую	33, с. 4. 35, с. 67

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				Основной капитал – 9 тыс. руб.	лее	слобод Кяхта и Усть-Кяхта	помощь бесплатно	
80	Николаевский детский приют	1853	Ведомство учреждений императрицы Марии, Кяхтинское городское попечительство детских приютов	Открыт Кяхтинским купеческим обществом. По данным за 1896 г.: недвижимое имущество стоимостью 19 тыс. руб.; основной капитал 65 тыс. руб.	Открывался на 55 живущих и 15 приходящих детей	Принимались девочки из малообеспеченных семей в возрасте от 6 до 15 лет, православного исповедания, без различия сословий	Принимались бесплатно или за плату 50 руб. в год на полное призрение и обучались грамоте, рукоделию и домашнему мастерству. Допускались приходящие девочки за плату 25 руб. в год. Многие воспитанницы содержались на многочисленные именные стипендии	26, с. 145. 33, с. 4. 35, с. 69. 36, с. 92
81	Ночлежный дом при полиции	1895	МВД, Троицкосавское городское полицейское управление	Собственный дом стоимостью 2 751 руб., содержится на средства городской управы	Нет сведений. За год получали ночлег около 1 276 мужчин	Всем, кто пришел в город для заработка, а также бесприютным старикам	Бесплатный ночлег	33, с. 5
82	Дом трудолюбия, г. Троицкосавск	1901	МВД, Общество пособия бедных	в 1902 г. основной капитал – 517 руб., доходы – 3011 руб. (в том числе от продажи изделий 1 744 руб. и от Общества на содержание заведений 1 267 руб.)	Нет данных. В течение года работала 2 261 женщина	Женщинам мещанского сословия, проживающим в Троицкосавске и слободах Кяхта и Усть-Кяхта	Давалась возможность работать за плату от 15 коп до 50 коп. в день. В основном шили, ткали, занимались выделкой шкур	33, с. 4

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Троицкосавский округ								
83	Богадельня для престарелых и неспособных к труду слободы Усть-Кяхты	1884	ВПИ	Открыто частным лицом. Основной капитал – 11 800 руб., доход – 577 руб. (в том числе пожертвований 65 руб.)	Нет сведений. Фактически содержалось 5 мужчин и 8 женщин	Престарелые и неспособные к труду местные жители православного вероисповедания	Полное попечение предоставлялось бесплатно или за плату 100 руб. в год.	33, с.5
г. Верхнеудинск								
84	Работный дом с отделением в Нижнеудинске	1827	МВД, Иркутский приказ общественного призрения	Нет сведений	До 1838 г. в нем побывало около 104 человек	Ссыльнопоселенцы	Распределялись на работы в Петровский железодельный и чугунолитейный завод, Нерчинский винокурный завод, Тарбагатайскую волость и другие места	33, с.10
85	Детский приют и богадельня имени Гольдобины	1892	МВД	Открыт частным лицом. Основной капитал – 15 000 руб.; содержался на средства учредителя	Нет данных. Фактически содержались 4 мужчины, 14 женщин и 20 девочек	Престарелые, неимущие местные жители и малолетние девочки	Нуждающимся предоставлялось полное бесплатное призрение. Дети обучались грамоте, рукоделию, садоводству, огородничеству, хозяйству	33, с.3
г. Нерчинск								
86	Богадельня при городской больнице	1886	МВД, Городское управление	Содержалась за счет города. Расходы составляли 236 руб. в год	Рассчитана на 4 человека. По факту	Престарелые местные жители	Бесплатное содержание	33, с.3

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
					содержалось в 1902 г. 6 мужчин и 2 женщины			
Нерчинский округ								
87	Приют для беднейших учеников Стретенского станичного общества	1891	МВД, Стретенское станичное общество	Содержался на средства Стретенского станичного общества	Рассчитан на 15 человек	Дети беднейших казаков Забайкальского казачьего войска, обучающихся во втором классном городском училище	Дети находились на полном призрении. Призревало 15 мальчиков	33, с.3
Нерчинско-Заводской округ								
88	Богадельня, с. Нерчинско-Заводское	1896	МВД	Основной капитал – 286 руб, доходы – 475 руб. (в том числе пожертвования 273 руб.). Расходы составляли 475 руб.	Рассчитана на 10 человек	Престарелые, малолетние, увечные, не имеющие родных и средств к существованию	Принимались на полное бесплатное призрение. Призревало 4 мужчины и 6 женщин	33, с. 4
Якутская область г. Якутск								
89	Городская богадельня	1810	МВД, городская управа	Деревянный дом стоимостью 2 500 руб. Средства из городского благотворительного капитала	Штатное число мест – 10	Престарелые и неспособные к труду помещане и граждане города	Предоставлялось бесплатно размещение и выдавалось денежное пособие на содержание	37, с. 2
90	Детский приют	1860	Областное попечительство детских приютов	Капитал – 62 672 руб. Дом и дача оценивались в 11 тыс. руб.	Штатное число мест – 25	Дети бедных местных жителей	Дети принимались бесплатно или за плату 50 руб. в год;	37, с. 1

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
				Содержался на пожертвования, плату за пользованием учреждения, пособия от правительственных учреждений			обучались грамоте и рукоделию	
91	Городской ночлежный дом	1887	МВД	Собственный деревянный дом с постройками стоимостью 2 300 руб., пособие (484 руб.) от городской управы	Воспользовались ночлегом 8 353 мужчины и 594 женщины	–	Бесплатный ночлег всем желающим	37, с. 2
92	Приют для арестантских детей	1888	МЮ	Собственный капитал – 7 803 руб., усадьба с постройками стоимостью 6 700 руб. Доход – 2 951 руб., в том числе пожертвования – 1 884 руб., пособия от правительственных учреждений – 301 руб. и от продажи изделий – 67 руб.	Призревалось 20 детей обоего пола	Дети арестантов, содержащихся в местной тюрьме	Воспитанников обучали грамоте. Мальчики изучали сапожное и переплетное ремесло, девочки – рукоделие. Детей устраивали на воспитание в благонадежные семьи	37, с. 2
93	Дешевая столовая	1889	МВД	Расходы 3 692 руб.	Отпущено 27 975 бесплатных обедов, 4 684 – за плату	Беднейшее население города	Предоставляется дешевая, в большинстве случаев бесплатная пища	37, с. 1
94	Поселенческая богадельня	1889	МВД	Расходы 1591 руб.	Штатное число мест – 20. Фактически содержалось в 1902 г. 28 мужчин и 3 женщины	Престарелые, увечные и неспособные к труду ссыльнопоселенцы Якутской области	Предоставлялось полное бесплатное призрение.	37, с. 2

						В исключительных случаях временно призрелись лица других сословий, дети-сироты		
--	--	--	--	--	--	--	--	--

Источники:

1. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 227.
2. Свод законов Российской империи, издание 1857 года. Уставы об общественном призрении. Т. XIII, тетр. 2. Свод учреждений и уставов об общественном призрении. – СПб., 1857.
3. ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 609.
5. ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 167.
6. Степанов А.П. Енисейская губерния: в 2 ч. Ч. 2. – СПб., 1835.
7. Коновалов П. Н. К 50-летию Красноярского Владимирского детского приюта Ведомства учреждений императрицы Марии. – Красноярск, [1899].
8. Благотворительность в России. Т. II. Список благотворительных учреждений. Ч. II. Губернии и области: Олонецкая – Ярославская, Привислинские, Кавказа, Средней Азии и Сибири. II. Дополнительный список благотворительных учреждений. – СПб.: [б. и.], [не позднее 1907]. Енисейская губерния. – С. 1–7.
9. ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 722.
10. ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 685.
11. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3.
12. Обзор Енисейской губернии за 1870 г. – Красноярск, [1871].
13. Шумов К. Ю. История строительства Спасской церкви в Минусинске // Интернет проект «История архитектуры Красноярского края». – URL: http://naov.ru/articles/81_istoriya-stroitelstva-spasskoyi-cerkvi-v-minusinske.
14. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 7430.
15. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4389.
16. Обзор Енисейской губернии за 1875 г. – Красноярск, 1876.
17. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 год / вступ. ст. Л. П. Бердникова [Таежная старина Александра Кытманова]. – Красноярск, 2016.

18. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года, составленные статским советником И. [С.] Пестовым. – М., 1833.
19. Архив города Енисейска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1.
20. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4048а.
21. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5822.
22. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5723.
23. Памятная книжка Иркутской губернии на 1903 г.; Издание губернского статистического комитета. – Иркутск, [1902].
24. Благотворительность в России. Т. II. Список благотворительных учреждений. Ч. II. Губернии и области: Олонецкая – Ярославская, Привислинские, Кавказа, Средней Азии и Сибири. II. Дополнительный список благотворительных учреждений. – СПб.: [б. и.], [не позднее 1907]. Иркутская губерния. – С. 1–10.
25. Иркутский сиропитательный дом Елисаветы Медведниковой и учрежденный при нем банк. Ч. 1: Сиропитательный дом. 1838–1888 гг. С фотогравюрами и планом; Издание Совета Иркутского Сиропитательного Дома. – Иркутск, 1888.
26. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств Покровительств и принадлежащих к Ведомству Учреждений Императрицы Марии за 1890–1894 гг. – СПб., 1896.
27. ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 3.
28. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. Т. 4 (С–Я). Кн. 2 / под ред. Зиновьева В. П., Резуна Д. Я. – Новосибирск, 1998.
29. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII – XXI вв. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Ю. А. Зуляр и др.; гл. ред. Л. М. Дамешек]. – Иркутск, 2012.
30. ГАИО. Ф. 32. Оп. 9. Д. 1.
31. Список благотворительных учреждений в Иркутской губернии, с указанием года основания каждого, числа призреваемых лиц, капитала учреждений и годового расхода их. Составлен 20 июля 1910 года // Памятная книжка Иркутской губернии на 1911 год; Издание губернского статистического комитета. – Иркутск, [1911]. – С. 29–45.
32. Обзор Иркутской губернии за 1892 г. – Иркутск, 1893.
33. Благотворительность в России. Т. II. Список благотворительных учреждений. Ч. II. Губернии и области: Олонецкая – Ярославская, Привислинские, Кавказа, Средней Азии и Сибири. II. Дополнительный список благотворительных учреждений. – СПб.: [б. и.], [не позднее 1907]. Забайкальская область. – С. 1–6.
34. Авдеев С. Домовые церкви Читы // Православное Забайкалье. – 2013. – 18 января.
35. Тригуб Г. Я. Участие городских самоуправлений Забайкальской области в призрении населения (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Ойкумена. – 2009. – № 4. – С. 65–71.
36. Памятная книжка Забайкальской области на 1901 год. – Чита, 1901.
37. Благотворительность в России. Т. II. Список благотворительных учреждений. Ч. II. Губернии и области: Олонецкая – Ярославская, Привислинские, Кавказа, Средней Азии и Сибири. II. Дополнительный список благотворительных учреждений. – СПб.: [б. и.], [не позднее 1907]. Якутская область. – С. 1–2.
38. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Н. С. Романов; [автор вступительной статьи Н. В. Куликаускене; под ред. С. Ф. Ковалю]. – Иркутск, 1993.

**Денежные пожертвования Н. К. Переплетчикова в пользу
г. Красноярска**

г. Красноярск 8 июля 1892 г.

Вследствие предложения вашего превосходительства от 27 минувшего мая за № 3825, имею честь представить, что бывшим красноярским городским головой Николаем Кирилловичем Переплетчиковым сделаны следующие денежные пожертвования в пользу г. Красноярска:

на учебные заведения:

в неприкосновенный капитал Щеголевского ремесленного училища	200 руб.
на учреждение мещанской женской школы	1 000 руб.
в 1881 г. на учебные заведения	2 000 руб.
на содержание пятого народного училища в 1888 и 1889 гг.	400 руб.
в пользу женской гимназии	1 250 руб.
на пристройку к Красноярскому городскому училищу	4 000 руб.
Обществу попечения о начальном образовании в г. Красноярске	1 000 руб.
14 ноября 1881 г. – в пользу бедных погорельцев	1 000 руб.

В пользу благотворительных и общественных учреждений:

Синельниковскому благотворительному обществу.....	3 000 руб.
городской лечебнице для бедных	2 000 руб.
ей же, на усиление средств.....	435 руб.
городской библиотеке.....	1 000 руб.
на содержание ночлежного дома.....	366 руб.
на городское благоустройство в 1891 г.	4 000 руб.
особо употреблено на строительство водосточной канавы по Гостинской улице и Падалкину переулку	1 500 руб.

Все это пожертвования, вошедшие в счета и отчеты городской управы и поименованных выше учреждений. Затем значительные пожертвования, сделанные Николаем Кирилловичем на перестройку театра, на постройку здания местного помещения общественного собрания в городском саду, а также устройство освещения города по двум улицам (столбы с фонарями) и устройство загородей для охраны леса в окрестностях города – не могут быть представлены в определенных цифрах за неимением сведения о сумме произведенного Николаем Кирилловичем расхода на эти предметы. К этому имею честь присовокупить, что в постановлении городской думы на 10 марта сего года, представленном вашему превосходительству 16 апреля за № 822, не приведено факта увеличения городских доходов за время служения Николая Кирилловича городским головой, которое к концу четырехлетия 1887–1890 гг. достигло 6 %; причем увеличение дохода имеет значение не временного лишь в период его служения, но может считаться верным и на будущее время как результат, полезный для деятельности его по городскому благоустройству; кроме того, Николай Кириллович, сочувствуя всяким полезным начинаниям, и в последнее время пожертвовал 1 000 руб. в пользу учреждаемого в г. Красноярске переселенческого комитета.

Городской голова (*подпись неразборчива*)

ГАКК. Ф. 628. Оп. 1. Д. 34. Л. 8–9. Подлинник. Рукопись.

**Сведения об общем благотворительном капитале
Красноярской городской думы**

17 декабря 1879 г.

В ведении городской управы состоит общий благотворительный капитал, который составился из взносов разными лицами для благотворительных целей, на пользу бедствующим жителям г. Красноярска, – именно: 1) от мещанина Парфентьева 600 руб. 5 %-ми банк[овыми] билетами второго выпуска, проценты с которых, в силу духовного завещания, должны выдаваться бедным мещанам г. Красноярска по усмотрению городской управы; 2) купца Нацвалова, 5 %-ми облигациями Восточного займа 550 руб., проценты с которых должны выдаваться влсьми беднейшим семействам мещан г. Красноярска по усмотрению городского головы перед праздником Святой Пасхи; 3) мещанки Стародубцевой, 5 %-ми облигациями Восточного займа 300 руб., проценты с которых должны выдаваться на пользу бедным по усмотрению членов городской управы; 4) купца Кузнецова, 5 %-ми облигациями Восточного займа 1 150 руб. Основной капитал был представлен в 1 304 руб. 35 ½ коп. с тем, чтобы эта сумма обращалась в кредитных установлениях из процентов, а проценты раздавались беднейшим жителям пред праздниками Р[ождества] Христова и Св. Пасхи по усмотрению городского головы. Постановлением же бывшей городской думы 29 сентября 1860 г. было определено капитал этот (1 304 руб. 35 ½ коп.) для обращения из процентов выдавать «под векселя и другие документы с благонадежными ручательствами или залогами», ввиду этого постановления 11 февраля 1863 г. выдано под вексель Яковлева 500 руб. с ручательством П. И. Кузнецова, о взыскании которых в городской управе ведется до сего времени дело. 5) На память 4 апреля 1866 г. 5 %-ми облигациями Восточного займа 750 руб. и билетами государственного казначейства 350 руб., всего 1 100 руб. Красноярское городское общество, желая сохранить в память для будущего поколения день чудесного избавления государя императора

Александра II от руки злодея, составило неприкосновенный капитал 1000 руб., проценты с которых определено производить в раздачу бедным. 6) Т.И. Щеголевой, 5 %-ми банковыми билетами 3000 руб., составляющие неприкосновенный капитал, а проценты с этого капитала должны выдаваться бедным жителям г. Красноярска, без различия сословий, пред праздниками Св. Пасхи и Р[ождества] Христова. С переименованных выше капиталов, проценты с которых по воле жертвователей должны выдаваться бедным лицам по усмотрению городского головы и членов управы, делятся на три вида случаев: 1) Пред праздниками Р[ождества] Христова и Св. Пасхи с капиталов купца Кузнецова 1150 руб., проценты 57 руб. 50 коп., и Т.И. Щеголевой с 3 000 руб. проценты 150 руб., всего 207 руб. 50 коп.; 2) Пред праздниками только Св. Пасхи купца Нацвалова с 550 руб. - 27 руб. 50 коп.; 3) Без определения времени выдачи: мещанина Парфентьева с 600 руб. проценты 30 руб.; на память 4 апреля с 1100 руб. проценты 52 руб. 62 коп. и мещанки Стародубцевой с 300 руб. проценты 15 руб., всего 97 руб. 62 коп. Всего ежегодного дохода с этих капиталов должно быть с 5 %-х банковых билетов 6350 руб. процентов 317 руб. 50 коп.; билетами государственного казначейства 350 руб., проценты 15 руб. 12 коп., всего 332 руб. 62 коп., но т.к. с капитала Т.И. Щеголевой 3000 руб. процентов должно в 1879 г. поступить только со дня смерти ее 89 руб. 35 коп., менее годового оклада на 60 руб. 65 коп., то действительный доход должен составлять на 1879 г. 271 руб. 97 коп., из числа которых в настоящем году пред праздником Св. Пасхи роздано 110 руб. 80 коп. Затем остается к раздаче пред праздником Р[ождества] Христова из дохода 1879 г. 161 руб. 17 коп.

К 1 декабря 1879 г. состоит в наличности:

личными -----	61 коп.
Билетами Государственного казначейства ---	350 руб.
5% банковыми -----	3600 руб.
Облиг[ациями] Восточного займа -----	2750 руб.
Расчетная книжка -----	230 руб.

	6931 руб. 17 коп.
Получено процентов в декабре -----	62 руб. 50 коп.
	6993 руб. 67 коп.

Ввиду приближения праздника Р[ождества] Христова городская управа ОПРЕДЕЛЯЕТ: так как в настоящее время имеется в наличности процентов от общественного благотворительного капитала, оставшихся неизрасходованными от прошлого года, 132 руб. 50 коп. и от доходов 1879 г. 161 руб. 17 коп, всего 293 руб. 67 коп., то из этой суммы: 1) приобрести [на] 150 руб. кредитных 5 %-х бумаг на пополнение основного капитала, пожертвованного купцом Кузнецовым; 2) 60 руб. передать в ведение Синельниковского общества для осуществления воли жертвователей; 3) 58 руб. 66 коп. выдать по усмотрению городского головы и членов управы по случаю праздника Р[ождества] Христова и 4) 25 руб. выслать в Попечительный совет женской гимназии за обучение трех беднейших воспитанниц оной.

ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 63. Л. 2–3 об. Копия. Рукопись.

**Объявление Якутской городской управы о причислении капиталов
к общему городскому благотворительному капиталу**

г. Якутск

6 марта 1893 г.

Во исполнение распоряжения Якутской городской думы, изложенного в протоколе оной, состоявшемся 2 декабря 1892 г. за № 181, Якутская городская управа сим объявляет во всеобщее сведение на предмет представления в срок, указанный в 962 ст[атье] Закон[а] гражд[анского] (X т., ч. 1 изд[ания] 1887 г.) заявлений, что Якутская городская дума предположила ходатайствовать о причислении к общему благотворительному капиталу для обращения и расходования на общих с последним основаниях следующих капиталов.

1. Бушкова.

При прошении от 13 ноября 1869 г. мещанин Кирик Бушков представил в городскую думу 400 руб. и просил иметь их особым капиталом, а проценты с последнего употреблять на оплату податей за умерших бедных и неимущих мещан.

2. Павлова.

При прошении от 7 мая 1858 г. инородец Гавриил Павлов представил в городскую думу 3 т[ыс] руб. и просил образовать особый, его имени, капитал для обращения такового при городском управлении на 10 % через выдачи в одолжения; прибыли же сего капитала употреблялись: с 1 т[ыс] руб. – на содержание мещан в богадельне, с 1 т[ыс] руб. – на платеж податей за умерших и неимущих, с 500 руб. – на содержание и лечение бедных мещан и с 500 руб. – на пособия сиротам и бедным.

3. Маркова.

По завещанию купца Николая Маркова основан в 1882 г. в сумме 5 т[ыс]. руб. для обращения из 10 % и употребления прибылей: с 1 т[ыс] руб. – на уплату податей за бедных мещан и с 12 т[ыс] руб. – на лечение и погребение мещан и с 2 т[ыс] руб. – на раздачи бедным к праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи.

4. Шилова.

По завещанию купца Ивана Шилова в 1865 г., пожертвован 5 % билет Государственного банка в 1 т[ыс] руб. для раздачи процентов бедным.

5. Попова.

По завещанию купца Ивана Стефановича Попова капитал в 1 447 руб. 25 коп. передан в ведение Городского общественного управления с тем, чтобы из годовой прибыли на оный выдавать наследнику его 48 руб.; причту местной Преображенской церкви 24 руб., а остальные обращать на усиление городского сиротского капитала.

6. Михайловский.

По завещанию купца Михаила Очередина основан в 1879 г. в сумме 300 руб. с тем, чтобы проценты раздавались бедным перед праздниками Рождества Христова и Св. Пасхи.

7. Царский.

Основан гражданами по подписке в память избавления от руки злодея в 4 день апреля 1866 г. в бозе почившего государя Александра II для вечного обращения при городской управе из 10 % и раздачи прибылей с капитала бедным ежегодно 4 апреля.

8. Синельникова.

Основан гражданами по подписке в 1873 г. в ознаменование 50-летней службы бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Петровича Синельникова, в сумме 1 т[ыс] руб. для вечного обращения при городской думе из 10 % и раздачи прибыли бедным ежегодно 6 декабря.

Основания обращения и расходования имеющегося образоваться капитала предложены следующие:

А) одолжения из означенного капитала будут проводиться под векселя, заемные письма, залогов и закладных из десяти процентов роста;

Б) доходы с сего капиталы будут расходоваться на содержание городско богадельни, на выдачу пособий, лечение и погребение бедных общественников и взнос за них повинностей.

Городской голова Н. Преловский

Члены: Дим. Попов; В. Гольман

Секретарь Москвин.

Национальный архив РС (Я). Ф. 477п. Оп. 1. Д. 28. Л. 3. Типографский от-
тиск.

Таблица – Сведения о приходах Енисейской епархии, в которых функционировали церковно-приходские попечительства, попечительские советы, попечительства о семьях лиц, призванных на войну

Название церковного прихода, год открытия	Церковно-общественные организации	Численный, религиозный и социальный состав населения прихода	Состав и расположение церковного прихода
1	2	3	4
г. Красноярск			
Благовещенский, 1801	ЦПП	В приходе 267 домов. Православного населения 1 304 души обоего пола, католиков 38, лютеран 5, магометан 99, евреев 53, раскольников-беспоповцев 3 человека. Население прихода состоит из коренных сибиряков, казаков, мещан, крестьян, торговцев, ремесленников и разного рода служащих	В состав прихода входит часть города, расположенная к северу от Благовещенской улицы, по берегам р. Качи, в районе между Благовещенским и Гадаловским переулками
Покровский, 1795	ПП для оказания помощи семействам лиц, призванных на войну	В приходе 1 862 души, из них православных 578 душ мужского и 624 души женского пола, 40 душ раскольников-беспоповцев и 620 душ евреев, магометан и других иноверцев	Расположен между Благовещенской улицей и берегом р. Енисей в районе от Дубенского переулка до Новобазарной площади; в его состав входят улицы Воскресенская, Гостинская, Садовая, Песочная и Береговая
Спасский, 1907	ЦПП	В приходе 638 душ мужского и 620 душ женского пола; 30 католиков, 12 лютеран, 15 баптистов. Все прихожане железнодорожные служащие, большинство из них переселенцы из России	В состав прихода входят: станция Красноярск, Алексеевская и Николаевская слободы, станции Минино, Снежница, Зелеево, Кача, Енисей, Сорокино, Зыково, Камарчана.
Николаевский, 1913	ПП о семьях лиц, призванных на войну	В приходе 15 тыс. жителей разных национальностей и вероисповеданий, прихожан 1 256 душ мужского пола, 1 222 душ женского пола. Население – в основном железнодорожные рабочие и служащие.	Расположен рядом со станцией Красноярск

1	2	3	4
Красноярский уезд			
Атамановский Троицкий, 1777	ЦПП	3 320 душ, (1 509 мужского и 1 811 женского пола), все православные, кроме 14 евреев. Старожилы и выходцы из Черниговской и Могилевской губ., занимаются земледелием	с. Атамановское находится в 60 верстах от г. Красноярска. В приходе четы ре деревни: Хлоптунова в 12 верстах, Большой Балчуг в 12 верстах, Ново-Николаевка в 15 верстах, Подпорог в 25 верстах от села.
Барабановский Параскевьевский, 1854	ЦПП	2 215 душ, (1 107 мужского и 1 108 женского пола). В приходе 2 201 православных, 10 католиков, 4 баптиста. Коренные сибиряки, ссыль-ные и переселенцы	с. Барабановское находится в 47 верстах от г. Красноярска. В приходе три деревни: Карымская в 8 верстах, Шиверская в 6 верстах, Додонова в 2 верстах от села
Березовский Введен-ский, не известно	ПП о семьях воинов, призванных на войну	1 950 душ православных, 4 семьи католиков, 3 евреев. Жители – коренные сибиряки, переселенцев 8 дворов, ссыльных 4 человека. Жители занимаются хлебопашеством и огородничест-вом	с. Березовское от г. Красноярска нахо-дится в 15 верстах. В приходе пять де-ревень: Шумовка (рядом с селом), Злобина первая в 2 верстах, Злобина вто-рая, Пузырева и Зыково в 10–12 верстах от села
Больше-Муртинский, Михаило- Архангельский, 1845	ЦПП с 1901 г.	2 798 душ (1 446 мужского и 1 352 женского пол), православное население состоит из ко-ренных сибиряков и переселенцев из разных губерний. Жители занимаются земледелием	с. Муртинское находится в 107 верстах от г. Красноярска. В приходе четыре старожильческие деревни: Мало-Муртинская (рядом с селом), Мало-Кантатская в 5 верстах, Больше-Кантатская в 15 верстах, Айтатская в 15 верстах. К приходу же относятся четы-ре переселенческих участка: Кочергин-ский в 8 верстах, Саратовский в 17 вер-стах, Михайловский в 12 верстах, Ента-ульский в 20 верстах от села
Ботойский Вознесен-ский, 1851	ЦПП	2 300 душ (1 149 мужского и 1 151 женского пола), в том числе казаков 134 и мещан 19 че-ловек, все православные, коренные сибиряки. Занимаются хлебопашеством, заготовкой дров	с. Ботойское (или Вознесенское) нахо-дится в 30 верстах от г. Красноярска. В приходе четыре деревни: Усть-Ботойская (или Челнокова) в 6 верстах,

1	2	3	4
		для города, производством колес и саней	Бархатова в 7 верстах, Лопатина в 5 верстах, Чанчикова в 4 верстах от села
Есауловский Спасский, последняя четверть XVIII в.	ЦПП с 1902 г.	2 180 душ православных, 2 католиков, 10 евреев. Коренные сибиряки, переселенцы из Витебской губернии. Род занятий – земледелие	с. Есауловское находится в 35 верстах от г. Красноярска. В приходе четыре деревни: Терентьева в 3 верстах, Киндякова в 8 верстах, Ермолаева в 8 верстах, поселок Белорусский (образован переселенцами из Витебской губ. в 1901 г.) в 15 верстах от села
Кекурский Пророко-Ильинский, 1776	ЦПП	2 139 душ (1 067 мужского и 1 072 женского пола) православных и 43 других вер. Коренные сибиряки, ссыльнопоселенцы и переселенцы Вятской, Могилевской и Черниговской губерний. Занимаются земледелием, скотоводством, изготовлением масла	с. Кекурское находится в 80 верстах от г. Красноярска. В приходе пять деревень: Карнаухова в 2 верстах, Больше-Бузимская в 9 верстах, Абакшина в 8 верстах, Кононова в 18 верстах, Вишнякова в 18 верстах от села
Ладейский Пророко-Ильинский, 1718	ЦПП	943 души, все православные. Коренные сибиряки и казаки, несколько человек ссыльных. Занимаются земледелием	с. Ладейское находится в 10 верстах от г. Красноярска. В приходе четыре деревни: Кузнецова в 8 верстах и Лукина в 11 верстах от села
Минский Богородице-Казанский, 1912	ПС для оказания помощи семьям лиц, призванных на войну, 1914 г.	1 999 душ православных, 12 католиков. Все население прихода составляют исключительно переселенцы из Минской, Казанской, Могилевской, Гродненской и Самарской губерний	с. Минское находится в 139 верстах от г. Красноярска. В приходе семь деревень. Самая дальняя деревня Самарская находится в 15 верстах от села, остальные деревни в 7, 5 и 3 верстах
Нахвальский Богородице-Казанский, предположительно, последняя четверть XVIII в	ЦПП с 1901 г.	4 000 душ. Коренные сибиряки, ссыльные и поселенцы. Занимаются хлебопашеством, рыбной ловлей и охотой	с. Нахвальное находится в 90 верстах от г. Красноярска. В приходе три деревни: Малая Нахвальская в 2 верстах, Павловская в 8 верстах, поселок Елань в 21 версте от села
Подъемский Введенский, 1801 г.	ЦПП в с. Подъемском	1 487 душ, все православные	с. Подъемское находится в 115 верстах от г. Красноярска. В приходе три деревни: Тигина в 18 верстах, Комарово

1	2	3	4
			в 5 верстах, Предивна в 12 верстах от села
Подсопочный Дмитриевский, вторая половина XVIII в.	ЦПП с 1898 г., с. Подсопочное	Свыше 1 500 человек. Коренные сибиряки и поселенцы	с. Подсопочное находится в 50 верстах от Красноярска. В приходе две деревни: Толстомысская в 10 верстах, Ишимская в 3 верстах от села
Свищевский Троицкий, 1859	ЦПП	Свыше 900 человек, все православные, коренные сибиряки. Занимаются земледелием, лесным промыслом	с. Свищево находится в 35 верстах от г. Красноярска. В приходе пять деревень: Безрукова, Каменка, Кулакова, Зыково, Карлова. Самая дальняя деревня Зыково отдалена от села на 9 верст
Степно-Баджайский, 1910	С 1914 г. существует приходской Комитет для оказания помощи семьям воинов	Население прихода состоит из 876 душ, из них 316 баптистов, 136 лютеран, 15 католиков. Занимаются земледелием, добыванием кедрового ореха	с. Степной Баджай находится в 150 верстах от г. Красноярска. В приходе 23 деревни, населенные переселенцами из России, находящиеся от села на расстоянии от 5 до 34 верст
Сухобузимский Троицкий, приблизительно 1767	ЦПП с 1901 г.	2 035 душ населения. 10 евреев и 31 раскольник, остальные православные. Все коренные сибиряки, за немногим исключением. Занимаются хлебопашеством	с. Сухобузимское находится в 60 верстах от г. Красноярска. К приходу относится деревня Воробина в 4 верстах от села
Седельниковский Николаевский, 1861	ЦПП с 1901 г.	1 949 душ жителей в приходе. 9 евреев, 1 католик, остальные православные. Все население старожильческое, несколько семей переселенцев из Полтавской губернии	с. Седельниковское находится в 70 верстах от г. Красноярска. В приходе две деревни: Высотина в 2 верстах, Малый Балчуг в 9 верстах от села
Устюжский Николаевский, 1765	ЦПП и Церковно-приходской совет помощи семьям воинов	1 690 душ, из них 10 католиков, 5 адвентистов, 71 баптист. Коренные сибиряки, переселенцы из Европейской России и ссыльные	с. Устюг находится в 42 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Покровка в 23 верстах от села
Шилинский Покровский, 1830	ЦПП и Сестричное братство	5 201 душ, из них 258 католиков, 35 баптистов, 13 раскольников. Коренные сибиряки, ссыльнопоселенцы и переселенцы из губерний Пермской, Бессарабской, Витебской, Виленской, Волынской, Гродненской, Могилевской	с. Шилинское находится в 63 верстах от г. Красноярска. В приходе восемь деревень: Шошкина в 15 верстах, Ковригина в 15 верстах, Шестакова в 12 верстах, Пермь в 17 верстах, Николаев-

1	2	3	4
		и Новгородской	ская в 17 верстах, Троицкая в 15 верстах, Георгиевская в 14 верстах, Князевка в 10 верстах от села
Частоостровский, 1730	ЦПП с 1898 г.	2 900 душ, 53 католика, 9 евреев. Остальные коренные сибиряки и ссыльнопоселенцы. Занимаются земледелием, скотоводством и добычей каменного угля	с. Частоостровское находится в 35 верстах от г. Красноярск. В приходе четыре деревни: Куваршино в 6 верстах, Худоногово в 6 верстах, Серебряково в 6 верстах, Стрешнево в 12 верстах от села
Юксеевский Покровский, XVIII в.	ЦПП с 1902 г.	Около 1 500 душ. Большинство православные, 20 католиков, 30 магометан, 30 евреев. коренные сибиряки, есть переселенцы из России. Занимаются исключительно хлебопашеством	с. Юксеевское находится в 106 верстах от г. Красноярск. В приходе три деревни: Пакуль, Мингуль, Таскина, отдаленные от села на 8–9 верст
г. Канск			
Канского Спасского Собора приход, 1636	ЦПП и богадельня	17 713 душ, из них 16 251 православных, 436 католиков, 74 лютеран, 310 магометан и 642 еврея. Занимаются хлебопашеством и торговлей	г. Канск находится в 216 верстах от г. Красноярск. Деревень в приходе нет
Канский уезд			
Абанский Троицкий, 1897	Волостное и приходское попечительства	Православных 5 204, католиков 19, лютеран 59, магометан 35, евреев 9. Старожилы, переселенцы, ссыльные, ссыльно-политические и каторжане из всех почти губерний коренной России. Занимаются земледелием, торговлей	с. Абан находится в 281 версте от г. Красноярск. В приходе 13 деревень: Никольская, Троицкая, Заозерная, Петропавловская, Качарай, Междуболотный, Долженков, Каналайчик, Каналай, Ключевая, Олпать, Воробьев, Климовичевская, расположенные в 4–12 верстах от села
Агинский Николаевский, 1839	ПП о о семьях лиц, находящихся на войне	В приходе 6 472 души, из них 6 310 православных, 109 католиков, 53 еврея. Коренные сибиряки и переселенцы из губерний Орловской, Минской, Тульской, Воронежской и Гродненской. Занимаются хлебопашеством,	с. Агинское находится в 200 верстах от г. Красноярск. В приходе 13 деревень: Верхняя Анжа в 1,5 верстах, Павловка в 3 верстах, Анжа в 6 верстах, Нагорная в 10 верстах, Усть-Анжа в 15 верстах, Кулижниковская в 15 верстах, Вятская

1	2	3	4
		добычей кедрового ореха, пчеловодством, звероловством, рыболовством	в 12 верстах, Ульяновская в 15 верстах, Гладковская в 15 верстах, Больше-Илбанская в 15 верстах, Шудровская в 18 верстах, Орушинская в 20 верстах, Шоминская в 25 верстах от села
Александровский Покровский (Александровский или Кузинский приход), 1911	ЦПП, ППС	2 237 душ, из них 1 951 православных, 245 лютеран, 41 старообрядцы-беспоповцы. Население из переселенцев малороссов Черниговской и Полтавской губерний и эстонцев Прибалтийского края. Занимаются земледелием	С. Александровское находится в 160 верстах от г. Красноярска. В приходе четыре деревни: Ново-Прилука в 2 верстах, Петро-Павловка в 2 верстах, Ново-Печера в 5 верстах, Лебедевка в 12 верстах от села
Анцирский Николаевский, 1810	ЦПП	2 914 душ, из них 2 896 православных, 8 католиков, 10 евреев. В основном коренные сибиряки и расселенные между ними 50 семей переселенцев из Могилевской, Минской, Киевской и Черниговской губерний. Занимаются земледелием и немногие торговлей	С. Анцирское находится в 241 верстах от г. Красноярска. В приходе четыре деревни: Подяйская в 2 верстах, Бело-ярская в 6 верстах, Харлова в 12 верстах, Пермькова в 18 верстах от села
Верхне-Уринский Михаило-Архангельский, 1909	ЦПП	2 877 душ, евреев 2 дома и баптистов 3 дома. Все переселенцы из Полтавской, Киевской, Тамбовской, Тульской и Орловской губерний. Занимаются земледелием, евреи торговлей	С. Верхне-Уринское находится в 200 верстах от г. Красноярска. В приходе три деревни: Елиссевка в 8 верстах, Михайловка в 4 верстах, Мариинка в 4 верстах от села
Вознесенский Успенский, 1910	ЦПП	1 704 души, из них 1 644 православных, 30 католиков. Переселенцы из Могилевской, Минской, Смоленской и Витебской губерний	С. Вознесенское находится в 350 верстах от г. Красноярска. В приходе шесть участков: Водный, Вершинский, Станочный, Нагорный, Ямный, Постучетский и семь деревень: Хондальская, Тенченская, Шаманово, Лобазкова, Панфиловская, Троенская, Мамовская
Георгиевский, 1914	В каждом селении существует приходское церковное попечительство	1 744 душ. Все православные, кроме 3 семейств католиков. Переселенцы из губерний Гродненской, Могилевской, Витебской, Минской, Смоленской, Тамбовской и Симбирской.	С. Георгиевское находится в 240 верстах от г. Красноярска. В приходе восемь деревень: Ивановка в 3 верстах, Богоявленское в 6 верстах, Фомкино в 5

1	2	3	4
		Занимаются земледелием	верстах, Тайнушка 2 верстах, Моховое в 5 верстах, Озерное в 6 верстах, Тайна в 8 верстах, Шаташ в 9 верстах от села
Долго-Мостовский Покровский, 1909	В с. Долгий Мост церковно-приходское попечительство, общество трезвости, с 1914 г. попечительный совет о семьях лиц, призванных на войну	2 290 душ, 7 из них римско-католического вероисповедания. Все переселенцы свыше 10 разных губерний; преобладают из Псковской. Занимаются земледелием	С. Долгий Мост находится в 320 верстах от г. Красноярка. В приходе шесть деревень: Пана-Качеть в 8 верстах, Лазарева в 9,5 верстах, Королева в 10 верстах, Покровская в 10 верстах, Тибишет в 8 верстах, Канкара в 12 верстах от села
Ивановский Иоанно-Рыльский, неизвестно когда	ЦПП, в феврале 1915 г.	4 000 душ, все православные. Коренные сибиряки и переселенцы из разных губерний России. Занимаются земледелием, добыванием ореха, охотой на соболя и белку	С. Ивановское находится в 200 верстах от г. Красноярка. В приходе шесть деревень: Николаевская в 2 верстах, Чаргина в 7 верстах, Тинская в 12 верстах, Альгинская в 12 верстах, Сергиевская в 7 верстах, Ново-троицкая в 7 верстах от села
Иланский Александр-Невский, 1900 г.	19 августа 1914 г. Попечительный совет по оказанию помощи жертвам войны	1 373 человека, из них 873 православных, 350 католиков, 150 лютеран. Дворяне, военные, мещане, крестьяне. Служат и работают на железной дороге	Приход находится в 254 верстах от г. Красноярка. Кроме железнодорожных участков других селений в приходе нет. Приход открыт для обслуживания религиозных нужд железнодорожных служащих от ст. Иланской и ее участка до полустанка Венгерка в сторону Иркутска и ст. Канск в сторону Красноярка
Кильчугский Знаменский, 1904 (1905)	ПП о семьях воинов	2 254 души, из них 2 186 православных, 5 инославных, 54 раскольника-беспоповца. Коренные сибиряки и отчасти переселенцы. Занимаются земледелием, торговлей	С. Кильчуг находится в 100 верстах от г. Красноярка. В приходе 3 деревни: Чуринова в 1 версте, Саламатова в 5 верстах, Усть-Кандыга в 12 верстах от села

1	2	3	4
Ключевский Богородице-Казанский, 1863	ЦПП	2 734 души и три дома евреев. Население составляют старожилы, обрусевшие инородцы, ссыльнопоселенцы и переселенцы	С. Ключевское находится в 180 верстах от г. Красноярска. В приходе 3 деревни: Ивановская в 18 верстах, Спасовская в 12 верстах, Мало-ключевская в 6 верстах от села
Коростельский Дмитриевский, неизвестно	ЦПП и ЦПС	2 750 душ, все православные. Коренные сибиряки, переселенцы из Могилевской, Гродненской и Минской губерний	С. Коростельское находится в 190 верст от Г. Красноярска. В приходе 3 деревни: Маловская в 1 версте, Хомутовская в 6 верстах, Петро-Павловская в 6 верстах от села
Кучерцовский Покровский, 1908	ЦПП	3 108 человек, все православные. Переселенцы из губерний Минской, Могилевской, Витебской, Орловской и Симбирской. Занимаются земледелием	С. Кучерцовское находится в 316 верстах от г. Красноярска. В приходе 11 деревень: Фокинская в 6 верстах, Волковская в 12 верстах, Ошаровская в 18 верстах, Николаевская в 6 верстах, Ильинская в 16 верстах, Лебяженская 23 верстах, Чисто-Еланская в 11 верстах, Охотничья в 7 верстах, Александровская в 3 верстах, Алексеевская в 7 верстах, Средне-Тинская в 13 верстах
Малиновский Троицкий, 1912	ЦПП	3 888 человек, все православные, кроме одного католика. Занимаются хлебопашеством	с. Малиновское находится в 240 верста от г. Красноярска. В приходе 13 деревень: Алексеевская в 1,5 верстах, Б.-Арбайская в 6 верстах, Кырлыкская в 7 верстах, Зеленинская в 5 верстах, Оклирская в 10 верстах, Ново-Брянская в 10 верстах, Петро-Павловская в 7 верстах, Вознесенская в 10 верстах, Ляшинская в 11 верстах, Привольнская в 10 верстах, Оклирская в 13 верстах, Михайловская в 5 верстах, Спасо-Преображенская в 5 верстах и участок Пермяковский в 5 верстах от села

1	2	3	4
Межовский Косьмо-Дамиановский, 1911	ЦПП и ПП помощи семьям воинов	1 936 человек, все православные, население состоит из переселенцев, главным образом Киевской, Полтавской, Тамбовской, Черниговской и прочих губерний. Занимаются земледелием	С. Межово находится в 210 верстах от г. Красноярска. В приходе 2 деревни: Калиновка в 6 верстах, Красногорьевская в 8 верстах от села
Михалевский Николаевский, 1770	Попечительство о раненых воинах и их семьях	854 человек, все православные, крестьяне, выходцы из Пермского края и тунгусы. Занимаются хлебопашеством, звероловством, рыболовством, а зимой еще и извозом	С. Михалевское находится в 500 верстах от г. Красноярска. В приходе 4 деревни: Кондакова в 25 верстах, Кулакова в 50 верстах, Устье в 25 верстах, Нижняя в верстах от села
Нижне-Ингашевский Михаило-Архангельский, 1862	ПП открыло свои действия с начала войны	Население составляют коренные сибиряки и переселенцы из губерний Витебской, моголевской, Смоленской, Полтавской, Черниговской	С. Нижне-Ингашевское находится в 270 верстах от г. Красноярска. В приходе 5 деревень. Деревни Старая Пойма, Новая Пойма, Сулемка, Верхний Ингаш находятся в 4-9 верстах, а дер. Московская - в 15 верстах от села
Ново-Александровский покровский, 1911	ЦПП	1 751 душа. Переселенцы из губерний Орловской, Полтавской, Гродненской и Минской. Занимаются земледелием	С. Ново-Александровское находится в 154 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Ново-Пятницкая в 2 верстах от села
Новосельский Михаило-Архангельский, 1767	ЦПП	2 742 души, из них 2 719 православных, 5 католиков, 18 евреев. Коренные сибиряки и переселенцы Тамбовской, Харьковской, Полтавской, Курской, Пензенской, Уфимской, Самарской, Минской и других губерний. Занимаются хлебопашеством	С. Новосельское находится в 240 верстах от г. Красноярска. В приходе 3 деревни: Хаерина в 4 верстах, Мокрушинская в 4 верстах, Тайна в 20 верстах и 8 участков: Николаевский в 12 верстах, Алегинский в 6 верстах, Больше-Хиточенский 4 верстах, Любавский в 4 верстах, Астафьевский в 16 верстах, Баженовский в 14 верстах, Таранчетский в 12 верстах, Полтавский в 15 верстах от села

1	2	3	4
Ношинский Покровский, сентябрь 1905	ЦПП	3 000 душ, население православное, кроме нескольких магометан, католиков и баптистов. Исключительно переселенцы Могилевской, Гродненской, Витебской, Тульской, Орловской, Псковской, Киевской, Смоленской и других губерний. Занимаются земледелием и скотоводством	С. Ношино в 266 верстах от г. Красноярска. В приходе 10 деревень-поселков: Облово, Рудяной, Тогашкти, Каленников, Березовский, Тульчет, Мачин-Пруд, Сухотин, Макашиха, Итанацкая, отдаленных от села на 5-14 верст
Ольгинский, 1899	ЦПП открыто в 1913 г. при церкви	2 065 человек. переселенцы из Тамбовской, Киевской, Харьковской, Полтавской и других губерний	С. Ольгинское находится в 124 верстах от г. Красноярска. В приходе 2 деревни: Марьевская в 12 верстах, Панова в 7 верстах от села
Переяславский Михаило-Архангельский приход, 1910	ЦПП и совет	2 006 человек, все православные, в основном переселенцы из Переяславского уезда и Полтавской губернии. 1/8 часть – переселенцы из Киевской, Черниговской и Могилевской губерний. Занимаются земледелием	С. Переяславское находится в 120 верстах от г. Красноярска
Перовский Иннокентьевский, 1857	ЦПП	4 018 человек. Сибиряки, ссыльные и переселенцы из Тамбовской губернии. Занимаются земледелием	С. Перовское находится в 180 верстах от г. Красноярска. В приходе 3 деревни: Нойская, Верхне-Рыбинская, Иннокентьевская, отдаленных от села на 10 верст
Печкинский Николаевский, 1910	ЦПП	2 264 человек, из них 2 216 православные, 48 лютеране. Переселенцы из Минской, Орловской, Виленской, Могилевской, Каменец-Подольской и Смоленской губерний. Крестьяне. Занимаются хлебопашеством	С. Печкинское находится в 250 верстах от г. Красноярска. В приходе 8 деревень: Котиковская в 3 верстах, Ново-Покровская в 8 верстах, Ново-Спасская в 8 верстах, Красническая в 4 верстах, Ново-Семеновская в 8 м, Ново-Слободская в 6 верстах, Елезорская в 8 верстах, Залесьевская в 8 верстах от села
Решетинский Покровский, 30 октября 1914	ЦПП	1363 человек. Старожилы и переселенцы из губерний: Тамбовской, Симбирской, Могилевской, Витебской и Виленской. Занимаются	С. Решетинское находится в 340 верстах от г. Красноярска. В приходе 4 деревни: Ключи в 7 верстах,

1	2	3	4
		хлебопашеством, лесным промыслом и других губерний. Занимаются земледелием и скотоводством	Михайловка в 19 верстах, Урал в 22 верстах, Абалак в 21 версте от села Итанацкая, отдаленных от села на 5-14 верст
Ольгинский, 1899	ЦПП открыто в 1913 г. при церкви	2 065 человек. переселенцы из Тамбовской, Киевской, Харьковской, Полтавской и других губерний	С. Ольгинское находится в 124 верстах от г. Красноярска. В приходе 2 деревни: Марьевская в 12 верстах, Панова в 7 верстах от села
Переяславский Михаило-Архангельский приход, 1910	ЦПП и совет	2 006 человек, все православные, в основном переселенцы из Переяславского уезда и Полтавской губернии. 1/8 часть – переселенцы из Киевской, Черниговской и Могилевской губерний. Занимаются земледелием	С. Переяславское находится в 120 верстах от г. Красноярска
Перовский Иннокентьевский, 1857	ЦПП	4 018 человек. Сибиряки, ссыльные и переселенцы из Тамбовской губернии. Занимаются земледелием	С. Перовское находится в 180 верстах от г. Красноярска. В приходе 3 деревни: Нойская, Верхне-Рыбинская, Иннокентьевская, отдаленных от села на 10 верст
Печкинский Николаевский, 1910	ЦПП	2 264 человек, из них 2 216 православные, 48 лютеране. Переселенцы из Минской, Орловской, Виленской, Могилевской, Каменец-Подольской и Смоленской губерний. Крестьяне. Занимаются хлебопашеством	С. Печкинское находится в 250 верстах от г. Красноярска. В приходе 8 деревень: Котиковская в 3 верстах, Ново-Покровская в 8 верстах, Ново-Спасская в 8 верстах, Красническая в 4 верстах, Ново-Семеновская в 8 м, Ново-Слободская в 6 верстах, Елезорская в 8 верстах, Залесьевская в 8 верстах от села
Решетинский Покровский, 30 октября 1914	ЦПП	1363 человек. Старожилы и переселенцы из губерний: Тамбовской, Симбирской, Могилевской, Витебской и Виленской. Занимаются хлебопашеством, лесным промыслом	С. Решетинское находится в 340 верстах от г. Красноярска. В приходе 4 деревни: Ключи в 7 верстах, Михайловка в 19 верстах, Урал в 22 верстах, Абалак в 21 версте от села

1	2	3	4
Семеновский Троицкий, 1909	ЦПП	3600 душ. Все переселенцы из 20 разных губерний России. Занимаются земледелием	С. Семеновское находится 127 верстах от г. Красноярска. В приходе 4 деревни: Луковская, Ново-Михайловская, Белогорская, Кайлыкская, отдаленные от села на 5-12 верст
Сретенский, неизвестно	ПП совет помощи раненым и больным воинам и их семьям	Около 4 000 душ, все православные. Переселенцы из губерний Минской, Могилевской, Витебской, Тульской, Смоленской и Рязанской. Одна деревня из коренных сибиряков. Занимаются хлебопашеством	С. Сретенское находится в 263 верстах от г. Красноярска. В приходе 12 деревень: Байкаловская, Ново-Воздвиженская, Ново-Александровская, Малиновская, Кохинская, Ново-Рождественская, Ново-Покровская, Покотинская, Воздвиженская, Романовская, Ильинская, Заусовская, отдаленные от села на расстояние от 3 до 15 верст
Суховский Иннокентьевский, 13 февраля 1912	ЦПП открыто в 1913 г.	1 612 человек, все православные. Старожилы и переселенцы из Вятской, Витебской, Вологодской, Могилевской, Тамбовской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Воронежской и Уфимской губерний. Занимаются хлебопашеством и скотоводством	С. Суховское находится в 366 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Лукашино в 18 верстах и 7 участков: Караулинский в 5 верстах, Струковский в 10 верстах, Красивский в 11 верстах, Верхне-Канарайский в 15 верстах, Усть-Караулинский в 5 верстах, Криво-Хандальский в 4 верстах, Верхне-Калькасетский в 10 верстах от села
Суховский Иннокентьевский, 13 февраля 1912	ЦПП открыто в 1913 г.	1 612 человек, все православные. Старожилы и переселенцы из Вятской, Витебской, Вологодской, Могилевской, Тамбовской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Воронежской и Уфимской губерний. Занимаются хлебопашеством и скотоводством	С. Суховское находится в 366 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Лукашино в 18 верстах и 7 участков: Караулинский в 5 верстах, Струковский в 10 верстах, Красивский в 11 верстах, Верхне-Канарайский в 15 верстах, Усть-Караулинский в 5 верстах, Криво-Хандальский в 4 верстах,

1	2	3	4
			Верхне-Калькасетский в 10 верстах от села
Тальский Христорожественский, 1912	С 1914 г. работает в селе ЦПП, обратившее свою деятельность на нужды войны	2 887 человек, из них 2 866 православных, 12 католиков, 9 евреев, есть сектанты (баптисты) и старообрядцы (федосеевцы). Коренные сибиряки и переселенцы из губерний Вологодской, Волжской, Гродненской, Симбирской, Вятской, Рязанской, Черниговской, Полтавской, Киевской, Могилевской. Занимаются земледелием, сбором кедрового ореха, охотой	С. Тальское находится в 300 верстах от г. Красноярска. В приходе 12 деревень: Сосновская, Зелено-Слободская, Березовская, Троицкая, Ново-Александровская, Больше-Реченская, Мостовская, Рождественская, Крещенская, Православная, Давыдовская, Вознесенская, а также и не числящиеся в приходе еще официально: Покровская, Георгиевская, Михайловская, Арангаш, Парфеновская, Гуняковская, Бунинская, Средниха, Акимовская, Покровская, Тугачинская, Успенская, и участки: Чудаков и Сквозной. Все деревни находятся в 4-40 верстах от села
Тасеевский Богоявленский, неизвестно	ЦПП с 1913 г. Общество трезвости с 1914 г. Общественная (волостная) богадельня	2 502 человека, из них 2 480 православных, 22 еврея. Занимаются хлебопашеством	С. Тасеево находится в 368 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Глинная в 5 верстах и 2 участка: Плодбищенский в 5 верстах и Щекатуровский в 10 верстах от села
Тинский Введенский, 1820	ПП для оказания помощи нуждающимся семьям запасных	2419 душ, из них 2400 православных, 7 раскольников, 11 католиков, 1 лютеран. Коренные сибиряки и переселенцы из Могилевской, Рязанской, Витебской, Тульской, Московской и Минской губерний	С. Тинское находится в 300 верстах от г. Красноярска. В приходе 8 деревень, выселок Тинский, участки: Будниковский в 13 верстах, Гарский в 11 верстах, Полянский в 6 верстах, Хуторки в 9 верстах, Огоньки в 10 верстах, Ново-Российский в 20 верстах от села

1	2	3	4
Толстихинский Сергиевский, 1903	ЦПП	4 899 человек, все православные. Переселенцы из Орловской, Тамбовской, Воронежской, Могилевской, Витебской, Виленской, Киевской и Полтавской губерний. Занимаются хлебопашеством и скотоводством	С. Толстихинское находится 120 верстах от г. Красноярска. В приходе 7 деревень: Кузьминка в 2 верстах, Покровка в 7 верстах, Воронина в 4 верстах, Восточная в 5 верстах, Николаевская в 4 верстах, Змеиногорка в 8 верстах, Ново-Николаевка в 8 верстах от села
Троицко-Заводской, предположительно 1830	ЦПП и комитет о нуждах семей воинов, призванных на войну	1 641 душа, из них 1 619 православных, 16 католиков, 6 лютеран. Население состоит большей частью из потомков каторжан, казаков, ссыльных и немногих коренных сибиряков. Занимаются пушным промыслом, хлебопашеством, торговлей, работой на заводе	С. Троицкое находится в 198 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Яковлева в 10 верстах от села
Троицко-Заозерновский Иоанно-Богословский, 1784	ЦПП	3 190 православных, 60 евреев, 67 старообрядцев-беспоповцев. Занимаются земледелием	С. Троицкое находится в 150 верстах от г. Красноярска. В приходе 9 деревень: Налобина в 6 верстах, Высотина в 8 верстах, Глубокая в 12 верстах, Гмиринская в 10 верстах, Баргинская в 25 верстах, Орловская в 10 верстах, Ново-Георгиевская в 12 верстах, Успенская в 12 верстах, Михалевская в 10 верстах от села
Туровский Алексеевский, 30 января 1910	ЦПП, Церковно-школьное попечительство, общество трезвости	Всего 3 616 душ, из них 13 семейств католиков. Переселенцы из губерний Могилевской (большинство), Минской, Гродненской, Виленской, Каменец-Подольской, Тамбовской	С. Турово находится в 75 верстах от г. Канска. В приходе 14 мелких переселенческих деревень, раскинутых вокруг храма на 20-верстовом расстоянии (Туровская, Залипьевская, Высокого-родецкая, Низкого-родецкая, Тургеневская, Павловская, Пушкинская, Лермонтовская, Слопцовская, Кольцовская, Сенновская, Николаевская, Ивановская, Михайловская)

1	2	3	4
Унерский Косьмо-Дамиановский, 1909	ЦПП с 1914 г.	2 993 душ. 10 дворов сибиряков-старожилов, остальные переселенцы из губерний Тульской (большинство), Витебской, Полтавской, Тамбовской и Каменец-Подольской. Занимаются земледелием, добычей кедрового ореха	С. Унер находится в 214 верстах от г. Красноярска. В приходе 4 деревни: Попикова в 5 верстах, Нижний Агашул в 8 верстах, Верхний Агашул в 6 верстах, Богословская в 8 верстах от села
Усть-Ярульский Пророко-Ильинский, 1888	ЦПП	3 571 душа. Переселенцы из губерний Вятской, Полтавской, Киевской, Симбирской и Орловской. Занимаются земледелием	С. Усть-Ярульское находится в 160 верстах от г. Красноярска. В приходе 4 деревни: Усть-Каначульская в 10 верстах, Преображенская в 2 верстах, Ракитянская в 5 верстах, Каменская в 5 верстах от села
Уринский Троицкий, 1830	ЦПП, богадельня, содержащая на средства сельского общества	3 064 души, из них 3 035 православных, 15 католиков, 3 лютеран, 4 еврея, 7 магометан. Население из коренных сибиряков. Занимаются земледелием	С. Уринское находится в 216 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Мало-Уринская в 10 верстах от села
Финачетский Покровский, 1910	ЦПП открыто в 1914 г.	4 621 человек, все православные. Крестьяне-переселенцы из разных губерний. Занимаются земледелием	С. Фаначет, 16 деревень (Пронина, Афонина, Ново-Ивановская, Асанская, Лебедевская, Акатенская, Никольская, Междуреченская, Старина, Образцовая, Ильчетская, Гавриковская, Грязновская, Кайтымская, Ново-Таборская, Промысловская изба)
Хайдакский Троицкий, 1912	В январе 1915 г. открыт Попечительный совет	3 558 душ, из них 2 820 православных, 596 лютеран, 142 старообрядцев-беспоповцев. Переселенцы из губерний Тульской, Орловской, Могилевской, Витебской и Псковской. Много эстонцев. Занимаются земледелием	С. Хайдак находится в 110 верстах от г. Красноярска. В приходе 9 деревень: Хайдакская в 4 верстах, Мало-Хайдакская в 4 верстах, Сине-Хребетская в 4 верстах, Средне-Манская в 12 верстах, Умбажская в 8 верстах, Кожелакская в 16 верстах, Больше-Лугская в 17 верстах, Карымская в 8 верстах, Мало-Имбежская в 8 верстах от села

1	2	3	4
Христо-Рождественский (Заимский), не известно	Приходской попечительный совет	2 272 души, из них 2 067 православных, 10 евреев, 195 магометан. Коренные сибиряки и переселенцы из Полтавской, Витебской и Могилевской губерний. Занимаются хлебопашеством	С. Христорождественское находится в 330 верстах от г. Красноярска. В приходе 3 деревни: Тополь в 20 верстах, Денисово в 7 верстах, Кондратьево в 12 верстах от села
г. Ачинск и Ачинский уезд			
Ачинский Богородице-Казанский, 1829	ЦПП ЦПП - школьное	4 049 человек, из них 3 583 православные, 78 католиков, 12 лютеран, 186 магометан, 180 евреев. Большая часть - старожильческое население деревни Карповка (переселенцы из Полтавской, Черниговской и Киевской губерний)	В приход входят часть г. Ачинска и 2 деревни: Мазуль в 2,5 верстах, Карповка в 8 верстах от города
Алтатский Михаило-Архангельский, 1888	ЦПП	3 792 души, из них 2 995 православных, 548 раскольников австрийского согласия, 245 беспоповцев, 4 еврея. Старожильческое население в селе Алтайском, в деревнях – переселенцы из Рязанской, Курской, Могилевской, Гродненской и других губерний. Занимаются земледелием	С. Алтатское находится в 200 верстах от г. Красноярска. В приход входят 4 деревни: Акатка (или Павловка) в 18 верстах, Захаринка в 15 верстах, пос. Боровой в 17 верстах, дер. Викентьевка в 7 верстах от села
Балахтонский Покровский, 1869	ЦПП	3 363 душ, из них 3 181 православных, 175 католиков, 7 баптистов. Занимаются хлебопашеством и земледелием	С. Балахтон находится в 135 верстах от г. Красноярска. В приходе 15 деревень: Николаевка в 5 верстах, Марьина в 3 верстах, Мальфина в 8 верстах, Кедровка в 12 верстах, Дачное в 11 верстах, Ничкова в 7 верстах, Поперешка в 3 верстах, Борисовка в 10 верстах, Соболева в 12 верстах, Глушкова в 9 верстах, Карачагова в 17 верстах, Щедринский-Бор в 23 верстах, Ново-Покровка в 15 верстах, Красный яр в 12 верстах, Рыбная в 18 верстах от села

1	2	3	4
Березовский Георгиевский, 1857	ПП в последние 8 лет обращало свои заботы главным образом на постройку нового храма и на переустройство причтовых домов	6 140 душ, из них 6 090 православных, 50 евреев. Занимаются хлебопашеством и скотоводством, евреи – торговлей	С. Березовское (оно же Климовское) находится в 260 верстах от г. Красноярска. В приходе Кроме села 7 деревень: Сютик в 12 верстах, Гудкова в 6 верстах, Щербакова в 25 верстах, Ключинская в 4 верстах, Ершова в 20 верстах, Константиновка в 9 верстах, Карбалык в 12 верстах. Из них деревни Ершова и Карбалык выделяются в самостоятельный Ершовский приход
Бирилюсский Спасский, 1783	ЦПП открыто с мая 1915 г.	2 589 душ, 19 евреев, 5 деревень магометан, одна семья старообрядческая-беспоповская. Большая часть – инородцы Качинского племени, а остальные – переселенцы из разных губерний. Занимаются рыбной ловлей и охотой, хлебопашество слабо развито	С. Бирилюсское находится в 273 верстах от г. Красноярска. В приходе 18 улусов (Назаровский, Усть-Кемчугский, Яланский, Подкаменский, Щелевский, Мелецкий, Арамачевский, Ладыкский, Елдовский, Протокский, Кильчесвкий, Тюляжинский, Костинский, Когтеновский, Старо-Амачеевский, Ново-Амачеевский, Байдуковский, Кульбенский) и 9 деревень (Сосновая, пагина, Борисовская, Семеновка, Александровка, Кирчитная, Рождественская, Ново-Михайловская). Кроме Сосновой все деревни переселенческие Вятская, Воронежская, Минская и Могилевская губернии). Самая ближняя деревня находится к селу в 7 верстах, самая дальняя в 35 верстах. Самый ближний к селу улус находится в 12 верстах, самый дальний – в 140 верстах

1	2	3	4
Горбинский Стефановский, 1905	ЦПП открыто недавно (1916 г.)	В приходе 3 383 человека, все православные. Население преимущественно переселенческое, старожилы только в деревне Каргаль. Занимаются земледелием	С. Горбинское находится в 275 верстах от г. Красноярска. В приходе 5 деревень: Александровка в 3 верстах, Каргала в 8 верстах, Шипиловка в 10 верстах, Ново-Соксинская в 10 верстах, Листвянка в 4 верстах от села
Едетский Богородице-Казанский, 1910	ЦПП	Православного населения 2 709 человек. Занимаются хлебопашеством	С. Едет находится в 300 верстах от г. Красноярска. В приходе 4 деревни: Ивановка в 4 верстах, Сорокина в 8 верстах, Талкина в 7 верстах, Кинжир в 20 верстах от села
Изындаевский Введенский, 1913 г.	ЦПП	В приходе 1 489 душ. Коренные сибиряки и переселенцы	С. Изындаевское находится в 289,1 верстах от г. Красноярска
Изынжульский Николаевский, 1814 г.	ЦПП	В приходе 5 738 душ православных, 3 дома европейцев. Старожилы и переселенцы из разных губерний. Занимаются хлебопашеством	С. Изынжульское (Николаевское и Медведское) находится в 231 версте от г. Красноярска. В приходе 6 деревень: Сахапта в 15 верстах, Жгутова в 3 верстах, Сериул в 12 верстах, Усть-Березовка в 15 верстах, Верхне-Березовка в 12 верстах, Мариинская в 8 верстах от села
Корниловский Покровский, 1860	ЦПП	5 277 душ, все православные. Коренные сибиряки и переселенцы. Занимаются хлебопашеством и земледелием	С. Корниловское находится в 267 верстах от г. Красноярска. В приходе 6 деревень: Лакшина в 10 верстах, Касогол в 8 верстах, Сакла в 15 верстах, Михайловка в 17 верстах, Бело-Озерка в 10 верстах, Улус Монсар в 12 верстах от села
Мало-Улуйский Богородице-Казанский, 1870	ЦПП и при школе попечительство, «но средствами ни то, ни другое не богато»	1 245 православных, 80 домов католиков. Старожилы в селе Мало-Улуйском, в остальных деревнях переселенцы из Виленской, Гродненской и Минской губерний. Занимаются хлебопашеством, извозом и продажей дров	С. Мало-Улуйское в 186 верстах от г. Красноярска. В приходе три деревни: Голосопская в 5 верстах, Загорская в 6 верстах, Гарская в 10 верстах от села

1	2	3	4
Назаровский Троицкий, 1778	Богадельня	3 000 православных, 10 католиков, 15 евреев. Старожилы. Занимаются извозом, земледелием, рыболовством	С. Назаровское находится в 196 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Дорохова в 8 верстах от села
Никольский Николаевский, начало XIX в.	ЦПП	Всего 2685 душ, все православные. Коренные сибиряки и часть переселенцев	С. Никольское находится в 280 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Дубинина в 3 верстах от села
Ольховский Троицкий, 1915 г., выделен из прихода Черноречинского и состоит из с. Ольховского (основано в 1911-1912 гг.)	ЦПП, попечительный совет о семьях запасных, Отдел Комитета КК, отдел Комитета Вел. кн. Татьяны Николаевны о беженцах. Общество трезвости. Капиталов причтовых и церковных не имеется	1 160 душ, все православные, Исключительно переселенцы из Черниговской, Витебской, Могилевской, Пермской, Оренбургской губерний	С. Ольховское находится в 160 верстах от г. Красноярска. В приходе 2 деревни: Усть-Ольховская (1909 г.) в 6 верстах и Конторинская (1909 г.) в 8 верстах от села
Подсосенский Богоявленский, XVIII в.	ЦПП.	3 381 душа православных. Старожилы, но имеются и переселенцы из губерний: Могилевской, Черниговской, Полтавской. Занимаются хлебопашеством	С. Подсосненское находится в 255 м от г. Красноярска. В приходе 5 деревень: Тойлук в 3 верстах, Селедкова в 7 верстах, Борсук в 6 верстах, Скоробогатова в 15 верстах, Сосновка в 25 верстах от села
Скрипичниковский Михаило-Архангельский, 1880	ЦПП	В приходе 4 329 душ, из них 11 иноверцев, 9 раскольников австрийского согласия, 27 сектантов поморского согласия. Сибиряки и переселенцы	С. Скрипичниковское находится в 272 верстах от г. Красноярска. В приходе 5 деревень: Ново-Курская в 5, Ново-Алтатская в 7 верстах, Ильинка в 8 верстах, Казанка в 20 верстах, Старо-Урюпская в 5 верстах от села

1	2	3	4
Солгонский Троицкий, 1856	ЦПП	2 836 душ, все православные, кроме 6 евреев и 2 католиков	С. Солгон находится от г. Красноярска в 257 верстах. В приходе одна деревня Тарханка в 10 верстах от села
Сосновский Покровский, 1913; выделен из Кольцовского прихода	ЦПП открыто, но пока себя ничем не проявило	2 012 чел., все православные. Все – переселенцы из Полтавской, Курской, Орловской и Рязанской губерний. Занимаются хлебопашеством	С. Сосновское находится в 240 верстах от г. Красноярска. В приходе 3 деревни: Гляденская в 4 верстах, Ракитская в 8 верстах, Алексеевка в 8 верстах от села
Ужурский Петро-Павловский, конец XVIII в.	ЦПП.	Всего 5 902 души, из них 134 иноверцы, 7 инославных. Коренные сибиряки и частично переселенцы. Занимаются хлебопашеством и скотоводством	С. Ужурское находится в 306 верстах от г. Красноярска. В приходе 8 деревень: Кулунской в 4 верстах, Андроновой 25 верстах, Усть-Изыкчульской в 20 верстах, Баитатской в 18 верстах, Лопатинской в 20 верстах, Усть-Сосновской в 8 верстах, Васильевской 7 в 12 верстах, Столбинской в 12 верстах от села
Шарыповский Троицкий, конец XVIII в.	ЦПП и богадельня	6862 души, все православные, кроме 37 евреев. Коренные сибиряки и переселенцы. Занимаются хлебопашеством и скотоводством	С. Шарыповское находится в 350 верстах от г. Красноярска. В приходе 8 деревень: Кадат в 8 верстах, Темря в 12 верстах, Береж в 6 верстах, Шуш в 15 верстах, Глядень в 7 верстах, Линева в 16 верстах, Косонголь в 20 верстах, Ашпатская в 16 верстах
г. Минусинск и Минусинский уезд			
Приход Градо-Минусинского Спасского Собора, 1779 г.	ЦПП	В приходе 4 264 души, все православные, кроме 220 иноверцев, 8 баптистов, 154 раскольников. Занимаются хлебопашеством, торговлей в базарные дни, имеются мещане, шубники, пимокаты, кожевники	-

1	2	3	4
Приход Градо-Минусинской Вознесенской церкви, 1913 г. Выделился из приходов Соборной и Троицкого	ЦПП открыто в 1914 г.	3144 душа, из них 2847 православных, 256 старообрядцев, 23 баптиста, 18 евреев. Занимаются выделкой овчин, приготовлением пимов, шуб, торговлей, извозом, посадкой арбузов и хлебопашеством	В приход входят часть г. Минусинска, деревня Коршакова в 15 верстах и заимки: Ключинская в 18 верстах, Широковская в 20 верстах, Каныгинская в 25 верстах, Барнаульская в 16 верстах от г. Минусинска
Абаканский Вознесенский, конец XVII в.	ЦПП	В приходе 5788 православных, 22 католика, 7 лютеран, 1 еврей. Коренные сибиряки, казаки и переселенцы из губерний: Черниговской, Полтавской, Киевской, Витебской. Занимаются земледелием и скотоводством	С. Абаканское находится в 400 верстах от г. Красноярска. В приходе 8 деревень: Бузунова, Сорокино, Биря, Сыда, Усть-Сыда, Абакано-Перевозная, Моисеевка, Бородина на расстоянии от 5 до 25 верст от села
Аскызский Петропавловский, 1770 г.; образовался самостоятельно	ЦПП и ПС	Все население состоит из коренных жителей, инородцев, которых считается 3 093 мужского пола и 2 930 женского пола. Кроме того, русских православных 9 мужского пола и 10 женского пола	С. Аскызское находится в 620 верст от г. Красноярска. В приходе числится 70 улусов, отдаленных от села на расстояние от 2 до 50 верст
Бейский (до 1831 г. Бийский) Покровский, 1814 г.	ЦПП	2964 души, все православные. Жители произошли от инородцев-татар, русских ссыльнопоселенцев и добровольных переселенцев из Орловской и Воронежской губерний. Занимаются земледелием и скотоводством	С. Бейского находится в 640 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Уты в 9 верстах от села
Ермаковский, 1856 г.	ЦПП	4181, все православные. Большинство – коренные сибиряки. Занимаются хлебопашеством и скотоводством	С. Ермаковское находится в 575 верстах от г. Красноярска. В приходе 3 деревни: Никольская в 5 верстах, Нижне-Суэтуковская в 7 верстах, Крестики в 10 верстах от села
Кавказский, 1825 г.	ЦПП	2627 душ, все православные, кроме 18 евреев, 110 католиков, 41 раскольник австрийского толка, 66 баптистов. Коренные сибиряки и переселенцы из европейской части России. Занимаются хлебопашеством и скотоводством	С. Кавказское находится в 495 от г. Красноярска. В приходе 4 деревни: Листвягова в 18 верстах, Ново-Ивановка в 3 верстах, Ново-Александровка в 12 верстах, Строганова в 10 верстах от села

1	2	3	4
Казанцевский, 1868 г., выделен из Шушенского прихода	ЦПП	3 722 души, из них 3691 православные, 4 католика, 6 раскольников-стариковцев, 21 баптист	С. Казанцевское находится в 550 верстах от г. Красноярск. В приходе 5 деревень: Жеблахты в 17 верстах, Козлова в 3 верстах, Чихачева в 1,5 верстах, Оя в 5 верстах, Коя в 8 верстах
Каптыревский, 1857 г. Выделился из Шушенского прихода	ЦПП	3 646, все православные, кроме 6 католиков, 21 лютеран, 27 баптистов. Крестьяне. Занимаются земледелием и скотоводством	С. Каптыревское находится в 575 верстах от г. Красноярск. В приходе 2 деревни: Ново-Покровская в 8 верстах, Иджинская в 10 верстах от села
Комский Покровский приход открыт в 1855 г. Выделился из Анашенского прихода	ЦПП	3 465 душ, все православные. Одна третья часть – переселенцы. Занимаются земледелием и скотоводством	С. Комское находится в 200 верстах от г. Красноярск. В приходе 4 деревни: Кульчек в 22 верстах, Безкишь в 15 верстах, Черно-Комка в 12 верстах, Ивановка в 12 верстах от села
Кочергинский Вознесенский, 1857. Выделился из Тесинского прихода	ЦПП	7 419 душ, из них 6 246 православных, 2 католика, 1 лютеран, 1 170 раскольников. Коренные сибиряки и переселенцы. Коренные сибиряки и переселенцы. Занимаются хлебопашеством, есть 2 крупчатых завода	С. Кочергинское находится в 570 верстах от г. Красноярск. В приходе 5 деревень: Шошина в 2 верстах, Жерлык в 8 верстах, Мурино в 7 верстах, Белый Яр в 12 верстах, Таскина в 15 верстах от села
Курагинский Спасский образовался самостоятельно в конце конец XVII – начале XVIII в.	Курагинское волостное попечительство о солдатских семьях. Отделение Общества Красного Креста. Участковый Комитет по оказанию помощи солдаткам и их семьям	2 692 почти все православные, кроме 5 католиков, 10 раскольников. Старожилы и часть переселенцев. Занимаются земледелием, есть ремесленники, отправляют хлеб по реке тубе в Красноярск и Енисейск	С. Курагинское находится в 550 верстах от г. Красноярск. В приходе две заимки: Назарова (11 дворов) в 17 верстах и Рожкеева (2 дома) в 7 верстах от села
Куржский Покровский приход, 1607 г. Выделился из прихода Идринской Георгиевской	ЦПП Попечительный Совет Общество трезвости	2176 душ, из них 1939 православных, 3 католика, 134 раскольника. Занимаются земледелием, сельским хозяйством	С. Куржское находится в 485 верстах от г. Красноярск. В приходе одна деревня Метихова (Байтак) в 9 верстах от села

1	2	3	4
церкви			
Мигнинский приход выделен из прихода Ермаковской церкви в 1910 г.	ЦПП	2 088 душ, все православные, кроме 52 баптистов. Коренные сибиряки. Занимаются хлебопашеством и скотоводством	С. Мигнинское находится от г. Красноярска в 593 верстах. В приходе одна деревня Ново-Троицкая в 5 верстах от села
Новоселовский Петро-Павловский открыт приблизительно в 1802 г.	ЦПП и богадельня	3 132 души. Коренные сибиряки и незначительное число ссыльных переселенцев. Занимаются сельским хозяйством	С. Новоселовское находится в 250 верстах от г. Красноярска. В приходе 7 деревень: Трифонова, Янова, Кокорева, Аешка, Мало-Тумненская, Легостаева, Старая. Расстояние этих деревень от села не превышает 25 верст
Разъезженский Вознесенский приход. Выделен в 1902 г. из Ермаковского прихода	ЦПП	1534 души, из них 1499 православных, 31 католик. Переселенцы из Вятской, Казанской и других губерний. Занимаются земледелием, охотой, добычей орехов, сплавом леса и дров в Минусинск по реке Ое	с. Разъезженское находится в 600 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Листвянка в 5 верстах от села
Сабинский Петро-Павловский, примерно в первой половине XIX в.	ЦПП	4840 душ, из них 4808 православных, 32 баптиста. Занимаются хлебопашеством, осенью охотой и сбором кедрового ореха	С. Сабинское находится в в 625 верстах от г. Красноярска. В приходе 7 деревень: Кальская, Означенская, Богословка, Новокурская, Николаевка, Красно-Озерская, Троицкая. Все деревни расположены на расстоянии от 5 до 17 верст от села
Салбинский Михаило-Архангельский приход открыт в 1901 г., выделен из приходов Отрокской и Идринской церквей	ЦПП	3973 души, из них 3338 душ православных, 410 австрийского толка, 200 беспоповцев, 25 беглопоповцев. Занимаются хлебопашеством и скотоводством	С. Салбинское находится в 590 верстах от г. Красноярска. В приходе 5 деревень: Спасо-Преображенская, Галактионова, Салбино-Кайбальская, Мало-Курежская, Ново-Покровская. Все деревни расположены на расстоянии от 4 до 15 верст от села

1	2	3	4
Сисимский Троицкий приход открыт в 1857 г.	ЦПП открыто 3 ноября 1914 г.	1411 душ, все православные. Крестьяне-старожилы. Занимаются земледелием, охотой, рыбной ловлей в реке Сисим, весной сплавляют в Красноярск муку, хлеб	С. Сисим находится в 170 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Корякова в 3 верстах от села
Субботинский Казанский приход выделился из Шушенского прихода (примерно во второй половине XIX в.)	ЦПП ППС	3675 человек, все православные, кроме 70 раскольников и сектантов. Занимаются земледелием, бондарным делом, выбойкой постного масла, выработкой холста, имеются колесные мастерские	С. Субботинское находится в 585 верстах от г. Красноярска. В приходе две деревни: Средне-Шушенская в четырех верстах, Вознесенская в 10 верстах от села
Табатский Свято-Духовский приход открыт в 1908 г., выделился из прихода с. Бейского	ЦПП открыто в 1909 г. занято исключительно изысканием средств на постройку нового храма	1653 души, все православные. Старожилы, обрусевшие инородцы и переселенцы из Черниговской и Тамбовской губерний. Занимаются хлебопашеством, скотоводством, охотой, мараловодством, пчеловодством	С. Табитское находится в 620 верстах от г. Красноярска
Таштыпский Христорождественский приход открыт в 1883 г. Выделился из прихода Аскызской Петро-Павловской церкви	ЦПП, 1907 г.	Жителей в приходе 2809 человек, 2609 православных, 4 инославных, 6 раскольников, 9 сектантов молокан-воскресников. Казаки и крестьяне. Занимаются хлебопашеством и скотоводством. Много безработных	С. Таштыпское находится в 700 верстах от г. Красноярска. В приходе три деревни: Имек в 4 верстах, Арбаты в 35 верстах, Абаканско-Заводская в 25 верстах от села
Тесинский Богородице-Казанский приход открыт в 1805 г.	ЦПП основано с 1 июня 1914 г.	3400 душ, 4 семьи сектантов евангелических христиан-баптистов. Большая часть коренные сибиряки, остальные – переселенцы. Занимаются земледелием и скотоводством	С. Тесь находится в 550 верстах от г. Красноярска. В приход входят 2 деревни: Большая Иня в 12 верстах, Малая Иня в 7 верстах от села
Тигрицкий Митрофаньевский, 1852 г.	Богадельня	2812 души, из них 12 католиков, 102 старообрядца-беспоповца. Много переселенцев из разных российских губерний. Занимаются хлебопашеством, выделкой саней, колес, мелкой торговлей. Поселенцы, пьянство	С. Тигрицкое находится в 555 верстах от г. Красноярска. В приходе одна деревня Ново-Рождественская в 12 верстах от села

1	2	3	4
Шалаболинский Троицкий, 1852 г. Выделен из Курагинского прихода частью из Кавказского	ЦПП	5627 душ, из них 5558 православных, 16 католиков, 23 еврея, 30 раскольников австрийцев. Старожилы, новоселы, ссыльные. Занимаются хлебопашеством, скотоводством	С. Шалаболинское находится в 525 верстах от г. Красноярск. В приходе 4 деревни: Курганчиковская в 5 верстах, Ильинка в 10 верстах, Алексеевка в 12 верстах, Джирим верстах от села
г. Енисейск и Енисейский уезд			
Приход Градо-Енисейского Богоявленского собора открыт приблизительно в 1690 г.	Приход Градо-Енисейского Богоявленского собора открыт приблизительно в 1690 г.	Приход Градо-Енисейского Богоявленского собора открыт приблизительно в 1690 г.	Приход Градо-Енисейского Богоявленского собора открыт приблизительно в 1690 г.
Бельский Благовещенский приход открыт в начале XVII в.	ЦПП Об-во трезвости	1 444 души. Ссыльные каторжане, коренные сибиряки, уголовные и политические ссыльные. Занимаются земледелием, пчеловодством, охотой	С. Бельское находится в 433 верстах от г. Красноярск. В приходе 3 деревни: Троицкая в 10 верстах, Селиванова в 10 верстах, Тихонова в 17 верстах от села
Мокрушинский Николаевский существует с 1783 г.	В 1914 г. открылось ЦПП	1 578 душ, все православные, кроме 14 душ иноверцев, католиков, магометан и евреев. Преимущественно крестьяне-сибиряки, несколько домов переселенцев и ссыльнопоселенцев. Занимаются хлебопашеством и ямщиной	С. Мокрушинское находится в 181 верстах от г. Красноярск. В приходе 6 деревень: Головская, Березинская, Велимовская, Мало-Яланская, Торожинская, Заливская. Ближайшая к селу деревня находится в 3 верстах, самая отдаленная – в 18 верстах
Назимовский Богородице-Казанский приход открыт неизвестно когда	Попечительный Совет о помощи раненым воинам и семьям воинов. Учрежден 5 октября 1914 г.	1 373 человека, все православные, кроме 2 ссыльных католиков. Коренные сибиряки и отчасти ссыльные. Занимаются рыбной ловлей, пушным и извозным промыслом	С. Низимовское находится в 507 верстах от г. Красноярск. Приход состоит из села Колмогоровского в 42 верстах и деревень: Сергеева в 20 верстах, Пономарева в 24 верстах, Остятская в 50 верстах, Савина в 52 верстах от с. Назимовское
Рождественский Николаевский, начало XVIII в.	Приходское братство	2 000 душ. Занимаются хлебопашеством	-

1	2	3	4
Усть-Кемский Спасский приход открыт неизвестно когда	Приходское попечительство о семьях воинов, взятых по мобилизации 1914 г. Открыто 23 октября 1914 г.	1140 душ, все православные. Коренные сибиряки, кроме деревни Комарово, где проживают переселенцы из Вятской губернии. Занимаются поставкой сена и дров в Енисейск, изготовлением посуды из березовой коры, золотопромышленностью	С. Усть-Кемское находится в 347 верстах от г. Красноярска. В приходе 8 деревень: Шадрина, Комары, Паршина, Погадаева, Баженова, Черминина, Подтесова, Чупрова. Все деревни расположены на расстоянии от 2 до 30 верст от села
Усть-Питский Христорождественский приход, предположительно в конце XVIII в.	Попечительный Совет о больных и раненых воинах и семьях лиц, призванных на войну. Богадельня в с. Анцыферовском	1004 душ, все православные, кроме 4 католиков и 1 лютеранина. Ссылнопоселенцы и коренные сибиряки	С. Усть-Питское находится в 419 верстах от г. Красноярска. В приходе три деревни: Михалева в 11 верстах, Гурина в 9 верстах, Усть-Пит в 6 верстах от села
Чалбышевский Знаменский приход открыт не позднее первой половины VIII в.	ЦПП открыто в 1907 г.	2221 душа	С. Чалбышевское находится в 400 верстах от г. Красноярска. В приходе 5 деревень Подгорная, Масленникова, Шадрина, Лукоянова, Тархова, и выселок Посадная
Яланский Сретенский приход открыт в 1831 г.	ЦПП открыто в 1914 г. Приходское попечительство о семьях воинов	2 357 человек, все православные. Крестьяне, большинство старожилы, поселенцы и (временно) политические ссыльные. Занимаются пашней и извозом	С. Яланское находится в 90 верстах от г. Енисейска. Приход состоит из с. Плодбищенское в 15 верстах от г. Енисейска, дер. Жаркова в 1 версте от с. Плодбищенское, Мордовская в 3 верстах от с. Яланское, Мало-Бельская в 15 верстах, Марильская, Черкасская в 12 верстах, Под-Яланская в 3 верстах, Рыбная 25 верстах от с. Марильская

Окончание таблицы

1	2	3	4
Ярцевский Благовещенский открыт неизвестно когда	ЦПП с 1902 г.	822 души. Коренные сибиряки. Занимаются сельским хозяйством, охотой, рыбной ловлей, ямщиной, а также рубкой леса для Сибирского Акционерного Общества	С. Ярцевское находится в 600 верстах от г. Красноярска. В приходе 3 деревни: Серебренникова (Фомка) в 32 верстах, Нижне-Шадрина (Суковатка) в 44 верстах, Никулина в 40 верстах от села

Источник: Краткое описание приходов Енисейской епархии. Репринтное воспроизведение издания 1916 года. — Красноярск, 1995. — С. 10–236.

*Источники: Извлечение из Всеподданейшего отчета обер-прокурора Св. Синода графа Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1870 г. – СПб., 1871. – Вед. № 7. – С. 39–44; Извлечение из Всеподданейшего отчета ... за 1875 г. – СПб., 1876. – Вед. № 7. – С. 40–41; Извлечение из Всеподданейшего отчета обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1880 г. – СПб., 1882. – Вед. № 7. – С. 39–44; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по Ведомству православного исповедания за 1885 год. – СПб., 1887. – Прил. 7. – С. 41–45; Всеподданнейший отчет ... за 1890 и 1891 годы. – СПб., 1893. – Прил. 8. – С. 38–40; Всеподданнейший отчет ... за 1894 и 1895 годы. – СПб., 1898. – Прил. № 8. – С. 107–111; Всеподданнейший отчет ... за 1901 год. – СПб., 1905. – Прил. № 15. – С. 43–47; Всеподданнейший отчет ... за 1905–1907 годы. – СПб., 1910. – Прил. № 29. – С. 87–91; Всеподданнейший отчет ... за 1910 год. – СПб., 1913. – Прил. № 7. – С. 17–21; Всеподданнейший отчет ... за 1914 год. – СПб., 1916. – Прил. № 8. – С. 19–23.

**Постановление Совета Министров об утверждении Положения
о Сибирском военно-благотворительном
комитете имени Верховного правителя адмирала Колчака.**

г. Омск

1 апреля 1919 г.

Совет Министров постановил: утвердить прилагаемое постановление о Сибирском военно-благотворительном комитете имени Верховного правителя адмирала Колчака.

Председатель Совета Министров Петр Вологодский
Управляющий делами Верховного правителя и Совета Министров Г. Тельберг

П О Л О Ж Е Н И Е

О Сибирском военно-благотворительном комитете имени Верховного правителя адмирала Колчака

1. Сибирский военно-благотворительный комитет имени Верховного правителя адмирала Колчака учреждается в целях содействия Верховному правителю в деле обеспечения судьбы лиц, утративших в борьбе с большевиками сполна или частично трудоспособность вследствие увечья, ран и расстройства здоровья, происшедших во время пребывания их в действующей армии, а в случае их смерти – для попечения о членах их семейств, находящихся на их иждивении.

ПРИМЕЧАНИЕ: Лицами, о коих должен иметь попечение комитет, признаются: офицеры, военные и военно-морские чиновники, военное и морское духовенство, фельдшеры и санитары, кондукторы флота, добровольцы, солдаты, матросы, а равно и все вольнонаемные служащие в строевых частях, штабах и учреждениях военного и морского ведомства. Комитете находится под высшим руководством Верховного правителя и состоит из: а) действительных членов,

коими являются Министры: военный, морской, внутренних дел, управляющий делами Верховного правителя и Совета Министров, главноуполномоченный управления Красного креста, а также лиц, назначаемых Верховным правителем, б) членов-соревнователей, избираемых комитетом и утверждаемых Верховным правителем из лиц, оказавших особые услуги комитету в осуществлении их задач, на него сим положением возложенных.

2. Члены комитета выполняют свои обязанности безвозмездно.

3. Председательствует в заседаниях комитета один из членов комитета по избранию Верховного правителя.

4. Министры могут поручать своим помощникам и товарищам, а также директорам департаментов заменять их в заседаниях комитета.

5. Все решения комитета поступают через председательствующего на утверждение Верховного правителя.

6. Комитет и его отделы подчиняются ревизии государственного контроля на общих основаниях, причем на равных с Министрами правах в заседаниях комитета может быть привлекаем государственный контролер.

7. На комитет возлагается: а) заведывание и распоряжение всеми денежными средствами, поступающими в комитет;

б) прием пожертвований, предназначенных на помощь пострадавшим на войне за возрождение России и их семьям и хранение всех денежных сумм, поступивших в фонд комитета;

в) выяснение наиболее целесообразных способов помощи как самим пострадавшим, так и лицам, состоящим на их иждивении;

г) устройство судьбы как самих пострадавших, так и состоявших на их иждивении путем назначения пенсий, выдачи пособий, обучения общепольным профессиям и другими способами.

9. Комитет может организовать местные отделы для наиболее успешного выполнения задач комитета на местах; состав, деятельность, права и обязанности местных организаций определяются комитетом.

10. Комитет освобождается от гербового сбора по всем делам и, кроме того, ему предоставляются права: а) бесплатной рассылки всех видов почтовой корреспонденции;

б) производства повсеместно сборов и, в частности, кружечных сборов, устройство лотерей, зрелищ, увеселений и т. п. в пользу фонда комитета.

11. Делопроизводство по комитету возлагается на канцелярию Верховного правителя.

12. Комитету присваивается особая печать.

Управляющий делами Верховного правителя и
Совета Министров *Г. Тельберг*

Верно:

зав. делопр[оизводств]ом В. Владыкин

ГАРФ. Ф. 3850. Оп. 1. Д. 12. Л. 59-59об. Подлинник. Машинопись.